КОНСТАНТИН
ЗУБОВ
БЕЗОПАСНЫЙ
УРОВЕНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Три мира, три защищающих от радиации купола. Двести лет после войны, почти уничтожившей человечество. Время одного из миров заканчивается. Некоторые готовятся покинуть дома, чтобы начать всё заново в другой реальности. Другие — ждут Армагеддон с нетерпением. Сергей предпочитает безопасный уровень, ему почти не угрожают маньяки, церберы и оборотни. Тогда почему вокруг стрельба и взрывы? Кто управляет шоу и как устроен мир на самом деле? Сергею предстоит измениться, чтобы найти ответы…

- Безопасный уровень
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29

- Глава 30
- Эпилог 1
- Эпилог 2/Пролог

Безопасный уровень

Пролог

Когда свет фар разорвал внутреннее пространство склада, я нажал на тормоз и, не дожидаясь остановки, выпрыгнул из машины. Едва успел сгруппироваться и коснуться земли, как услышал сзади грохот: джип, наконец, догнал и протаранил Форд.

Прыгун из меня оказался хреновый, кровь широкой струей текла из рассеченного лба, заливая глаза и капая с подбородка. Левая рука висела плетью, а правую ногу в колене словно проткнули раскаленным штырем, я практически волок ее, пытаясь скрыться в глубине помещения. Пистолет улетел куда-то во тьму.

Шаг, подтянуть ногу… Сзади хлопает дверь… Быстрее! Еще шаг, подтянуть ногу… На землю ложатся длинные тени преследователей… БЫСТРЕЕ! Еще! Не забываем подтянуть ногу… Они все ближе… Еще. Чёрт!.. Я падаю и перекатываюсь на спину. Странно. А умирать почти не страшно. Я очень устал и просто хочу избавиться от боли, которая, пульсируя, разрастается ото лба к затылку. Рядом брошенный и давно забытый мешок с цементом. Подползаю, кладу на него голову — удобно.

В свете фар в клубах оседающей пыли приближаются два силуэта.

Вот и все, а ведь еще несколько дней назад я жил совсем другой жизнью…

Глава 1

Над окраиной Нижнего города показался вертолет. Лишь красные габаритные огни не позволяли черному силуэту слиться с вечерним небом. Звуки выстрелов едва доносились до нас.

Я сильнее прижал к себе супругу и посмотрел на браслет: до выполнения плана оставалось пять минут. Пришло время рекламировать утепленный плед.

— Какой чудесный вечер, — прошептала Ира. Ее голова коснулась моего плеча.

— Да, хоть и холодновато.

Как там выглядит внезапное озарение? Глаза пошире, брови повыше, поехали.

— Кстати! Я тут видел по второму, оказывается, все наемники используют одеяло фирмы «Семен и Ко». Говорят, завернувшись в него, даже зимой можно спать на голой земле.

— Правда? — Ира всегда хорошо играла удивление, но сейчас превзошла себя. Она немного отстранилась, а ее глаза светились неподдельным интересом. — Вот бы нам такой! Но он, наверное, стоит кучу баллов?

— Вовсе нет! — воскликнул я. — Это разработка для гражданских, просто она оказалась такой удачной, что теперь ее используют все.

— Тогда возьмем обязательно! Этой зимой обещали холода.

Вертолет загорелся и спикировал вниз. Интересно, это постановочное падение или его реально сбили?

Очертания домов проступили в яркой вспышке, и донесся отдаленный звук взрыва. Похоже, сбили. Не каждый наемник, даже с хорошей подготовкой, успел бы спастись.

Мимо, жужжа электродвигателем, проехала машина. Фары осветили забор, и его зубчатая тень разрезала лужайку. А я, словно загипнотизированный, смотрел, как освещенный догорающими остатками вертолета столб густого черного дыма, клубясь, поднимается в небо.

Порыв ветра сорвал с полуголых веток несколько сухих листков и заставил меня поежиться. Может, и стоит выкупить утепленный плед, когда срок ознакомительного пользования закончится.

Осталось меньше минуты: пора сворачиваться.

— Как все-таки хорошо жить в частном секторе, вдали от опасности, — я рукой обвел наши скромные владения: лужайку с потемневшей травой, деревья и три небольшие теплицы.

— А ты закрыл калитку, милый?

— Ты что, забыла? В прошлом месяце я установил замки от «Надежного дома» — они закрываются сами.

— Ой, совсем вылетело из головы, — Ира засмеялась и поцеловала меня. — Пойдем в дом?

Время вечернего промо вышло.

— Конечно.

Я сделал шаг к входной двери, но краем глаза успел заметить огненный след метеорита, летящего вниз почти вертикально. Похоже, он упадет неподалеку от вертолета. Кто-то из того района сегодня заработает кучу баллов. Если выживет.

Закрытая дверь отделила нас от городской суеты, а дом окутал теплом. Запах запекающейся в духовке свинины и картошки заставил заурчать живот. Ира разделась и пошла на кухню, а я задержался у зеркала, пытаясь разглядеть через рубашку, есть ли хоть какие-то результаты от двухнедельных занятий спортом.

— Пора за стол, — слова Иры сопровождал стук тарелок и звон бокалов.

Никогда не отличал на вкус мясо «Любимова» от «Свининова» и отдавал первому предпочтение только из-за цены. Но такое же не скажешь на камеру?

Так, поправить одежду, сделать счастливое лицо. Готово! Глубокий вдох. Пора.

— О, любимое от Любимова!

Ира как раз доставала жаркое из духовки и улыбнулась, а Софья схватила недоеденный бутерброд и выскочила из-за стола. Злой взгляд и быстрый топот каблуков по лестнице не оставлял сомнений: она с нами ужинать не будет. Хлопок двери это подтвердил.

— Приветствуем всех тех, кто выбрал наш канал для вечернего просмотра, — вещал жизнерадостный ведущий в черном костюме. — У вас осталось две минуты, чтобы сделать ставки! Сумеет ли юная Алина выбраться из запертого подвала? Выйдут ли ее родители из смертоносного лабиринта? Или легендарный Хеллоуинский маньяк снова получит свое и уйдет от полиции?

— Что тебя опять на ужасы потянуло? — спросил я, раздумывая, стоит ли задержаться или сразу пойти спать. Ира, теперь одетая лишь в бордовый пеньюар с кружевными оборками, подогнула ноги и освободила место на диване. — Классно выглядишь, кстати. Новое белье?

— Да какое новое, милый, — она откинула черные волосы за спину, — рылась в старых вещах и нашла.

В свои тридцать два она действительно классно выглядела, а сейчас соблазнительная поза и полумрак комнаты превращал ее в ту юную девушку, с которой я познакомился шестнадцать лет назад.

Экран мерцал, отбрасывая блики и подчеркивая изящный профиль Иры, ее тонкие губы, чуть раскосые глаза и красивую шею. Она приподнялась с дивана и взяла бокал. На треть опустошенная бутылка вина стояла на столике. Ничего себе! Это же «Экспортное» из Синего мира. Я забыл какую-то праздничную дату? Супруга перехватила мой взгляд и улыбнулась.

— Моника подарила, — довольно сказала она и, сделав небольшой глоток, закатила глаза. Если бы я не знал, что нет заказа на рекламу, то подумал бы, что она переигрывает. — Попробуй, очень вкусно!

Я наполнил бокал и пригубил. Ничего особенного, учитывая, сколько баллов оно стоит.

— Отличное вино. Поставила на кого-нибудь?

— Да, на маньяка… Он последний не пойманный из хэллоуинских, и мне кажется, его оставят в живых, чтобы вывести в Конце Цикла.

22:30, шоу будет идти еще сорок пять минут. Я не хотел смотреть, как погибнет не рассчитавшая свои силы при выборе уровня сложности и рискнувшая ребенком семья.

— Ты не возражаешь, если я пойду спать?

— Конечно, нет, дорогой, отдыхай.

Уже в дверях я осознал, что ни во время ужина, ни после мы не говорили о Софье:

— Как дочурка?

— Да как обычно. — ответила Ира не оборачиваясь. На экране как раз показывали девочку лет двенадцати в темном пустом подвале. — Школа, мальчики, уроки, непонимающие родители.

Да, все как обычно, кроме мальчиков. Должно быть, Ира пошутила.

Сказывалась утренняя нагрузка, и ноги дрожали, когда я поднимался по ступенькам.

Бордовый пеньюар жены намекал на интересное продолжение вечера, но ждать еще почти целый час… Можно, конечно, вернуться и предложить переключить канал на эро-шоу из Синего мира… Нет. Завтра.

Я закрыл дверь как раз вовремя, для того чтобы приглушить крик, раздавшийся из телевизора.

Сквозь плотную ткань занавесок едва пробивались первые

лучи позднего ноябрьского солнца. Я проснулся от холода и посмотрел на часы: до рекламного блока оставалось пять минут. Перекатился на правый бок, думая прижаться к теплому телу супруги, но ее половина кровати пустовала.

Я закрыл глаза и, натянув одеяло до подбородка, наслаждался последними минутами тишины.

Потолок включился ровно в 8:00. Счастливые голоса наполнили комнату, они наперебой вещали про растворимые завтраки «Лесуик», их чудесный вкус, бесконечную пользу и простоту приготовления. Все, кроме последнего, было враньем. Я повернулся к объективу. Искусственный интеллект просчитал уровень искренности моей улыбки и дал три балла — совсем не плохо, учитывая раздражающий грохот в ушах и слепящее мелькание картинки.

Я откинул одеяло и сел. Дрожь пробрала с пяток до плеч, когда ступни коснулись холодного пола. До выполнения утреннего норматива по прослушиванию рекламы оставалось восемнадцать минут. Пора приступать к зарядке!

Махи руками, наклоны и прыжки дались легко. Приседания труднее, но проще, чем вчера. С отжиманиями дела обстояли хуже всего. Отрывая грудь от пола в двадцатый раз и видя, как капли пота, собравшись в струйку, падают на ламинат, я судорожно пытался вспомнить, кто вообще надоумил меня начать делать упражнения. И не смог. Просто в один из серых октябрьских дней голос в голове прошептал: «*Завтра с утра начинай заниматься спортом*». И я начал.

Рекламный блок закончился. Я не доделал отжимание и, кряхтя, поднялся. Настроение улучшилось, и, напевая мелодию из рекламы, я пошел в ванную.

По результатам утренних процедур десять баллов упали на счет.

Зайдя на кухню (повезло: сегодня будем рекламировать «Хезуки»), я поприветствовал Иру и Софью. Девочки ожидаемо среагировали на мое появление по-разному. Жена, в белом домашнем халате, уже успела накраситься и явно обрадовалась — ее губы коснулись моей щеки, а рука, к удивлению, хлопнула пониже спины. А вот дочь, едва не уронив стул, резко встала, швырнула ложку в чуть тронутый завтрак и быстрыми шагами направилась к двери.

— Может, доешь все-таки?

— Доешь сам, — Софья суетливо надевала куртку, — и не забывай хвалить!

Дверь за ней захлопнулась.

Я подошел к окну и отодвинул легкую голубую занавеску.

Софья как раз выходила за калитку. Лучи восходящего солнца отражались от ее белой короткой куртки, а ветер развевал длинные русые волосы. Вот тебе и хорошее утро.

Рука Иры легла мне на плечо.

— Просто переходный возраст, — голос супруги был тихим.

— Да, — сказал я так же тихо.

Мы оба знали, что это неправда.

— Позавтракаем? — после небольшой паузы уже громче предложила Ира.

Я обернулся к столу, на котором сиротливо стояла тарелка.

— Включай.

Ира нажала кнопку на пульте, направив его на кухонную камеру, та зажужжала, взлетела и, вращая во все стороны объективами, зависла в метре над столом. Я сделал шаг вперед.

— Ну раз моя упрямая дочь отказалась, — объективы камеры сфокусировались на мне и тарелке, — то я с удовольствием доем за ней! «Хезуки» с утра — что может быть лучше?

Мы заканчивали завтрак в лучших традициях рекламных роликов: улыбки в камеру и друг другу, хвалебные речи то одному, то другому блюду. Ира сделала дополнительный акцент на новом наборе ножей и отлично работающей посудомоечной машине (откровенно говоря, достаточно паршивой). Чтобы мое поведение более-менее соответствовало словам, я запрятал мысли о Софье на задворки сознания и старался думать о новой газонокосилке, которую собирался купить на одной из распродаж, приуроченных к Концу Цикла.

После мы пили кофе «Премио» с «ярким насыщенным ароматом» и смотрели ролики из Красного мира, супруга что-то печатала на браслете, сосредоточенно морща лоб.

— С Викторией переписываюсь, — пояснила она, поймав мой взгляд. — Кстати, завтра заскочишь к ней?

— Опять?

— Ты же не откажешь своей любимой жене? — Ира подмигнула и коснулась пальцами моей ладони.

— Какие сантименты на пятнадцатом году брака.

— Сереженька, то ли еще будет.

Она встала, из-под неплотно запахнутого халата на секунду показались кружевные розовые трусики, зашла мне за спину и наклонилась. Мягкие волосы, источая аромат свежих яблок, упали на мои плечи, а теплые руки скользнули под рубашку, двигаясь все ниже.

— Как насчет вспомнить молодость?

Губы Иры коснулись шеи, а от жаркого дыхания по телу

побежали мурашки.

— Сейчас?

— Сейчас и здесь, — она укусила меня за мочку уха.

Кто же от такого откажется? Любимая женщина просит ласки, за спонтанный секс на кухне накинут кучу очков, да и давненько не звучало от Иры подобных предложений. Я повернулся к ней и собирался поцеловать, но тут внимание привлекло движение за окном.

— Эй, мне кажется, сосед только что смотрел на нас, — пробормотал я, осторожно высвобождаясь, — как там его… Майк?

— Мэйсон, — прошептала Ира, продолжая натиск. — Пусть смотрит, это заводит!

— С каких пор? — удивился я.

Супруга не успела ответить — в дверь позвонили три раза подряд.

— Я открою, — она отстранила меня и, запахнув халат, пошла в прихожую, — а ты собирайся, скоро автобус.

Экран браслета подтвердил ее слова. Если выйти через шесть минут, можно будет пройти самым длинным маршрутом, и появится шанс побить личный рекорд по очкам в день.

— Расчет пути закончен, безопасные варианты выведены на дисплей, — навигационную программу озвучивал приятный женский голос. — Напоминаю, что при повышении уровня угрозы количество баллов за выполнение заданий увеличивается.

— Знаю.

Я изучал маршруты. Один был длиннее и содержал три ключевые точки. Расчетное время прибытия 9:52. С запасом! Я нажал кнопку подтверждения и вышел на улицу.

Облака скрыли едва поднявшееся над горизонтом солнце, а сильный ветер норовил проникнуть за шиворот. Иры во дворе не было, должно быть, ушла за дом. Я включил подогрев куртки и поспешил на остановку.

Мобильная камера № 32065 продолжает запись.

Место действия: двор дома семьи Фроловых.

Мужчина выходит за калитку и быстрым шагом идет вдоль дороги.

Камера перелетает дом и зависает над задним двором.

Изменение режима: запись для кабельного канала включена.

Женщина прижата спиной к внешней стене дома, ее халат распахнут, длинные черные волосы спадают на грудь, она стонет. Рядом лежат розовые трусики. Мужчина прижимается к ней всем

телом и тяжело дышит.

Датчики фиксируют возбуждение у обоих.

Женщина смотрит в объектив и улыбается.

Автобус подъехал по расписанию. К моему удовольствию, это был один из старых Мерседесов, которые еще не успели заменить перед Концом Цикла.

Я устроился в удобном кресле. Возможно, это моя последняя комфортная поездка до Нижнего города в Зеленом мире.

Двери закрылись, и автобус мягко тронулся. Свет в салоне погас и включился монитор, встроенный в спинку впередистоящего кресла; появился список программ для просмотра.

Так-с, мой палец завис в сантиметре от экрана: новости передавали во время завтрака; шоу — нет настроения; значит — музыка. Лучше ретро. Я ткнул в нужный пункт меню, откинулся на спинку и посмотрел в окно: город лежал передо мной как на ладони — идеально структурированный, прагматичный и красивый одновременно.

Готовый к разрушению.

Частный сектор, из которого мы как раз выезжали, был внешним жилым кольцом, ближе него к защитному куполу располагались только инфраструктурные объекты: промышленные производства, фермы, электростанции, а далеко на севере — аэропорт.

Внутренним жилым кольцом вокруг центра раскинулся Нижний город — основная часть мегаполиса, состоящий из четырех-, пятиэтажных домов, магазинов, больниц и всевозможных предприятий сферы обслуживания. Большинство небезопасных зон приходилось на эту часть Зеленого Мира.

В центре величественно возвышались пять изумрудных небоскребов — этакие големы, в которых создатель вложил всю свою силу, но ограничил их жизнь тридцатью годами. Глыбы из стали, стекла и бетона.

Я задумался и вздрогнул, когда прогремел взрыв. В пятистах метрах от автобуса расцвел огненный цветок — мы въезжали в Нижний город.

Хоть безопасность общественного транспорта и является одним из ключевых принципов в схеме МультиМирового устройства, атмосфера в салоне изменилась: несколько ребят взвели курки пистолетов, кто-то пересел поближе к выходу, а кто-то, как и я, согласно инструкции, пристегнулись и задернули окна шторками.

Я шел мимо разноцветных мигающих витрин и вывесок с одной стороны и немногочисленных проезжающих электромобилей с другой. Настроение стремительно ухудшалось: вернулись мысли о Софье.

Вечная проблема, на которой и стоят наши три мира, — выбор уровня сложности.

В молодости все мечтают жить ярко, пусть, возможно, и недолго, нежели уныло, но без риска. В отличие от дочери, я не понаслышке знал эту разницу: все мои родственники умерли до ее рождения.

Сейчас казалось очевидным, что стоило все в подробностях рассказать Софье раньше, а не ограничиваться перечислением фактов, что зря я тянул, придумывая все новые оправдания для отсрочки. Чего я боялся? Того, что дочь не поймет и не примет мои доводы? Или того, что так же, как и я сам, обвинит меня во всем случившемся и наши отношения еще больше ухудшатся? Так куда же хуже?

Я стоял на перекрестке, когда прогремел еще один взрыв. В конце улицы объятая пламенем машина взлетела в воздух, несколько раз перевернулась и упала на крышу. Ветер донес запах горящих покрышек. Загорелся зеленый сигнал, и я пошел дальше.

Браслет пиликнул, сообщая о заработанных десяти баллах. Маршрут безопасный, значит, до места взрыва не меньше четырехсот метров. Находись я ближе, чем в пятидесяти метрах, на пятом уровне, упало бы пятьсот. Но, возможно, вместе с осколком в живот или голову. И все. Шоу для меня бы закончилось, и не было бы больше ни пятого, ни третьего, ни даже безопасного уровня — только гроб, хорошо, если открытый.

Таких случаев сотни в день. Жадность, адреналин и юношеский максимализм — три основных пути в могилу.

Сверху послышался быстро нарастающий гул, я вскинул голову: похоже, опять метеорит. Не до конца опознанный объект прочертил огненную дугу и рухнул справа за дома. Стекла в витринах зазвенели, и в небо взметнулось большое облако пыли и осколков. Очевидно, с той стороны сегодня проходит маршрут пятого уровня. Машины пожарной и скорой помощи спешили к местам происшествий. Я пропустил их и перешел дорогу.

Первая ключевая точка — четырехметровый экран, зафиксированный на высоте человеческого роста. По счастью, он транслировал не скучную рекламу, а анонсировал рейтинговые шоу из Синего мира, самого нового из запущенных. Ему не было еще и десяти лет, многие шоу и программы там только набирали обороты. Смотря их, я часто испытывал ностальгию по годам юности, проведенным в Золотом мире.

Чтобы не мешать проходу, я примкнул к группе зрителей чуть в стороне от пешеходной дорожки.

— Террористы захватили небоскреб в центре города, — вещал диктор. На экране мелькали кадры с изображением здания и кучи вооруженных людей в черных масках. — Заявку на участие в операции по ликвидации уже подали восемь добровольцев, включая известных специалистов по антитеррору Бориса Варвара и Кейси; событие начнется через шесть часов или после регистрации десяти претендентов.

Видеоряд сменился, теперь камера передвигалась по темным пустым коридорам.

— Потеряна связь с подземной исследовательской лабораторией. По последним данным, ученые занимались изучением активности мозга после смерти. Идет набор группы для расследования произошедшего. Ориентировочная дата начала проекта — десятое ноября.

Картинка вновь сменилась, теперь с высоты птичьего полета показывали наш — Зеленый мир. Камера медленно проплывала над шпилями небоскребов.

— Напоминаем, что в Зеленом мире через три месяца заканчивается тридцатилетний цикл (интересно, как такое можно забыть?), а это означает два месяца самых ярких и незабываемых финалов — откроются все тайны и закручиваемые годами интриги. Конечно, не обойдется и без глобальных катаклизмов!

Изображение поменялось: на экране появились архивные кадры Золотого мира в последние дни существования. Вернее, его пылающие руины. Камера находилась невысоко, и отчетливо было видно, что среди развалин повсеместно идут бои.

— Всем жителям, планирующим переселиться в Синий или Красный мир, следует подать заявки до двадцатого ноября включительно. Переселение будет проводиться согласно расписанию — с двадцать первого ноября по пятое декабря!

Браслет запищал, давая понять, что можно двигаться дальше.

Переселение. Правильное слово — эвакуация! Из безбашенных людей, что рискнут остаться или прибудут из других миров в надежде крупно заработать, в живых останется, может быть, каждый десятый.

А таким, как я, лучше в Синий. Спокойнее. Может, хоть там удастся найти общий язык с дочерью, особенно после того, как она увидит по телику перерождение, а точнее, гибель Зеленого мира.

До второй точки я добрался без приключений, лишь пару раз вдалеке слышались отдельные выстрелы, и на глаза попалась свежая растяжка над дорогой: «Район Б2 закрыт на карантин.

Убедительная просьба не приближаться. Охране дан приказ стрелять на поражение!». Введение карантина могло означать что угодно: от вспышки эпидемии до вышедших из-под контроля каких-либо существ. В любом случае мой маршрут проходил далеко от района Б2.

Второе ключевое событие представляло собой спонтанную покупку крутого новейшего утюга, стоящего в витрине на медленно вращающейся платформе. Я, согласно правилам, постоял минуту у входа, восхищенно разглядывая замысловатое устройство, напоминающее миниатюрный космический корабль, затем зашел в магазин и приобрел товар. Еще пару минут мы с продавцом улыбались друг другу, наперебой расхваливая прибор. Может и, правда, неплохой. Надо попросить Иру что-нибудь погладить в течение тех трех дней, пока он будет нашим.

Тучи вновь расступились, и в куртке сразу стало жарко. Я расстегнул молнию. Неприятный осадок после утренней стычки с дочерью постепенно растворялся. До офиса оставалось совсем немного.

Последней ключевой точкой стала реклама (куда без нее). Мне досталась роль смотрящего. Помимо прочего, показали и газонокосилку, на которую я положил глаз.

В 9:50 я входил в широко распахнутые двери шестидесятидвухэтажного офисного центра.

Прозвучавший в 13:00 сигнал на обед стал спасением: почти два часа я не мог достойно закончить простенькую статейку о новом месторождении и очень рассчитывал, что перерыв пойдет на пользу моему писательскому таланту.

Столовая находилась на пятнадцатом этаже. Просторное помещение, целиком окрашенное в голубые корпоративные цвета, встретило меня гремучей смесью запахов и гулом тысяч голосов.

— Серега, иди к нам!

Метрах в десяти из-за четырехместного столика поднялся Сашка и интенсивно махал рукой. Его трудно было не узнать: белая шевелюра молодого программиста слишком выделялась. И Валера с ним. Неплохая компания.

Сашка подвинул поднос, освобождая место на столе.

— Рад видеть тебя, Серега.

— Взаимно, — я пожал протянутую руку и повернулся к Валере, — и тебе привет.

— Хай, — мужчина вытер ладонь о штанину и поздоровался. — Устраивайся.

— Рекомендую БигБургер ланч, — сказал Сашка, — порции большие, очень вкусно, и за него сегодня двойные баллы.

Говоря это, он, естественно, смотрел в объектив камеры, висящей над столом.

— С удовольствием, — в свою очередь обратился к невидимым наблюдателям из других миров и я. — Что может быть лучше сочного БигБургера с картошкой фри и колой на обед?

Я нажал нужную комбинацию на дисплее, прислонил браслет и через мгновение, когда отсек выдачи открылся, вынул поднос. Бургер оказался не совсем «Биг», да и картошка уже чуть остыла, но пахло все просто замечательно: на ароматизаторы производители никогда не скупились.

— Хороший текст, Серег, — сказал Валера, стряхивая крошки с пышных усов, — думаю, директор утвердит.

Конечно, утвердит, как только выкинет все лишние, на его взгляд, обороты. Потом еще и еще. Пока не останется голый каркас фактов. Слишком «поэтично» — вот его основная претензия к моим описаниям, мол, непонятно среднему обывателю. «Процессы газодобычи не нуждаются в настолько литературной подаче» — его последняя рецензия.

— Ты не передумал переходить в Синий? — Сашка интенсивно жевал, и я еле разобрал, что он говорит.

— Нет, все решено, документы в обработке.

— Ясно, — парень поднял стакан и поднес его к камере. — А запить бургер всегда лучше холодной колой.

Залпом выпив напиток и еще раз улыбнувшись в объектив, Сашка продолжил:

— А вот мы с Валерой решили встретить Конец Цикла тут и хорошенько повеселиться, да, Валер?

Он ткнул в плечо собеседника локтем. Сказано все было так серьезно, что мои брови непроизвольно поползли вверх, и только набитый рот помешал задать напрашивающийся вопрос.

Валера неторопливо дожевал ломтик картошки, запил и, повернувшись к молодому человеку, отвесил ему шутливый подзатыльник.

— Да заливает он, — мужчина сцепил руки над уже почти лысой головой и сыто потянулся. — Я постараюсь свалить отсюда самым первым рейсом. И тебе, дураку, — это снова Сашке, — советую.

Сказал он это просто и без эмоций, но я знал, что это показное.

Тридцать лет назад, в Конце Цикла Серого Мира, Валера, будучи шестнадцатилетним пацаном, вопреки советам друзей и родственников, решил подзаработать на повышенных ставках по баллам и наотрез отказался переселяться. Когда его отец понял,

что сына уговорить не получится, а заставить совершеннолетнего нельзя по закону, решил остаться с ним. С трудом, едва не силой, они отправили мать Валеры в Золотой мир, самый молодой на тот момент. Сами же записались в добровольцы.

Какое-то время все шло хорошо, но потом, в одном из боев с толпой человекоподобных ящеров, парень потерял руку и ногу и выжил лишь благодаря отцу, который, получив смертельное ранение, еще пять километров тащил его на себе. Потратив три аптечки на сына, к моменту прибытия врачей он умер.

Валеру откачали и, как героя, перевели в Золотой мир. Восстановили руку и ногу, но не душу. Как он говорит, первая седина появилась уже тогда. Через год, когда на месте разрушенного Серого мира уже развивался Зеленый, он выбил себе перевод, чтобы как можно дольше жить в относительном спокойствии.

Прошло тридцать лет. Цикл успел завершиться в Золотом и Стальном мирах и теперь снова добрался до уже сильно повзрослевшего мужчины, его престарелой матери, жены и двух детей, двенадцати и четырнадцати лет. Насколько я могу судить, Валера специально не заводил их раньше, чтобы им при Конце Цикла еще не исполнилось шестнадцати, как когда-то ему, и он мог принять за них решение о переходе.

Я запил кусок бургера колой и, посмотрев на Сашку, покачал головой, предостерегая от подобных шуток. Он, кажется, понял, чуть замялся, но его настолько поглотила идея отличиться в предстоящих событиях, что долго он не выдержал.

— Смотрите, — он выдвинул руку с браслетом и пару раз его коснулся — над столом появилось трёхмерное изображение. — Это АК-47-р76, модификация этого года, со всеми наворотами: подствольник, прицел, глушитель и т. д. Отдачи почти нет. Вчера привезли, брал по предзаказу, для первых добровольцев на тридцать процентов дешевле! И то еле хватило.

Аппетит пропал. Я отложил недоеденный бургер. Валера задумчиво разглядывал ногти. Конечно, система ММУ — жизненная необходимость, но как спокойно такое слушать?

Вот сидит напротив еще совсем молодой мужчина, можно сказать, парень и, сияя от счастья, показывает автомат, который, скорее всего, даже не положат в его могилу, так как тела большинства добровольцев или не находят, или не могут опознать. Даже чип с его памятью изымут Управляющие. А сколько таких и еще более юных ребят захотят поиграть в героев?

Все-таки нам с Ирой повезло, что Софье всего четырнадцать.

— Надо еще поднакопить на всякие приблуды типа расширенных аптечек, защиты, гранат и т. п., — продолжал тем

временем Сашка, не замечая ничего вокруг, — и тачку чуток проапгрейдить…

Я кашлянул и попробовал сменить тему:

— Сашк, мы как, успеваем новых роботов поставить на северо-восточное месторождение?

Молодой человек смотрел на меня несколько секунд, видимо, пытаясь понять, о чем я говорю, а когда понял, лишь с досадой поморщился.

— Да какая разница? Успеваем вроде, — он по очереди оглядел каждого из нас. — Вы серьезно, ребят? Какие роботы? Здесь же скоро некому будет ими заниматься, всех или эвакуируют, или убьют. Минимум год они простоят без дела, пока город хоть чуть-чуть отстроится и ему потребуются ресурсы. А газ в нормальных количествах так и вовсе лет через пять только понадобится.

Прозвучал громкий сигнал: до конца обеда осталось полчаса. Это ненадолго отвлекло Сашку, он схватил пустой стакан, задумчиво потряс, снял крышку и трубочкой тщательно собрал остатки колы со дна.

— Кстати! — воскликнул он, и его серые глаза вновь заблестели. — А вы в курсе, какой цвет дадут тому миру, который возведут на месте нашего?

Мы были не в курсе.

— Мой знакомый с верхних этажей, — Сашка понизил голос и многозначительно указал на потолок, — проболтался, что, мол, приемлемых цветов и характеристик уже не осталось и якобы следующий мир назовут цветом самого первого. Белым!

Мы промолчали. Валера жевал остатки картошки и смотрел в окно, я же откинулся на стуле и бездумно оглядывал длинные ряды одинаковых столов. Сашка говорил быстро, торопясь поделиться своими эмоциями.

— Белый! В честь первого города, воздвигнутого после катастрофы! Легендарного! Который основали люди из еще *того* — погибшего мира! Вы что, не понимаете? Нам всем выпала возможность поучаствовать в последней битве последнего цикла! Стать защитниками города, который переродится в изначальный!

— И который снова умрет через тридцать лет, — тихо сказал Валера, все еще глядя в окно.

— Что? — Сашка недоуменно посмотрел на него, явно не расслышав.

— Ничего, — мы переглянулись с Валерой и практически одновременно встали.

— Куда вы, — расстроился парень, — еще двадцать минут.

— Да работы валом.

— Ну…, — я буквально чувствовал спиной его непонимающий взгляд.

Шум и запахи столовой остались позади. Валера ждал у лифта.

— Жалко парня, — сказал он.

— Да, жалко.

Двери лифта открылись, и, больше не сказав ни слова друг другу, мы зашли в кабину.

До конца обеденного перерыва оставалось еще пятнадцать минут, и я, расположившись настолько удобно, насколько позволял жесткий офисный стул, зашел на любимый с юности развлекательный сайт.

Быстро пролистав подборки фотоприколов, я открыл короткий юмористический рассказ с неплохими оценками и уже приступил к чтению, как вдруг заметил появившийся в правом нижнем углу значок с пометкой «НЗ-СРОЧНО». Я незамедлительно кликнул.

Ух ты! Бомба! Хакеры Нового Завета опять выложили анонс событий нашего мира! По степени вреда для Управляющих это преступление превосходило все остальные вместе взятые: жители могли использовать информацию о том, что произойдет в ближайшие недели и месяцы в личных целях, и тем самым повлиять на тщательно рассчитанные сценарии.

Я быстро включил запись, надеясь хоть что-то успеть увидеть: Управляющим потребуется не более пяти минут на удаление всех копий файла.

Ничего себе! В правом верхнем углу экрана находилась буква «У», нанесенная на треугольный щит, — эмблема Управляющих. Это был не обычный анонс, а эксклюзивный, для закрытого канала.

Я промотал заставку.

Так, район 2Б: вирус оживляет мертвых. Куда без зомби? Промотал еще. Ночные исчезновения в 4В: не вампиры, как думали многие, а семья маньяков-каннибалов, работающих в местной школе. Да, после слива этой инфы, чтобы разрулить ситуацию, сценарным компьютерам придется включать свои стоядерные процессоры на полную мощность.

Блин, где же спортивные события? О! Что-то про инопланетян, глобальное, связанное с Концом Цикла. Мелькнула карта, вся в синих и красных огоньках, какие-то дома, вроде наш район. Я чуть прокрутил вперед.

Что это?

Это же мое лицо? Картинка уже сменилась, теперь

показывали убранство космического корабля. Я попробовал отмотать чуть-чуть назад, но слегка переборщил и вновь попал на семью маньяков. Снова вперед: панорама частного сектора, приближается дом. Действительно, похож на мой! Диктор рассказывает про раскручивающийся маховик вторжения. Во двор въезжает навороченный Мерседес. Задняя дверь открывается, и выходит сногсшибательная брюнетка: волосы распущены, длинное черное платье и туфли на высоченном каблуке. Камера приближается, знакомое лицо, похоже… очень похоже на мою жену Иру! Что за…

Свет погас, и вместе с ним вырубился и компьютер. Да что такое?

Зазвонил браслет. Кристофер! Год как не слышались. Я принял вызов, и его голос зазвучал в наушнике.

— Здорово, Серый! Ну прикол! Ты видел? — заорал он.

У меня похолодело внутри.

— Видел что?

— Взломали анонс закрытого канала Управляющих! Ты теперь… — в наушнике послышались короткие гудки, сеть пропала. Второй раз на моей памяти. Я рассеянно смотрел на безжизненный браслет. Секунд через десять додумался перезагрузить. Ничего не изменилось, сеть не работала. Вышел в коридор — из кабинетов выглядывали растерянные люди. Вернулся.

Дом, похожий на мой, и женщина, один в один Ира, когда накрасится. Бывают же совпадения. В задумчивости я подошел к окну: в соседних башнях свет тоже не горел, как и во всех домах, насколько я сумел разглядеть. А вот машины, которые отсюда казались не больше муравьев, двигались в обычном режиме, видимо, светофоры работали.

Наконец, два раза мигнув, загорелась лампа. Я посмотрел на экран браслета: сеть появилась. Включил компьютер, одновременно набирая номер Кристофера. После семи гудков, когда я уже собирался дать отбой, он ответил.

— Привет еще раз, Крис!

— А, это ты, Серег, — его голос звучал глухо. — Что хотел?

— Да это ты же звонил мне, про Управляющих говорил.

— А… это я… пошутить хотел, там человек мелькнул, чем-то на тебя похожий. Забей. Мне тут работы навалили — позвоню днями. Пока.

Раздались гудки.

Вот все и выяснилось: просто кто-то похожий! Лучше бы попались субботние результаты битв роботов.

Обеденный перерыв закончился. Я запустил нужную

программу и, стараясь не обращать внимания на терзающие сомнения, погрузился в работу.

В 19:05 я сошел со ступенек офисного центра. Давно стемнело, ветер дул еще сильнее, чем с утра, поднятый воротник куртки и включенный на максимум обогрев не спасали. Браслет указывал маршрут, а мысли роились в голове.

Розыгрыш? Случайно зацепило соседскими крутыми квестами? Показалось, в конце концов? Могло быть все что угодно.

Людской поток нес меня по улице. Низкие тучи висели над городом, и в любой момент мог начаться нудный осенний дождь.

Вскоре я достиг первой рекламной точки, встал чуть в отдалении, чтобы не мешать проходу, и, воспользовавшись свободной минутой, открыл записную книгу.

Кто может что-то знать? Из более-менее близких и с кем еще не потеряна связь? Володя хоть и мелкий служащий, но в коридорах его офиса чего только можно не услышать. Гриша, известный журналист, тут шансов больше. Стас, вроде еще наёмничает. Надо звонить всем.

На рекламном экране один за другим сменялись изображения товаров. Подходили и уходили люди, тихо проезжали мимо электромобили. Начал моросить дождик, и не стихал ветер. Ни один абонент так и не ответил.

Уже давно прошло время, за которое давали баллы на этой точке, когда я наконец смирился и пошел дальше.

Что-то сегодня весь день глюки со связью.

Конечно, когда блокируют твои звонки, всегда глючит.

Я замер и огляделся. Никого, кроме спешащих домой незнакомцев, которым нет до меня дела. Кто это сказал? Создавалась неприятное впечатление, что голос возник прямо в голове. Я прикоснулся рукой к виску, нащупал под волосами имплант и пошевелил его. Разумеется, ничего не произошло.

Неуверенно я двинулся дальше и шепотом, чтобы не показаться прохожим шизофреником, спросил:

— Вы кто?

Ответа не последовало. Расслабиться и просто смириться со слуховой галлюцинацией не получалось. Во мне росла уверенность: ту полурекомендацию, полуприказ о необходимости заниматься спортом, которую две с небольшим недели назад я принял за внутренний позыв, на самом деле внушил этот же голос.

Происходящее нравилось мне все меньше.

Садясь в автобус, я решил выйти на несколько остановок

раньше и заскочить к Грише, хоть и не особо рассчитывал застать его.

Глава 2

Мне улыбнулась удача. Подходя к дому друга, в свете уличного фонаря я увидел знакомый силуэт, копошащийся у калитки.

— Гриша! — окликнул я его и ускорил шаг.

— О! Серега! Какими судьбами?

Мы подошли так близко, насколько позволяли раскрытие зонтики, и поздоровались.

— Гуляешь перед сном?

— Почти… — я замешкался, зная, как нелепо может прозвучать причина нашей встречи. — Тебя искал.

— Да, а чего не позвонил? — он удивленно смотрел на меня. — Честно говоря, ты меня чудом застал, я буквально на пятнадцать минут заскочил переодеться. Потом на встречу.

— Не смог дозвониться… Может, я зайду?

На секунду Гриша задумался, но тут же губы его растянулись в улыбке.

— Идем, — он открыл калитку, — ты же не был у меня после ремонта?

Последний раз я гостил у Гриши на его тридцатипятилетии. За это время многое изменилось: сам он потолстел, а дом после ремонта приобрел соответствующую старожилу и долгожителю солидность.

Все стены первого этажа были снесены, и потолок подпирали лишь массивные белые колонны, сверху донизу украшенные черными замысловатыми узорами. Вообще, в интерьере присутствовали только два цвета. Потолок и стены были белыми, пол и мебель черными.

— Кидай все туда, — небрежным жестом Гриша указал на встроенный шкаф, — и располагайся, я скоро.

Он сбросил куртку и быстрым шагом, делающим его походку слегка комичной, направился к лестнице на второй этаж. Я разделся и в ожидании хозяина прошел в зал.

Убранство не выдавало активную, сумасбродную личность Гриши, я скорее чувствовал себя в музее, чем в гостях у заводилы любой компании и талантливого журналиста. Оставалось предположить, что беспорядок и кучи, на первый взгляд, хаотично разбросанных бумаг, переместились на второй этаж. Внизу же было помещение для приема. Множество разного размера и формы столов, диванов и кресел, три барных стойки и много чего еще. Как в лучших гостиных из ток-шоу.

Только стены намекали, а точнее вопили, о роде деятельности Гриши. Он тщательно рассчитал: оказалось, что, идя по периметру зала, гость мог в хронологическом порядке узнать все значимые этапы жизни хозяина.

Первые экспонаты были мне знакомы: семейные фотографии, начиная с тех, что изображали новорождённого Гришу со счастливыми родителями, только перебравшимися в Серый мир и заканчивая трагическим моментом в жизни семиклассника Гриши в Золотом мире.

Дальше серия новостных распечаток, занимающих метров пять стены и посвящённых таинственному исчезновению его отца. Полгода запутанное преступление не удавалось раскрыть никому. В итоге это сделал сам Гриша, что принесло ему много баллов и предопределило дальнейший жизненный путь.

Я ускорил шаг, лишь мельком оглядывая экспонаты. Вот наградная грамота за помощь в раскрытии похищения и убийства его отца. Вот любительские расследования, сделанные им в старших классах. Ко многим прикреплен чек с суммой заработанных баллов. Диплом школы. Фото, где Гриша жмет руку Виктору Марису, хозяину «Передового вестника» (тот проделал очень серьезную работу, чтобы перехватить у двух других издательств талантливого парня). Первые статьи и расследования.

Снова фото с Виктором Марисом. Грише двадцать лет. Только что состоялся переход издательства в Зеленый мир. Казалось, конкуренцию на уже поделенном рынке выиграть невозможно, но талантливая команда семи новичков из Золотого мира справляется, и скоро штат пятикратно возрастает.

Опять статьи, грамоты и редкие фото личной жизни.

А вот и я. Мне тут двадцать три, а Грише исполняется двадцать девять. Шикарный ресторан, куча гостей. Как сейчас, помню долгий спор о новом романе тогда еще малоизвестного Дениса Гаруса «Уровень сложности». Именно на почве любви к литературе и началась наша дружба.

— Ностальгируешь?

Гриша спускался по лестнице. Даже если он и переоделся, то в точно такой же костюм, как и раньше.

— Ты извини, у меня реально мало времени, так что пойдем вон за тот стол. Я в бумажках поковыряюсь, а ты расскажешь, что у тебя случилось. Если хочешь выпить или закусить, любой бар к твоим услугам.

Все, как всегда: на отдыхе весельчак, но когда возникает серьезный вопрос — четкие инструкции и деловой подход. Я с трудом сдержал улыбку, взял из ближайшего холодильника

бутылку лимонной газировки и сел на огромный полукруглый диван напротив Гриши. Он уже вовсю перебирал содержимое зеленой папки, которую принес с собой.

Спокойно, тепло и сухо, старый друг рядом. Что я здесь делаю? Я растекся по дивану. Сейчас мои идеи и домыслы казались полным бредом. Возникло желание сказать Грише, что случайно проходил мимо его дома.

Че разлегся? Давай рассказывай, — вновь резануло в голове.

— Кроме нас, в доме никого нет? — на всякий случай спросил я.

— Нет. Более того, стоит лучшая защита от прослушки и камеры деактивированы. Гриша неправильно интерпретировал мой вопрос, но его ответ мне понравился.

Чтобы выиграть еще несколько секунд перед выступлением, результатом которого, безусловно, станет то, что Гриша назовет меня параноиком и высмеет, я сделал пару глотков из запотевшей бутылки, прокашлялся и больше ничего не придумав, начал.

С максимальной иронией, мол, самому смешно, я все рассказал старому товарищу. Умолчал лишь про голос в голове.

Гриша сначала слушал, не отрываясь от своих бумаг, но в какой-то момент отложил их и откинулся на спинку дивана.

Когда я закончил, над столом повисла тишина. Вдруг стало понятно, чем отличается простая тишина от гнетущей, на которой так любят акцентировать внимание закадровые голоса в фильмах.

Выражение Гришиного лица мне совсем не нравилось. Он встал, постоял несколько секунд и направился к ближайшему бару. Вернулся с бутылкой очень дорогого виски и двумя невысокими стаканами. Налил по половине и, не дожидаясь меня, залпом выпил. Зажмурился на секунду, а потом посмотрел так, что мне стало совсем не по себе.

— Неисповедимы пути Управляющих, Сергей, — стакан со стуком опустился на стол. — Возможно, я подчеркиваю — возможно! — ты попал под раздачу.

В задумчивости он взял несколько листков из папки, посмотрел на них и потом бросил обратно.

— А возможно, это полная херня, и тебе все привиделось.

Ага, конечно.

Гриша понизил голос, перейдя практически на шепот. А как же хваленая защита от прослушки?

— Что уже не первый год творится какая-то фигня, конечно, факт. А возможно, и всегда творилась. Но имеет ли это к тебе отношение, я не знаю.

— Какая фигня? — спросил я после того, как он замолчал и, откинувшись на диване, принялся рассматривать потолок.

— Разная, друг мой. Самая разная.

— А подробнее можно?

Паника накрыла меня такой резкой волной, что я схватил свой стакан и, не замечая вкуса, одним глотком осушил его.

— Видел я этот анонс сегодня, не весь, конечно, меньше трех минут, пока свет не вырубили…

— У вас тоже?

— Да по всему городу, я думаю… так вот. Успел кое-что увидеть, и это кое-что меня очень сильно взволновало. Я, конечно, как и ты, щелкал то вперед, то назад. Тебя, правда, не видел. Потом пытался со своими обсудить, которые наверняка тоже куски какие-то зацепили, но сам понимаешь, это дело серьезное, большинство делает вид, что ничего не было.

Гриша вновь замолчал и задумчиво оглядел зал, будто впервые его увидел. Эти «кое-что», «какие-то» и долгие паузы меня сильно раздражали, и я уже хотел опять поторопить, как вдруг заметил, что стакан дрожит в его руке. Не может быть! Гриша никогда ничего не боится!

— Девяносто девять процентов журналистов пишут заказные статьи, перепечатывают анонсы, описывают события или просто делают слонов из разных насекомых. В лучшем случае, ведут расследования, как я. В этом суть нашей работы. Но иногда появляются, даже не знаю, как их назвать. В общем… иногда у некоторых людей возникает мысль… даже потребность… писать о чем-то по-настоящему серьезном. А что самое серьезное и таинственное в наших мирах?

— Управляющие, — прошептал я. Гриша кивнул.

— Никаких официальных подтверждений нет. Но все знают: тот, кто начинает копать под них, автоматически выходит на пятый уровень опасности…

— Но это незаконно!

— …и, как правило, быстро умирает. Некоторые считают, что это незаконно, а некоторые, что это какой-то скрытый квест-загадка, и разгадавший его сам станет Управляющим.

Вот это да! У каждой профессии есть свои легенды и скрытые задания, большинство из которых выдуманы много-много лет назад и сейчас даже звучат невероятно. Оказывается, есть такая и у журналистов.

Я потрясенно смотрел на своего как-то вдруг осунувшегося спутника. Как могут люди верить в подобную чушь? Гриша разыгрывает меня? Хотя… человек любопытен по природе. С детства нас окружают загадки. Больше половины предметов в школе учат практическим приемам их решения, и за каждое правильное положен приз. Таково устройство мира. Если стоит

действительно интересная задача, но ее решение сопряжено с риском, то без соответствующего вознаграждения никто не пошевелит и пальцем. Но если она ОЧЕНЬ интересная и ОЧЕНЬ опасная? То человек сам выдумает себе награду. ОЧЕНЬ большую награду. Например, стать Управляющим.

— И часто такое бывает?

— Что именно?

— Что люди, копая под Управляющих, умирают.

— Откуда я знаю? У каждого из нас есть лишь несколько человек, словам которых можно верить, а все остальное — слухи, домыслы и обрывки случайной информации, например, такой, что была сегодня в анонсе.

— Я так ни хрена и не понял! — воскликнул я уже плохо себя контролируя. — Какое это имеет отношение ко мне? И что мне делать?

Старый товарищ с грустной улыбкой смотрел на меня, в его глазах читалась борьба страха и решимости. Меня вдруг осенило: он один из тех, кто верит в то, что разгадавший тайну Управляющих станет одним из них.

— Продолжать то, что ты уже делаешь, успокаивать себя, верить, что тебе показалось, а весьма вероятно, так и есть. Просто жить, как раньше, мой друг.

Он наклонился к своим бумагам и принялся приводить их в порядок, потом замер и вдруг, подавшись вперед всем телом, быстро вполголоса заговорил.

— Завтра утром я встречаюсь с одним человеком, официально у нас тема другая, а неофициально именно сегодняшний анонс мы и хотим обсудить, вроде он сумел его скачать полностью. И завтра я смогу тебя успокоить… или… Мы сможем встретиться после двенадцати?

— У меня обед с часу.

— Ок, рядом с твоим офисом есть шашлычная «У Руслана», помнишь? Около заправки.

— Да.

— Встречаемся в тринадцать десять там, — он перевел взгляд на браслет, — а сейчас мне действительно пора.

Дождь кончился. Свет фонаря освещал крыльцо и отражался от луж на газоне. Росшие вдоль невысокого забора кустарники боролись с ветром, силясь сохранить на своих ветвях последние желтые листья. Я смотрел на ступеньки, ведущие к двери, и не мог заставить себя сделать шаг.

Всю дорогу я думал над словами Гриши и пришел к выводу, что ко мне они не имеют никакого отношения и, скорее всего,

являются профессиональной журналисткой мнительностью, но все равно на душе остался неприятный осадок.

И сейчас, когда лишь несколько метров отделяло меня от тепла родного дома, я вдруг понял, что очень боюсь потерять его. Мне показалось, что я могу принести с собой заразу, которая пустит корни и разрушит создаваемый годами уют. Разногласия с дочерью виделись незначительным и временным явлением. Я был готов хоть сейчас подняться в комнату к Софье и объяснять, объяснять, объяснять, пока она не поймет, как сильно я люблю ее и что только это чувство движет всеми моими поступками.

Не знаю, сколько бы я еще простоял, но дверь неожиданно открылась — в проеме появилась Ира.

— Ну и долго ты будешь тут стоять, — спросила она и ласково улыбнулась, поправляя черные волосы, — ужин давно стынет.

В ту секунду, глядя в любимые карие глаза, видя каждую черточку по-прежнему прекрасного лица, я почувствовал, как страхи, что росли во мне последние несколько часов, отступают, что все происходящее — это лишь плод растревоженного грядущим Концом Цикла воображения, что тут дом и мне тут рады.

— А что на ужин? — я вскочил по ступенькам и прижал к себе жену.

— Все, как ты любишь: индейка от «индиДэй» с овощным салатом. Разве не чувствуешь, как пахнет?

— Пойдем, — я снял ботинки, кинул куртку на крючок, а зонтик в корзину. Мы обнялись и зашли на кухню.

Утро следующего дня не отличалось от множества других. Разве что заметно легче дались упражнения, и я посвятил им лишних пять минут. С Софьей мы разминулись, завтрак был вполне сносным, а Ира очень милой. Переживания прошедшего дня казались дурным сном, и сейчас, на светлую голову, я все больше склонялся к версии, что утечка анонса спланирована и является частью необычного глобального квеста.

Но чем меньше оставалось до назначенного Гришей часа, тем беспокойней становилось на душе. Все труднее давалась концентрация на работе, и я все чаще поглядывал то на браслет, то на серые тучи за окном, раз за разом прогоняя в голове последние события. Опять вспомнилась шикарная женщина, выходящая из Мерседеса и так похожая на Иру.

Вела ли моя жена себя подозрительно?

Вроде нет, разве что в последнее время стала чуть ласковее обычного, чуть активнее обычного, может, чуть ярче красилась, но

все это могло мне просто померещиться.

Да и как я могу подозревать в чем-то женщину, с которой прожил половину жизни, которую помню со школы? Ту, которая сумела, пусть и не сразу, заполнить пустоту в сердце, оставшуюся после смерти семьи?

Может, Софья?

Точно нет. Кто-кто, а она себя вела последовательно: вчера, как только я вернулся, проигнорировав меня, ушла в комнату, и больше не появлялась.

Время тянулось еле-еле, но наконец час обеда настал.

Кафе «У Руслана» — место примечательное, оно не входит в «Объединенную Сеть Ресторанов» (ОСР) трех миров, и баллы за рекламу тут не начисляются. Владельцы подобных заведений недополучают доход и, чтобы компенсировать это, привлекают дополнительных посетителей за счет качества обслуживания и блюд. Их клиенты — люди, желающие вкусно поесть без необходимости постоянно улыбаться на камеру.

На входной двери шашлычной мигало объявление, где крупными буквами шла реклама сегодняшних акций, а ниже, более мелко, посетители предупреждались, что через неделю кафе закроется навсегда. Неудивительно: приближался Конец Цикла, с каждым днем опасность потерять заведение увеличивалась. Конечно, до завершения эвакуации в безопасных секторах будет по-прежнему спокойно, но как только все желающие покинут мир, начнется Армагеддон, и в первую очередь пострадают те, кто не состоит в ОСР.

Уже на входе в нос ударил пьянящий аромат мяса, жаренного на мангале, лука, чеснока и еще каких-то специй. Среди немногочисленных посетителей Гриши не было, и я занял максимально отдаленный от других столик.

— Рекомендую суп харчо и бараний шашлык с овощами.

Официант, типично для «У Руслана», был азиатом. Я согласился с его выбором и заказал ещё чайник черного чая.

Помещение кафе было оформлено в восточном стиле: на стенах висели огромные ковры с замысловатыми узорами, на удобных полосатых диванах лежали красные подушки с золотой бахромой и кисточками на углах. Большие изысканные люстры, похожие на перевернутые чаши, висели над каждым столом и выглядели заметно лучше набивших оскомину камер.

Но уютная атмосфера расслабиться не помогала. Гриша опаздывал уже на десять минут. Мрачные мысли вернулись. Без аппетита жуя баранину и постоянно поглядывая на часы, я медленно, но уверенно погружался в объятья паранойи. Вновь и

вновь передо мной мелькали куски из анонса, всплывали вчерашние слова Кристофера и Гриши. Все больше мне не нравилось идеально-елейное поведение Иры и постоянно трущийся у ограды сосед Мэйсон. Напрягал даже браслет, который почему-то без сбоев звонил только в офис и домой.

— Походу, съезжаю с катушек, — невольно вслух пробормотал я.

Или прозреваешь, — в этот раз интонация голоса стала иной, сочувствующей, что ли.

13:50. Все ясно: Гриша не придет. К удивлению, после очередного незваного вмешательства в мою голову я немного успокоился и придумал следующий шаг.

Валера не ждал посетителей, он сосредоточенно вглядывался в экран монитора, изучая замысловатый чертеж. Мне повезло, что он был на месте, предупреждать по телефону о своем визите я не рискнул.

— О, здравствуй, Сережа, — я пожал протянутую руку, — не видел тебя на обеде сегодня.

— Замотался, поможешь мне немного?

— Только если немного, работы невпроворот.

— Совсем чуть-чуть, один телефонный звонок.

— А сам чего?

— Да тут такое дело, — я замялся, — вопрос личного характера.

За те два часа, что прошли с обеда, я только и думал, как убедить Валеру сделать нужный мне звонок. И все как одна причины никуда не годились. Ну в самом деле, что сказать? Ищу любовника жены? Или должника? В итоге я решил сыграть на родительских чувствах товарища и сейчас, с горящими от стыда ушами, врал ему прямо в глаза.

— Дочку мою помнишь? Так вот… ее какой-то старый хрен окучивает, боюсь, сейчас они вместе где-то, можешь звякнуть ему на работу в офис и узнать, там ли он, а если нет, то где он?

Валера расширенными глазами смотрел на меня. Он поверил и, видимо, принял ситуацию близко к сердцу. Я готов был провалиться сквозь землю.

— А если мне не скажут?

— Тот тип — журналист, скажи, что ты его информатор или инсайдер. Я не знаю, как у них там это называется. Пусть инсайдер. И что ты, мол, ему с обеда не можешь дозвониться, а есть важная информация. Вот номер, зовут Григорий Смирнов.

Пару секунд Валера смотрел на бумажку с цифрами, потом решительно поднял трубку офисного телефона. Я остановил его.

— Лучше с браслета.

— Почему?

Да откуда я, чёрт возьми, знаю, почему с офисного телефона нельзя дозвониться в редакцию? Вот что я хотел заорать, но сдержал себя и произнес очередную ахинею в надежде, что прокатит:

— Я уже звонил как-то с офисного, у нас же один исходящий номер, боюсь, он мог занести его в чёрный список.

Прокатило. Валера был слишком взволнован, чтобы заметить нестыковки в моих словах. Он набрал номер и вскоре в его наушнике раздался голос. Мне не было слышно, что он говорил.

— Здравствуйте, я хотел бы поговорить с Григорием Смирновым (пауза), мы с ним давно сотрудничаем, есть информация для него, но с утра не могу дозвониться (пауза), Валерий.

Должно быть, оператор попросил Валеру оставаться на линии. Я крутил в дрожащих пальцах непонятно как попавшую туда ручку и мерил шагами крошечную каморку. Надеюсь, у Гриши много информаторов и незнакомое имя его не смутит. Наконец в наушнике снова забубнил голос.

— Спасибо! — Валера дал отбой и с улыбкой посмотрел на меня. — Расслабься, все хорошо!

— Что хорошо? — я резко наклонился вперед, уже догадываясь, что услышу.

— Да все хорошо, — удивившись моей реакции, пробормотал собеседник. — Не будет этот хмырь больше к твоей Софье клеиться, подробности не сказали, но уехал он под самый купол, на север. Там у него серия репортажей каких-то важных, ничем другим он больше заниматься не будет, и просил всех информаторов предупредить, что оттуда он сразу в Синий мир… Эй, ты куда?

— Спасибо, мне пора, — не оборачиваясь, я вышел из офиса Валеры.

Я немного успокоился, только когда закрыл хлипкую дверь своего кабинета изнутри. Камер наблюдения в офисах корпорации не устанавливали, так что я, не стесняясь, открыл тумбочку и, отодвинув папки с архивами, просунул руку внутрь. Бутылка джина стояла там еще с новогодней вечеринки, с тех пор я доставал ее лишь раз. Грамм триста — самое то. Там же, в тумбочке, нашелся и стакан.

Теплый крепкий отвратительный джин, я налил полстакана, то, что нужно!

Жидкость обожгла горло, я закашлялся, а на глазах

выступили слезы. Лет пятнадцать не доводилось пить крепкие напитки больше, чем в один глоток.

Ноги сразу обмякли, и я опустился на стул.

Что мы имеем?

Имели твое и Ирино лица в анонсе, — голос решил поучаствовать во внутреннем монологе, и в этот раз я ждал его, — *теперь еще пропал Гриша*.

Лица можно было спутать, тщательно разглядеть их не удалось (*ага, конечно*), но двор на видео, пожалуй, все-таки мой. Я припомнил даже прислоненную к углу дома электрическую тележку с зелеными ручками, купленную в прошлом месяце, и которая стала предметом зависти всех соседей, даже новенького Мэйсона.

Если брать в расчет только данные анонса, то на первый взгляд все происходящее действительно походило на розыгрыш: даже в обычное время сразу несколько каналов устраивали замысловатые приколы, а сейчас близок Конец Цикла. Но какой резон Управляющим и их сценарным компьютерам лезть в жизнь простого офисного клерка вроде меня? В жизнь моей семьи? Тем более затягивать это на кабельный канал? Уже пятнадцать лет как мы с Ирой выбираем безопасный уровень, лишь иногда позволяя себе шалости на третьем уровне сексуальной шкалы.

Мог ли нас коснуться крутой выбор кого-то из соседей? Например, Мэйсон выглядел вполне по-боевому. Вряд ли: это противоречило основным постулатам безопасности гражданина. Да и выражение лица той, очень похожей на мою жену женщины ясно указывало, что все происходит по ее доброй воле. Ерунда какая-то.

Нужно поговорить с Ирой, может, она объяснит?

Не вздумай, — голосу идея не понравилась, — *если что-то происходит на самом деле, то твоя жена замешана по-любому! И, кстати, вспомни другие дома из анонса, не находишь их знакомыми?*

Я напряг память: вроде все стандартные… хотя… в одном дворе у главного входа стояла статуя большой белой совы, а в соседнем доме на окне — какой-то фиолетовый цветок в горшке. Фига! Я и не ожидал такой внимательности от себя.

А где их видел, помнишь?

А что не помнить, цветок такой (*этот!*) у Виктории. А сова… сова у Евгении.

То есть у новых подружек жены, к которым с поручениями через день бегаешь!

Это еще ничего не значит!

Ага, как и неработающая связь и пропавший корешок твой.

М-да. И что делать?

Главное — не паниковать, — легко сказать, — *расслабься, бухло пока убери. Садись, работай, делай то, что обычно, прикинься ветошью, в нужный момент я помогу.*

Наконец казавшийся бесконечным рабочий день закончился. Путь домой я, как всегда, выбрал самый длинный. Помимо стандартных ключевых точек, на карте мигал красный восклицательный знак личного задания.

В целом я принял совет голоса: посмотреть, как будут развиваться события и не отсвечивать, правда, еще не решил насчет разговора с Ирой.

Первая остановка — анонс вечерних шоу Синего мира, вторая — Красного. Ничего интересного. Я медленно шел в толпе, приближаясь к метке личного задания, пропускать которое не хотел из-за хорошего вознаграждения. То тут, то там раздавался смех, вечером настроение людей явно превосходило утреннее. Может потому, что пока обходилось без взрывов?

Вроде тут: стрелка указывала на арку в пятиэтажном жилом доме. Я принял задание и зашел в подворотню.

Меня окутала темнота, пришлось подождать, пока глаза хоть немного привыкнут к отсутствию освещения. Приходилось быть осторожным. После того как я подтвердил задание, у всех проходящих неподалеку людей на браслетах эта зона отметилась как временно недоступная и останется таковой, пока я его не выполню или не отменю. Конечно, персональное задание безопасного уровня не могло нести угрозу здоровью, но береженого, как говорится, Управляющие берегут.

Тьма отступала, и я маленькими шажками двинулся вперед, предполагая, что скоро попаду в тупиковый двор. Так и оказалось: пустырь десять на десять метров, с четырех сторон ограниченный стенами домов (в некоторых окнах уже горел свет), а сверху темно-серым прямоугольником вечернего неба. В дальнем углу площадки два контейнера почти в человеческий рост, вся земля вокруг них завалена разным хламом. К характерному для таких мест запаху гниения, сырости и экскрементов примешивался еще какой-то знакомый, но неузнаваемый.

Только не в мусорке, только не в мусорке! Я шаг за шагом обследовал двор, стараясь не приближаться к окнам. Любой ребенок знает: в самый неподходящий момент оттуда обязательно кто-то выскочит или вылетит. С каждой минутой поисков надежда таяла. Чего только я не нашел на земле: множество разбитых бутылок, рваный матрас, кухонный нож (который я поднял) и даже огромную старую куклу без глаз (ее я обошел по широкой

дуге и старался не выпускать из вида).

Все-таки мусорка! Еще раз покосившись на куклу, я на цыпочках подкрался к контейнеру и ножом подцепил крышку.

Раздался жуткий вой, от которого заложило уши. Крышка с грохотом отлетела, и огромная черная тень выпрыгнула на меня и сбила с ног.

Оглушенный, я упал на живот, лишь чудом не напоровшись на выпавший из руки нож, и замер, прислушиваясь.

В ушах звенело, но казалось, что напавшее на меня существо удаляется. Я перекатился на спину, шаря рукой в поисках ножа, и оцепенел. Чудище забралось на один из балконов четвертого этажа. Благодаря свету из соседнего окна я сумел его рассмотреть: похоже на человека, только все покрытое густой шерстью, очень мощные ноги немного неправильной формы, торчащие уши. Оно обернулось, и я понял, чем воняло в подворотне. Псиной! Мать моя! Оборотень! И его желтые глаза смотрят прямо в мои.

— Это задание безопасного уровня, это задание безопасного уровня, — будто со стороны я слышал свой дрожащий голос. Возможно, его услышал и оборотень. Он отвернулся, одним гигантским прыжком взлетел на крышу и исчез за парапетом.

Громкий выдох вырвался у меня из груди. Пронесло.

Тем временем, несмотря на недавний шум, ни одно окно в доме не открылось, и это могло означать только… Я посмотрел на браслет: так и есть, задание еще не выполнено! Они издеваются?

Кряхтя и потирая ушибленное плечо, я поднялся на ноги. Нож снова в руке. Еще медленнее подошел к контейнеру и заглянул: темно, только в нос ударил сладковатый запах. Я сделал экран браслета ярче и осветил содержимое. В ту же секунду пришло сообщение, что задание выполнено, а меня вырвало. В контейнере лежал человек, а точнее, его половина: нижнюю часть почти полностью обглодал оборотень.

Глава 3

— В секторе 12-С неизвестные открыли несанкционированный портал. Кто из него появится, пока не ясно. Идет набор в отряд зачистки. Уровень опасности сектора поднят до пятого. Следите за новостями.

Я стоял на третьей ключевой точке и, пользуясь светом экрана, разглядывал свою куртку, штаны и ботинки. Вроде все, что счищалось, счистил, а с запахом справится стиральная машина.

— Срочная новость: в секторе 9-Б найден труп неизвестного, по свидетельствам очевидцев, пострадавший стал жертвой оборотня. Награда за голову зверя двадцать тысяч баллов плюс пять тысяч, если объект будет устранен в течение суток.

Или смерть, если «объект» окажется быстрее и сильнее. Я вспомнил желтые глаза и оскал оборотня и вздрогнул. День выдался насыщенным. Едва пропищал браслет, возвещая о полученных за просмотр баллах, я заспешил домой.

За тобой хвост.

Что?

Хвост, говорю, слежка, еще у той арки приклеился, — нетерпеливо разъяснил голос, — *чернявый парень, худой, высокий, пялится на тебя все время.*

Что за чёрт? Я сделал вид, что отряхиваю брюки и обернулся: действительно парень, шагах в тридцати от меня. Но как я об этом узнал-то?

Не знаю, как ты, я в отражении его давно спалил!

Я замер посреди тротуара и потер виски. Это уже переходило границы: ладно внутренний голос, но внутренний наблюдатель! Кто-то толкнул меня в спину, одновременно сообщая, что думает о замершем посреди дороги олухе. Пришлось пойти дальше.

Ну и фиг с ним, до автобусной остановки оставалось меньше километра, улицы освещенные, народу много, тут я в безопасности. Есть более важные дела: надо решить, как построить разговор с Ирой так, чтобы побольше из нее вытянуть, и чтобы она не сдала меня в психушку при случае…

На плечо легла рука, я обернулся, уже зная, кого увижу.

— Я слушаю вас… — начал я, но парень перебил.

— Сергей, вы в большой опасности, не верьте никому, особенно жене и Джо.

— Вы о чем? — воскликнул я.

Он наклонился к самому уху и шепотом добавил:

— Новый Завет с вами! — после чего резко развернулся и

скрылся в толпе.

Что за фарс?!

Короткий разговор с незнакомцем даже успокоил меня, уж очень он был неестественным. Тем, кто решил все это устроить, стоило выбрать актера получше.

Автобус подошел к остановке одновременно со мной.

В конце концов, что по-настоящему страшного случилось? Видео? Таких можно в определенных программах по сто штук в день делать. Связь не работает — ерунда. Гриша не пришел? Он может быть замешан. Хватит параноить! Я и так по сценарию, возможно, еще вчера должен был поговорить с Ирой, а сценариям, как известно, нужно следовать.

К дому я подошел с твердой уверенностью пообщаться с супругой и все выяснить.

Голос молчал.

Мы готовились ужинать. Софья еще не вернулась. Куриная грудка, громко скворча, распространяла великолепный аромат. Ира, стоя у плиты, периодически переворачивала будущий ужин. Я неосознанно стучал вилкой по столу.

Все шло не по плану. На мои расспросы супруга реагировала снисходительно спокойно, с легким налетом удивления. Это злило. Шутка затянулась.

— Тогда может, скажешь, как дела у Джо? — вопрос сам сорвался с языка, будто кто-то открыл рот за меня.

Реакция жены стала для меня полной неожиданностью: она резко обернулась и швырнула на разделочный стол тарелку с фасолью так, что половина содержимого вылетела. Такого выражения на ее лице я никогда не видел: обычно чуть раскосые глаза сузились до щелочек, губы сжались, ноздри расширились, а желваки ходили туда-сюда. Она шагнула ко мне и, наклонившись, (случайно?) положила руку на кухонный нож.

— Откуда ты его знаешь? Кто тебе сказал???

Это не был голос женщины, с которой мы прожили больше пятнадцати лет. Я смотрел в ее глаза и отчетливо ощущал, как вдоль позвоночника стекают капельки пота. Мысли скакали в голове, мозг судорожно искал выход.

— Как откуда, — непринужденно (спасибо приобретенным за годы рекламы актерским навыкам) ответил я, — ты ж много раз про него рассказывала, коллега твой бывший.

Ира замерла, смотря куда-то за мою спину, похоже, пытаясь припомнить, потом выпрямилась и разжала руки.

— А… вот оно что… прости, милый, весь день сегодня по третьему каналу Красного мира про маньяков рассказывали,

потом еще ты с твоими анонсами. В голове помутилось, может, устала.

Она виновато улыбнулась, и хоть мне было совсем не весело, я ответил тем же.

— А почему ты вспомнил о Джо?

— Да сам не знаю, малыш, я тоже весь день сам не свой, а Джо… Просто показалось, я его видел сегодня неподалеку.

— Да? Может быть… не знаю. Я с ним давно не общалась.

Ира быстро ликвидировала последствия своей вспышки, и вскоре мы наслаждались аппетитной жареной грудкой и фасолью. Ужинали, смотрели рекламу и болтали ни о чем. Я старался расслабиться, но взгляд несколько раз падал на кухонный нож, а в памяти всплывали пальцы супруги, сжимающие его рукоятку.

Ира загружала посудомоечную машину, когда на кухню зашла Софья. У них завязалась вялая беседа. Не особо вслушиваясь, я просматривал на браслете ближайшие планы. Нашел!

— Малыш, ты просила завтра перед работой к своей новой подруге зайти, как там ее…

— Да? Ах, ну да… Виктория. Спасибо, милый, уже не актуально. Мы закончили наш маленький проектик.

— Правда? Расскажешь теперь, что это было?

— Какой ты нетерпеливый.

Лицо вроде доброжелательное, но от взгляда, которым она уже не первый раз за сегодня меня окинула, мне поплохело.

— Сюрприз! Через недельку все узнаешь!

— Как скажешь! — я поднялся и потянулся. — Пойду, подышу свежим воздухом пару минут.

Стараясь вести себя непринужденно, я прошел в прихожую. Свежий воздух, конечно, хорошо, но главной целью был подвал.

Все больше деталей указывало на то, что моя жена в курсе того, что происходит. За ужином, ковыряя вилкой румяную грудку, я лихорадочно искал выход. Мысли порой заворачивали в такие дебри, что казалось, будто они вовсе и не в моей голове родились. После короткого мозгового штурма я решил обыскать дом и начать с заднего двора и подвала. Больно часто супруга пропадала где-то там.

Дверь, еще не запертая на ночь, тихо открылась, и я вышел на улицу. Непредсказуемая ноябрьская погода вновь выкинула фокус: небо расчистилось, и на него высыпали многочисленные звезды. Вспомнилось, как в первые годы брака, после того как Софья засыпала, мы с Ирой часто выходили во двор, выключали освещающий лужайку фонарь, ложились в гамак и подолгу на них

смотрели.

Я любил свою жену и планировал сделать все, чтобы ей помочь, в какую бы передрягу она ни влипла.

Пришлось обойти дом по большому кругу, чтобы не пройти мимо окна кухни. Тут было почти темно, свет от фонаря еле добивал. М-да, осмотр двора придется отложить на другой раз, зато в подвале можно зажечь лампу.

Вот и вход. Лестница уходила во тьму. Передо мной висел светильник, но включать его я побоялся: супруга могла увидеть через окно. Придерживаясь рукой за стенку, я медленно нащупывая каждую из ступенек, стал спускаться. В тишине раздавался лишь скрип досок и мое дыхание.

Привыкшие к темноте глаза уже различали очертания двери, когда проем, через который только что светили звезды, заслонила чья-то тень.

— Ты куда, милый? — спросила Ира.

Загорелась лампа, я зажмурился.

— И почему в темноте?

— Да хотел дрель найти, коллега просил, — выдал я заранее приготовленную на крайний случай ложь. Глаза слезились. Яркий шар затмевал все вокруг.

— А про свет… забыл.

— Бедненький, — я услышал шаги, супруга спускалась. — Попросил бы меня, тем более, что в холодильнике кончился горох, и я все равно в подвал собиралась.

Беги! — отчетливо раздалось в голове. Спорить было бессмысленно, но и послушаться я не мог, хотя бы потому, что единственный путь отступления был перекрыт. Ира остановилась на ступеньку выше, и я почувствовал ее дыхание.

— Переутомился ты у меня сегодня, — она коснулась губами моей щеки, — надо больше отдыхать, иди в кроватку, а я скоро присоединюсь и сниму все твои стрессы.

Ее рука прошла по моему животу и спустилась ниже.

Я выдохнул и осознал, что действительно очень хочу лечь, закрыть глаза и забыть этот день. Будь что будет, не убьет же она меня, в конце концов. Моя ладонь легла на щеку супруги, а губы коснулись губ.

— Да, малыш, буду тебя ждать!

Стационарная камера № 145061 продолжает запись.
Место действия: дом семьи Фроловых.

Мужчина и женщина в постели, он лежит на ней, его лица не видно. Женщина стонет, смотрит в окно и улыбается.

Камера поворачивается к окну.

Изменение режима: запись для кабельного канала включена.

В объектив попадает еще один мужчина, он стоит у дома и смотрит в глаза женщине. Датчики фиксируют одновременно гнев и возбуждение. В руке мужчина сжимает пистолет.

Я стою на коленях над изувеченным женским телом и плачу. Плачу оттого, что только что лишился смысла жизни, потерял свою любовь. Я сжимаю ладонями щеки женщины, немного приподнимаю ее голову, наши лбы соприкасаются. Слезы капают ей на лицо. Это моя жена, но это не Ира… Я осознаю огромную глубину своих чувств к умершей, но вижу ее впервые…

В уши ворвался грохот включившегося потолка. Я не стал откладывать неизбежное и улыбнулся в камеру. Два балла. Странно, что не один. Всю ночь мне снилась какая-то дичь, но сон про мертвую женщину до сих пор стоял перед глазами. Я вскочил с кровати и приступил к зарядке. Подсознание подсказывало все новые упражнения, и тело, пусть и с трудом, справлялось.

Пока Ира дома, о том, чтобы тайно пробраться куда-либо, можно забыть. Повезло, что я еще несколько дней назад случайно увидел на экране ее браслета запланированную сегодня на 15:00 встречу с Александром, парикмахером. Как минимум два часа дома будет только дочь, которая вряд ли выйдет из своей комнаты. Лучшего времени для обследования (*обыска*) не найти.

На утро тоже имелся план. Вчера Ира отменила мой визит к Виктории, очевидно, что на ее решение повлияли расспросы за ужином. Меня же теперь очень интересовала неизвестная часть жизни супруги, в том числе, придет ли кто-то другой к Виктории сегодня.

Реклама стихла, но я выкроил еще несколько минут, чтобы закончить упражнения. Затем быстрые утренние процедуры (пять очков), и я вошел на кухню. Все как обычно: Ира хлопочет у плиты, а недовольная Софья за столом что-то лениво ковыряет в тарелке.

— Всем привет! — я чмокнул в щеку обернувшуюся жену и подсел к дочери. Она уже бросила не вдохновивший ее завтрак и интенсивно с кем-то переписывалась.

— Подружка или друг? — спросил я.

— Тебе-то что? — сначала она даже не подняла головы, лишь отклонила экран браслета так, чтобы я ничего не увидел, но затем носик ее вздернулся, и, глядя мне в глаза, она резко спросила:

— А если это мой друг старшеклассник — гонщик и хулиган,

ниже третьего уровня не опускающийся? Ты запретишь мне с ним общаться?

— Софья! — строго посмотрела на нее Ира.

— Что Софья!? — сегодня дочь не собиралась избегать конфликта, ее щеки покраснели.

— Софья! Мы с папой желаем тебе только добра…

— Да хватит уже! — ее глаза, засверкали от гнева. — Неужели вы не понимаете, что позорите меня!? Все смеются…

— Они не твои родители и не отвечают за тебя, — не удержался я и тут же пожалел, увидев, что теперь глаза Софьи наполняются слезами. — Мы просто хотим…

— А меня вы спросили? Чего я хочу?

Она вскочила и вцепилась руками в стол, переводя взгляд с Иры на меня и обратно и из последних сил сдерживаясь, чтобы не заплакать. Она знала ответ на этот вопрос и, не давая нам возможности в очередной раз его озвучить, немного сменила тему:

— А вы сами? Над вами же тоже все смеются! Хоть бы раз…

— Наша с папой жизнь никого не касается, — твердо оборвала Ира. Ее лицо стало жестким. Но Софью уже было не остановить.

— Хоть бы раз мусор мимо урны кинули! — она уже не сдерживала слез. — Вон Мэйсон месяц живет на районе, тоже немолодой, а все только и говорят, какой он крутой… и с вами, «улыбальщиками», сравнивают.

— Дочь, — я протянул к ней руку, но она откинула ее и, резко развернувшись, выбежала из кухни.

Мы переглянулись с Ирой.

— Переходный возраст, — будто мантру повторила она.

Тарелка с яичницей появилась на столе.

— Осторожно, горячо.

Я взял вилку и, должно быть, впервые за последние лет десять, забыв прорекламировать производителя, принялся за еду.

Да, я один из тех, кого люди, предпочитающие активную жизнь и риск, называют презрительным словом — улыбальщик. И пусть! Улыбаясь в камеры, я уже дожил до тридцати пяти, на три года превысив среднюю продолжительность жизни людей в ММУ.

Ира села напротив и, видя мое настроение, беседами не докучала.

Экран выдал четыре подходящих маршрута. Супруга ожидаемо вызвалась проводить меня.

— Времени с большим запасом, пойду длинным, — сказал я и загрузил данные.

Не самый удобный путь для моих целей, но объяснить иной выбор жене я бы не смог. Конечно, прямо к дому Виктории едет автобус, но он отходит от другой остановки, и, стоит мне пойти к ней, Ира сразу что-то заподозрит. В том, что она будет стоять на крыльце и следить за мной, я не сомневался.

— До вечера!

— До вечера!

Улыбка, поцелуй. По пути к воротам я физически ощущал взгляд на затылке.

Браслет запищал, сообщая о выходе за границу безопасной зоны. До дома Виктории оставалось чуть больше километра, я еще раз сверился с картой и свернул в арку. Сразу задрожали колени и меня потянуло назад.

Не в этот раз! Да тут и запросто может быть безопасная зона. Подбадривая себя я вошел в незнакомый двор.

Со всех сторон высились серые стены пяти-, шестиэтажных зданий Нижнего города. Ничего необычного: кое-где валяется мусор, окна нижних этажей закрыты решетками, натянуты несколько веревок, на которых сушится одежда. Быстрым шагом я направился к противоположной стене, где тоже виднелась арка. Вдалеке прозвучал выстрел — я вздрогнул, буквально одним скачком преодолел последние метры и спрятался в подворотне, оглядываясь по сторонам. Это далеко! Спустя минуту (столько потребовалось сердцу, чтобы начать биться в нормальном ритме), я продолжил путь.

Зачем я сюда пошел? Раз за разом проносилось в голове, пока один серый пустырь сменял другой, а его следующий. Что я хочу такого увидеть у Виктории, обычной среднестатистической домохозяйки? Как она может пролить свет на ситуацию с анонсом? Да никак! Я просто занимаюсь ерундой и при этом рискую жизнью.

А ты не считаешь странным, — вмешался голос, — *что Виктория, как и большинство подружек, с которыми сейчас активно общается твоя жена, появились в ее жизни совсем недавно?*

И что с того?

Я посмотрел на карту и к своему удивлению обнаружил, что прошел уже половину пути. Может, пронесет?

Выход из очередной подворотни. Снова пустырь, чуть больше предыдущих и, кажется, чуть более замусоренный.

Я успел сделать с десяток шагов, когда услышал сверху хлопающие звуки, похожие на те, что издает на ветру простыня, сохнущая во дворе. Тут же раздался оглушительный крик,

переходящий в визг. Я присел, закрыв уши ладонями. Что-то тяжелое ударило в плечо, бросив меня на землю. Визг стал тише, я вскочил и вскинул голову. Нечто огромное, с крыльями, разворачивалось для повторной атаки. Существо черного цвета походило на птеродактиля, только с клювом и с перьями.

Что-то теплое потекло по руке. Чёрт! Из глубокой царапины на плече лилась кровь и, пропитав практически весь рукав рубахи, стекала с пальцев. Визг снова резанул барабанные перепонки, и птица спикировала. Едва успев вскочить на ноги, я оттолкнулся и прыгнул в сторону. Вышло корявенько, но повезло. Лишь немного зацепив меня краем крыла, существо взмыло ввысь.

Оно защищает гнездо, — пришел на помощь голос, *— вон, над аркой, откуда ты вышел, отходи от него!*

Действительно, на четвертом этаже один из балконов с помощью подручных, вернее, подлапных средств птица переоборудовала в гнездо, и мое присутствие поблизости явно напрягало молодую мамашку (или папашку).

Я бросился к противоположной стене. Птеродактиль кружил надо мной, но, должно быть, понял мои намерения и не нападал. Запыхавшись, я вбежал в арку и еще раз обернулся. Существо успокоилось и, уменьшая круги, спускалось к балкону. Около минуты ушло на то, чтобы дрожащими руками достать аптечку и выбрать в меню характер повреждения. Еще столько же на обработку и заживление. И не меньше пяти, чтобы заставить себя двигаться дальше.

Теперь, прежде чем сделать шаг, я внимательно осматривал каждый закуток и неизвестный предмет. Предосторожности оказались излишними — оставшаяся часть пути прошла без происшествий.

Идеальное место! Первый этаж заброшенного магазина, хозяева которого не стали заморачиваться закрытием дверей или, что вероятнее, их уже взломали. Дом Виктории в двадцати метрах. Можно ждать тут. Найденный внутри стул я поставил под окном — получился неплохой наблюдательный пункт. Руки замерзли, пришлось спрятать их в карманах куртки. Минут пятнадцать-двадцать в запасе есть.

Через пятнадцать минут пришла неприятная мысль: а с чего я решил, что если и есть посланник, то он придет именно в это время? Почему не раньше или не позже? Вчера перед сном эта мысль казалась очевидной, сейчас же — полной чушью. Устраивать засаду на двадцать минут! Надо же додуматься! Я теребил рукав окровавленной рубашки, механически разглядывая

редких прохожих и проезжающие электромобили.

Ты можешь посидеть тут подольше — час, другой. Напиши на работу, что опоздаешь. Чёрт с ним, со штрафом, за битву с птицей больше дали.

Битву, хе-хе, но факт, что сто тридцать очков упало на счет сразу после инцидента. Плюс бонус за ранение. Кстати, надо не забыть сменить рубашку.

— Ладно, — пробормотал я и потянулся, — часик посижу.

Но часик не понадобился. Не прошло и десяти минут, как к воротам непринужденной походкой подошел мужчина. Создавалось ощущение, что он шел мимо, но в последний момент, что-то вспомнив, остановился. Но мне даже отсюда показалось, что мужчина очень уж акцентирует внимание на случайности своего появления. Он позвонил и снял очки. Ба! Так это же районный полицейский Полозьев. Вот только это не наш район! Эх, жаль не могу подойти ближе!

Вскоре появилась Виктория, и она не была удивлена. Они перекинулись парой слов, затем Полозьев что-то достал из-за пазухи и передал женщине. Предмет блеснул на солнце. Так и есть! Точно такая же глянцевая серебряная коробочка, что в прошлый раз приносил я. Полицейский пришел вместо меня, и его прислала моя жена!

В этот момент мне очень захотелось ускорить переход в Синий мир.

Глава 4

До обеда я практически не работал, то и дело поглядывая на часы. Окровавленную после встречи с птеродактилем рубашку я сменил еще до прихода в офис. Рука уже не болела.

Как только прозвучал сигнал на обед, я, предупредив, что задержусь, покинул офис и рванул домой. Из происшествий запомнился только обогнавший меня на огромной скорости мотоцикл на воздушной подушке. За спиной водителя, обхватив его руками за талию, сидела девушка в черном шлеме, черной куртке и короткой не по погоде красной юбке, задиравшейся от ветра. Молодежь ехала развлекаться.

На ключевые точки я время не тратил и уже в 14:10 подходил к дому. Проверил дверь — заперто. Отлично! Софья еще не вернулась. Прошел на задний двор — тележка с зелеными ручками стояла прислоненная к углу дома точно так, как в анонсе Управляющих.

Быстрым шагом я направился к входу в подвал.

— Привет, Серега! — раздался громкий голос сзади.

Кто там еще? Я обернулся: за невысоким забором на своем участке стоял Мэйсон, он улыбался и махал мне рукой.

— Привет, Мэйсон (чтоб ты провалился), как поживаешь?

Вопрос вырвался механически, я мгновенно понял свою ошибку. Сосед будто того и ждал и начал много и подробно рассказывать о том, как у него дела сейчас, как были до переезда и как, он надеется, будут после. Все мои попытки перебить игнорировались, все намеки на отсутствие времени не понимались. Минут через десять я плюнул на приличия и, сославшись на то, что мне нужно срочно возвращаться на работу, а перед этим заскочить в подвал за дрелью, отвернулся от назойливого соседа.

— О, что ты сразу не сказал! — оживился еще больше Мэйсон. — Твоя жена рассказывала, что у вас там и холодильник, и мастерская, и еще что-то! Говорила, ты покажешь, как будет время. А со мной не пошла, хе-хе. Переживала, что б ты чего не подумал. Так что погоди, я через минутку подойду.

Я обескуражено стоял и силился придумать хоть что-то. О том, чтобы идти вдвоем, речи быть не могло. Тем временем Мэйсон зашел на задний двор.

— Ну что, спускаемся?

Звук электродвигателя, давно маячащий на грани восприятия, усилился, и его источник заехал в наш двор. Мотор замолчал, наступила тишина. Это еще что? Мэйсон и подвал

отодвинулись на второй план, я пошел ко входу в дом и, повернув за угол, обомлел. На крыльце, прижавшись к двери, целовались те самые молодые люди, недавно обогнавшие меня на дороге. Парень запустил руку девушке под юбку и активно мял попку.

— Софья! — вырвалось у меня, нечто больше похожее на писк, чем на окрик, когда в девушке без шлема я узнал свою дочь. Парень испуганно отскочил. Софья же судорожно поправляла одежду.

— Ты почему не на работе? — перешла в наступление она, но я уже взял себя в руки.

— Быстро в дом, после поговорим, а ты — я обернулся к молодому человеку — выметайся с моей лужайки. Быстро!

Он хотел возразить, но понимая, что закон не на его стороне, попятился и сел на мотоцикл. Через мгновение двигатель взревел, и парень уехал.

— Папа!

— В свою комнату! Жди меня!

Ее подбородок задрожал, она постояла еще несколько секунд, потом развернулась и вбежала в дом.

— Я так понимаю, визит в подвал откладывается? — Мэйсон все еще стоял позади меня.

— Да… извини, что так вышло.

— Ничего, я пойду, — он направился к калитке, — ты это, не жести там особо.

Я несколько секунд смотрел ему в спину, а затем с ощущением, будто на плечах лежит тяжелый мешок, поднялся на крыльцо.

Дверь в комнату дочери была заперта.

— Софья, открой! — я дернул ручку.

— Уходи!

— Софья, или ты откроешь дверь, или до конца года будешь лишена всех карманных баллов, игр и каникулы проведешь в летней школе. Открой немедленно!

Когда я уже снова занес кулак для стука, за дверью послышались шаги. Замок щелкнул. Я перевел дыхание и вошел. Софья лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. В комнате царил полумрак, скудного света с улицы едва хватало.

Давненько я не заглядывал сюда, год уж точно. Девочек, чьи плакаты раньше украшали стены, за редким исключением сменили брутального вида парни с короткими стрижками и татуировками. Цветовая гамма комнаты значительно потемнела, и куда-то пропали почти все мягкие игрушки. Гнев быстро замещала растерянность. Я осторожно присел на кровать и

положил руку на плечо дочери.

— Софья…

— Отстань! — она дернула плечом.

— Софья, послушай…

— Отстань от меня! — закричала она и резко обернулась. Ее лицо было в темных разводах туши потекшей от слез. — Что ты хочешь сказать?! Что я еще маленькая?! Что мне рано?! Что мне надо ходить в школу и улыбаться в идиотские камеры?! Я это слышала сто раз, не помогло, не видишь?! Я не хочу быть такой, как ты! Такой, как мама!

Она снова бросилась на подушку и уже в голос разрыдалась. А я сидел и смотрел в окно на почти голые деревья и возвышающиеся вдали на фоне серого неба зеленые небоскребы. Много слов вертелось в голове, но, как только что правильно заметила Софья, все они уже были сказаны. Тоска сжала сердце, и пришло осознание: или сейчас я нормально объясняюсь с дочерью, причем, не используя стандартные доводы, или потеряю ее навсегда.

— Я все понимаю дочь, все понимаю, — я осторожно поправил ее задравшуюся юбку, — прости меня, я был неправ.

Для начала вроде неплохо: рыдания постепенно стихли, но Софья по-прежнему не поднимала головы, должно быть, ждала продолжения. Слова с трудом строились во фразы, а еще сложнее было выпихнуть их сквозь ком в горле.

— Мы с мамой переборщили, пытаясь защитить тебя… Теперь это очевидно, — я осторожно погладил ее по голове. Она не шелохнулась. — Ты же знаешь, у меня есть только ты и она, но ничего на свете не стоит того, чтобы испортить отношения с любимым человеком до такой степени, как это сделал я… Кроме, возможно, одного — его жизни.

— А возможно, и нет, папа! — Софья обернулась, и ярость блеснула в карих, как у матери, глазах. — Возможно, стоит узнать, чего хочет сам человек? Да и неплохо самого человека для начала узнать, а не думать, как вы всегда, что я только вчера пошла в первый класс.

Да, эта орущая на меня молодая девушка действительно мало походила на ту маленькую тихую Софью. Гораздо больше она напоминала молодую Иру в минуты наших ссор. Переведя дух, она продолжила:

— В конце концов, чего вы нагнетаете? Меня по возрасту не пустят на четвертый или пятый уровень… Лучше бы за собой следили…Вы… Вы…

Она замолчала и вновь рухнула лицом на уже черную от косметики подушку. Я ее понял. Так обычно начиналась вторая

часть претензий о том, что мы сами не используем даже первый уровень опасности. И так как это объяснить еще сложнее, да никто особо и не пытался, Софья совершенно логично считает, что мы делаем это из-за трусости.

— Мама тут ни при чем, доча, — начал я, хотя не испытывал никакой уверенности, что не пожалею о результате. — Это я уже очень давно взял с нее слово, что она никогда не будет понапрасну рисковать своей или твоей жизнью.

— Да никто не говорит про серьезный риск, — ее голос звучал приглушенно, но все так же резко. — Давай не будем снова о ваших погибших родственниках и тому подобном, я ж не дурочка и понимаю, что не могли они все погибнуть на первых трех уровнях.

Я дернулся, когда услышал это злое «ваших родственников», но удержался от того, чтобы поправить на «наших» — девочка никогда их не видела. В тех семьях, где старшему поколению посчастливилось выжить и жить вместе со своими детьми в одном мире, скорее всего, таких проблем не возникало.

В комнате было тихо, только за окном приглушенно завывал ветер и иногда слышался гул проезжающих мимо машин. От сидения вполоборота моя поясница и ноги начали затекать, и я осторожно пересел спиной к окну.

Только Ира знала историю Никитки. Я думал рассказать ее Валере в ответ на его откровение, но не смог. Так же, как до сих пор не мог найти момент и поделиться ею с Софьей.

Вряд ли представится более подходящий случай.

Я глубоко вдохнул и решился.

— Ты же помнишь, что у меня был брат, Никита…

— Никит, иди сюда! — я выхожу за ворота участка и зову брата. Никита меня слушается, ведь я на год старше. Он моментально теряет интерес к предмету, который они с двумя друзьями разглядывали в траве, и прибегает.

— Да, Сережа, куда пойдем?

Я подмигиваю ему и отвожу в сторону.

— Что видишь? — показываю браслет.

— Ого, третий уровень! Как тебе удалось?

— Подглядел у отца код доступа! — я очень доволен собой и наслаждаюсь восхищением брата.

— Ура!!! Теперь за неделю на те автоматы накопим! — он едва не подпрыгивает от нетерпения. — Пойдем прям сейчас?

Я оглядываюсь на дом. Сегодня суббота: отец собирается весь день смотреть футбол, а у матери день уборки. Часа три точно есть.

— Пошли, только держись за мной, — я подтверждаю выбор маршрута.

Стоит теплая июньская погода. Небо насыщенного голубого цвета. Стальные громадины небоскребов вздымаются в отдалении (в том мире, Софушка, мы тоже жили в частном секторе, как и сейчас). И мы, переполненные гордостью и страхом, трогаемся в путь.

Всю дорогу до Нижнего города я стараюсь убедить Никиту вести себя тише, не привлекать внимания: в автобусе могут оказаться знакомые родителей или просто ответственные взрослые, которые, если прознают о наших планах, могут помешать.

Солнце печет, и Нижний город встречает нас жаром раскаленного асфальта. Мы стараемся держаться в тени деревьев и невысоких домов.

Когда заходим в зону первого уровня, наши коленки трясутся, и мы замираем от каждого шороха. Через пятнадцать минут, во второй зоне, мы чувствуем себя непобедимыми исследователями космоса, героическими покорителями неизведанных миров. Страх давно прошел, отличий от безопасной зоны мы не замечаем, а баллы все быстрее падают на наш счет. Жарко. Мы сняли футболки и сделали из них повязки на голову.

— Смотри, — я показываю Никитке свой браслет, — за полчаса, пока мы тут, я получил столько же, сколько за два месяца дурацкой рекламы! И ты тоже!

— Здорово! — отзывается он, но я вижу: брат разочарован, и ему скучно. Я беру его за руку, и мы по десятому разу мечтаем о том, как на заднем дворе будем стрелять по пустым бутылкам из новых автоматов.

— Как ты думаешь, я попаду с десяти метров в бутылку из-под колы? — дергает меня за рукав брат.

— Конечно, попадешь, — я улыбаюсь ему.

— А с пятнадцати?

— И с пятнадцати.

— А в зажигалку?

— А вот в зажигалку только я смогу попасть, — я смеюсь и треплю его по голове. Мы давно идем по третьей зоне.

Перекресток. Тот самый перекресток, каждую деталь которого я знаю наизусть, ведь он постоянно появляется в моих снах. Две двухполосные дороги. Четыре светофора горят красным для пешеходов. Нас окружают пятиэтажные дома, во многих выбиты окна. На противоположной стороне — здание коммерческого банка (в банках в небезопасных секторах больше процент по вкладам и меньше по кредитам).

Мы стоим и пропускаем редкие машины.

И тут…

Дверь банка распахивается, и на пороге появляется высокий мужчина. Он одет в синий спортивный костюм, на лице скалящаяся белая маска, в одной руке пистолет, в другой черный целлофановый пакет. Он на секунду замирает, оглядывается и вот уже бежит по улице, быстро удаляясь. Мимо нас пролетает полицейская машина. Визг тормозов. Мужчина оборачивается и несколько раз стреляет. Я, как учили в школе, замираю и не отрываю глаз от погони.

Внезапно чувствую, как брат тянет меня за руку, а рядом начинает кричать женщина. Я поворачиваюсь и вижу, что Никитка встал на колени и заваливается набок, только ладонь, которую я крепко держу, не дает ему упасть. Я кричу и разжимаю руку. Он оседает. Пуля попала ему под левый глаз, из отверстия течет лишь тонкая струйка крови, а вот заднюю часть черепа снесло практически полностью.

Темнота.

Я оторвал взгляд от рукава, который теребил во время рассказа, и посмотрел на дочь: она лежала на спине, широко раскрыв глаза, и внимательно слушала.

— Много лет мои родители просыпались от того, что каждую ночь я кричал во сне, когда снова и снова видел лицо лежащего в гробу Никитки с замазанной дыркой от пули под левым глазом. Отец начал выпивать и все чаще ходить по городу на пятом уровне. Надо думать, пытался заработать мне баллов на обучение, развлечения и все остальное, лишь бы я не рисковал сам. И надо заметить, у него получилось… Когда мне было шестнадцать, и мы уже переехали в Зеленый мир, отец погиб.

Как бы то ни было, наследства мне хватило, чтобы купить новый дом и поддерживать маму, у которой к тому времени уже помутилось в голове. Она умерла через два года после отца.

Маленькая девичья ладошка легла на мое плечо. Софья привстала и посмотрела мне в глаза.

— Понимаешь, Софушка… Все бы ничего, время кое-как, но лечит.

Перед глазами плыло, сердце отчаянно билось в груди одновременно и от облегчения, и от вновь пережитого ужаса.

— Но все эти события оставили след внутри… Я ничего не мог сделать с собой… Я выходил из безопасных зон только в самых крайних случаях… А когда дело касается мамы или тем более тебя… меня всего начинает трясти… Сразу вспоминаю брата и тот проклятый третий уровень.

— Почему ты раньше не рассказывал? — теперь Софья сидела на кровати и внимательно, будто в первый раз, разглядывала мое лицо.

Действительно, почему? Для себя я отвечал на этот вопрос всегда одинаково: слишком рано — пока Софья была маленькой; неподходящее время — после того, как она выросла. А на самом деле? На самом деле потому, что всегда считал себя единственным виновником произошедшего в тот день и всего того, что произошло после. Как все это объяснить?

— Ты не виноват, — словно прочитав мои мысли, шепотом сказала Софья, — не ты придумал этот мир.

Не я. Он был таким двести лет, со дня Последней войны, и таким останется в будущем.

— Не я придумал, но для себя выбрал такой путь, — я коснулся ее щеки и попробовал улыбнуться, — прости, что и для тебя тоже.

— Ну теперь-то все в прошлом? Я вижу, ты все осознал, раскаялся, и теперь я могу после школы с ребятами бегать по третьим квестам?

Она неловко засмеялась, увидев мое ошарашенное лицо.

— Шучу, шучу, прости.

— Можешь начать с первых.

— Но первые с двенадцати лет! Они скучные…

— Вторые только с экипировкой и в группе. Пока тебе не исполнится пятнадцать, о третьих даже не упоминай при мне и маме.

Ее глаза засияли, в этот раз от радости.

— Спасибо, папочка!

Она обняла меня и поцеловала в щеку. Теперь и я буду в черной туши.

— Да, и еще папа, раз зашла речь…

В этом вся Софья, даже не знаю, откуда это у нее. Если чувствует, что гнется — гнет. Я вопросительно поднял бровь, давая понять, что легко не сдамся.

— Завтра пятница, все собираются на день рождения Маргариты, можно… я останусь у нее на ночь?

— Нет, — не задумываясь, воскликнул я и тут же пожалел о чрезмерной резкости, — не позже одиннадцати домой.

По лицу дочери я понял: это больше, чем она рассчитывала из меня выжать.

— Спасибо!

— И смотри, чтобы этот дылда свои руки не распускал!

Лицо Софьи залилось румянцем, и она спрятала его на моем плече. Дверь в комнату приоткрылась, и показалась голова Иры.

— Ух ты, — сказала она и исчезла.

Когда я спустился вниз, на кухне уже шел творческий процесс.

— Я раньше не замечал, что ты проводишь столько времени за плитой.

— Ты раньше не бывал в это время дома, — шутливо сказала она. После визита к парикмахеру ее черные волосы стали гораздо короче.

— Ах да, и мне пора возвращаться в офис, — я посмотрел на часы, — заскочил за дрелью, вчера ж ты так и не вынесла.

— Взял?

— Если бы, потом расскажу. Побежал!

— Давай!

Стационарная камера № 31270 продолжает запись.

Место действия: жилая комната на втором этаже в доме семьи Фроловых.

Девушка встает с кровати. Она подходит к шкафу, открывает секретную панель и достает оттуда толстую тетрадь. «Мой дневник», — написано на обложке. Девушка отодвигает стул и садится за письменный стол. Дневник раскрыт. Ручка дрожит в пальцах. Проходит две минуты.

«Сегодня говорила с Сергеем», — пишет девушка. Задумывается. Переворачивает ручку, стирает «Сергеем», пишет: «папой». Продолжает: «Почему? Почему он не рассказал мне раньше?».

Девушка откидывается на стуле и смотрит в потолок. Проходит две минуты.

«Папа в юности потерял брата, и это сломало его. Он чувствует вину. Теперь опекает меня, видимо, желает как-то искупить случившееся с братом. Я стала больше понимать его».

Девушка снова смотрит в потолок. Проходит три минуты.

«Он видел, как Денис лапал меня за задницу. Кошмар! Правда, не ругал. Пока. Он неплохой мужик, просто сломанный». — Задумывается. Стирает «сломанный», пишет: «сломленный». «Буду чаще общаться с ним. Нужно объяснить, что я осторожна. И пусть не в третьем, но во втором уровне ничего страшного уж точно нет».

Девушка читает дневник, закрывает, встает и идет к шкафу. Останавливается. Возвращается. Садится, открывает.

«Ах да. Чуть не забыла! В субботу днем родителей Дениса не будет дома. Я согласилась попробовать кое-что из второго уровня сексуальной шкалы. Очень волнуюсь.

Пы.сы. Интересно, что мама сегодня утром так долго обсуждала с красавчиком Мэйсоном?»

На восточном месторождении произошла крупная авария. Столько красных жирных трясущихся физиономий руководителей, сколько сегодня, я не видел уже давно. Весь день на различных уровнях решали, стоит ли приступать к срочному ремонту или спокойно ждать. Сашка недавно сказал: «В первые после Конца Цикла годы газ будет не особо нужен». Так же думало большинство. Ажиотаж постепенно спал, но мне все равно пришлось задержаться, чтобы оформлять и исправлять бесконечные отчеты.

Домой я вернулся к полуночи. Софья уже спала, а Ира лежала на диване и смотрела ток-шоу из Красного мира про отношения между заложниками и террористами в захваченном торговом центре. Я помылся и, не включая свет, юркнул в постель. Шрам после дневной атаки птицы хоть и был небольшим, но ненужные вопросы мог вызвать.

План на завтра уже созрел.

Глава 5

Я снова стою на коленях, и передо мной женское тело (любимая!). Я плачу. В руках держу пистолет и с удивлением его рассматриваю, не понимая, откуда он взялся. Мы находимся в кругу красного света, конусом падающего сверху. За кругом темнота, но видно какое-то шевеление, будто фигура, сотканная из еще более плотного мрака, находится там.

— Это твоя вина, Роберт! — голос тени очень, очень знакомый. — Твой выбор! А ведь мы могли изменить мир!

— Н е-е — е-т!!! — я кричу, вскидываю пистолет и выпускаю всю обойму в сторону тени, даже когда магазин пустеет, продолжая дергать спусковой крючок.

— Твоя вина!

В 10:15 я вышел из офиса через запасной выход. На мне была шляпа с широкими полями, большие очки и длинное пальто коричневого цвета с высоким воротником. Все обмундирование полчаса назад доставил курьер. Также он привез двадцатикратный бинокль.

Еще через полчаса я выезжал со станции проката на видавшем лучшую жизнь маленьком электрическом Форде, аренда которого на три часа стоила мне недельного дохода. Почти не участвуя в процессе управления, я ехал в сторону дома и задумчиво разглядывал утренний город.

За тридцать лет из развалин Золотого мира возник зеленый исполин.

Руины стали величественными небоскребами, обломки — гигантскими супермаркетами и мастерскими, пыль — прекрасными парками, вместо искореженных осколков возникли многоуровневые дороги с множеством машин.

Конечно, быстрому развитию способствовало и то, что не пришлось восстанавливать производственные комплексы и фермы, не тронутые катаклизмами предыдущего Конца Цикла. Да и системы автоматизированной добычи ископаемых за пределами купола, возможно, сохранились еще с первого из миров, основанного на этом месте.

Кстати, когда это было? Не меньше ста двадцати лет назад, а то и всех ста пятьдесяти!

Все-таки люди, выжившие в Последней войне и основавшие Изначальный мир, — гении!

Что они имели?

Продвинутые технологии, много ресурсов, маленькую

территорию, окруженную агрессивной внешней средой.

Какая задача перед ними стояла?

Обеспечение стабильного роста популяции, недопущение интеллектуального и морального разложения общества из-за переизбытка ресурсов и отсутствия работы.

Решение?

Система МультиМирового устройства (до построения третьего купола — ДвухМирового), знакомство с которой любой гражданин трех миров начинал еще в младшей школе.

Схема ММУ, без сомнения, стала идеальным решением и единственным выходом из ситуации, в которую попали первые поколения жителей «Изначального купола». Теперь в мирах много хлеба, очень много зрелищ, есть куда приложить энергию активистам, которые в старом мире сошли бы с ума или стали бы преступниками. Наукой и технологиями, судя по последним достижениям, тоже есть кому заниматься. В целом, все довольны.

Машина остановилась на пешеходном переходе. Группа людей, явно выполняя какое-то задание, активно жестикулируя, прошла мимо. Чуть в отдалении пролетел вертолет скорой помощи и скрылся за домами — город жил обычной жизнью. Загорелся зеленый свет, и моя поездка продолжилась.

Надвигающийся Конец Цикла станет четвертым при моей жизни, но все равно трудно осознавать, что через три месяца этот мир превратится в руины. Конечно, после непродолжительной очистки на его развалинах начнет строиться новый, если верить Сашке, Белый город, и когда-нибудь он станет таким же красивым и величественным, но масштабность предстоящих событий все равно поражала…

Машина повернула, и я огляделся: ох, уже моя улица!

Свободное место для парковки нашлось в пятидесяти метрах от дома. Двигатель замолчал, а я затаился, вжавшись в спинку кресла.

Начиналось самое интересное. В бинокль отчетливо просматривался дом и окрестности. В окне мелькнул силуэт Иры. Хорошо. Теперь надо дождаться, пока она уйдет и прихватит с собой всех соседей, полицейских и кто там еще собирается мне помешать влезть наконец в этот чёртов подвал. Я отпросился с работы на весь день и планировал получить все ответы именно сегодня.

Понадобилось около двух часов. К воротам нашего дома подъехал электромобиль, и не зачуханный старый Форд вроде моего, а новенький Мерседес, прямо как в анонсе. Я сглотнул и сжал бинокль так, что побелела кожа на костяшках пальцев.

Нельзя пропустить ни единой мелочи!

Ира появилась через пять минут в коротком красном платье, подчеркивающем фигуру, красных туфлях на высоком каблуке и накинутом на плечи черном длинном пальто. Все это стоило моей годовой зарплаты. Из машины вышел высокий мужчина в серых брюках и белой рубашке и открыл моей супруге дверь. Мэйсон! Неслучайно вчера мне зубы заговаривал. А в человеке за рулем, хоть солнце и бликовало на лобовом стекле, я признал участкового Полозьева. Вся компашка в сборе.

Мерседес тронулся, пришлось сползти под руль, чтобы меня не заметили. Подождав еще пару минут для верности, я подъехал к воротам. Огляделся. Улица пуста.

Не закрывай дверь.

Разумно.

Я бросился на задний двор и, не теряя времени на его осмотр, побежал вниз по ступенькам в подвал, на ходу доставая ключ. Он не подошел. На мгновение я растерялся.

Ломай! — это уже был не голос, а какой-то внутренний позыв. Показалось, что на долю секунды я даже потерял контроль над телом и против своей воли повернулся к двери. — *Быстрее!*

Я ткнул преграду плечом, она пошевелилась: сменили только замок, сама дверь старая. Отклонился и ударил сильнее, дверь заметно пошатнулась, но устояла. Плечо пронзила острая боль.

Ударь ногой в район замка!

Я поднялся на несколько ступенек, чуть наклонился вперед, уперся руками в стены, а опорной ногой на ступеньку и, вложив все свои страхи, ударил. Попал удачно — в сантиметре от ручки. Дверь с грохотом распахнулась. Есть! Чуть припадая на ушибленную ногу, я ввалился в темноту подвала.

В нос ударил резкий запах.

Однажды, когда мы с Никиткой были маленькими, отец взял нас на рыбалку к самому куполу. По пути нам встретилась заболоченная поляна. От стоячей воды пахло примерно так же.

Я нащупал выключатель — загорелся свет. Дела! Меня здесь не было всего месяц, а подвал изменился до неузнаваемости: какая-то коричневая субстанция обволакивала практически все поверхности, на потолке вспучивались десятки полусфер размером от теннисного до волейбольного мяча. На стенах тоже были наросты, только продолговатой формы и покрупнее.

Что-то эта обстановка мне здорово напоминала, и я совсем не чувствовал себя на безопасном уровне. Сердце все сильнее билось о ребра, а во рту пересохло. В мастерской то же самое: повсюду слизь. Стараясь не наступать в натекшие с потолочных наростов

лужицы, я направился в сторону самой большой комнаты подвала, используемой как погреб.

Зашел. Лампочка светила тускло, периодически мигая. К запаху болота примешался запах гниения: что-то протухло. Я огляделся: вроде все убрано, но полумрак не позволял разглядеть детали; прошел в середину комнаты — вонь усилилась.

Мне показалось, что дверца стоящего в дальнем углу большого — в человеческий рост — холодильника закрыта неплотно, и из него что-то торчит. Подошел, так и есть — кусок мяса продолговатой формы не влез и свисал наружу, распространяя отвратительный запах. Он почти полностью разложился, и казалось, в нем что-то шевелится. Подавив рвотный рефлекс, я потянул за ручку, и уже через мгновение мой завтрак оказался на полу. Меня рвало не меньше минуты. Только когда желудок полностью опустел, я собрал силы и поднял глаза.

В холодильнике лежала изувеченная, но все же легко узнаваемая моя жена Ирина. Низкая температура сохранила ее от разложения, не повезло только руке, застрявшей снаружи.

Скрипнула дверь, и я испуганно обернулся. В проеме стояла моя живая жена Ирина и, улыбаясь, смотрела на меня.

— Любопытство сгубило кошку! Знаешь такую поговорку, милый? — она негромко засмеялась. Я инстинктивно сделал шаг назад и уперся спиной в стену. Пот стекал со лба и заливал глаза. Игры закончились.

Тяни время. Она недооценивает тебя.

Ага. Может, я себя переоцениваю?

— Ты кто? — спросил я, чувствуя, как дрожит голос.

— Кто на самом деле? Или кто сейчас для этого мира? — ухмыльнулась или, скорее, оскалилась Ира и совсем перестала походить на мою жену. Она повернулась к камере, висящей рядом с лампой. — Код Альфа 966. Стереть последнюю фразу.

— И ты забудь, муженек, хотя об этом я скоро позабочусь.

Стационарная камера № 67440 продолжает запись.
Место действия: подвал дома семьи Фроловых.
Режим: запись для кабельного канала.

Мужчина стоит, прижимаясь спиной к стене.

— Ты кто?

— И ты забудь, муженек, хотя об этом я скоро позабочусь, — женщина смотрит в объектив. — Я выбрана Высшими существами стать Проводником, их Путеводной Звездой в этом новом для них мире, я помогу им освоиться здесь и возродить некогда великую цивилизацию.

Женщина смеется.

— Код Альфа 961, пауза, — Ирина смеялась долго и искренне. — Блин, сколько работаю, не могу такую чушь без смеха говорить.

Она сделала вдох, лицо снова стало серьезным:

— Код Альфа 960. Запись. Присоединяйся к нам, Сергей!

Я смотрел на нее и понимал только то, что она ведет даже не двойную, а как минимум тройную игру и что мне вряд ли есть место в ней, живому уж точно.

Тяни время, — повторил голос, — *и, по возможности, передвигайся, в этом углу полезного нет.*

Отличная ситуация для прогресса шизофрении. Но терять нечего. Я отлепился от стены и, задумчиво глядя на «Проводника высших существ», начал медленно продвигаться к противоположной стене.

— Стало быть, ты инопланетянка и вселилась в тело моей жены? — я непроизвольно посмотрел на открытый холодильник и вздрогнул: мертвые глаза Иры смотрели прямо на меня.

— Я человек, да и как ты видишь, тело твоей жены, ха-ха, на месте, просто я лучшая из людей и помогаю равным себе, Высшим существам.

Она правду говорит? Если выберемся отсюда, это может быть важно.

Понемногу я двигался вперед.

— И давно ты… заменила мою жену?

— Ха, хороший вопрос! А попробуй угадать?

Самозванка выгнула спину и подняла край платья, так что показались белые трусики. Очевидно, она получала удовольствие, играя со мной.

— Наверняка же были отличия! Ну хотя бы в сексе!

А, действительно, когда? После анонса я уже присматривался, а до того? Однозначно секс стал чаще. В последние две-три недели. И да, пожалуй, разнообразнее. Чем больше я вспоминал, тем больше всплывало мелких отличий. Слишком много. На секунду я замер, так меня поразило открытие! Это каким слепцом надо было быть! Около трех недель в постели с другой, абсолютно другой женщиной, и не заметить!

— Три недели! — прошептал я.

— О, почти в точку! Порадуй меня, скажи, кто лучше?

— Ты, — я не видел пользы от иного ответа, а вред очень даже.

Нож на столе у той стены.

Я незаметно скользнул взглядом по столу. Нож лежал в луже коричневой слизи. А вот с незаметностью вышла промашка.

— Что-то задумал, милый? — голос Ирины изменился, и улыбка сошла с губ. — Нормально же разговаривали!

Я замер, но, похоже, Проводник решила сворачивать нашу беседу.

— К сожалению, с самими Высшими я тебя не смогу познакомить, зато с их домашними питомцами легко.

Она достала из-за пояса прибор, похожий на пульт от телевизора и по очереди направила на пару самых больших наростов на потолке. Они тут же зашевелились и стали медленно раскрываться.

Зрелище сильно напоминало лопающиеся прыщи.

Первым раскрылся дальний от меня нарост, и его содержимое с чавкающим звуком плюхнулось на пол, но тут же вскочило на ноги и стало оглядываться. Хотя те восемь штук, на которых оно стояло, могли быть и не ногами, а то, чем оно вращало — не головой. Но вот зубы и когти точно были тем, чем казались, и их было удивительно много для такой, в общем, небольшой твари. Омерзительнее гада я в жизни не видел, но порог отвращения и удивления был давно пройден. К тому же времени оставалось в обрез: в полуметре от меня вскрылся второй нарост, и его жилец выпал наружу.

Бей! — яркая вспышка резанула сознание и я, словно наблюдая за собой со стороны, увидел, как медленно отвожу ногу — замах! — и резко выкидываю вперед — удар! Подобно футбольному мячу, падающее существо попало точно на сгиб голеностопного сустава. Раздался жуткий визг, а затем другой. Второй издала Ирина — так как маленькое чудище, описав дугу, попало ей точно на грудь и с перепугу принялось рвать и драть все подряд.

Я бросился к ножу. Вовремя. Второй монстр оттолкнулся многочисленными ногами и одним прыжком преодолел комнату, лишь на пару сантиметров его когти разминулись с моим горлом. Считанные мгновения потребовались гаду, чтобы сориентироваться и прыгнуть снова, но я уже схватил нож и выставил перед собой. Чудовище налетело точно на лезвие и пронзительно заверещало, размахивая во все стороны когтями. Получив несколько незначительных порезов, я бросил нож и обернулся к дверному проему. Там схватка также подходила к концу. Ирина стояла ко мне спиной, она откинула противника и навела на него дуло пистолета. Я рванул вперед одновременно с выстрелом, заглушившим звук моих шагов, и, всей массой налетев на самозваную жену, отбросил ее на стену. Она вскрикнула и рухнула на пол, я тоже не устоял и упал на колени. Глаза Иры были закрыты, а из рассеченного лба лилась кровь.

Я схватил выпавший пистолет и бросился к выходу из подвала.

Уличная мобильная камера № 15512 продолжает запись. Режим: запись для кабельного канала.

Звук выстрела. Из электромобиля Мерседес выходит мужчина, быстрым шагом направляется в сторону подвала дома семьи Фроловых.

— Ирина! Все в порядке?

Мужчина подходит к лестнице и заглядывает вниз. Раздаются три выстрела. Тело, отброшенное пулями, падает на газон. Глаза открыты, на груди расплывается красное пятно. Датчики показывают: он мертв. Из подвала выбегает мужчина, в руке у него пистолет, озирается и бежит к воротам. Со стороны соседнего участка звучит автоматная очередь.

Пули прошили стену дома над головой.

Мэйсон, падла! Надо увести его от дома, здесь может в любой момент появиться Софья!

Я перепрыгнул тело полицейского Полозьева и рванул к Форду. Выстрелы прекратились. Похоже, удалось немного оторваться. Открыл дверь и нырнул в салон. Снова очередь — разлетелись все боковые окна, и меня засыпало осколками.

Жми на пятый уровень! Тут не скрыться!

Совет был здравый, но последовать ему я не мог.

Софья. Примерно в это время у нее кончаются уроки. Игра явно шла крупная, и я не тешил себя иллюзиями о судьбе дочери, стань она вдруг свидетелем происходящего. Ее нужно перехватить. Но сначала необходимо избавиться от Мэйсона. Все это пронеслось в голове, когда я включал зажигание и практически вслепую, едва высовываясь из-под руля, выезжал на дорогу.

Стрельба вновь стихла, и я рискнул обернуться. Мерседес преследователя быстро набирал скорость.

Шустрый, гад!

Огни фар становились все ярче. Мимо проносились двухэтажные дома частного сектора. Встречные машины отчаянно сигналили.

Что ж, была не была! Я рывком сел, лихорадочно пытаясь застегнуть ремень безопасности. Получилось не сразу. Между Фордом и Мерседесом оставалось меньше трех метров. Я вцепился в руль и изо всех сил нажал на тормоз.

Удар. Искры и скрежет. Мой сильно замедлившийся Форд бросило вперед и вправо на обочину. Меня то кидало на ремни,

то вжимало в кресло. Ствол толстенного дерева снес правое зеркало, процарапал дверь и остался позади. Я больше рефлекторно, чем сознательно снова нажал на тормоз. Машину занесло, раздался треск: это заднее крыло ломало чей-то забор и протащило еще метров десять.

Приехали.

В голове гудело, на лбу вздулась шишка, надо полагать, приложился о руль, все тело ныло. Хотелось закрыть глаза, вырубиться и чтобы все стало, как раньше.

Как раньше не будет!

Мало что сознавая, я открыл дверь и выпал из машины.

Перед глазами все кружилось. Если бы меня не вырвало раньше, вырвало бы сейчас. Я стоял на четвереньках и быстро дышал через рот. Слюна, перемешиваясь с кровью из прикушенной щеки, капала на землю.

Вставай, пора валить.

Пошатываясь, я встал и огляделся. Пятнадцать метров белого забора и ворота на участке превратились в обломки. Черные следы от колес Форда на пожухлой траве вырисовывали четыре замысловатые параллельные линии. Мерседесу повезло меньше. Скорее всего, Мэйсон успел затормозить, и его машина клюнула носом, поднырнув под багажник Форда. А потом взлетела, как прыгун с шестом. Упала, перевернулась и врезалась в дерево. Сейчас на противоположной стороне дороги валялась лишь искореженная груда металла.

Мэйсон не пристегнулся, он лежал ровно посредине проезжей части.

С окрестных участков выглядывали люди, привлеченные звуками аварии. А с крыльца дома, забор вокруг которого я только что превратил в обломки, спускался очень плотный, явно недовольный мужик. Задерживаться и встречаться с полицией не входила в мои планы, стоило играть на опережение.

— Квест, посвященный Концу Цикла! — крикнул я, делая шаг навстречу толстяку. — Скоро прибудут полицейские и страховщики — компенсация в тройном размере. Простите за неудобства.

Мужик притормозил, и я, воспользовавшись моментом, сел в свой помятый Форд, надеясь, что он еще на ходу.

— Кратчайший маршрут, школа 810!

Глава 6

Стационарная камера № 31270 продолжает запись.

Место действия: жилая комната на втором этаже в доме семьи Фроловых.

Дверь открывается, заходит девушка, она снимает рюкзак и бросает на кровать, быстрым шагом идет к шкафу и достает дневник. Пишет.

«Сегодня прогуляла два урока. Все из-за этой рыжей овцы! Второй уровень, рядом со школой, тройные баллы, надо идти… Ой-ой-ой. Выпендрежница хренова. И, главное, смотрит на меня, мол, что? Родители не разрешают? Коза!

Пришлось идти.

Не, ну повеселились-то нормально, конечно. Денис и Васька ребята опытные, сказали: всем взять с собой школьный инвентарь. В итоге кто граблями, кто вилами, кто лопатами ловили тех мелких белых тварей. Ну и мерзота, конечно, на сороконожек похоже, только ног чуть поменьше. За час справились. Ржач был, когда Васька подцепил одну из дохлых тварей на лопату, бегал за этой рыжей сукой и тыкал ей в лицо. Она даже разрыдалась. Так ей и…»

Девушка прекращает писать и прислушивается. Встает, подходит к двери. Слушает. Сенсоры улавливают шум на первом этаже. Проходит две минуты. Девушка на цыпочках отходит от двери и выглядывает в окно. За окном: женщина выходит из дома. Девушка возвращается к столу. Продолжает писать:

«…надо, меньше будет выпендриваться!

Потом считали баллы. У меня вышло двадцать пять; немного, конечно (Денис почти двести набрал!), но и не меньше всех. Я хотела предложить Денису прогуляться, но они с Васькой побежали в соседний квартал выполнять бонусное задание. Меня, как и ту рыжую тварь, не позвали — мы не прошли по баллам. Ну и ладно, отыграюсь в субботу!

Насчет субботы: я решила играть в недотрогу. Пусть помучается, девчонки говорят: если дать сразу чего хочет парень, он быстро охладеет. Так что буду ломаться: ой я не такая, и т. д. И только в самом конце…»

Сенсоры улавливают разговор в подвале дома. Девушка не слышит и продолжает писать:

«…уступлю. Понемногу. Сопротивляясь. Главное — не показать, что сама хочу. Возможно даже больше, чем он. Он такой классный, как…»

Сенсоры улавливают звук выстрела из подвала. Девушка

вскакивает, в ее руке дрожит ручка. Прислушивается. Медленно опускается на колени, ползет к шкафу. Засовывает руку. Достает расширенную аптечку М2, пристегивает к поясу. Снова засовывает руку. Достает пневматический пистолет крес-п12. Сенсоры улавливают еще три звука выстрелов. Девушка сжимается. Сидит. Мимика и данные датчиков указывают на ее страх. Проходит минута. Она на четвереньках ползет к окну и выглядывает.

За окном резко срывается с места и уезжает синий Форд. За ним следует черный Мерседес.

Форд въехал в Нижний город. Я, изредка поглядывая на дорогу, переодевался. Окровавленная рубашка и изрезанная когтями существа куртка валялись под пассажирским сиденьем. Аптечка сделала свое дело — порезы обработаны, два из них зашиты. Стимулятор медленно, но верно очищает мозги.

Послушай, друг, — интонация голоса изменилась, таким серьезным и сосредоточенным он еще не звучал, — *не делай ошибки. Дочь — это святое, конечно, но поверь, без тебя ей безопаснее, она им не нужна.*

Кому им?

Не знаю… Да и неважно сейчас… Ты убил полицейского. Я понимаю — ты надеешься, что камеры не передадут видео. Но по запросу Управляющих они сделают это. И поверь, Я ЗНАЮ: в твоем случае это вопрос минут, максимум пары часов…

Подъезд к школе перекрыли. Пять полицейских стояли за длинным, во всю ширину дороги, черно-желтым ограждением, похожим на шлагбаум. Я припарковался, не подъезжая слишком близко.

…Остановись! Смени тачку, спрячься где-нибудь на четвертом-пятом уровне.

Солнце клонилось к горизонту, и заметно похолодало. Я вылез из машины, застегнул куртку и нацепил темные очки. Дверь Форда осталась открытой.

Одно дело воевать пусть и с крутой, но шайкой, совсем другое — со всем городом.

Да уж, и очень интересно, какую роль в происходящем играют Управляющие.

— Школа закрыта, — сообщил худощавый полицейский лет тридцати, когда я подошел к ограждению.

— Что случилось? Где дети?

— Ваши родственники учатся в этой школе?

— Да, дочь.

Рядом с нами с визгом остановилась фиолетовая, говорящая о

биологической угрозе машина. Ее борт украшала эмблема перечеркнутого маленького круглого существа с непропорционально большим количеством зубов. Все ясно: опять кто-то ошибся в лаборатории и вывел какую-то мелкую, но агрессивную хрень.

Из кузова выбежали четыре человека в белых спецхалатах и противогазах, очевидно ученые. Следом, не спеша, вышел крупногабаритный тип в камуфляжном костюме, высоких черных ботинках и с автоматом. Ему предстояло поставить точку во всей этой канители.

— Второй уровень биологической угрозы, — сказал полицейский, следя за тем, как люди в белом вытаскивают из машины оборудование. — Все учащиеся эвакуированы, кроме…

Он сделал паузу, подбирая слова, а у меня похолодело внутри.

— В общем… двоих учеников десятого класса не могут найти с утра, и еще почти целый класс сбежал с уроков. Мы думаем, это связано с текущей проблемой, не со всеми из них удалось связаться.

— Какой класс сбежал? — спросил я и тут же зажмурился, так как голову буквально разорвало от крика:

Ты дурак, что ли? К твоей Софушке, это точно не имеет отношения. Не погибают дети в школах — это закон! Пропавшие дети — подставные.

— 9 «Б», — ответил полицейский. Класс Софьи.

— Твою мать, — прошептал я.

Твою мать, — повторил голос.

В этот момент раздался выстрел, и пуля, царапнув мне плечо, пробила грудь стоящего передо мной полицейского.

За машину, пригнись! — такие команды надо исполнять быстро. *— Пятеро, сзади! Наемники! Полный обвес!*

В ста метрах ниже по улице стоял мой помятый Форд. Надежды добраться до него не было.

Людей становилось все меньше, я жал на полную и просто надеялся на чудо. Тем временем количество преследовавших меня машин возросло до пяти.

События у школы запомнились урывками.

Критическое положение спас боец, приехавший со службой биологической безопасности. Пока пребывающие в шоке от внезапного нападения и смерти товарища полицейские прятались за машины и вызывали подкрепление, он обошел противников сбоку и двумя короткими очередями снял двоих наемников. Остальные переключились на новую угрозу. Тут и полицейские

вспомнили, что их работа подразумевает опасность третьего уровня и выше, равно как и соответствующую зарплату, и тоже открыли огонь.

Начался ад. Грохот выстрелов рвал перепонки, слышались крики раненых прохожих, нападавшие кинули световую гранату, которая, несмотря на то, что я стоял спиной, через отражения в кузовах машин ослепила меня на несколько минут. Полицейские в ответ кинули гранату со слезоточивым газом, а осенний ветер услужливо разнес ее содержимое по всей округе.

В общем, заползая на сиденье Форда, я практически ничего не видел, не слышал, и меня уже который раз за сегодня сильно мутило. Немного помогла запасная аптечка, но все равно потребовалось время, чтобы прийти в себя, благо на площади, где шел бой, никому до меня не было дела.

И вот я вновь на дороге, и за мной погоня. Первый из преследователей появился, не успел я отъехать от школы и двух километров. Еще через два километра их было три. Сейчас пять.

Нам хана.

Да, похоже на то. Но после всего, что произошло сегодня, это меня уже мало беспокоило. Более того, на фоне этих событий я почти физически ощущал вкус своей прошлой пресной и серой жизни. Конечно, мне и раньше случалось задумываться о безнадежной никчемности одинаковых дней, но сейчас я ощущал разницу особенно ярко.

Лишь маленький кусочек солнца висел над горизонтом то появляясь, то исчезая за мелькающими домами и деревьями. Ветер завывал в изувеченном салоне Форда, из стекол уцелела только моя половина лобового, почти все остальные выбило или разбило пулями. К удивлению, я не замерз, более того, расстегнул молнию куртки до груди.

Софья! Только о ней я думал, глядя в единственно уцелевшее зеркало. Только эти мысли не давали развернуть машину и встретить судьбу лицом к лицу.

Нет! Играем до конца.

Форд, казалось, ехал на пределе своих возможностей, из-под мятого капота не переставая раздавался стук и скрежет. До крупной пятой зоны, которую я выбрал целью, оставалось три километра. Пистолет лежал на пассажирском кресле.

С последним лучом заходящего солнца шесть оранжевых машин, ревя моторами, вылетели из оранжевого полуразрушенного квартала на фоне оранжевого неба.

Мгновение. Солнце скрылось.

Шесть серых теней разного оттенка несутся по темно-серому

полю, над ними темнеет небосвод, и на севере горит одна-единственная звезда.

Выбравшись на простор, преследователи смогли выжать из своих машин максимум и стали стремительно приближаться. В зеркало я увидел, как, оставляя за собой облако пыли и ослепляя меня фарами, вперед вырывается черный Лэнд Крузер, и из пассажирского окна высовывается человек с автоматом.

Между нами пятьдесят метров.

— Хрен попадешь, — прошептал я, но тут по салону запрыгала красная метка лазерного прицела.

— Твою мать! — я выкрутил руль влево одновременно с первым выстрелом. Форд занесло, клубы пыли взлетели из-под колес. Теперь резко вправо, еще порция пыли и автопилот прямо.

Маневр позволил устроить небольшую завесу чуть отставшим четырем машинам, но Тойота уже вылетела из облака, и стрелок снова появился в окне. Я, не отстегивая ремень, обернулся всем корпусом. Правая ладонь держит рукоятку пистолета, левая держит правую, а тыльной стороной прижимается к мягкой коже водительского сидения. Спокойнее… Как там в боевиках? Закрыть левый глаз, совместить мушку с прицелом.

Возьми немного ниже.

Ниже так ниже, еще чуть-чуть. Чёрт! Красный огонек лазерного прицела попал точно в открытый глаз, я зажмурился и пригнул голову, ожидая автоматной очереди. Ее не последовало. Несколько раз я сжал и разжал веки, восстанавливая зрение, затем осторожно выглянул из-за спинки кресла.

Тойота как раз падала на землю, судя по всему, после затяжного полета. Падала на крышу. От удара она сложилась и вмялась в пол салона. Все еще торчащего из окна автоматчика разорвало пополам, а для водителя остатки автомобиля стали закрытым гробом. Толстый столб воды и пара вырвался из-под земли на добрых пять метров, именно он швырнул тяжелый внедорожник в небо.

— Минус один, — пробормотал я, и в ту же секунду точно такой же столб вырос около моего правого переднего колеса. Что б тебя! С перепугу крутанул руль, чудом не опрокинув машину. Щеку и правую руку обожгло: вода была очень горячей. С трудом выровняв электромобиль, я прибавил газу. Теперь гейзеры вырывались со всех сторон, толщина каждого не меньше метра. Стараясь не реагировать на шипение, обжигающие капли и пар, я перестал оглядываться и гнал машину вперед.

Через несколько минут интенсивность извержений спала, и я уже думал, что пронесло, когда метрах в десяти точно по курсу земля разверзлась и выбросила струю, раза в три толще и мощнее

предыдущих. На торможение времени не оставалось, и я, вывернув руль, нажал на газ. Шины завизжали, машина накренилась и несколько секунд ехала на двух колесах. Затем, как бы нехотя, завалилась назад, проехав в метре от бьющего потока. Меня обдало жаром, а по крыше забарабанили капли.

Повезло. Проскочил. Живой и относительно здоровый. Щеку и руки жгло в местах, куда угодил кипяток. Этот гейзер-мутант был последним. Три машины продолжали погоню. Жаль. Оборачиваясь, я надеялся не увидеть ни одной. Радовало только, что просвет между нами немного увеличился, но вряд ли надолго.

Преследователи настигали. В сгущающейся темноте дальний свет слепил, но высовывающегося из окна ближайшего электромобиля автоматчика я все же разглядел. Дежавю. Снова выстрелы. Прижался к рулю и зажмурился. Жив. Открыл глаза. Да, я жив, стрелок же торчал из окна, свесив руки вниз. Его автомат волочился по земле. Что такое? Я завертел головой и увидел: справа к нам приближалась большая группа мотоциклистов, и теперь, заметив их, я различил рев моторов. На шлемах у всех торчали ветвистые рога, а лица закрывали маски.

Чёрные Олени! Больше легенд, чем о них, не ходило ни о ком. Общим было только одно: лучше умереть, чем попасть к ним в руки живьем.

Об этом знали все — одна из висевших у меня на хвосте машин резко сменила направление. Джип и Форд (к сожалению, значительно новее и мощнее моего) продолжили погоню. Олени тем временем приближались и становились проблемой номер один. Я кинул взгляд на карту и тоже подкорректировал курс. Электромобиль рванул к границе зоны. Грянули выстрелы — байкеры развлекались и палили сразу по всем трем машинам. Я оценил обстановку: приемлемо — мой Форд дальше от них, и стреляют по мне меньше; правда, в отличие от моего, электромобили преследователей, скорее всего, бронированные.

Отключив автопилот и вдавливая газ в пол, я ругал «Оленей» последними словами. Тоже мне легенды, даже по колесам не стреляют. Но наговоры не помогли, а еще через минуту мотоциклисты и вовсе развернулись. Чёрт!

Пропищал сигнал. Я покинул пятый уровень и стремительно приближался к третьему. Раздался выстрел, и Форд повело в сторону. Ну, конечно, вот в мое колесо попали! Я активно вращал руль, пытаясь выровнять машину.

Предположение, что опасная зона поможет, отчасти подтвердилось: из пяти машин остались две. Причем, похоже, только по одному человеку в каждой. Но что делать дальше?

Ясно одно: на открытой местности ловить больше нечего.

Поэтому, когда фары выхватили из темноты большое приземистое строение, я, не задумываясь, направил Форд к нему. Тем временем преследователи выстрели еще несколько раз. Мимо.

Здание стремительно приближалось. Это был какой-то заброшенный склад. Пустые глазницы выбитых окон безучастно смотрели на разворачивающуюся драму, а темный проем ворот, будто открытый рот великана, ждал, пока жертвы сами заедут в него.

Эндшпиль.

Когда свет фар разорвал внутреннее пространство склада, я нажал на тормоз и, не дожидаясь остановки, выпрыгнул из машины. Едва успел сгруппироваться и коснуться земли, как услышал сзади грохот: джип, наконец, догнал и протаранил Форд.

Когда я попытался встать, понял, что прыгун из меня хреновый, кровь широкой струей текла из рассеченного лба, заливая глаза и капая с подбородка. Левая рука висела плетью, а правую ногу в колене словно проткнули раскаленным штырем, я практически волок ее, пытаясь скрыться в глубине помещения. Пистолет улетел куда-то во тьму.

Шаг, подтянуть ногу… Сзади хлопает дверь… Быстрее! Еще шаг, подтянуть ногу… На землю ложатся длинные тени преследователей… БЫСТРЕЕ! Еще! Не забываем подтянуть ногу… Они все ближе… Еще. Чёрт!.. Я падаю и перекатываюсь на спину. Странно. А умирать почти не страшно. Я очень устал и просто хочу избавиться от боли, которая, пульсируя, разрастается ото лба к затылку. Рядом брошенный и давно забытый мешок с цементом. Подползаю, кладу на него голову — удобно.

В свете фар в клубах оседающей пыли приближаются два силуэта.

Первый — лысый мужчина. Отсюда, снизу, он выглядит гигантом. В его руках автомат. В двух метрах за ним — женщина. Не могу рассмотреть ничего, кроме спадающих на плечи рыжих волос, стройной фигуры и пистолета. Время тянется медленно. Но вот мужчина уже так близко, что почти полностью заслоняет свет. Слегка покачивая бедрами в такт шагам, подходит женщина. Оружие поднимают одновременно. Спасибо хоть без пафосных речей.

Выстрел.

Меня обдало кровью и мозгами — пуля попала в затылок мужчине и, вылетая, разворотила ему лицо. Тяжелое тело рухнуло на бетонный пол, подняв облако пыли. Девушка перешагнула его и села рядом со мной так, что я мог разглядеть ее милое, курносое, еще совсем юное личико.

— Здравствуйте, Сергей! — она улыбнулась. Какие красивые зеленые глаза!

— Привет! — я тоже улыбнулся и потерял сознание.

Часть 2

На небе ни облачка, майское послеобеденное солнце уже не так рьяно исполняет свои обязанности. Легкий ветерок, вдоволь нарезвившись сначала над речной гладью, потом в кронах деревьев, теперь треплет черные кудри Ирины.

— Я превратилась в корову!

Мы идем по набережной. Ира на восьмом месяце и очень переживает из-за лишнего веса.

— Ты у меня самая красивая, — обнимаю ее и целую в открытое плечо.

— А вдруг я не смогу сбросить после родов и навсегда останусь такой?

На самом деле она почти не поправилась, только живот шаром натягивает легкий белый сарафан.

Говорю ей. Она не верит.

Несколько чаек с криками проносятся над рекой.

— Вон Светка уже два года как родила, а до сих пор толстая.

— Твоя Светка и до родов толстухой была.

Не аргумент. Гормоны. Вижу, вот-вот заплачет.

— Ну что ты, — останавливаю ее и поворачиваю к себе. Любимые глаза широко распахнуты. — Тебе идет беременность, кроме живота только грудь выросла. После родов вернешь форму за две недели, вот увидишь.

Ира трогает свою грудь задумчиво, будто взвешивает в ладонях каждую.

— Ладно, сиськи пусть остаются, — она смеется, и мы идем дальше.

Запах цветущей черемухи кружит голову. Ира подходит к дереву и наклоняет ветку одной рукой. Не могу понять, что она держит во второй.

— Как вкусно пахнет.

Кисточка цветов у самого ее лица, белый прекрасен на фоне черных волос, но что же во второй руке? Большой живот мешает увидеть.

— Подойди, милый, понюхай.

Она смотрит на меня. Глаза. Из них веет холодом и смертью. Не хочу подходить. Делаю шаг, стараясь заглянуть за выпирающий живот. Что-то блестит.

— Ну же, — она нетерпеливо топает ногой и чуть-чуть

поворачивается. В руке большой кухонный нож.

Сознание возвращается рывками.

Раз — и я открываю глаза. Два — вспоминаю события последних дней. Три — пробую снова отрубиться. Четыре — чувствую укол в плечо. Пять — я в сознании, лежу на кровати, под головой мягкая подушка. Все тело ломит, у меня нет сил даже поднять руку. Со стоном поворачиваю голову. Стены и потолок идеально белого цвета. Рядом сидит парень в зеленом халате, слишком молодой для врача. Над губой тонкие усики, борода только начинает пробиваться в нескольких местах. Лет восемнадцать, не больше.

— Где я? — едва ворочается язык, во рту сухо.

— Вы в штабе Нового Завета. Я Влад, это витамины, — подносит стакан с желтоватой жидкостью и, поддерживая мою голову, помогает пить.

— Спасибо, — я чувствую несколько капель, пролитых на подбородок. — Где моя дочь?

— Вам лучше спросить у Кирилла, я просто врач, — он смущается и уточняет: — Учусь на врача.

— Как я могу поговорить с Кириллом?

— Как только вам станет лучше, он встретится с вами.

— Мне лучше.

— Еще нет, сейчас вам надо поспать: идет восстановление руки и сращивание кости в бедре, процессы быстрее идут во сне.

Веки тяжелеют, видно, в стакане были не только витамины.

Уже проваливаясь в лечебный сон, я вижу лицо Софьи.

Глава 7

Главный зал штаба Нового Завета — комната метров восьмидесяти с очень высокими потолками. Повсюду мониторы: как обычные рабочие, стоящие по периметру на столах, так и просто огромные, метра три по диагонали, висящие на каждой из четырех стен. По углам здоровые шкафы, должно быть, сервера. В центре стол, над которым висит, слегка мерцая, зеленоватая голограмма города.

Я сидел в коричневом кожаном кресле того же гарнитура, что и диваны. Влад, который сопровождал меня из медблока, поспешно удалился, и теперь в помещении нас осталось шестеро. Уже знакомая рыжая девушка расположилась на диване метрах в трех слева, на ней были свободные штаны цвета хаки, фисташковый, в обтяжку, топик и коричневые высокие ботинки, похожие на те, что носят полицейские. Она закинула ногу на ногу и смотрела на меня, чуть прищурясь.

Трое мужчин в одинаковых черно-серых костюмах практически не отрывались от компьютеров; двое следили за мониторами, а третий печатал. Ко мне интереса они не проявляли.

Но самый колоритный персонаж сидел в метре напротив меня в инвалидном кресле. Болезненно худой и бледный, одетый в свободную белую рубашку с коротким рукавом и синие джинсы. Жидкие светлые волосы топорщились на макушке и кое-где проглядывали на подбородке. Не старше двадцати лет. Но его взгляд возрасту не соответствовал. Серые глаза, казалось, прошивали насквозь.

Влад успел нас представить: это был Кирилл — глава Нового Завета.

— Как самочувствие? — спросил он, доставая из пачки Мальборо сигарету. Ничего себе! После того, как выращивание табака посчитали нерентабельным и десять лет назад запретили курение, цены на табак взлетели, и позволить себе пагубную привычку могли редкие богачи. Кирилл перехватил мой взгляд и протянул пачку: — Угощайтесь! Пепельница на стеклянном столике слева от вашего кресла.

До запрета табака он входил в обязательный рацион любого гражданина, предпочитающего безопасный уровень, каждый четвертый рекламный ролик представляла одна из никотиновых компаний. Я помнил дискомфорт, когда в одночасье пришлось бросить, и сейчас рука сама потянулась вперед, а пальцы приняли сигарету. Кирилл тронул маленький рычажок — кресло

подъехало вплотную, чиркнул кремень, и огонек вспыхнул недалеко от моего лица. Я наклонился и, прикурив, сделал первую затяжку. Закашлялся, голова закружилась. Ну и гадость!

У меня была куча вопросов, но по-настоящему важный только один.

— Вы знаете, что с моей дочерью?

Кирилл кивнул.

— В данный момент она в безопасности, укрылась у своего друга Дениса. Мы следим за ней. Позже я покажу видеозаписи. Она неглупая девчонка, догадалась свалить подальше от дома, когда там началась пальба.

— Она была в доме?! — у меня сжало живот. Как она проскочила мимо меня? Неужели через соседский двор? Я машинально затушил сигарету, не выкурив и половины.

— Да, но не волнуйся, Сергей. Как я уже сказал, она убежала оттуда очень быстро, — молодой собеседник задумчиво потер висок. — Если тебе интересно, в подвал она не заглядывала.

Вспышка. Холодильник, в нем лежат останки Иры. Я закрыл глаза.

— Хочешь выпить? — угадал мои мысли Кирилл. — Есть практически все, не только легальное.

— Джин с тоником, если можно.

Парень положил дымящийся окурок в стоящую на подлокотнике кресла пепельницу, похимичил со своим браслетом, и тут же из угла комнаты выехал невысокий робот, больше похожий на глобус на колесиках, судя по всему, робот-бар.

— Заказывай.

— Джин с тоником, пожалуйста.

На верху шара открылось небольшое отверстие, из него вылез невысокий граненый стакан, наполненный прозрачной жидкостью с плавающими в ней кубиками льда. Стекло приятно охладило руку, а напиток согрел желудок.

— Обещаю, мы еще вернемся к твоей дочери, — Кирилл улыбнулся, пытаясь меня подбодрить. — Но сейчас говорить мы будем не о ней.

Я откинулся в кресле и попытался освободить голову от эмоций. Очевидно, Новый Завет спасал меня не из пустого альтруизма. Их боец, а может и не один, рисковал жизнью, и наверняка были подключены иные ресурсы. Пришло время перестать плыть по течению событий и остановиться. Осмыслить их. А для этого надо сосредоточиться и внимательно слушать.

— Для начала представлю свою группу. Не переживай, времени у нас достаточно, все думают, что ты мертв.

— Все?! — от удивления я чуть не выронил стакан.

— Все-все, даже сценарные компьютеры тебя не учитывают в расчетах. Итак. Знакомься, это Катя, — он указал на рыжую девушку, она чуть заметно кивнула, — наша главная боевая единица. Как ты убедишься в будущем, сила Нового Завета в мозгах, а вот с физикой все не так гладко, и, если бы не Катя, было бы совсем тяжело.

— Отличный выстрел, спасибо, Екатерина, — снова легкое движение головой.

— Те, что за компами — наши программисты, — продолжил Кирилл, — по порядку: Василий, Матвей, Сергей.

Мужчины по очереди поворачивались и кивали. Все немного старше Кирилла.

— С остальными познакомишься чуть позже. Еще у Нового Завета огромная сеть внешних агентов, многие из которых даже не знают, что работают на нас.

Он сделал паузу и по тому, что даже программисты замерли, я понял, что мы переходим к сути.

— Нам нужна твоя помощь.

Ожидаемо.

— Какая от меня польза Новому Завету?

— Скоро узнаешь. Если, конечно, готов сначала услышать удивительные вещи.

— Смотря насколько, — я хотел сделать еще глоток джин-тоника и с удивлением обнаружил, что стакан уже пуст, остался только едва уловимый аромат можжевельника.

— О! Настолько, что все произошедшее с тобой в последнее время ты посчитаешь нормальным! Правда, точнее, известная нам ее часть тебя поразит, уж поверь мне.

Я верил.

— Ты пей, не стесняйся, — он направил бар ко мне. — Есть мнение, что немного измененное сознание проще воспринимает… сложную для восприятия информацию.

Софья в безопасности — это главное, и, судя по тому, как эти ребята вытащили меня, они в состоянии помочь и ей. Им что-то нужно, и ради дочери я готов сделать все, о чем меня попросят. Возможно, они знают, что случилось с Ирой. Комок подошел к горлу. Моей любимой Ирой, чье изувеченное тело лежит в холодильнике в нашем подвале. Робот подал мне вторую порцию джина с тоником.

— Ну, поехали, Сергей?

Я кивнул.

— Как я уже сказал, — начал Кирилл и подъехал к большому

столу, — вещи, которые мы сейчас будем обсуждать, сложны для восприятия, поэтому я предлагаю построить беседу как диалог, проще будет усвоить всю картину. От общего к частному. Идет?

Я снова кивнул. Екатерина повернулась ко мне. Ее интересовала моя реакция.

— Сергей, как устроен наш мир?

Вопрос был не очень понятен. Я сделал глоток, располагаясь удобнее в кресле.

— Ну же, Сергей, — подбодрил Кирилл и, стараясь помочь, протянул руки вперед и развел их, словно хотел обхватить что-то невидимое, — в двух словах, как ТЫ видишь мир, в котором живешь?

— Ну-у-у… Он состоит из трех взаимосвязанных городов. Их, как правило, различают по цветам, например, в архитектуре нашего доминирует зеленый, — я растерялся, не понимая, зачем рассказываю очевидное, но лица молодых людей были очень серьезны. — Каждый город является своеобразным ток-шоу для остальных двух. Продолжительность шоу — один цикл, равный тридцати годам, к исходу которых завершаются все основные программы и запускаются глобальные — красивые, интересные и смертельные. Так, мой родной Золотой мир переродился, когда мне было шесть лет. Восставший искусственный интеллект вывел на улицы толпы вооруженных роботов, и одновременно с этим случился метеоритный дождь.

Екатерина встала, подошла к одному из программистов, по-моему, Матвею, и что-то сказала шепотом, тот повернулся и так же шепотом ответил. При этом он попытался взять руку девушки в свою, но она вежливо отстранилась и вернулась на место.

— За три месяца до Конца Цикла любой желающий может подать заявление на перевод в один из двух других миров. Перевод осуществляется за два месяца до Конца Цикла, — при этих моих словах Кирилл состроил очень странную мину, но перебивать не стал, — соответственно, желающие повеселиться и заработать из других миров могут перейти и поучаствовать в Армагеддоне. Кто выживет, получит кучу баллов.

Дальше на том же месте организовывается новый город, пользующийся той же сетью заводов и ферм, так как Конец Цикла не затрагивает инфраструктуру за пределами купола. Суммарное население, превышает пять миллионов, ходят слухи о введении четвертого города… Вроде все, если в двух словах…

— Все? — он ухмыльнулся и обернулся к Екатерине, которая уже вернулась на диван. — Маловато будет, а, Кать?

Девушка молча развела руками, мол, что ты от него хотел (мне показалось, что на ее лице мелькнула неприязнь).

— А у тебя никогда не возникало чувство, что с миром что-то не так? — задал очередной странный вопрос Кирилл, — что как-то он неправильно устроен? Я имею в виду, еще до последних событий с тобой.

Я пытался понять, к чему он клонит, но не мог. Что с миром могло быть не так? Система ММУ работает больше ста пятидесяти лет, ее принципы понятны и разумны, человечество растет и развивается, катастрофы подобно той, что практически уничтожила всех людей на планете двести лет назад, исключены. Что касается моральных терзаний отдельных личностей типа меня… Ну что тут скажешь, не все встраиваются в схему легко.

— Нет.

— Я так и думал, — Кирилл вновь покосился на девушку, она закурила и теперь сквозь дым рассматривала меня. — Чтобы сэкономить время, позволь мне предположить кое-что за тебя, а ты меня поправь, если я ошибусь. Ок?

— Ок.

— Ты смотришь анонс, напрягаешься, начинаешь расследование, узнаешь кучу нового, несколько раз чудом не умираешь, находишь свою жену мертвой и живой одновременно — и все это на безопасном уровне. Пока все верно?

Все было верно.

— Из всего этого ты сначала делаешь вывод, что это розыгрыш или какое-то шоу, а потом, когда мимо начинают летать пули, а из-под земли бить кипяток, ты все списываешь на ужасную ошибку сценарного компьютера. И даже надеешься, что Управляющие ее скоро исправят. Так?

Мне стало не по себе от того, насколько точно он угадал мои мысли.

— Кстати, ты, когда рассказывал про устройство миров, не упомянул Управляющих. Мне для полноты картины, чтобы правильно в дальнейшем построить свой рассказ, нужно знать твое мнение о них в контексте последних событий.

— Да какое у улыбальщика мнение, — презрительно сказала Катерина, должно быть, громче, чем хотела. На щеках выступил румянец, и она добавила: — Извините.

— Да, ты уж ее извини, — Кирилл неодобрительно кивнул на девушку. — Просто Катя у нас не любит ММУ, даже в том виде, в котором ты его знаешь. Как и людей, которых ММУ устраивает… Так что насчет Управляющих?

— К сожалению, в контексте последних событий я о них еще особо не думал, — начал я и тут же осекся, глядя на девушку, но она уже держала себя в руках и смотрела куда-то мимо меня. — Хотя, если проанализировать анонс и последние события, связь,

безусловно, прослеживается. Одно непонятно: зачем я им (и зачем вам). А так, Управляющие — административная группа, состоящая из людей и нескольких, двух или трех на мир, сценарных компьютеров, которая следит за балансом ресурсов и исполнением проектов.

— Так просто?

Я пожал плечами. Мои знания в этом вопросе соответствовали школьной программе, и, даже учитывая то, что со мной случилось, я выносил Управляющих за скобки. Их мотивы были за гранью моего понимания.

Только вслух этого не говори, та красотка и так считает тебя скудоумным.

— Если есть что рассказать, я с удовольствием послушаю.

Кирилл ухмыльнулся, но в его стальных глазах веселья не было.

— Вряд ли ты получишь удовольствие.

Он, морща лоб, закурил еще одну сигарету и положил пачку с зажигалкой так, чтобы я мог дотянуться. Все присутствующие отвлеклись от своих дел и смотрели на нас.

— Начнем сначала, Сергей. Есть очень веские основания (какие, узнаешь чуть позже) полагать, что миров не три, а четыре. И этот четвертый, неизвестный тебе мир и является, так сказать, основным. Стартовым. Сначала был только он. И лишь позже порожденные его растущими потребностями по очереди появились наши три. Точных цифр нет, но я уверен, что его население превышает сто миллионов человек. И к великому сожалению, наши миры — лишь побочный продукт его жизнедеятельности, мы здесь живем и умираем на его потребу.

Я достал сигарету и принялся мять ее в пальцах. Шокирован я не был, так как поверить в такую ахинею не мог. Это продолжается розыгрыш, или меня угораздило попасть в руки к сумасшедшему? Точнее, группе сумасшедших. Кирилл тем временем пил через трубочку сок и исподлобья смотрел на меня.

— Но это еще ерунда. Я могу привести тебе десятки причин, почему сам по себе этот факт не так страшен, но для начала просто остановимся на четвертом мире. Что думаешь?

Сам факт, что наши три мира — побочный продукт четвертого, не страшен? Что же тогда страшно? Я перестал даже пытаться понять, о чем говорит Кирилл. Если ему нужна моя помощь, пусть разжевывает.

Парень поставил пустой стакан и неожиданно громким голосом продолжил:

— Сергей, не спи! Мы же договаривались о диалоге. Хочешь, чтобы я рассказывал, так и скажи, не веришь, так и скажи. Только,

во-первых, не молчи, меня это нервирует, а во-вторых, имей в виду, у меня есть доказательства, и уж кого-кого, а тебя они точно убедят. И знаешь почему? — Он улыбнулся и победно посмотрел на меня.

Да что ж это за неутолимая тяга к пафосным бессмысленным вопросам. Давай уже!

И Кирилл дал:

— Потому что ты сам и есть главное доказательство!

— Я?! — возникшее было раздражение вновь сменила растерянность. Когда-то по телику шло детское шоу, где случайно выбранных ребят окружали самыми неожиданными, из ряда вон выходящими событиями, в основном магического характера. Побеждал тот, кто раньше других понимал, что это розыгрыш. Сейчас я чувствовал себя героем подобного шоу, только для взрослых.

— Да, ты, но об этом чуть позже. Пока просто послушай, ок?

— Ок, — мне ничего не оставалось. Я прикурил уже порядком измятую сигарету.

— Итак, назовем тот мир по географическому принципу Европейским… так вот технологически он нас сильно обгоняет. У них есть возможность поддерживать в наших мирах стабильный замкнутый цикл, скрывая даже сам факт своего существования. — Кирилл говорил все быстрее и эмоциональнее: — Все устроено давно и отлажено так четко, что мы проживаем жизни, ничего не зная. Что их изначально заставило прибегнуть к такой сложной схеме, нам пока не ясно, да и по большому счету, если бы не одно «но», было бы все равно. Но «но» есть!

— Какое? — я задал вопрос, который, судя по всему, ждал от меня Кирилл.

— Что-то изменилось в четвертом мире не так давно — внешний или внутренний фон, хотя, вероятнее, и то, и то. И это сильно повлияет на нас здесь. Сергей, — он сделал драматическую паузу, достаточно долгую, чтобы привлечь все мое внимание, — перевода перед Концом Цикла не будет, и скоро мы все умрем.

— Что за чушь! — меня таки пробрало: этот кусок рассказа я понял.

— На этом краткий доклад я окончил, теперь вернемся чуток назад, — проигнорировал мой возглас Кирилл. — Чтобы обсуждать мое последнее заявление, сдается, я должен представить тебе доказательства существования четвертого мира, так?

Я слабо кивнул. Это должны быть очень серьезные доказательства.

Молодой человек подъехал так близко, что левое колесо его кресла ткнулось в мою коленку.

— Нашу жизнь планируют здесь с помощью сценариев и организации определенных событий, это общеизвестно. Но мало кто знает, что серьезные локальные проблемы решаются точечным вмешательством, а именно: Управляющие регулярно заменяют погибших тут людей на новых!

У меня похолодело внутри.

— А теперь, Сергей, я хочу, чтобы ты послушал меня ОЧЕНЬ внимательно, — он понизил голос и стал говорить очень медленно, делая большие паузы и следя за моей реакцией. — Замена эта бывает двух типов… Первый — заменяют кого-то из погибших здесь на кого-то из своих, из внешнего мира, и он играет роль погибшего… Так произошло с твоей женой.

Ну! Ну! Ну! — подгонял парня голос, я же ждал следующих слов со все растущим страхом.

— А второй тип замены — это когда память нашего погибшего земляка, а она, чтоб ты знал, хранится у каждого тут, — Кирилл постучал указательным пальцем по чипу на своем левом виске, я непроизвольно потрогал свой, — устанавливают на другое тело, которое выглядит так же. Таким образом, они воскрешают для окружающих людей, чья смерть нежелательна или случайна и не вписывается в структуру честной ММУ… Так вот, Сергей, ближайшим ко мне примером второго типа замены являешься…

Нет.

Да!

— Ты. И я докажу это прямо сейчас.

Комната поплыла перед глазами. Я будто через мутное стекло видел, как Кирилл откинулся в своем кресле и разглядывает меня.

Пусть! Пусть говорит дальше! — вопил голос.

А я впервые в жизни отчетливо ощутил инородность импланта. Импланта, который мне установили сразу после рождения.

Три недели назад! На мое тело!

Это неправда! Что он хочет сказать? Что я умер? Это ерунда, вот он я. Я помню себя с пяти лет до нынешнего момента.

Это твой чип помнит!

Заткнись! Будь моя воля, я отдал бы все, чтобы вернуться на неделю назад, к тому времени, когда все было просто и понятно. Когда я ходил на работу и рекламировал безвкусные завтраки «Хезуки», а самым большим моим желанием была покупка новой газонокосилки.

Но я в чужом странном доме. Сижу в ставшем в один миг неудобным кресле. Мое лицо озабоченно разглядывает молодой парень — руководитель самой известной хакерской группировки. О чем-то шепчется с Матвеем Екатерина, периодически поглядывая через плечо на меня. И голос. Голос заполняет всю голову от уха до уха.

Да пусть он продолжает уже!

— Ты говорил про доказательства, — я услышал себя, будто со стороны.

Кирилл одобрительно улыбнулся и подъехал к столу.

— Это наш главный компьютер, он же проектор. Знал бы ты, как трудно такой достать, — он поднял руки, и появилась сияющая сенсорная панель. — Мне нужна пара минут. Ты пока вспомни четырнадцатое октября, вечер. Концерт Василисы, еще шел ливень.

Сердце заколотилось еще отчаяннее, я отлично помнил тот вечер, вернее его начало.

Было четырнадцатое октября. Шел ливень.

Но может, он и придавал дополнительное очарование этому вечеру. Мы с Ирой попали на концерт ее любимой певицы Василисы. Естественно, не за баллы, это был благотворительный концерт для «улыбальщиков». Конечно, и за баллы продавались билеты на ближайшие к сцене столики, но стоили они нашего совокупного годового дохода. В основном же места распределились между теми, кто активно смотрит рекламу, активно рекламирует, не пропускает контрольные точки и часто работает сверхурочно. Мы подходили почти под все категории, и наш столик был в первой половине зала. Метрах в двадцати от сцены.

Капли барабанили по панорамным окнам и ручьями стекали вниз. На столах горели свечи. Василиса была прекрасна, как всегда. Ирина смеялась, кокетничала, пила белое бесплатное вино от организатора и была счастлива. Глядя на нее, был счастлив я. Эти ежегодные вечера заряжали нас эмоциями на долгие холодные месяцы. Наслаждаться не мешали даже постоянные рекламные проекции, появляющиеся над столом, тем более именно их просмотр делал вино бесплатным.

Два часа пролетели как один миг. Я редко вставлял слова: мне было достаточно музыки и мягкого голоса довольной супруги.

Мы ушли одни из последних, уж очень не хотелось заканчивать вечер.

На крыльце, кутаясь в черное пальто и открывая зонтик, Ира

опомнилась.

— Во сколько следующий автобус?

Я посмотрел на браслет: 22:50.

— Через десять минут. Последний, — мы переглянулись, взяли друг друга за руки и побежали. Вода брызгами разлеталась из луж под нашими ногами.

В автобусе Иру разморило, и она, положив голову мне на плечо, уснула.

Дальнейшее — как в тумане.

Мы выходим на остановке. Одной рукой открываю зонт, а другой держу супругу, ее покачивает. Идем в сторону дома мимо фонарей и деревьев, которые еще не успели скинуть листья. Вокруг нас стена дождя. Именно она и помешала нам вовремя разглядеть опасность.

Дальше какие-то люди и — темнота.

Ира потом рассказывала, что я дрался, как лев, и обратил в бегство троих нападавших, правда, ценой черепно-мозговой травмы, которая выкинула из головы окончание вечера и следующие три дня. Я пришел в сознание только на четвертый. Нападение в безопасной зоне, конечно, ЧП, и нам выплатили солидную компенсацию.

В комнате потемнело — это Кирилл приглушил свет.

— Ну как, вспомнил? — я кивнул. — Тогда приготовься.

Он нажал несколько клавиш. Голограмма над столом сменилась.

Дождь. Два темных силуэта идут по улице мимо желтых деревьев и уже спящих домов.

Надпись над изображением гласила: «Уличная мобильная камера № 78009 продолжает запись. Запись для закрытого канала включена».

— Есть обычная запись, есть для кабельного канала, есть для закрытого, — пояснил Кирилл. — Те, что для закрытого, — секретные, только для Управляющих.

Уличная мобильная камера № 78009 продолжает запись.
Режим: запись для закрытого канала.

Мужчина и женщина идут по улице. Он несет над ней зонт. Женщина прислонилась головой к плечу мужчины. Она пьяна.

В двадцати метрах впереди охотник 743, временное имя Вальтер, и охотник 799, временное имя Мэйсон, загружают в багажник Мерседеса обнаженное тело молодой женщины.

— Не могли подождать, пока сраный дождь закончится, — громко говорит Мэйсон.

— Сам знаешь, сколько времени нужно на замену, — тихо говорит Вальтер, — ты недавно перешёл, не уловил еще, тут сейчас все на взводе, каждая минута на счету.

Он замирает, прислушивается, различает звук шагов.

— Твою мать, бросай ее!

Мужчина и женщина в пяти метрах от Мерседеса, мужчина останавливается.

— О, привет, Мэйсон!

Женщина вертит головой:

— О, соседушка, приветик, — она тянет мужчину с дороги и по хлюпающей желтой траве они идут к машине, — чем занимаетесь?

— План 15б, — шепчет Вальтер и обходит пару.

— Да инвентарь садовый привезли, — Мэйсон улыбается и идет навстречу мужчине.

Камера приближается.

— Привет, Мэйсон, — повторяет мужчина и протягивает руку. В этот момент висевшее наполовину в багажнике тело соскальзывает и падает на асфальт. — У вас упало что-то, давайте помогу.

Мужчина делает шаг в сторону машины. Мэйсон достает нож и лезвием бьет его в горло. Вальтер, обойдя женщину сзади, бьет ее рукояткой ножа в висок. Датчики показывают, что женщина без сознания, а мужчина мертв.

— Что ты творишь?! — кричит Вальтер.

— Не шуми, — Мэйсон тащит тело мужчины к машине, — ты давно не был дома. Его есть кем заменить. Да и насчет нее, — показывает на лежащую женщину, — есть идея. Главное — придумать легенду для их дочери, пока заменим.

Он одним движением закидывает тело мужчины на заднее сидение и помогает второму охотнику забросить женщину сверху.

Кровь сочится из моего горла и, смешиваясь с водой, растекается по земле. Глаза открыты и смотрят в сторону.

Я умер три с половиной недели назад. А сейчас вижу запись собственной смерти. Невозможно.

Это многое объясняет.

— Вам нужно время на осознание или сразу дальше? — Кирилл не включает свет.

— Что там дальше? — это мой голос, но я не хотел этого говорить.

— Смерть вашей жены и вашего друга Григория.

Нет, я не хочу на это смотреть. Я уже верю тебе.

— Врубай.

Глава 8

После того как Кирилл включил свет, я откинулся в кресле и долго смотрел в потолок. Мне не мешали. Члены Нового Завета вполголоса переговаривались, решая текущие проблемы. Иногда слышалось чирканье зажигалки или писк компьютера.

А перед моим внутренним взором мелькали кадры из только, что просмотренных видео: моя жена Ирина, методично разрубающая топором мою другую жену Ирину, и расширенные глаза Гриши, летящего с моста в реку с огромным, привязанным к ногам камнем.

— Если ты хочешь, — ворвался откуда-то издалека голос, — я попрошу Влада сделать тебе укол успокоительного, правда, разговор тогда придется прервать на время.

Чей это голос? Я с трудом сфокусировал взгляд: парень, кто это? И где я? И почему на заднем фоне Ира убивает Иру? Мне потребовалось время, чтобы отделить реальность от морока и начать хоть как-то мыслить.

Опасность шла не от каких-то погрешностей или неизвестных, которые не учли сценарные компьютеры и Управляющие. Она шла от самих сценарных компьютеров, Управляющих и тех, кто стоял за ними.

— Надо вытащить мою дочь, — сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Не уверен, что именно этих слов ждал Кирилл, но тему переводить не стал и закончив шептаться с программистами, вновь подкатился к столу.

— Тут есть нюанс.

Несколько нажатий, и на голограмме появилось трехмерная фотография с камеры: моя дочь сидит на кровати вместе с тем самым парнем, который возил ее на мотоцикле, очевидно в его комнате.

— Это последний скриншот с домашней камеры. Когда мы закончим, могу предоставить тебе запись целиком. Теперь о нюансе… Прошли сутки, как вы пропали. Во всех новостях уже сообщили об этом, как и о том, что ты и твоя супруга, предположительно, погибли…

Бедная девочка.

— Естественно, объявили, что вы добровольно ввязались в квест пятого уровня. Домой Софья не идет, так как там произошло страшное для нее. В полицию тоже, так как она неглупа… Проведенный мной тщательный анализ ситуации

приводит к двум вариантам.

Я начал замечать, что Кирилл любит поиграть словами и, даже если хочет сказать что-то простое, все равно выдает лекцию или ребус.

— Первый: Управляющие уверены в вашей смерти, и история уходит в небытие. Чтобы обрубить последнюю ниточку, им останется только изменить внешность твоей лжежене. Полиция и частные детективы, конечно, поковыряются, но из-за близкого Конца Цикла и очевидных помех со стороны Управляющих ничего не раскроют.

Запищал компьютер. Сидящий за ним программист, вроде мой тезка, обернулся. Кирилл сразу подъехал к нему, и молодые люди о чем-то зашептались. Пользуясь паузой, я заказал у робота кофе.

Вскоре Кирилл вернулся.

— О чем я?.. Ах да… Первый вариант я считаю маловероятным, но все же возможным, а второй, на который меня наталкивает слишком спокойная ситуация вокруг твоей дочери и который я считаю вероятным на девяносто шесть целых и восемь десятых процента, — там ловушка.

— Для меня?

— Да кому ты нужен, — невесело усмехнулся Кирилл и обвел рукой зал. — Для нас. Мы как заноза в заднице для них, и в последнее время узнали много лишнего. Но об этом мы поговорим после того, как ты поможешь нам кое-что выяснить.

— Что именно?

— Да что ж вы такие нетерпеливые все? Давайте по порядку. Ты же сам начал говорить о дочери.

Он замолчал на полминуты, надо полагать, структурировал мысли, затем продолжил:

— Так вот, там почти наверняка засада с целью выследить наших бойцов, когда мы придем за девочкой. Именно поэтому мы вынуждены ждать подходящего случая. Одно дело — взломать пару камер в нужном месте или, там, передать им фейковые данные, как сделано для безопасности в этом доме. А совсем другое — влететь туда, где тебя ждут десятки дополнительных камер, неизвестной техники и вооруженных охотников… Кстати… Хотя ладно… Про дочь все понятно? Я обещаю при первой возможности послать за ней людей, но я не могу рисковать всем Новым Заветом из-за нее.

Уверенный, рассудительный тон Кирилла успокаивал. Создавалось впечатление, что он все продумал и у него все под контролем, но я не мог довольствоваться абстрактным «при первой возможности».

— А когда это будет? Хоть примерно?

— Если очень повезет — сложится какая-то очень удачная ситуация, то в любой момент. Если нет, то во время нашей общей операции или чуть раньше, — он поднял указательный палец и остановил готовый сорваться с моих губ вопрос. — Об общей операции говорить не время, но если все пойдет по плану, то она состоится через неделю.

Неделя! Неделю моя девочка будет думать, что погибли отец и мать. Неделю жить у чужих людей. А самое главное, если верить расчетам Кирилла, все это время за ней будут следить и ее жизнь будет под угрозой, а я, сидя тут, ничего не могу для нее сделать. Невыносимо!

А какие у тебя варианты?

Вариантов нет. После просмотра видео о смерти Иры, Гриши и моей собственной, мне ничего не оставалось, кроме как примкнуть к Кириллу. А что из сказанного им факты, что предположения, а что фантазии, покажет время.

— С Софьей понятно. Что дальше?

— Дальше интереснее — охотники.

Стационарная камера № 90112 продолжает запись.

Место действия: жилая комната на втором этаже в доме семьи Самойловых.

На кровати сидят молодые мужчина и женщина. У нее красные глаза, она только что плакала. Датчики фиксируют повышенный пульс. Черная женская куртка висит на спинке кровати.

— Там же сказали, что «предположительно погибли», их же не нашли еще, — мужчина гладит женщину по плечу.

— Мама бы обязательно позвонила, — ее голос срывается, датчики фиксируют еще один скачок пульса, она снова плачет.

— Ну может, квест какой сложный — неудобно звонить, в новостях сказали: пятый уровень, там каких только не бывает поворотов… И часто потом находят живых.

— Да они никогда и первую сложность не брали! — кричит женщина и тут же испуганно оглядывается на дверь, прислушивается.

— Тем более, может, ошибка, их же не нашли, — повторяет мужчина.

— Мамочка, — женщина рыдает, — как я без нее. Что мне делать?

Сидят молча. Он гладит ее спину. Проходит три минуты.

— Это я во всем виновата: я стеснялась их и каждый день подначивала хоть как-то рискнуть. И теперь они… из-за меня…

— Ты ни при чем.

Она рыдает, он молчит, обнимает ее за плечи. Проходит четыре минуты.

Снизу раздается женский крик:

— Денис, иди ужинать.

Женщина вскакивает с постели и прячется за дверь.

— Не бойся, — говорит мужчина, — предки ко мне не заходят, да и вообще можно им и сказать, они понятливые.

— Нет, — женщина выставляет руки перед собой и мотает головой, — нет, они сразу побегут в полицию, а если… а если мама с папой еще живы и это пятый уровень, меня могут искать те, кто их похитил, у них наверняка свои люди везде.

— Как скажешь, — он пожимает плечами, — пойду принесу ужин.

— Стой! Сколько я могу у тебя побыть? — она берет его за руки и смотрит в глаза.

— Сколько тебе нужно, кошечка, — он улыбается, целует ее в щеку и выходит из комнаты.

Женщина садится на кровать, опускает голову на скрещенные на коленях руки и плачет.

Окна в комнате заколочены. Я посмотрел на часы: 8:03 — время утренней рекламы. Больше тридцати лет почти без исключений мой день начинался одинаково. Сейчас же вокруг меня валялись осколки прошлой жизни: вот — понятный уклад; вот — стабильная работа; а вот — разбитое на три куска семейное счастье, в одном мертвая Ира, в другом плачущая Софья, в третьем потерянный я.

Будущее же не сулило ничего хорошего — весь остаток ночи мы смотрели видео, а Кирилл рассказывал.

Об охотниках — людях из внешнего мира, которые выполняют функцию убийц и чистильщиков, убирая сломанные элементы системы типа меня и Гриши. Большинство сбоев, конечно, решались сценарными компьютерами, например, на испорченный элемент натравливался оборотень или вампир. Но в сложных случаях действовали охотники. Пока их было мало: по прикидкам Кирилла не больше десяти на город, четырех из которых, включая Ирину и Мэйсона, удалось раскрыть. К Концу Цикла ожидался минимум пятикратный рост их количества.

О том, как Новый Завет вычислил первых замененных людей — помогли едва заметные анатомические отличия: на сантиметр-другой в росте, на десять единиц в стандартном давлении и т. д. Информацию получали путем перехвата с камер наблюдения.

О добытых данных, согласно которым в Конце Цикла планируется бойня с практически полным истреблением населения Зеленого мира.

О неудачных попытках снятия имплантов и о том, как техники и врачи Нового Завета с трудом, но все-таки поняли, в чем была ошибка, и теперь уверены в успехе.

Наконец Кирилл перешел к сути.

— Сергей, — начал он. Мы пили кофе. К этому времени, кроме нас, в комнате остался только дежурный программист Василий. — Мы хотим остановить то, что тут собираются устроить Управляющие и их партнеры из четвертого мира. Для этого нам нужно лучше понять его устройство. А, в свою очередь, для этого нам нужен ты.

Вторая чашка с кофе появилась из робота-бара. Я терпеливо ждал подробностей, хотя уже догадывался, о чем меня попросят.

— Имплант на твоем виске установлен поверх личности человека из того мира, и логично предположить, что это сделано не по его доброй воле, а отсюда следует, что он может нам дать нужную информацию. Если мы сумеем его извлечь, конечно.

— А что будет со мной?

— Думаю, ничего страшного — просто в твоей голове появится еще одна личность.

Я уже здесь.

— Он уже здесь.

Ожог все равно останется, но волею судьбы Кирилл не почувствовал боли от пролитого на колени горячего кофе.

— Это однозначно увеличивает шансы, — выслушав меня, подвел итог Илья, крепкого телосложения заспанный мужчина лет тридцати пяти, с лысой головой и аккуратной черной бородой. Он задумчиво теребил молнию нагрудного кармана темно-синего рабочего комбинезона. — Если личность уже немного проявилась, то, чтобы полностью разблокировать ее, не понадобится такое серьезное вмешательство, как раньше, а с учетом тех новых приборов, что мы достали, я думаю… Точнее, я уверен, что у нас все получится.

Мне бы твою уверенность.

Конечно, я уже все решил. Точнее, обстоятельства решили за меня. Но все равно было страшно. Мало того, что я мог не пережить операцию, как это случилось с моими предшественниками, так еще ко мне в голову влезет незнакомец, и в каком формате мы будем делить черепушку, никто не знал.

Вообще-то, фактически это моя голова и черепушка, и гость здесь ты.

Началось. Как же ты будешь себя вести, когда получишь больше места?

В сложившихся обстоятельствах меня устроит даже треть, — сразу смягчил тон голос, может, боялся, что я передумаю, — *к тому же в некоторых делах я объективно лучше шарю. Например, в выживании.*

— Я согласен. Где подписать?

Процедурная представляла собой почти квадратное помещение площадью метров двадцать, похожее одновременно и на палату реанимации, и на автомастерскую. В центре, рядом с огромным креслом, стояли всевозможные медицинские приспособления с кучей проводов и мониторов. По всей видимости, их использовали, если ситуация выходила из-под контроля. Тут же был небольшой столик, на котором лежали несколько шприцев, стоял десяток пузырьков разных размеров с жидкостями самых неожиданных цветов. Посреди всего этого великолепия торчала огромная клизма. По периметру комнаты на многочисленных полках, столах и верстаках валялись инструменты, от громадных гаечных ключей до маленьких отверток. Притягивали взор и несколько пугающе сложных электронных приспособлений, предназначение которых я не понимал.

Кирилл въехал в процедурную первым и, чтобы не мешать, укатил в самый дальний от входа угол. Следом зашел Илья и встал рядом со столиком.

— Прошу вас, — он жестом указал на кресло. Признаться, если сзади в этот момент меня в спину не подтолкнула бы чья-то услужливая, но твердая рука, совсем не уверен, что зашел бы. Выбора не оставалось, я сделал несколько шагов и остановился у кресла. Отчетливо пахло медикаментами и металлом.

— Раздевайтесь до пояса и садитесь.

Илья взял с нижней полки столика белый халат и перчатки и принялся неторопливо одеваться, вскоре он действительно стал похож на врача.

— Не бойтесь, обезболим по максимуму, да и контакт с телом предполагается минимальный, в основном работать будем с самим чипом.

— Так вы врач или механик? — располагаясь в кресле, спросил я.

— Два в одном, — он уже застегнул халат и надевал маску, — народу у нас мало, так что приходится совмещать.

Люди прибывали. Сколько их, мне разглядеть не удалось, так как Влад, ассистирующий Илье, с помощью специальных ремней

ловко зафиксировал мою голову.

— А клизма зачем?

— Для антуража.

Врач (а мне все-таки приятнее было думать, что врач он больше, чем механик) набрал в шприц прозрачную жидкость из одного из пузырьков и передал его Владу, стоящему за моей спиной.

Вспышка боли, эпицентр которой был где-то под левым ухом, заставила меня застонать. Но уже совсем скоро я понял, что не чувствую левую часть головы и шею. Наркоз работал.

— Как ты? — спросил из угла Кирилл.

— Приемлемо, — язык немного заплетался, но думаю, меня все поняли.

— Тогда поехали.

Не желая видеть, что будет дальше, я закрыл глаза.

Мягкие волны моря поддерживали меня, то медленно опуская, то поднимая навстречу ласковым лучам оранжевого заходящего солнца. Я широко раскинул руки и ноги и любовался высоким голубымнебом. Наверное, Кристина уже вылезла на берег и ждет меня, по-смешному дуя обиженные губки. У нее никогда не получалось лежать на волнах, ноги всегда уходили ко дну, и, конечно же, в этом был виноват я. Ну что ж, такова тяжелая мужская доля — быть виноватым и утешать.

Я улыбнулся мыслям, коснулся ступнями прохладного песчаного дна и встал. Кристины на пляже не оказалось. Я почувствовал тревогу и настолько быстро, насколько позволяла вода, вышел на берег.

На расстеленном пледе лежали мои шорты и рубашка, а рядом сарафан Кристины. Неподалеку в невысокой траве стояли две пары пляжных тапочек и розовая дамская сумочка, с которой моя жена никогда не расставалась. Пустой пляж уходил в обе стороны до самого горизонта, укрыться можно было только в небольшой роще невысоких деревьев. Отгоняя дурные мысли и надеясь, что Кристине просто понадобилось в туалет, я поспешил туда.

— Крис!

Порыв ветра заставил поежиться. Остановился и прислушался: какое-то время, кроме плеска волн и шелеста листьев, ничего не было слышно, а потом раздался выстрел.

… Бегу, ветки царапают плечи и все норовят выколоть глаза, корни, торчащие из-под земли, цепляют за ноги, дважды падаю и обдираю ладони в кровь. Роща кончается, отчаянно крутя головой, оглядываюсь по сторонам…

Я заметил ее не сразу, только когда поднялся на холм — она лежала в тридцати метрах, в небольшом овраге.

— Крис! — заорал я уже на бегу.

Она была еще жива. Прижавшись спиной к большому, наполовину вдавленному в землю камню, она держалась окровавленными руками за живот, ее серые испуганные глаза с надеждой смотрели на меня. Я рухнул на колени и, обхватив ее за плечи, чуть приподнял. Из раны сквозь пальцы текла кровь, заливала живот, купальник и, стекая по бедрам, капала на землю.

— Роберт, — еле слышно прошептала она и протянула руку к моему лицу. Не дотянулась — на полпути рука обмякла и соскользнула на землю. Кристина, моя жена, умерла.

— Пульс участился! Он приходит в себя! — знакомый голос.

Размытые силуэты медленно двигаются в серой дымке, резкий запах медикаментов сводит с ума, и жутко болит голова.

— Слишком рано! Вколите ему снотворное.

И на том спасибо.

Разноцветные шарики, преимущественно зеленые, по цвету мира, медленно поднимаются в синее небо. Тепло. Со всех сторон слышен радостный детский смех и нарочито спокойные голоса взрослых. Фоном звучит негромкая песня про школу, некоторые ребята подпевают. Из самых разнообразных маленьких избушек и киосков доносятся волнующие ароматы, продавцы предлагают полакомиться выпечкой и сладостями.

Самое обычное первое сентября.

Но не для меня.

Я гордо несу на руках семилетнюю Софью. На ней красивое бело-зеленое платье, в русых, как и у меня, волосах огромный зеленый бант, за плечами маленький розовый рюкзачок, а к груди она прижимает охапку гладиолусов. Софья счастливо улыбается и смотрит по сторонам.

— Папочка, а давай купим эту раскраску, — она показывает маленьким пальчиком на большую книжку с картинками.

Покупаю. Сегодня ей можно все.

— Ох, разбалуешь ты её, — смеется Ира, поправляя мой зеленый галстук, — придется сверхурочно работать.

— Да сколько угодно, — я наклоняюсь, чтобы поцеловать жену, но она отстраняется.

Удивляюсь и делаю шаг к ней. Но это уже не Ира — все то же белое платье, но фигуру я не узнаю, волосы удлинились и посветлели, глаза из карих стали серыми, изменилась форма носа и надулись губы.

Передо мной стоит другая женщина.

Город начинает вращаться вокруг нас, ускоряясь. Постепенно он теряет форму и цвета, и вот мы уже стоим внутри серо-черного водоворота и смотрим друг на друга. Софья куда-то исчезла.

— Кто ты? — наконец спрашиваю я.

— Ты знаешь.

И я действительно знаю. Передо мной стоит моя жена. Кристина. И на ее белом платье стремительно расползается красное пятно.

Удар… Удар… Еще удар — кто-то бьет в левый висок огромным молотом. Перестает — блаженство. Дремота вновь накатывает.

Удар! Я кричу и открываю глаза.

Потолок. Поворачиваю голову направо — экраны, по ним бегут цифры и графики, они непереносимо пищат. Поворачиваю налево, на это уходят последние силы. Яркий свет, а на его фоне — лицо ангела, его обрамляют сияющие рыжие волосы. Хочу сказать, как она прекрасна, но не могу разлепить губы. Вырывается только мычание. Ангел кладет руку мне на лоб, и боль уходит.

— Тебе надо поспать, — говорит она, — время еще есть.

Я закрываю глаза.

Глава 9

После операции прошли сутки.

Все это время, меня почти не беспокоили. Пара обследований, десяток анализов, минимум слов — не самый плохой вариант.

С минуты на минуту должен был приехать Кирилл.

В комнате, куда меня поместили, обстановка была вполне комфортной: кровать, кресло, небольшой столик и среднего размера холодильник, забитый фруктами, овощами и напитками, в том числе и алкогольными. То есть всем самым необходимым для восстановления витаминного баланса и психики. Никакого робота-бара — самообслуживание.

Убедившись, что уже могу более-менее четко формулировать мысли, я попросил Влада, временно исполняющего роль сиделки, позвать лидера Нового Завета.

Как ты думаешь, она тоже придет?

Скорее всего. Но пойми ты, наконец, это Катя, а не Кристина! Она член организации, и мы виделись с ней только два раза.

Голос не ответил, но я отчетливо ощущал внутри нарастающее возбуждение от предстоящей встречи. Возбуждение Роберта, моего теперь уже полноправного соседа по разуму.

Дверь открылась, и в комнату, ловко управляя коляской, заехал Кирилл. Он кивнул Владу и внимательно посмотрел на меня. Под тяжелым взглядом я почувствовал себя неловко, но, похоже, его все удовлетворило, и тень улыбки коснулась тонких губ.

— Как здоровье? — спросил он, направляя коляску в угол.

— Спасибо, сносно. Выпьешь чего-нибудь?

— Яблочный сок, если несложно.

Выполнив его просьбу, я пытался удобнее расположиться в кресле с бутылкой пива.

В это время зашла Катя.

Неведомая сила рванула мое тело навстречу девушке. Я вскочил и тут же, запнувшись, упал, едва успев выставить руки. Бутылка укатилась под кровать.

Это не Кристина! Прекрати!

Мне стоило гигантских усилий сопротивляться желанию Роберта броситься к девушке, обнимать и целовать ее. По щекам текли слезы.

Да посмотри ты на нее! Она же другая совсем!

От чипа, пульсируя, распространялась боль. Комната вращалась вокруг. Влад в один прыжок оказался рядом и,

подхватив меня под мышки, усадил в кресло.

Внешне… не Крис… но я чувствую… это она!

Посттравматический шок!

Это она!

Кирилл, Катя и Влад взволнованно смотрели на меня, их губы шевелились, но я не слышал слов.

Постепенно Роберт успокоился. Его все еще тянуло к Кате, но я вновь полностью контролировал тело.

— Что с тобой? Укол нужен? — издалека раздался голос Кирилла. Влад держал шприц и ждал команды.

— Нет, — с трудом выдавил я, — уже почти прошло.

Катя, все еще стоящая в дверях, огляделась и, за отсутствием другого подходящего места, предварительно откинув одеяло и простыню, села на край кровати. Она выглядела растерянной. Что прочитала она в моих глазах и выражении лица?

Влад убрал шприц и достал для меня новую бутылку пива из холодильника, затем отошел и встал у двери. Возникла пауза. Роберт молчал.

Я уже пришел в себя, но понятия не имел с чего начать, весь предварительный план разговора полностью вылетел из головы.

— Ты как? — наконец спросил Кирилл.

— Все хорошо, — я открыл бутылку и сделал несколько глотков.

Кирилл перекинулся быстрым взглядом с Владом, тот едва заметно пожал плечами.

— Было похоже, что ты с кем-то борешься. Внутри. Это он? Человек из другого мира?

— Да.

— Его стало больше?

— Намного.

— Он враждебен?

— Нет.

Кирилл замолчал.

Вот сейчас перед ним задачка, не позавидуешь. Поди разберись, с кем ты говоришь, с другом Серегой или потенциальным врагом.

Ага, тебе спасибо, кстати, что сразу спалил наши противоречия и свои возможности.

Извини, но когда смотрю на нее…

— Многое удалось вспомнить из его жизни? — спросил Кирилл.

— Частей много, — ответил я с небольшой заминкой: переходы от внутренних раздражителей к внешним давались нелегко, — но я не могу составить цельную картину. Воспоминания больше похожи на мозаику, очень большую

мозаику, от которой у меня есть много кусков, но не хватает в тысячу раз больше. Трудно объяснить.

И это я еще смягчил. После пробуждения мое сознание было похоже на смерч, который впитал и перемешал обрывки воспоминаний двух личностей. Они появлялись не по порядку: то в виде картинок, то достаточно больших фрагментов из жизни, а зачастую это были просто голоса или имена. Первые несколько часов я вообще не понимал, кто я и где. Сейчас стало немного лучше. Но появилась проблема Кати, которую Роберт принимал за свою погибшую жену Кристину.

— Тот мир большой?

— Трудно сказать… Думаю, он ВЕСЬ.

— В смысле?

— Мне кажется, — я тщательно подбирал слова, понимая, какой эффект они произведут, — мне кажется, что четвертый мир — это не какой-то мир под куполом вроде наших, а что это весь мир вокруг нас.

— Не может быть! — Катя вскочила, но тут же взяла себя в руки и села назад. Кирилл подкатился ближе:

— Ты уверен?

Снова пауза, лишь отдаленные голоса за дверью нарушали повисшую тишину.

— Не совсем, — я сделал еще глоток. — То, что мир огромен — факт, городов несколько — тоже факт, живут без купола — и это факт. Смотрят наше шоу, сами в шоу не участвуют, кроме них, есть еще люди в других местах, отношения между ними мне пока непонятны. Это факты. Насколько, конечно, моя дырявая башка их сейчас может осознать. Но есть и нестыковки, причем я чувствую, именно в них и кроется суть, но что меня смущает, понять не могу.

— Попробуй объяснить, начни с начала, — таким сосредоточенным я Кирилла еще не видел. Пальцы сжимали пустой стакан из-под сока так, что побелели костяшки.

— Если с начала, то план сработал, и нас теперь двое: я, который сейчас говорит с вами, это тот, кто жил в Зеленом мире и был убит. А второй — тот, чье тело переделали в мое и поверх разума которого установили чип убиенного в этом мире меня. Память у нас общая. Все доступно обоим. Как я уже сказал, о нем воспоминания обрывочны, а вот о моей жизни мы помним все.

Краска бьет в лицо, повышается пульс.

Мы оба помним все.

Ранняя осень. Я провожаю Иру, она прикрывает глаза, мы первый раз целуемся, а *кто-то* стоит рядом на ступенях.

Конец осени. Моя рука проникает под юбку, я чувствую

влажное тепло, но Ира отталкивает меня и выбегает из комнаты, а *кто-то* стоит за дверью.

Начало зимы. Передо мной обнаженное, давно желанное тело, руки одновременно и притягивают, и отталкивают, я рывком вхожу, Ира закрывает глаза и тихо стонет, а *кто-то* лежит рядом.

Кто-то — это мой сосед по разуму — Роберт. Теперь он всегда рядом, присутствует при любом событии в прошлом, настоящем и, вероятно, будет присутствовать в будущем.

Я жадно пил пиво и ждал, когда упадет пульс и исчезнет гул в ушах.

— Пока понятно?

— Конечно, — быстро ответил Кирилл и нетерпеливо крутанул кистью, мол, продолжай. Катя кивнула, Влад задумчиво разглядывал руки.

— При этом разумы у нас разные, и то, что мы по-разному воспринимаем и интерпретируем одни и те же факты, вполне логично… Но что касается моих воспоминаний, мы в целом во всем сходимся и делаем на их основе примерно одинаковые выводы. В том числе и об устройстве, прошлом и настоящем трех наших миров. Он искренне, я это чувствую, сопереживает мне и всем нам, ему грустно из-за того, что мы с рождения обречены быть героями смертельного шоу для других.

Я вздохнул, переводя дух, и некоторое время искал слова, чтобы понятнее сформулировать гнетущую меня мысль:

— А вот его мир мы оцениваем по-разному. Если сильно упростить, то Роберт считает его понятным, правильным, развивающимся согласно естественному пути эволюции.

Кашель прервал мою речь, а последовавшая за ним волна боли едва не лишила сознания. Когда в голове перестало звенеть, я увидел, что Катя прижимает ледяную закрытую бутылку к моему виску, а открытую сует в руку.

— Но ты так не считаешь? — Кирилл вопросительно смотрел на меня, а мне понадобилось с минуту, чтобы вспомнить, о чем я говорил.

— Да, я так не считаю. Его мир мне не кажется естественным и реальным, и тут дело не в том, что я смотрю сквозь свою призму, он просто… неправильный. Очень сложно объяснить, многих кусков не хватает, да и мой сосед постоянно спорит.

— Ты думаешь, что его мир тоже постановка, только другого уровня? — тихо спросила Катя.

— Не совсем, вернее, точно нет, его мир вполне реален, и вполне себе сам развивается.

— Наши тоже сами развиваются!

— Да… Не могу объяснить, но что-то там не так, как должно быть.

— Ну рано или поздно вспомнишь?

— Да нет же, Катюша, — Кирилл взмахнул руками, едва не опрокинув пустой стакан, — ты что, не слушаешь его? Даже если он, вернее они, все вспомнят, у них просто будет одна память на две личности, и каждая из них вследствие каких-то причин сделает на ее основе свои выводы. И обе будут правы. То, что Сергей сейчас видит нестыковки, есть результат взгляда со стороны, а не отсутствия данных о том мире, хоть и это влияет, конечно, но не так сильно. Если на то пошло, не хватает данных, которых ни у кого из них никогда не было. Эх, мне бы хоть то, что уже есть, разом в мою голову, я бы разобрался!

Он с досадой стукнул стаканом по парализованному колену, помолчал немного и уже значительно спокойнее заговорил:

— В общем, ребята, каким бы ни был ТОТ мир, он развивается не по Дарвину, извините, но это очевидно… Сергей, я хочу услышать все, что ты вспомнил из жизни того, второго разума. Особенно интересует география и устройство управления.

Я нырнул в воспоминания Роберта, выуживая необходимые сведения, он, как мог, помогал мне.

— Основная популяция расположена на территории бывшей центральной Европы. Несколько старых столиц отстроены: Берлин, Париж, вроде бы Рим, еще ряд городов. Точно не помню…

— Может нам напрямую с *ним* поговорить? — поморщившись, спросил Кирилл.

— Речью управляю я, как и телом в общем, — я вспомнил свой недавний припадок и для ясности добавил, — когда пришла… когда вы пришли, Роберт забылся и попробовал взять контроль. Из-за этого случился некоторый сбой во внешних реакциях. Сейчас управление полностью на мне, надеюсь, так будет и впредь…

Катя усмехнулась, а я решил вернуться к теме:

— Есть поселения и в других районах, в основном ресурсодобывающие, но я так понял, к ним в Европе относятся как… — я запнулся, пытаясь подобрать нужное слово.

— Как к нам?

— Может, даже хуже, — я потер висок и поставил бутылку на столик. — Руководящий центр располагается на территории бывшей Великобритании, на острове. Я так понял, туда простому смертному не попасть. Роберт не знает, как там что устроено.

— Надо полагать, и камер там нет, — задумчиво проговорил Кирилл, так тихо, что я едва расслышал.

— Не знаю насчет камер… что еще… А! Общее население Европы больше двухсот миллионов человек.

— Ничего себе! — присвистнула Катя и, вскочив, зашагала по комнате.

— А, и еще — радиации в мире нет.

— Как?! — пораженная девушка замерла.

— Ясен пень, нет, — одновременно с ней произнес Кирилл.

— Но ведь посылались экспедиции за купол!

— Да ну, миллион способов есть это провернуть, — Кириллу явно было скучно объяснять очевидные вещи. — Самый простой — зарыть вокруг купола радиационные отходы, да и постанову любую можно снять, в конце концов.

— Твою мать, — Катя, забывшись, рухнула на кровать и закрыла лицо руками.

Выписка из протокола по делу охотника № З—799 (в протоколе О1) и охотника № З—435 (в протоколе О2).

Большой зал суда.

По кругу стоят девять кресел. В них сидят Вершители.

Центр зала пуст.

Появляется голограмма. Перед судом дистанционно предстают охотник № З—799 и охотник № З—435.

О1 (смиренно): Приветствую Великих.

О2 (спокойно): Приветствую Великих.

Вершитель 1: Вам удалось найти объект № З—89189—30?

О1 (спокойно): Мы думаем, он погиб.

Вершитель 2: В таком случае, нам нужно его тело.

О1 (спокойно): Мы его ищем.

Вершитель 2: Медленно.

О1 (спокойно): Мы восстанавливали свои тела после повреждений.

Вершитель 2: Какой у вас план по поискам объекта № З—89189—30?

О2 (раздраженно): Прошу Великих не забывать, что у нас есть и другие важные дела.

Вершитель 9 (перебивает, кричит): Мы решаем, какие дела важные!

О2 (продолжает): Конец Цикла — сложный период, особенно, учитывая ваши планы и многочисленные сбои в последнее время.

Вершитель 1: О чем вы?

О2 (раздраженно): О том, что ваши программисты совсем перестали следить за программным обеспечением, а с учетом нестандартного Конца Цикла в Зеленом мире это привело к серьезным проблемам.

Вершитель 2: Это к делу не относится, вы для того и нужны, чтобы решать проблемы.

О2 (ухмыляется, молчит).

Вершитель 1: Так какой у вас план насчет объекта № З—89189—30?

О1 (смиренно): Если объект жив, то он у местной хакерской группировки, которая называет себя Новый Завет. У него, вернее, у того, кого он заменил, есть дочь. Мы планируем найти ее и устроить засаду.

Вершитель 1: Планируете? То есть вы ее еще не нашли?

О1(спокойно): Еще нет.

Вершитель 2: А вы понимаете риски? Что если объект № З—89189—30 еще жив и ему вернут память?

О1 (неуверенно): Это маленькая группа программистов. У них нет таких возможностей.

Вершитель 9 (издевательски): Тем не менее анонс для закрытого канала они взломали.

О2 (яростно): Так я и говорю, что ваши программисты (нецензурная брань)!

Вершитель 5 (примирительно): Держите себя в руках, охотник.

О2 (яростно): Да какого (нецензурная брань) я должна держать себя в руках? Сидите в своих норах, палец о палец не ударите. Я в этом мире уже пятое тело меняю, мечусь, как белка в колесе, затыкаю ваши дыры. Выньте палец или что там у вас из жопы и начинайте работать. Сейчас проект ММУ летит в пропасть, не поможет даже чистка Зеленого мира.

Вершитель 1 (после паузы): Вы должны немедленно найти дочь объекта № З—89189—30, это первоочередная задача. Мы санкционируем доступ к полицейским камерам и любые другие меры, которые помогут в поиске.

О1 (с сомнением): Излишнее вмешательство может вызвать сбои в других цепочках, если их коснется.

Вершитель1 (твердо): Поиск объекта № З—89189—30 — ваша основная задача, скоро прибудут другие охотники, они исправят все возникшие проблемы. Вы свободны.

Охотник № З—799 низко наклоняет голову, охотник № З—435 кивает. Голограмма исчезает.

Скрытая камера № 00004 продолжает запись.

Место действия: штаб охотников, основной зал.

Режим: запись для закрытого канала.

Женщина, охотник № З—435 временное имя Ирина, и мужчина, охотник № З—799 временное имя Мэйсон, стоят рядом.

— Чертовы дегенераты! — женщина плюет на пол.

— Тише, дорогая, — мужчина берет ее за руку, — тут могут быть камеры.

— Да плевать, — она выдергивает руку, — они ослабли и деградировали! Даже если тут и есть камера, за ней наверняка давно никто не смотрит.

Она быстро ходит по комнате. Датчики фиксируют большой выброс адреналина.

— Я лучшая охотница, без меня они просрут все миры, не только Зеленый!

Мужчина подходит сзади и обнимает ее.

— Ты лучшая, и я рад, что мы снова вместе.

Женщина останавливается, датчики показывают, что пульс падает.

— Да, сладкий, я тоже рада, а то что-то ты застрял там, — она поворачивает голову, они целуются.

Проходит минута.

— Так что делать будем? — спрашивает охотник.

— Да найдем мы эту мелкую потаскуху! Знал бы ты, как мне хотелось вырвать ей язык, когда мы вместе жили. Но не в ущерб другим делам. Если мы наделаем тут дыр, всех охотников со всех миров не хватит, чтобы их закрыть. Вершители слишком оторвались от реальности.

Женщина поворачивается к мужчине и кладет одну руку ему на шею, а другую на ширинку.

— Но пятнадцать минут любые дела могут подождать.

Датчики фиксируют возбуждение у обоих.

— До сих пор трясет, когда вспоминаю… как ты… с этим…

— От желания, надеюсь, — женщина смеется, они целуются и раздевают друг друга.

Подготовка к операции шла полным ходом. Штаб НЗ походил на растревоженный муравейник. Народу прибавилось, так как задачи стояли серьезные, пришлось активировать все резервы. Чаще на глаза попадались хилые ботаники, но пару раз я сталкивался с очень крутыми ребятами.

Несмотря на давление Роберта, я избегал встречаться с Катей наедине и вообще видел ее редко, в основном в столовой. А вот с Кириллом мы беседовали по несколько часов в день, он применял всевозможные методы, чтобы глубже забраться в мою память, иногда к нам присоединялся и Роберт.

Вообще, отношения с моим альтер эго (не считая сбоя с Катей), складывались неплохо. Я по-прежнему не мог вызывать его по желанию, но после операции он и без того приходил

довольно часто. Про мою жизнь он все знал, поэтому обсуждали мы по большей части его мир, вернее то, что могли про него вспомнить. Помнили мы мало, и прогресс шел медленно. В итоге мы сошлись во мнении, и Кирилл с нами согласился, что прорыв если и случится, то во время какого-то кризиса или масштабного потрясения; в общем-то, это было одной из целей нашей операции.

Мы планировали попасть в Лондон.

Глава 10

Помещение столовой едва вмещало всех желающих, сегодня даже пришлось принести дополнительные столы и стулья. Кто-то, собравшись в группы, обсуждал предстоящие бои, кто-то вполголоса вносил последние штрихи в планы диверсий, а кто-то просто молча сосредоточенно жевал — таких было большинство. Передо мной на подносе стоял стакан с апельсиновым соком, миска с овощами и тарелка с рисом и креветками.

Креветки вылавливаются на одной из северных баз, — рассказывал Роберт, — *рис выращивают где-то на востоке.*

А овощи?

А овощи местные. Конечно, для отвода глаз, какая-то часть и других культур выращивается здесь, но в основном все завозное. И каждому из трёх городов врут, что именно эти завозные культуры выращиваются в соседнем городе, чтобы не возникало вопросов о несоответствии количества производимого и потребляемого.

В общем, — резюмировал он, — *схема рабочая.*

Не поспоришь.

А ты чувствуешь вкус еды?

Я чувствую все, что ты делаешь, не в полной мере, конечно. Это плохо, когда ты получаешь удовольствие, и хорошо, когда испытываешь боль.

А что насчет вмешательств в управление телом?

— Это очень сложно, — я почувствовал его вполне понятное раздражение. *— Думаю, для полноценного контроля ты должен уступить мне место добровольно. Пока я вмешивался два раза. Второй, когда пришла Катя. А первый в подвале — помнишь, ты пнул ту хрень на грудь охотницы? Это я сделал.*

Ну вот, я думал, что хоть это я сам.

Извини, ты неплохой парень, но подготовка у тебя хреновая.

Но тело же твое?

Во-первых, тело считай твое, во время пластики с моего срезали столько мышц, чтобы подогнать точнее, что я его и не узнаю больше. Во-вторых, им управляют сигналы мозга, и, как бы прекрасно оно не было подготовлено, если сигнал неправильный или запоздалый, ничего не выйдет.

Ну а если будет жарко…

Когда! Когда будет жарко.

Когда будет жарко, я надеюсь, ты подключишься?

Я тоже надеюсь.

Скрипнул стул, и я обернулся. Катя села рядом. Волосы забраны в хвост, лицо сосредоточенное. Одежда, как всегда,

практичная и, как всегда, зеленовато-коричневых тонов. На подносе точно такой же суп, котлета, гречка и сок, как у меня.

Она прекрасна!

Как всегда, в присутствии Кати или при мыслях о ней обычно уверенный, местами даже резкий, тон Роберта изменился и стал похож на тон влюбленного из мыльных опер.

Нормальная. Но все-таки это не твоя жена.

Я понимаю. Умом. Но сердцем не могу. Я вижу нас в Париже, у нас дома… в постели.

Просто сбой. Ее образ наложился на воспоминания о Кристине.

— После обеда стрелковая подготовка, ты помнишь? — вместо приветствия сказала Катя, прерывая мой внутренний диалог.

Чёрт. Стрельбище! Я скривился: в прошлый раз у меня, мягко говоря, получилось не особо. Катя это тоже помнила и сказала:

— Ты попробуй позвать Роберта, вам надо учиться взаимодействовать.

— Представь себе, именно это мы только что обсуждали.

— О, я не помешала?

— Нет, мы как раз закончили, — в отличие от Роберта, в ее присутствии я чувствовал себя неуютно.

Спроси ее о чем-нибудь.

О чем?

Как она попала в Новый Завет.

— Как ты попала в Новый Завет?

Катя доела последнюю ложку супа, отставила тарелку и посмотрела на меня. Зеленые глаза мерцали в свете ламп.

— Это ты спрашиваешь или Роберт?

Вот же проницательная девица.

— Роберт, но мне тоже интересно.

— Ясно, — она пододвинула тарелку с гречкой и котлетой и не спеша продолжила обед. Я немного подождал, затем, с трудом превозмогая сопротивление Роберта, отвернулся.

— Мой отец специализировался на террористах, — наконец медленно заговорила она, — провел двенадцать удачных зачисток. Как классических типа домов и заводов, так и две элитные в самолете и в одном из небоскребов в Конце Цикла Золотого мира. Он всегда считал, что это мир мужчин, и, когда родилась я, а после через три года погибла мать…

Повисла пауза. Екатерина механически жевала гречку и смотрела на кем-то оставленный пустой поднос. Мне ничего не оставалось, кроме как пить сок и ждать продолжения.

— Он решил защитить меня… по-своему… с детства таскал

на всякие кружки по выживанию, самообороне, стрельбе. Делал из меня… мужчину. Однажды, два года назад, я помогала ему в одном задании, мы к тому времени уже часто работали вместе, и он даже хвалил меня иногда, — девушка тряхнула головой, схватила стакан и залпом выпила его, последние слова явно вырвались случайно. — Так вот, он погиб на этом задании. Его засыпало обломками рухнувшего здания. Выжить было нереально… Но через четыре дня его достали почти невредимого. Героя… Я была счастлива, но при этом знала: он должен был погибнуть под тем завалом. И тут появился Кирилл. У него были записи и доказательства, что отец тогда умер, а потом его восстановили. Он рассказал мне про все, и я присоединилась.

— А отец?

— Его воскресили из-за высокого рейтинга. Намечалось крупное событие — захват телецентра. Там участвовали сразу несколько серьезных мужиков. На некоторое время мой отец им понадобился… В таких шоу всегда кто-то погибает, и, скорее всего из-за того, что мой отец был уже… замененным, погиб он. Его воскресили для однократного использования, чтобы люди там, во внешнем мире, были довольны. А я, тут, потеряла его дважды за месяц.

Мне жаль.

— Нам очень жаль, — не сопротивляясь желанию Роберта, я коснулся ее плеча, она коротко кивнула и встала, на тарелке осталась недоеденная гречка. — Жду вас на стрельбище.

Я смотрел ей вслед, даже у меня на душе было муторно, а то, что творилось с Робертом, не поддавалось описанию.

Стрельбище — длинный подвал в этом же здании (или скорее особняке). В конце подвала экран. Стрельба идет из стопроцентно соответствующих оригиналам макетов различного оружия. Сегодня это АК-47.

— Напоминаю, — Катя стояла передо мной и ещё двумя парнями. От ее замешательства не осталась и следа, сейчас нам предстала рыжая фурия. — Хоть стрельба и виртуальная, все, от скорости полета пули до отдачи, будет натуральным. Наденьте наушники, в них вы сможете по полной оценить и звук.

Надели.

— Приклад в плечо, правый локоть к телу, левая кисть под ствол, смотрите сюда, совмещаете прорезь прицела и мушку, если цель дальше пятидесяти метров, то не стреляете, все равно не попадете. В этом случае ищете новую цель. Огонь ведем очередями. Все понятно?

Мы закивали.

— Приготовились, — мы встали и подняли автоматы. — Огонь!

Я замешкался всего на долю секунды — рев выстрелов соседей оглушил меня и, нажимая спусковой крючок, я сильно задрал ствол.

— Коля, хорошо. Стас нормально. Сергей… поздравляю, ты только что убил беременную женщину в окне пятого этажа.

— Возможно, она что-то замышляла, — сказал Коля и тут же сжался под взглядом сверкнувших в его сторону зеленых глаз.

— Вот так погибают люди, живущие в домах на первом и втором уровне этого сраного мира. Приготовились! Сергей, не зевай! Огонь!

В этот раз я выстрелил одновременно со всеми, но не был уверен, что попал в быстро двигающуюся по экрану фигуру в зеленом камуфляже.

— Приготовились! Дебилы! Как вы собрались стрелять, патронов по несколько штук осталось! Перезарядить.

У меня горели уши: я тут лишний, это не мое! Дрожащими руками я пытался вставить магазин.

Дай-ка я попробую.

— Приготовились! — я поднимаю автомат.

Брось! Расслабься, я сам!

Я расслабляю руки.

Ноги тоже!

Расслабляю ноги и готовлюсь упасть, но все еще стою. Очень странное ощущение.

Руки сами поднимаются, ноги встают в стойку. Приклад прижимается к плечу. *ОСВОБОДИ голову.*

Как, блин? Как освобождают голову?

Да не закрывай глаза!

— Огонь!

(Роберт)

Грохот в ушах. Все в точку. В голову бегущему врагу.

Приятная тяжесть в ногах и ствола в руках. И запах! Тут даже имитация запаха пороха! Как я по этому соскучился!

Что сложного, Серега?

Ты молодец! Пусти назад, пока она не догадалась.

Да сейчас…

— Роберт, это ты?

Оборачиваюсь и замираю. Белое лицо, сверкают зеленые глаза, приоткрыты губы… а эти конопушки, веером раскинутые по щекам! Крис! Сердце сдавливает, пересыхает во рту.

Кристина была блондинкой!

— Ты прекрасна! — поднимаю руку, пытаясь прикоснуться пальцами к ее щеке.

Пусти, идиот!

Не-е-е-е-т!

(Сергей)

Рука упала, ноги подкосились, но я устоял.

— Что это значит? Роберт? — зеленые глаза затягивают меня. Нет! Они затягивали Роберта, пока он управлял телом!

— Прости, — я прижал автомат к груди и сделал шаг назад. Щеки все еще горели. Коля и Стас молча наблюдали за происходящим. Избегая взгляда Кати, я посмотрел в сторону мишени: — попал?

— Четыре в голову, два в шею, — она сделала паузу. Пауза затянулась. Думает о моей вспышке? Оценивает? Почему молчит так долго?

Когда я уже был готов обернуться, Катя тихо добавила:

— Учитесь работать в паре, ребята. Два — один в пользу врага, в реальном бою было бы один — ноль.

Я глубоко вдохнул.

— Остальные молодцы. Продолжайте упражнения, у вас еще двадцать пять минут.

Послышались удаляющиеся шаги. Выдохнул и, не сдержавшись, посмотрел ей вслед.

Обернется или нет?

Обернулась и долго смотрела мне в глаза. Роберт был счастлив.

Сложнее всего дела обстояли со сном. Вернее, со снами. Кирилл предполагал, что до прорыва воспоминания будут приходить именно в них, когда бессознательное Роберта будет брать верх, и видел в этом возможность получить дополнительную информацию перед операцией. Поэтому я спал, облепленный датчиками, а на столике рядом с кроватью лежал диктофон. Когда приборы фиксировали мозговую активность, они будили меня резким звуком, и я записывал то, что помнил, если это имело отношение к внешнему миру. Получалось не всегда. Чаще я вспоминал только обрывки, гораздо реже эти обрывки несли крупицы полезной информации. Преобладали очень болезненные для меня сны про Иру и Софью, а для Роберта — про его жену Кристину.

За те четыре дня до операции, пока мы видели общие сны ночью, а днем обсуждали их, я узнал и частично прожил

множество как прекрасных, так и ужасных моментов из жизни моего соседа по разуму. В подробностях.

Когда Роберт и Кристина познакомились, ему едва исполнилось двадцать три, а ей за неделю до этого — восемнадцать. Это произошло на ее первом балу (как я понял, что-то вроде большой вечеринки, куда собираются сливки общества и их дети для того, чтобы завести новые знакомства и укрепить старые). Родители Кристины не были богатыми, они держали небольшой музыкальный магазинчик в пригороде Парижа и позвали их только из-за необыкновенного таланта и красоты дочери.

Газеты тех лет (их заголовки регулярно мелькали в снах) называли ее не иначе как «Голосом столетия», а по красоте сравнивали с Афродитой. Несмотря на молодость, она собирала полные оперные залы и имела кучу поклонников (до восемнадцати лет девушка не могла оставаться наедине или как-то контактировать с мужчинами (они там здорово ограничили интернет, видимо, борясь за нравственность молодежи), которые с нетерпением ждали ее восемнадцатилетия и первого бала. Среди них был и Роберт.

Молодой и перспективный, только что с отличием окончивший престижный университет (отец известный юрист, мать преподаватель мертвых языков), он тоже обожал девушку до дрожи. Восхищался ее вокалом, знал наизусть каждую черточку лица и мог предсказать любое движение тела, но больше всего ему нравились ее редкие, но чрезвычайно взвешенные, целомудренные интервью, где она скромно и тихо рассуждала о ценностях семьи и брака.

Роскошный гигантский дворец, в котором должен был состояться бал, даже близко не мог вместить всех желающих. Роберта, естественно, не пригласили. Зато пригласили его отца.

За возможность пойти вместо него, Роберт согласился три года работать на его фирме в тех должностях и на тех условиях, которые он установит.

И вот долгожданный день настал.

Шансов у молодого юриста не было. Его окружали сыновья принцев, графов, олигархов, крупнейших промышленников и землевладельцев, лучшие охотники. Да и сами отцы при любой возможности перешли бы дорогу своим детям в борьбе за главный бриллиант дня.

И тем не менее он ее добился — год после этого во всех газетах и журналах, по телевидению, на любой вечеринке, да и просто в каждой семье обсуждали то, как этот выскочка сумел

опередить стольких более достойных людей.

Было ли дело в том, что он отличался умом и чувством юмора от принцев и графов? Скромностью от промышленников и землевладельцев? Миролюбием от охотников? Наверняка. Но все эти достоинства она открыла в нем впоследствии. А в тот день он просто (на этом в итоге сошлись почти все) стал единственным, вернее первым (после его поступок многие взяли на вооружение) джентльменом, которого она встретила на балу.

Те две минуты, положенные ему на танец, вместо того чтобы обнимать прекрасную девушку и прижимать ее к себе, исследовать, в меру приличий, ее девственное тело, он, заметив ее усталость от непрерывных танцев, растерянность от слишком большого внимания и красные натертости на ногах, отвел ее в сторону, посадил на мягкое кресло и заставил снять туфли. Все две минуты он просто сидел рядом, подбадривал и сочувствовал ей. Шел седьмой час мероприятия, и этим поступком он обратил на себя внимание.

В дальнейшем сначала с помощью переписки (посредством бумажных писем, которые отправлялись по почте), потом путем коротких целомудренных встреч он показал ей, что ум, чувство юмора, достаточная скромность и, конечно, перспективность, — все при нем.

Через четыре месяца они стали официально встречаться.

Еще через полгода он сделал Кристине предложение.

Это я видел во сне.

Тихая июньская ночь на берегу Сены. Легкий ветерок едва колышет листья, шерстяной плед лежит в невысокой траве. Корзина с фруктами и двумя бутылками вина. Две свечи.

Кристина сидит, обнимая руками колени. На ней легкий белый сарафан, и она тихо поет его любимый романс. Роберт лежит на спине, закинув руки за голову. На нем белая рубашка, застегнутая слишком высоко, и брюки, выглаженные слишком тщательно. Он смотрит то на звезды, рассыпанные по всему одеялу неба, то на профиль девушки, ее пухлые губы, аккуратный носик, белые волосы, отражающие лунный свет. Его глаза влажные от слез. Она замолкает, и через секунду он стоит на одном колене, в руках бархатная черная коробочка, в ней, переливаясь в свете двух мерцающих огоньков свечей, золотое кольцо. Теперь и на ее глазах слезы.

— Да! — девушка бросается ему в объятья.

Через полгода пышная свадьба. Отец оценил выгоду происходящего и недолго держал сына в холопах, поручая все более серьезные дела. Молодую красивую пару были рады видеть в самых высоких кругах, на самых закрытых вечеринках. Карьера

Роберта стремительно развивалась.

Она с огромным успехом выступала, он работал, а каждую секунду свободного времени они проводили вместе. В обнимку часами гуляли по Парижу, болтая о пустяках, ужинали на веранде своего дома, молча любуясь закатом, и, конечно, с неиссякаемым любопытством исследовали тела друг друга по ночам. Кристина почти всегда засыпала первой, а он в полумраке еще долго любовался ее лицом, мягкими изгибами и осторожно гладил светлые волосы. Она почти всегда вставала раньше, готовила завтрак, садилась за рояль и играла. Он обожал моменты, когда в сон, каким бы он ни был, вкрадывались чарующие звуки, неуловимо преображая и наполняя его волшебством. Можно было лежать и наслаждаться, а можно открыть глаза и увидеть ту единственную, ради которой живешь.

Счастье молодых длилось два года. Потом начали сгущаться тучи.

Кристина не могла забеременеть. И с каждым месяцем неудачных попыток это давило все сильнее. Они ходили к лучшим врачам. Он окружал ее заботой, но ничего не выходило.

Через год начались ссоры. На фоне стресса у нее пропал голос.

Это был страшный удар. Он пытался поддержать ее, но девушка все чаще срывалась на нем. Обиды копились, сказывалось отсутствие опыта серьезных отношений. У Роберта до свадьбы было несколько коротких романов. У Кристины он был первым.

Через два года они расстались. Он бросил юридическую контору и, желая сменить обстановку, уехал наемником куда-то. Перед отъездом он встречался с Кристиной.

Этот сон я отчетливо помню.

Они сидят в их доме, в спальне. День. Но из-за черных туч, закрывающих небо, в комнате почти темно. Она на кровати в домашнем халате, а он на полу в верхней одежде, его голова у нее на коленях. По окну стучат капли дождя.

Он торопливо шепчет, боясь не успеть или забыть что-то важное:

— …Мне не нужны другие, Крис, только ты! Я хочу быть только с тобой… Тебя нет рядом всего неделю, а я уже сейчас готов молить о прощении и просить вернуться… Но это неправильно! Ты понимаешь? Это все будет ненадолго. И мы опять поссоримся и снова разбежимся через месяц-другой… А я… Я хочу… искупить… вдоволь испить потерю. Впитать пустоту, которая окружает меня, когда тебя нет рядом, осознать жизнь без тебя не только головой и телом, а, — он сильно бьет себя кулаком

по груди, — сердцем. И я хочу, чтобы и ты испытала свое. Я обещаю не прикасаться к другим женщинам, да ты, я уверен, и понимаешь, несмотря на все, что ты мне говорила во время наших ссор, что я исполню свое обещание. Тебе же я не запрещаю НИ-ЧЕ-ГО. Если полюбишь, я буду рад за тебя. Поверь, искренне рад, ты этого достойна. Может, с другим к тебе вернется голос… Может, я действительно занял чье-то место.

Она молчит, только гладит почти черные в полумраке волосы, и слезы текут по ее щекам. Капли дождя барабанят по стеклу.

Три года провал. Ни единого воспоминания о том, что случилось с Робертом за это время, есть только уверенность: своего слова он не нарушил.

Он вернулся совсем другим, майором с многочисленными наградами и, к неудовольствию отца, начал политическую карьеру. Они снова сошлись с Кристиной, на развод она так и не подала и все это время ждала его, преподавая в университете основы вокальной методики. Голос к ней так и не вернулся.

Новые попытки зачать ребенка, и вот оно счастье: тест положительный. Кристина рыдала на руках у едва живого от восторга мужа.

Снова год провал в воспоминаниях.

Ребенка нет.

Вновь темные времена, но они не повторили своих ошибок и прошли через новые беды плечом к плечу. Она была тем, ради чего он жил. Они решили: если не получится завести своих детей, усыновить мальчика и девочку из приюта.

Проходили годы, он занял пост вице-мэра Парижа и начал интересоваться Играми — так они называют наше МультиМировое Устройство. К сожалению, чем дальше, тем больше пробелов в воспоминаниях, нет почти никакой конкретики, в основном эмоции.

Красной нитью продолжали идти отношения с Кристиной, и иногда всплывал страх от все больше открывающейся благодаря высокой должности информации. Все пристальнее Роберт следил за Играми. В определенный момент пришло понимание: для высших сословий, для работяг внешнего мира и, скорее всего, для жителей Великобритании, где располагается президентский дворец и все органы власти, Игры подаются по-разному. Наконец, он осознал всю чудовищность схемы и принципа ММУ. Стал иначе смотреть на сложившуюся иерархическую структуру в собственном обществе и активно выступать за ее изменение.

Потерял должность. Создал оппозиционную партию, требующую открыть доступ на остров и призывающую ввести

систему демократических выборов вместо установленной двести лет назад системы закрытого наследования.

Дальше связь в воспоминаниях полностью теряется. Есть только три не согласующиеся, но в то же время плотно связанные сцены, каждую из которых я не раз видел. Их достоверность ввиду противоречивости нам обоим до сих пор не ясна.

В первой я, Роберт, нахожу умирающую Кристину недалеко от пляжа.

Во второй я, Роберт, стою над телом Кристины в темном зале в конусе красного света с пистолетом в руках, а тень, мечущаяся вокруг, кричит: «Это твоя вина!»

И третий.

Снова темный зал. Снова конус света, но вокруг девять огромных кресел, в них девять темных непропорциональных фигур в балахонах с капюшонами, надвинутыми на лица.

— Роберт, за совершенное тобой преступление ты приговариваешься к замещению.

Я здесь давно, но помню лишь, что меня судят за убийство жены, еще мне кажется, что, появившись тут, я думал, что невиновен. Но сейчас в кругу очищающего теплого красного света, под суровыми (хоть под капюшонами и не видно, но я уверен — понимающими) взглядами членов совета Вершителей мне стыдно и горько. Горько, потому что я убил Кристину, а стыдно, потому что я поддался гордыне, возомнил себя выше остальных. Я подвел совет, который терпеливо, год за годом, десятилетие за десятилетием заботится и охраняет всех нас. Я отвлек Вершителей от действительно важных дел, и они вынуждены тратить время на решение тех проблем, что я создал. Замещение — что бы это ни было, мой единственный способ искупить содеянное.

— Да, Верховный! — я стою на коленях и плачу.

Глава 11

До операции оставалось меньше суток.

— Видишь ли, — Кирилл в последние дни почти не спал, и его лицо осунулось, — мне, в целом, все давно понятно. И я расцениваю вероятность того, что наши действия приведут туда, куда нужно, не менее чем в тридцать процентов. Весь вопрос в том, что делать дальше.

Мы сидели у меня в комнате, и в первый раз на моей памяти Кирилл пил алкоголь — красное сухое вино. Я, чтобы быстрее заснуть, смешал джин с тоником.

— Я, конечно, дам тебе инструкцию с наиболее вероятным описанием того, с чем ты столкнешься, — продолжил он, — рекомендованные решения там тоже будут, но все-таки…

Он сделал паузу, зажав в руках стакан. Щеки покрывал легкий румянец.

— Я хочу, чтобы ты заранее был готов… к нестандартным поступкам, — от тона его голоса мне стало не по себе, — и попросить тебя не пороть горячку.

— Не очень понимаю.

Молодой человек (хотя сейчас он не выглядел таким уж молодым) усмехнулся.

— Есть мнение, что интуиция — это мысли, приходящие в тот момент, когда твое подсознание уже успело проанализировать входящие данные и на их основании сделало вывод. В то время как ты сам еще тупишь. Бац — и тебя озаряет. Чем умнее человек и чем сильнее развито его сознание, тем большие чудеса способна творить его интуиция, — он поднял глаза, проверяя, слежу ли я за мыслью. — Я умный человек. И моя интуиция подсказывает, что перед тобой встанут сложные дилеммы морального свойства. Я допускаю, что в твоих, вернее, в ваших с Робертом руках в той или иной степени может даже оказаться судьба ВСЕГО мира.

— Не слишком ли смелое предположение?

— Это всего лишь одна из вероятностных линий. Есть и другие, — он невесело усмехнулся, — например, мы можем не суметь поймать охотника или тебя могут убить во время операции или по прибытии на место. И еще куча других. Хочешь их обсудить?

— Не особо.

— Хорошо. Что я в целом хочу сказать. Наши миры, я сейчас имею в виду только наши три мира, так вот, наши миры, конечно, несовершенны. Более того, здесь планируется преступление, которое мы обязаны предотвратить любыми способами, но ты

должен понять очень важную вещь.

Как всегда, когда Кирилл хотел полностью привлечь внимание собеседника, он подъехал очень близко, колеса инвалидного кресла почти касались моих ног.

— Все может стать хуже! Именно мы своими действиями можем сделать так, что все пять миллионов населения наших трех миров пострадают, а, может, и не только наших… Не понимаешь?… Смотри… Самая очевидная аналогия — работающая компьютерная программа или приложение. Когда программист пытается ее усовершенствовать, он иногда, а на самом деле почти всегда сначала ее ломает. И зачастую, чтобы она заработала хотя бы как раньше, нужно вернуть ее к первоначальному виду. По понятным причинам в нашем случае вернуть, как было, не получится.

Все время, пока он говорил, я не шевелился и ловил каждое слово, а когда закончил, наполнил наши стаканы. Пачка сигарет лежала на столике, я протянул к ней руку, но передумал.

— А что именно может произойти, если мы ошибемся?

— О! Миллион вещей! Самый простой пример — все три города могут быть уничтожены ракетно-бомбовым ударом, — увидев мое ошеломленное лицо, он добавил: — Ну насчет этого варианта могу тебя успокоить, я привел его просто для наглядности, а так по целому ряду причин я считаю его наименее вероятным.

За одну минуту он умудрился здорово меня испугать, а затем удивить. Я снова потянулся к пачке и снова передумал, вместо этого отпил джина.

— Почему?

— Что почему?

— Почему они не разбомбят нас?

— Не могу пока объяснить. Еще вопросы?

Спроси, как уменьшить риск тяжелых последствий.

Я спросил.

— Хороший вопрос. Но и на него я не могу тебе пока ответить, — он рассмеялся. — Не обижайся, просто есть большая вероятность, что тебя схватят, вскроют чип и, следовательно, узнают все, что знаешь ты. Так что, пока не окажешься там, ты должен знать минимум, а потом уже прослушаешь запись, которую я дам.

— А если они захватят меня и послушают запись?

— Два хороших вопроса подряд!

Он рывком подкатился к столику, взял бутылку и приложился к горлышку. Вино забулькало, а над его губой появился красный след. Сколько он уже выпил?

— Проигрыватель будет закреплен под кожей на твоей груди. Я расскажу, как извлечь его, не повредив. Если все пройдет хорошо, ты доберешься до цели, прослушаешь запись, после чего она сразу самоуничтожится. Если же тебя захватят раньше, то устройство обнаружат и, естественно, извлекут еще до того, как начнут тебя допрашивать, тогда запись удалится. Все просто!

Предусмотрительно.

— С этим понятно, — я решил, что пора возвращаться к сути беседы. — Так что там насчет работающих компьютерных программ, которые лучше не трогать?

Кирилл пару секунд недоуменно смотрел на меня, потом лицо его разгладилось, и он снова подъехал ближе.

— Самое главное — не навреди! Человечество почти уничтожило себя 200 лет назад, и что бы там ни случилось на самом деле, а я думаю, вмешался кое-какой… дополнительный фактор, о котором тебе пока лучше не знать, — он хитро подмигнул мне, — рано или поздно это бы случилось в любом случае. Так уж устроен человек — ему надо что-то уничтожать или хотя бы смотреть на то, как уничтожают другие, а дальше, в зависимости от собственного я, или одобрять, или осуждать. Возьмем нашу схему ММУ… С какой бы благой или, наоборот, мерзкой целью она ни задумывалась, в целом она неплоха. Да, жестковата. Да, негибкая. Я и не предлагаю ее оставить такой, но как база — вполне сойдет. Поэтому я вас прошу…

Он оглянулся, словно забыв, что мы тут одни, и значительно тише продолжил:

— Повторюсь. Я вас прошу не пороть горячку! Вы оба обижены: один потерял все там, другой почти все потерял здесь. Откровенно говоря, я вообще не хочу посылать именно вас по этой причине. Но других вариантов нет. — Браслет Кирилла пискнул, он быстро пролистал сообщение, держа руку так, чтобы я ничего не увидел, и довольно кивнул. — На месте тщательно осмотритесь, соберите максимум информации, отключите, по возможности, эмоции и принимайте решения, руководствуясь интересами большинства. Вот и все.

Многое бы отдал, чтобы тот файл, который тебе в грудь зашьют, сейчас послушать, Кирюша явно что-то не договаривает.

— Что, шизофренируешь? — Кирилл захихикал. — У тебя лицо такое смешное в эти моменты.

Я не успел ответить: снова запищал браслет. Мельком взглянув, Кирилл развернул кресло в сторону двери.

— На сегодня, пожалуй, хватит, детали операции согласно плану — завтра. Меньше знаешь — крепче спишь. А выспаться надо.

Он уехал, оставив меня переваривать, весьма хаотично, на мой взгляд, поданную информацию. Спасти наш мир, вырвать его из порочного замкнутого цикла, при этом по возможности сохранить систему ММУ и как-то наладить контакт с теми, о ком сейчас никто ничего не знает.

В детских сказках, одном из немногих видов художественной литературы, разрешенном в нашем мире, часто встречаются слова: пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сейчас я понимал, что испытывали герои, услышав подобную чушь.

Я поймал себя на мысли, что радость от того, что сегодня я увижу пусть закрытое облаками, но небо, вдохну пусть и холодный, но свежий, а не кондиционированный воздух, что на лицо попадут капли дождя или даже снега, задвинули глубоко внутрь страхи о весьма вероятной смерти. В замкнутом пространстве с забитыми досками окнами у меня начала развиваться клаустрофобия.

Инструктаж каждой группы проводился в отдельном помещении. Наша цель была основной, поэтому мы располагались в главном зале, а вводить нас в курс дела должен был сам Кирилл.

Ядро группы состояло из пяти человек: меня, Кати, программиста Матвея, врача-механика Ильи и достаточно примечательного вида мужчины лет тридцати, лицо которого мне показалось смутно знакомым. Его звали Елисей.

Все его тело, кроме головы, покрывали татуировки в виде замысловатых переплетений изувеченных и мертвых монстров. Вампир с развороченной колом грудью располагался на плече, бицепс и трицепс занимал василиск с вырезанными глазами, предплечье украшал орк без головы, композицию скрепляли еще несколько монстров, должно быть, живущих в нашем мире, названий которых я не знал.

Перехватив мой взгляд, татуированный произнес неожиданно высоким голосом.

— Каждый раз, когда я убиваю кого-то, я фотографирую останки и набиваю на себе.

Нехило.

— И много свободного места осталось?

— Левая нога и обе подмышки: там больно!

Не сдержавшись, я фыркнул, а он неожиданно скромно улыбнулся в ответ.

— Я все хотел спросить, — Матвей обратился к Елисею, показывая куда-то под стол, — а на фига кожа поверх

механизмов?

— Чтобы иметь представление о повреждениях. Нарастить кожу и нервы дешевле и значительно легче по весу, чем ставить везде датчики. Правда, это тоже больно.

— Ты мех? — удивленно спросил я, так как вживую их еще не встречал: работающая технология появилась лишь пару лет назад.

— Только ноги, — Елисей наклонился и постучал костяшками пальцев по бедру, звук был глухой, — остальное свое. Пока.

— Дорого?

— Даже не спрашивай.

Свет погас. Привлекая наше внимание, Кирилл подкатил к столу.

— Итак, приступим, — он нажал несколько кнопок на висящей перед ним клавиатуре. Над столом появилась голограмма с изображением лица моего бывшего соседа Мэйсона. — Как вы все уже знаете, наша сегодняшняя цель — охотник. Вот он. Прошу запомнить в мельчайших деталях и не путать с Сергеем.

Все посмотрели на меня. Да, определенное сходство прослеживалось. Целый час с утра парикмахер приводил мою прическу и отросшую бороду в соответствие с висящим над нами изображением.

— Все равно не сильно похож, — сказал Илья, придирчиво сравнивая нас.

— А он и не должен пока быть сильно похож, при их встрече это может помешать планам. Похож он станет, когда наденет это.

Из большого синего ящика на столе он достал плоскую, тоже синюю коробку примерно тридцать на тридцать сантиметров и открыл. Внутри лежало лицо Мэйсона с отверстиями во рту, ноздрях и глазницах.

— Фу, гадость какая, — сказал Матвей, — но похоже.

Солидарен.

— После установки будет один в один. Новый материал, сидит почти как родное, — Кирилл аккуратно закрыл коробку и продолжил:

— Напомню основные фазы плана.

Появилась карта северной части мегаполиса от Нижнего города до больницы им. Исаковского, расположенной не доезжая пяти километров до аэродрома. Масштаб не позволял разглядеть подробности, но вся территория пестрила разного цвета маркерами.

— Первая фаза — выпускаем на улицы всякую нечисть. Районы показаны на карте красным. Опережая нелепые вопросы,

скажу: все коды давно взломаны, и достаточно нажать одну кнопку. Одновременно запускаем процедуры профилактики во всех центрах управления, к которым мы смогли получить доступ, что усложнит коммуникацию противнику.

Фаза вторая — чтобы не дать Управляющим возможность исправить положение одними лишь силами наемников и избежать излишних жертв среди гражданских, мы отправляем всем активным боевикам в этой области фальшивые личные задания, которые или уведут их из района, или заставят выполнять нужные нам действия. Собственно, ваша группа прикрытия будет считать защиту ядра главной своей целью, — Кирилл самодовольно улыбнулся. — Если они доставят вас всех до нужного места и помогут захватить опасного мутанта, умеющего принимать облик охотника, то каждый из них получит по сто тысяч баллов.

Ни хера себе. Вот ребята расстроятся, когда поймут, что их кинули.

— И эти баллы они получат, — Кирилл будто прочитал мои мысли, — за вычетом двенадцати тысяч за гибель каждого из вас. Ну или их семьи получат, если они не выживут.

Третья фаза — наши отряды выводят из строя инфраструктуру, связанную с Управляющими. Именно на ее защиту должны в первую очередь выслать охотников. Эти районы синие.

Фаза четыре — наша вторая группа, а также ближайшие наемники и, если получится, то освобожденные из тюрьмы заключенные штурмуют и наносят максимальный ущерб Исаковской больнице. Это перевалочный пункт, там они воскрешают людей и лечат приближенных. По умолчанию раненого Мэйсона повезут именно туда или, если фаза четыре пройдет по плану, туда, куда нужно нам.

Фаза пять — мы все время следим за целью. Как только станет понятно место его задания, ваша группа выдвигается в ту же точку.

Фаза шесть — устранить цель. Крайне желательно не повредить ему глаза, кисти рук, не потерять его голову и не сломать браслет.

Ну а фазу семь лучше лишний раз вслух не озвучивать.

Включился свет, и лидер Нового Завета, теперь уже совсем не выглядящий мальчиком, поочередно посмотрел на каждого из нас.

— Также напоминаю: попадание чипов любого из вас в руки Управляющих недопустимо. Вы слишком много знаете. В случае гибели участника группы ближайший к нему другой участник

должен вырезать имплант. Вопросы есть?

Вопросов было полно, но я знал, что мне предстоит личный инструктаж, поэтому промолчал. Как и остальные.

— Отлично! Илья, вещи из ящика себе в рюкзак. Твоя задача — выжить, я б тебе и оружия не давал, но на всякий… Если с Ильей что-то случится, любой из вас первым делом должен спасти содержимое его рюкзака и доставить в конечную точку. При потере рюкзака шансы на успех сильно упадут.

Повисла тишина. В искусственном свете ламп, в огромном зале с заколоченными окнами и кучей экранов я, откинувшись на стуле, поочередно рассматривал остальных членов группы.

Молодая, рвущаяся в бой Катя подалась вперед. Руки на столе, ладони сжаты в кулаки. Всем своим видом она будто говорит: хватит базарить, пора действовать!

Рассудительный Илья чешет бороду и задумчиво смотрит на ящик с оборудованием, в очередной раз мысленно перебирая его содержимое. Сомневаюсь, что он вызвался добровольцем, но и уклоняться явно не собирался.

Вряд ли когда-то занимавшийся спортом программист Матвей испуганно переводит взгляд с одного лица на другое. Отряду необходим специалист, способный быстро перенастроить технику или взломать камеру. Вроде как он сам попросил Кирилла об участии в операции.

Полумех Елисей придирчиво разглядывает рисунок орка на своем левом предплечье, вертит и смотрит на свет. Судя по выражению лица, он чем-то недоволен. Складывается впечатление, что ему малоинтересно происходящее, но раз он здесь, значит, заслужил доверие.

Вопросов так ни у кого и не возникло. Кирилл хлопнул в ладоши и посмотрел на меня.

— Хорошо, Сергей, встречаемся в твоей комнате через пять минут. Остальным готовиться.

Дверь открылась, и вкатился Кирилл.

— Я сегодня без бухла, а ты для храбрости можешь чуток накинуть. Только не пива: с походами в туалет могут быть проблемы.

Я наполнил два стакана яблочным соком и сел на кровать.

— Благодарю, приступим?

— Да.

— Сразу о самом главном для тебя, — я вздрогнул, — операция по захвату Софьи начнется, как только все охотники уйдут на север. Баллов в награду мы не пожалеем, благо не наши, так что придут лучшие.

Вряд ли мне суждено когда-либо увидеться с дочерью, но надежда на то, что она скоро будет в безопасности, наполнила сердце теплом, и я полностью расслабился.

— Спасибо, давай к сути.

Он ненадолго задумался, затем продолжил:

— В целом ты знаешь все, приступим к деталям… Трудно сказать, какие технологии безопасности работают там, поэтому подготовимся по максимуму. Запоминай! Тебе будет нужна рука, глаз, имплант и браслет Мэйсона. Также ты получишь прибор, изменяющий модуляции голоса. Скажешь в него что-нибудь — на выходе будто он будет говорить. Все это может понадобиться для проникновения в закрытые помещения, когда ты доберешься до места. Дополнительную информацию, как я уже миллион раз говорил, ты получишь из устройства, которое тебе сегодня зашили под левую грудь. Ты запомнил, как его достать?

— Да, — еще я запомнил, как мне его засовывали без наркоза, и надеялся, что доставать будет легче.

Кирилл подъехал вплотную.

— Дальше важное. Мы проводим масштабнейшую атаку в истории ММУ. Даже несмотря на ущерб их коммуникациям, они кинут все силы и достаточно быстро вычислят координаты штаба. Поэтому после выхода вашей группы мы тоже отсюда уйдем.

Неспроста сегодня те ящики раскидывали по всему особняку.

— Дом заминирован — сразу взрывать не будем, пусть штурмуют, у нас тут много сюрпризов. Простую полицию они не пришлют, так что, если повезет, завалим пару охотников. Плюс — пока дом будет стоять — отсюда будут идти запрограммированные сигналы. Чем больше хаоса, тем лучше.

Разумно.

— Ты понимаешь, что это значит для вашей группы, да и для всех остальных?

— Потерю связи.

Показалось, что в комнате похолодало, я поежился.

Неприятно.

— Да, потерю связи. Пока мы будем перемещаться с места на место, мы не сможем вас прикрыть и вмешаться во внештатную ситуацию, поэтому смотри, — он показал на мой браслет, — видишь домик и зеленую точку? Пока она зеленая, мы на связи и поможем… Будет красная, рассчитывайте только на себя.

Стало совсем холодно. Я уже начал привыкать полагаться на всезнающего парня.

— Как долго вас не будет на связи?

— Если не случится форс-мажора, минут двадцать, после того как главная группа выйдет, мы последим за вами, потом на час

пропадем. За этот интервал я спокоен, большую часть времени вы будете в пути. Дальше два часа на связи… Если операция затянется, каждые два часа минут на сорок мы будем исчезать. Три раза.

Чёрт.

— Если за это время вы не справитесь, то… — в его серых глазах мелькнуло новое выражение, сложно было разобрать, страх это или смирение, — считай, Новый Завет прекратил свое существование. Они, конечно, вряд ли поймают меня в городе, но ты же знаешь, почему мы это делаем? Через два месяца все равно здесь все умрут. А меня, даже если они и поменяют планы из-за нашей атаки, все равно арестуют в пункте эвакуации. Вопросы есть?

— Нет, — я протянул ему руку.

— Тогда собирайся, через тридцать пять минут сбор в главном зале. — Он, немного сутулясь в кресле, покатил к двери.

Глава 12

— 14:01, почему не начинаем? — вопрос вертелся и у меня на языке, но Елисей опередил.

— Все началось ровно в два.

Кирилл из-за спин программистов Василия и Сергея следил за мониторами. — Команды были заранее записаны, и сейчас транслируются из других мест. Мы же не хотим, чтобы нас тут накрыли до выхода группы?

Все мы были одеты в популярные еще с прошлого года, хорошо зарекомендовавшие себя комплекты В-012. Черные куртки с подогревом и защитным покрытием, способным отразить летящую по касательной пулю. Теплые штаны цвета хаки с кучей карманов. Пояса с двумя встроенными аптечками, местами под магазины и нож. Удобные легкие ботинки с компенсационным механизмом, позволяющие без специальной подготовки прыгать с высоты трех метров. В общем, хорошие костюмчики, в них мы не будем отличаться от других наемников.

Четыре больших монитора, расположенных на стенах, разом включились, и на них крупным планом появились изображения разных частей города.

— Чтоб скучно не было, — прокомментировал Кирилл и снова отвернулся.

На экране напротив меня камера летала вокруг восьмиэтажного здания главного корпуса Исаковской больницы. Пока ничего не происходило.

На экране слева из открытого оранжевого портала одна за другой появлялись огромные трехголовые собаки, их шерсть местами была опалена, а шкура обожжена, могло сложиться впечатление, что они выпрыгивают прямо из ада. Церберы жадно нюхали холодный воздух и вертели головами, с клыков, торчащих из оскаленных пастей, капала слюна.

— Не хотел бы я там оказаться, — пробормотал Илья, перехватив мой взгляд.

На мониторе справа заключенные совершали побег из тюрьмы, вернее, захват. Толпа в оранжевых одинаковых робах рекой растекалась по огороженной территории. Охрана отбивалась, защищая свои жизни, но все чаще среди погибших мелькали серые мундиры.

Я обернулся: на экране за моей спиной оборотень, может, и тот самый, с которым мы столкнулись на днях, отгрызал голову наемнику. Нож торчал в мохнатом плече, пятно крови расползалось по рыжей шерсти, но зубастая тварь не обращала на

это внимания.

Лучше бы было скучно.

Не раскисай! Очень скоро мы окажемся посредине этого безумия.

А Софья уже где-то там. Меня затошнило.

Она на юге, а это север, да и места специально выбрали: мирных жителей там быть не должно.

— Может, выключим, — неуверенно предложил Матвей, но Кирилл перебил его.

— Внимание! — он поднял руку и зашептался с Василием, потом с улыбкой обернулся: — Есть перехват! Координаты сейчас загружу в браслеты. Выходите через три минуты.

— Наконец-то, — Елисей встал первым, несколько раз присел, проверяя работу механизмов, и ловким движением закинул дробовик в чехол за спиной.

— Группа поддержки ждет вас на дороге, не забудьте отослать их подальше во время седьмой фазы, — Кирилл медленно, придирчиво осмотрел каждого из нас, а потом, словно откинув сомнения, махнул рукой: — Я уверен, вы справитесь! Удачи нам!

Он нажал кнопку, открывающую дверь.

Я поправил шапочку, которая в теории должна была не дать камерам идентифицировать нас и, первый раз за несколько дней посмотрев на светлый прямоугольник неба в проеме, внезапно понял, что не хочу выходить. Рука легла мне на плечо. Это незаметно подошел Илья.

— Давай, герой, в путь, — он подбадривающее улыбнулся. — В любом случае, это скоро закончится.

— А для некоторых слишком скоро, — мелькнули рыжие кудри Кати. Она вышла первой.

Красотка!

Свежий воздух! Я вдохнул полной грудью и оглянулся. Особняк, служивший мне пристанищем эти дни, снаружи выглядел даже внушительные, чем я его представлял, перемещаясь по лестницам, коридорам и комнатам. Он стоял полукругом — два белых крыла в два этажа (плюс два подземных) с зеленой мансардой развернулись и огибали широкий двор, как клешни гигантского краба, сторожащего принадлежащие ему сокровища. Основное здание — четыре этажа, также белых с зеленым — голова краба. Архитекторы будто специально сделали окна третьего этажа больше остальных, и сейчас дом четырнадцатью глазами смотрел, как наш маленький отряд обходит расположенный в центре площади, по-видимому, давно

не работающий фонтан. Желтые и красные листья несколькими слоями покрывали дно его чаши. Деревья стояли вокруг уже полностью голые и готовились к зиме, не зная, что не переживут ее.

Пройдя мимо фонтана, я обернулся. На огромном крыльце, верхнюю часть которого подпирали пять толстых колонн, на фоне раскрытых дверей в инвалидном кресле виднелась маленькая фигурка Кирилла. Он помахал рукой и, развернувшись, исчез в проеме. Двери закрылись — краб проглотил его.

Очень скоро особняк будет уничтожен.

Сам того не желая, я представил, как из окон вылетает огонь, потом медленно, словно нехотя, выгибаются наружу стены. Подкашиваются. Сверху на них падает секциями крыша, сначала в одном месте, следом сразу в нескольких, а после разом вся. И через минуту — только огонь, обломки, куча пыли и столб дыма.

Красиво будет.

На востоке у самого горизонта облака переходили в тучи. Прогноз на день — пять градусов тепла и временами сильный дождь — сбывался. Жаль, я все-таки надеялся увидеть солнце. Ветер (северо-восточный, 5–7 метров в секунду) бодрил. Под ногами шелестела листва, вдали едва слышно раздавались выстрелы. В целом обычный осенний день, если не считать, что мы идем на смерть.

Хватит каркать, я планирую выжить.

В трехстах метрах впереди виднелось шоссе, от которого нас отделяло желтое, покрытое пожухлой травой поле. Катя подняла руку, подавая знак «остановиться». Елисей, до этого замыкавший строй, обогнал нас, и они с девушкой о чем-то зашептались.

— Вон там, — услышал я. Катя показывала на место в поле, где трава немного отличалась по цвету: — А еще там, там и, возможно, там.

Елисей следил за ее пальцем и кивал.

— Судя по расположению ловушек, центр примерно там, — он показал, — обойдем справа.

Девушка согласилась, и мы по сигналу последовали за ней. Метров через тридцать остановились.

— Идем колонной, — она сняла с плеча АК, — я первая, Елисей замыкает. Интервал четыре метра. Если увидите движение в траве, замирайте. Если на вас нападут, действуйте по обстоятельствам.

Катя что-то отстегнула от пояса. Приглядевшись, я признал отвлекающую виброшумовую гранату. Легкое нажатие кнопки, и граната по высокой дуге устремилась вверх. Я не видел, куда она упала, но вскоре услышал визг и почувствовал пульсацию под

ногами. Катя махнула рукой и ступила на поле. За ней Илья, я, Матвей и Елисей. Ноги пружинили по сырой земле, по краям ботинок проступала вода, я старался попадать точно в оставленные медиком следы.

Граната работала как надо, легко можно было вычислить, где она лежит: поле вокруг нее ожило, возникло ощущение, что оно кипит. На таком расстоянии я не мог различить детали, но несколько раз видел выпрыгивающих из земли похожих на червей или толстые корни существ размером с мою ногу.

Вибрация и шум резко оборвались: устройство вышло из строя.

— Дистанция четыре метра, — громко напомнил Елисей. Я обернулся: Матвей с перекошенным лицом, спеша удалиться от опасного места, прибавил шаг и догонял меня.

— Успокойся, — я остановился, пропуская его, — они далеко.

Парень вздрогнул, будто только заметив, что не один, и снова с ужасом посмотрел на поле.

Видно, еще реже, чем ты, из дома выходит.

Не все родились со стволом в руках.

Мы продолжили путь, теперь я шел четвертым. Дыхание облаком вырывалось изо рта, под подошвами чавкала земля. Шоссе приближалось.

Нас ждали.

Два Хаммера и микроавтобус стояли на обочине. Отряд сопровождения состоял из десяти бойцов, одетых примерно, как мы. Я в очередной раз порадовался удачному выбору амуниции: выделяться не будем.

Десяти отборных бойцов.

Отборных — хорошее слово. Лица многих мне были знакомы, они постоянно мелькали по телевизору: семь мужчин и три женщины. Герои Зеленого мира. И сейчас у каждого из них приоритетом стояло выполнение элитного задания — помощь нашей группе. «Подробности при встрече с нужным человеком». Нужным человеком был Илья.

Когда мы подошли, я услышал звук десятка браслетов: менялся статус задания. «Найти Илью» отмечается как выполненное и появляется следующий этап: «поговорить с Ильей». Следуя инструкции, наемники собрались вокруг нас.

— Я Илья, — представился врач. Несмотря на заученный текст, он заметно нервничал: — Кто лидер группы?

Бойцы, застигнутые вопросом врасплох, переглянулись. Все они были одиночками, и везде, куда бы ни попадали, становились лидерами сами. После короткого замешательства вперед вышел

высокий атлет с ежиком русых волос. Гранатомет на одном плече, автомат на втором, два пистолета и куча гранат разного типа на поясе. Олег Непобедимый. Его волевое лицо с массивной нижней челюстью и кривым шрамом на левой щеке так часто мелькало в боевых ток-шоу и рекламе, что вряд ли хоть в каком-то из миров нашелся человек, который его бы не узнал.

У нас одно время на тотализаторе даже не принимали ставки на его победу. Легенда.

— Олег, — представился он и оглянулся, ища поддержки у остальных, — в принципе мы тут все равны, но думаю, ребята не будут возражать, если номинально я побуду за лидера, по крайней мере, в диалогах с СП.

Бойцы закивали, кое-кто сдержанно улыбнулся. Они принимали нас за Сценарных Персонажей, присланных, чтобы помочь им в выполнении задания.

— Я не СП, все мы живые люди. Задача предстоит сложная и опасная.

— За другие не беремся, — проворковала блондинка, стоящая за спиной Олега, чем вызвала одобрительный гул. Мария Белая. Когда она неожиданно появилась на верхних строчках рейтинга года четыре назад, ходили слухи, что ее ставят в шоу, так как она любовница кого-то из Управляющих. Разговоры прекратились, когда она в одиночку перебила стаю велоцирапторов в одном из городских парков, пользуясь только ножом.

— Террорист изменил внешность и выдал себя за доверенное лицо Управляющих, — зачитывал Илья легенду. — Он захватил лабораторию по выращиванию новых видов для полевых испытаний. Его группа подозревается в организации сегодняшних диверсий. Он умен, силен, очень опасен и имеет доступ к секретной информации. Его надлежит ликвидировать. Но! По возможности не повредить тело. У наших ученых есть надежда через анализ его изменения выйти на место, где ему сделали пластику. Также необходимо захватить все оборудование, которое у него будет с собой. Особенную ценность представляют браслет и чип. Задача ясна?

Достаточно прямолинейная, даже халтурненькая история, как по мне.

Они и не такие задания выполняли. Это же просто ходячие куски протеина с автоматами. Им не нужна красивая подача. Им нужна ясная цель и большая награда. Вон, никто бровью не повел.

Наемники молча, кто стоя, кто сидя на капоте Хаммера, слушали, как Илья рассказывает подробности о месте и плане операции. Сама задача вопросов не вызвала.

Ветер усилился, и я включил обогрев куртки. Тучи

приближались. Мимо с шумом пролетали машины, пару раз проехали полицейские, но у них явно хватало других забот: Кирилл неплохо потрудился с отвлекающим маневром.

Лампочка на браслете горела красным, значит, штаб эвакуирован, и в ближайшее время помощи ждать неоткуда. Все согласно плану.

Илья закончил. Писк браслетов информировал всех, что статус задания опять сменился с «поговорить с Ильей» на «сопровождать Илью».

— Вам сюда, — Олег указал на микроавтобус, — не забудьте пристегнуться на всякий.

Когда все расселись и машины тронулись, я прислонился лбом к холодному стеклу. Вдали, на фоне темно-серого неба высились мрачные зеленые исполины. Значительно ближе, в Нижнем городе, в нескольких местах в небо взмывали толстенные столбы дыма, с которыми не мог справиться ветер. Регулярно слышались приглушенные взрывы, а над крышами домов то тут, то там пролетали тени неразличимых с такого расстояния существ. И где-то там, думая, что я погиб, жила своей новой одинокой жизнью Софья.

Может, именно в этот момент люди Кирилла везут ее в безопасное место и рассказывают обо мне? Вот бы услышать ее голос! И еще раз напоследок сказать, как сильно я люблю ее. И как любил ее маму.

Олег сидел на бетонном заборе и ловил за руки тех, кого снизу подсаживал здоровенный верзила по кличке Циклоп, затем с легкостью переносил их на другую сторону — там принимал Немой.

Моя очередь. Две секунды, и ботинки коснулись асфальта. На преодоление трехметрового препятствия группе потребовалось меньше минуты. Остался только Циклоп. А вот и он: едва уловимое движение, и неожиданно мягко для своей комплекции он приземлился рядом с нами. Его красный искусственный глаз облетел всех, казалось, он пересчитывает нас, как учитель школьников младших классов перед тем, как вести на обед.

Здание исследовательской лаборатории поражало своими размерами: четырехугольная стальная пирамида, метров сто у трехэтажного основания и около тридцати в шестиэтажной вершине. Огромные зеркальные окна не позволяли заглянуть внутрь. От него нас отделяло приземистое строение, за которым мы спрятались, и тридцать метров асфальта. Парадный вход располагался точно напротив.

— Снаружи все чисто, — Мария Белая, немного высунувшись из-за угла, с помощью бинокля осматривала окрестности.

— Внутри многочисленное движение, судя по скорости, там не только люди, — сказал очередной атлет, блондин. В руках он держал навороченный радар. Несмотря на знакомое лицо, я никак не мог вспомнить его имя.

— Хорошо, — Олег посмотрел на Илью, известным всему Зеленому миру движением потирая шрам на щеке, — есть данные по выращиваемым тут образцам?

— Нет.

Будто другого и не ожидая, наемник скомандовал:

— Первая группа, осмотреть вход, вторая прикрывает, третья охраняет ядро.

На группы разделились, пока ехали. Четыре человека во главе с Марией, пригнувшись, прижимая к себе автоматы, быстро пересекли открытое пространство и замерли у входа. Вторая группа, тоже четверо, ей руководил Олег, внимательно следили за окружающей обстановкой. Третья, это Циклоп и Немой, стояли спиной к лаборатории, прикрывая тыл. Увидев, что я слишком высунулся, Виолетта из второй группы не сильно, но уверенно оттолкнула меня под защиту домика. Девушка в этом году шла первой в рейтинге охотников на вампиров. Сказал бы мне кто месяц назад, что Мария Белая, Виолетта и Джейн будут рядом со мной на задании, я бы…

И что ты к этому моменту будешь уже мертв.

Да ну тебя! Я прижался спиной к бетону. Начал накрапывать дождь, но ветер остался за оградой, так что было вполне терпимо.

Запоминай момент, дальше все будет только хуже.

Ты решил не пропускать экшен?

Ну я же хочу пожить подольше.

— Ядро — вперед.

Только когда Елисей подтолкнул меня, я вспомнил, что «ядро» — это мы. Подражая наемникам, я согнулся и, выскочив из-за угла, побежал к зданию.

Первая группа уже внутри, сзади слышны шаги остальных. Мы, следуя знакам, зашли в темный провал входа исследовательской лаборатории.

Обе створки двери лежали метрах в десяти внутри помещения, там, куда отлетели после того, как их протаранил черный Мерседес.

Точно такую же машину водил Мэйсон до того, как она превратилась в груду металла недалеко от моего дома.

Люди редко изменяют привычкам.

Вокруг царил полумрак.

В фойе было просторно: высокие пятиметровые потолки и отделанная мрамором стойка ресепшена, здесь принимали посетителей, дальше проходы сжимались до трех метров и разбегались ручейками по всему комплексу. Повсюду валялись тела. Насколько я мог рассмотреть при недостатке света, их не жрали, просто разорвали, некоторых на мелкие кусочки. Стоял удушающий резкий запах — вспомнились уроки химии. Кислота? Раздался утробный звук — Матвея вырвало.

Наемники, казалось, не испытывали дискомфорта, наоборот, в машине они выглядели более зажатыми, а сейчас будто расправили плечи, оказавшись в своей тарелке. Блондин упорно стучал по радару и, в конце концов, раздраженно отшвырнул его.

— Да на хер я вообще покупаю эти штуки? Никогда не работают, когда нужно.

— Вадик, здесь, должно быть, глушилки.

Точно, я наконец вспомнил: Вадик-техник — крутой боец, но наибольшую известность приобрел в полукомедийных нарезках из боевых шоу. Он очень любил всякие технические новинки, но они почти никогда не работали на сложных заданиях. Чем хуже экипировка героя, тем выше накал.

— Да где их нет, этих сраных глушилок? — Вадик поднял автомат. — Все, дальше покупаю только ножи.

Он всегда так говорил.

Циклоп сидел на корточках и внимательно осматривал пол. В его искусственный глаз был встроен анализатор.

— Ксеноморфы, модификация неизвестна, — подытожил наемник.

Меня передернуло: никогда не смотрел шоу с этими тварями, лучше бы дикие звери с прокаченным интеллектом, или динозавры, или те же оборотни, наконец. Там хоть, когда стреляешь, не надо думать о последствиях.

Пиликнул мой браслет, отвлекая от гнетущей обстановки. Лампочка горела зеленым. Сообщение от Кирилла: «Объект в юго-западной части здания. Четвертый этаж, перемещается на юг». Сообщение получил не только я.

— Четвертый этаж, юго-запад, движется на юг, — Илья передал инструкции.

Олег сверился с планом здания, только что скачанным с компьютера, стоящего на стойке, перешагнул через лежащего мужчину с разорванной грудью и скомандовал:

— Первая группа прямо, второй поворот налево до лестницы. Потом третья группа и ядро, потом вторая. Медленно и внимательно. Смотрим на потолки и стены.

Аккуратно, перешагивая или обходя тела и стараясь не

поскользнуться на крови, мы двинулись вглубь комплекса, но до лестницы не дошли.

Какие особенности у ксеноморфов? Они агрессивны, защищают матку. Как правило, устойчивы к огню, бегают по любым поверхностям, включая потолки, ну и, конечно, у них вместо крови всегда какого-нибудь ядреного цвета кислотный раствор, который прожигает большинство материалов.

А еще они хорошо маскируются и, очевидно, ученые из этой лаборатории в развитии мимикрии добились большого прогресса.

Мария Белая выстрелила первой, но уже после того, как один из мешков, лежащих у стены коридора, вдруг взлетел, по дороге превращаясь в отвратительную серо-зеленую тварь с кучей зубов, и сбил с ног одного из бойцов первой группы, Иннокентия, специалиста по… ксеноморфам.

— Не стрелять!

Крик Олега запоздал — чудовище с пробитой пулей головой отлетело в сторону, а кислота из раны залила грудь лежащего наемника.

Крик раненого заглушил эхо выстрела, но очень быстро перешёл в бульканье: его грудь и легкие полностью растворила фиолетовая кровь монстра, и сейчас с губ срывались лишь красные пузыри.

— До-ли меня, — прошептал Иннокентий, и голова его склонилась набок. Да, ксеноморфы достали его, как до этого его деда, братьев деда, отца, братьев отца и множество двоюродных и троюродных братьев. Чужая форма жизни уничтожила последнего в процветающей более пятидесяти лет династии наемников.

Испарения резали глаза. Кислота почти не повредила пол и уже перестала шипеть. Свою лабораторию Управляющие защитили лучше, чем те места, куда они обычно закидывают выращенных существ.

Пока я, не в силах отвести взгляд, смотрел на тело, наемники сделали выводы из произошедшего. Я пригнулся, когда над ухом раздались выстрелы.

В следующий раз хотя бы держи в руках автомат!

Сначала по разу выстрелили в каждый предмет на пути, потом в тела и во все подозрительные наросты на стенах. Когда я поднял голову, в коридоре лежали уже три тела чудовищ, одно из них еще перебирало четырьмя задними лапами, но вскоре затихло.

— Интересная модификация, — Циклоп снова сидел на корточках и разглядывал мертвое существо, — глаз, как всегда, нет. Конечностей шесть, шесть пальцев, когти двенадцать сантиметров, только одна челюсть, но зубы торчат вперед и,

похоже, выдвигаются.

Он осторожно протянул руку и коснулся клыков — те мгновенно втянулись в морду. Боец вскочил и направил пистолет на лежащую тварь.

— Оно дохлое, — Виолетта положила руку ему на плечо, — реакция такая просто.

— Да-да, — Циклоп убрал оружие, — они используют себя как копье, чтобы проткнуть противника в прыжке, это хреново, но хвост не развит, это хорошо.

Я, превозмогая отвращение, посмотрел на ксеноморфа: да, хвост меньше метра, и незаметно, чтобы из него могло бы появиться жало. Хоть какая-то радость, но тварь, один хрен, смертоносная.

— Остается вопрос, умеют ли они двигаться в режиме маскировки? — сказал парень лет двадцати двух, единственный из сопровождающей нас команды, которого я никогда раньше не видел. Его рыжие длинные волосы были завязаны в пучок на затылке.

Вопрос мгновенно вернул в тонус расслабившихся бойцов, и они принялись еще внимательнее осматривать коридор.

— Не каркай, — тихо сказал Циклоп, и, перехватив удобнее автомат, добавил: — Не забываем обходить двери по максимальной траектории.

Последнее можно было и не говорить, мы и так обходили все закрытые и открытые двери, будто там засела матка чудовищ. Мой опыт просмотра ТВ-шоу подсказывал, что это была не напрасная предосторожность.

Мы медленно продолжили движение, постоянно останавливаясь и проверяя дорогу. Когда наконец добрались до лестницы, позади нас валялись пять истекающих фиолетовой кислотой тел.

Снова пиликнул браслет.

— Пятый этаж, двадцать три метра южнее.

— Может, обойдем по другой лестнице? — предложила Белая. — Здесь мы порядком нашумели.

— Пока туда дойдем, еще больше нашумим, — возразил Циклоп, — да еще и потеряем кого-нибудь по глупости. Мое мнение: идем здесь. По крайней мере, тут мы точно знаем, что будет жопа.

Его замечание немного разрядило обстановку. Если у кого-то и оставались иллюзии по поводу сложности задания, то они исчезли.

— Вперед, — скомандовал Олег.

На нас напали на третьем этаже.

Глава 13

Первая группа еще с лестницы начала стрелять по подозрительным объектам. И это стало сигналом к атаке. Ксеноморфы всегда имели способность к ментальной связи или инстинкту стаи. Они бросились сразу отовсюду. На третьем этаже от стен в тусклом свете редких уцелевших ламп отлепилось четверо, одновременно на втором распахнулись несколько дверей, и оттуда тоже выскочили серые тени. От грянувших в закрытом пространстве выстрелов у меня едва не лопнули барабанные перепонки, и я, зажмурившись, присел.

Автомат! Твою мать! Подними автомат и смотри по сторонам.

Должно быть, Роберту удалось немного вмешаться, потому что в следующий миг я стоял и испуганно пялился по сторонам. АК дрожал в руках.

Наемники знали свое дело: если бы серые чудовища не перепрыгивали в секунду по три раза с пола на потолок, стену и обратно, то скорее всего, все выстрелы попадали бы в цель. Катя и Елисей, стоя на несколько ступеней ниже меня, тоже вели огонь. Даже Илья достал пистолет и выпускал пулю за пулей. Уже десяток монстров корчились на полу.

— А-а-а-а! — крик резанул уши, на секунду заглушив даже грохот автоматов. Он раздался прямо надо мной с пролета между третьим и четвертым этажом, куда для лучшего обзора переместился незнакомый мне рыжий наемник. Белая и Виолетта развернулись и стали стрелять вверх.

— Лезут с четвертого! Уходите из-под лестницы! — я слышал команду, но не мог пошевелиться. Почему лестницу не сделали из того же материала, что и пол? На бетонном перекрытии в двух метрах над моей головой появилось небольшое фиолетовое пятно, оно быстро расползалось, и вскоре в центре образовалась дыра. Она расходилась, как волна от брошенного в воду камня, я увидел несколько летящих вниз капель.

— Шевелись! — Елисей подхватил меня и закинул вверх по лестнице. От удара головой о перила я на несколько секунд потерял ориентацию: все поплыло, я видел только силуэты, а уши разрывал грохот выстрелов и крики. Мне казалось, мы уже час воюем на этой лестнице.

Вдруг наступившая тишина бальзамом разлилась внутри черепа. Кто-то заботливо приложил к моему затылку аптечку. На удивление мы потеряли только рыжего наемника, его останки смешались с бетоном и кислотой убитых монстров и лежали в

районе первого этажа.

— Никогда не видел, чтоб так легко разъедало бетон, — Вадик-техник смотрел вниз в прожженный кислотой туннель.

— Лучше подумай о том, как нам подняться на следующий этаж, — Мария Белая раздраженно махнула рукой вверх. Сказать, что лестница между третьим и четвертым этажом стала дырявой — ничего не сказать. Скорее, это была большая дыра с несколькими уцелевшими участками.

— Не о чем думать, — Олег обращался ко всем, при этом внимательно следя за расходящимися коридорами, — мы убили большинство монстров в здании, и, если поднимемся тут, маловероятно, что встретим кого-то, а если пойдем к другой лестнице, то там, в комнатах и закоулках, какая-нибудь херня обязательно затаилась.

— Но лестнице кранты, то, что осталось, рухнет в любой момент.

— Мы будем аккуратны, — он указал пальцем на Елисея, — ты же Елисей? Мех?

— Да.

— Ноги в порядке?

— Пару капель попало, но ничего важного не повредило.

— Запрыгнешь? — Олег показал наверх, туда, где начинались ступени четвертого этажа.

— Конечно.

— Отлично, делаем так: ты прыгаешь, осматриваешься, если увидишь опасность, прыгаешь назад. Если все ок, мы кидаем тебе крюки, закрепляешь их там, и мы поднимаемся — порядок стандартный. Виктор, из второй группы переходишь в первую. Вопросы есть?

Тишина. Какие могут быть вопросы, когда ты стоишь на перекрестке коридоров, засыпанных трупами людей и смертоносных чудовищ с шестью лапами.

— По готовности начинай.

Елисей оценил ситуацию, прикинул траекторию и прыгнул на уцелевший угловой кусок лестницы, ранее бывший частью пролета и, оттолкнувшись, взлетел на четвертый этаж. Не выдержав его веса, кусок бетона с грохотом рухнул вниз и, кувыркаясь, упал в центр фиолетового пятна.

— Чисто! — сообщил мех, и тут же вверх, одна за другой, полетели веревки с крюками.

— Готово.

— Первая группа пошла.

Я невольно залюбовался грацией Марии, Виолетты и Виктора: они будто взлетели на четвертый этаж.

— Все под контролем, — это голос Белой.

— Дальше Немой и ядро.

Всего четыре метра, что такого? Но когда снизу пропасть в три этажа, все ощущается иначе. Веревка режет руки, норовя выскользнуть, сверху — едва различимые сквозь пот силуэты людей. Голоса заглушает стук в ушах. Когда Виктор подхватил меня под мышки и вытянул на твердую поверхность, я был весь мокрый.

Снизу послышался спор. Это Матвей отказывался лезть.

— Да че там, два метра подтянуться, — спокойный голос Циклопа.

— Я не умею! — панический голос программиста.

— Отставить, — вмешался Олег, — сейчас сделаем тебе подъемник, обвяжем, и сверху поднимут.

В тех ток-шоу с участием Олега Непобедимого, что мне довелось видеть, он никогда не проявлял такой заботы о ближнем.

Сто штук баллов и для него нехило за одну миссию.

Нехило? Я бы на сто штук десять лет бы жил, ни в чем себе не отказывая.

Показалась голова Матвея. Мария и Виктор подхватили его с двух сторон и втащили на этаж. Парень был серый, как стены лаборатории.

Еще через минуту остальные наемники стояли рядом.

— Пятый этаж и двадцать восемь метров южнее.

Олег указал на лестницу.

— Первая группа, вперед!

Пятый этаж, пустой коридор.

— За этой дверью, — Илья указал рукой, — главный зал комплекса. Террорист там. Напоминаю, он очень опасен.

Позади нас, прикрывая тыл, остались только два члена третьей группы. Мария Белая, Виолетта, Джейн, Олег Непобедимый, Вадик-техник и Виктор подошли к широкой массивной двери.

Дальше они изъяснялись знаками, которых я не понимал, Вадик колдовал над кодовым замком. Ожидание затягивалось, и, хоть камеры, висящие под потолком, очевидно, не работали, с каждой секундой риск нештатной ситуации возрастал. Вперед вышел Матвей, ему тут же перегородил дорогу Виктор.

— Я открою, — прошептал программист, — для этого я тут.

Его пропустили, даже Вадик, хоть и с явным неудовольствием на лице, не стал спорить и отошел.

Наемники относились к нам, как к стандартным Сценарным

Персонажам, специально включенным в задание, чтобы помогать реальным действующим лицам вроде них. Илья указывает дорогу, Екатерина и Елисей — охрана. Ботаник умеет вскрывать электронные замки. Ситуация развивалась по шаблонному сценарию, за дверью главная цель — Босс и очередная куча баллов.

Матвей подключил к замку несколько приборов, извлеченных из рюкзака, и что-то быстро печатал на спроецированной браслетом клавиатуре.

— Когда я нажму на кнопку, она откроется, — одними губами проговорил он.

Все заняли позиции.

— За живого бонусов нет, — напутственно сказал Олег и кивнул Матвею. Одновременный стук и скрип замков подтвердил, что дверь открыта. Виктор ногой распахнул створки и прыгнул внутрь.

Снова грохот со всех сторон. В этот раз, несмотря на сковывающий страх, прижавшись спиной к стене коридора, я следил за происходящим.

Мэйсона сопровождало около десяти человек. Их застали врасплох: похоже, они считали, что битву с ксеноморфами на нижних этажах ведут свои.

Через проем я видел лишь маленькую часть помещения и трех человек. Их изрешеченные пулями тела уже лежали на полу. Катя и Елисей продвинулись вперед и, заняв место рванувших в зал наемников справа и слева от двери, прикрывали их. Прижимая АК к плечу, осторожно, по стеночке, я двинулся следом.

— Сопротивление подавлено, цель не обнаружена, — женский голос, скорее всего, Джейн.

Я через плечо меха заглянул в зал. Но успел лишь заметить, как по панорамным окнам потоками льется вода.

Потом раздался взрыв.

Что-то большое вылетает из зала, разворачивает Елисея и сбивает меня с ног. Снова выстрелы.

Нечто теплое, истекающее горячим, лежит на мне, придавливая к полу.

— Циклоп, помоги клерку, — слова доходят словно через вату. Наконец тяжесть с груди исчезает, и я вижу красный глаз и протянутую руку. Хороший парень Циклоп, исполнительный, это не беда, что стремный. Пол снова под ногами, рядом валяется то, что снял с меня наемник, это… не могу разобрать, мешает что-то темное, стекающее со лба. Вытираю тыльной стороной ладони. Кровь. Я ранен?

Это не твоя кровь.

А чья? Опускаю глаза… Это… Рвотные спазмы сгибают меня… Это Мария Белая, вернее ее половина, не хватает обеих ног, голова повернута больше чем на девяносто градусов, а некогда белые волосы залиты кровью.

Яичница, съеденная на завтрак, растекается по полу, становясь красной. Будто в десяти километрах от меня поют свою песню автоматы и дробовики. Что я тут делаю?

Все, расслабься, дай мне!

Да легко! Сознание и так еле держится в теле, как там я делал на стрельбище?

(Роберт)

— Стой, твою мать! — кричит Циклоп за спиной, но я уже в зале.

Накатывает эйфория. Я управляю! И в моих руках снова автомат. В четырех метрах от меня Мэйсон, мой ключ назад во внешний мир!

Стреляю, пригибаюсь, опять стреляю.

— У него У-18, — чей-то крик прорывается сквозь пальбу.

Вот почему эта гнида передвигается так быстро, что иногда кажется, будто он телепортируется с места на место. Костюм У-18 связывается через чип с нервной системой владельца и по сути выполняет команды, напрямую данные мозгом, а встроенные механизмы позволяют делать это гораздо быстрее.

Слева падает выпендрежник-техник: пробито плечо. Справа, за баррикадой из столов, Джейн помогает раненому Виктору. Ствол у охотника тоже далеко не АК, никогда таких не видел!

Хорошо хоть пол из кислотоустойчивого материала (правильный вопрос задал Серега: почему из такого же не сделали и лестницы?) он лишь местами немного оплавлен и не приходится прыгать через дыры.

Елисей, Катюша, Циклоп и Немой наконец догадываются поддержать нас и врываются в зал. У нас численное преимущество. Да! Одна из пуль настигает Мэйсона и откидывает его через стол к окну. Но У-18 — это У-18, не факт, что он хотя бы ранен.

Так и есть! Уже через секунду охотник выпрыгивает из-за стола прямо в окно, стекла которого были выбиты взрывом.

Все бросаются к проему и стреляют по убегающему противнику. Он на крыше четвертого этажа. Две пули попадают в цель и, толкая его вперед, перебрасывают через парапет.

— Джейн! Займись Виктором, Вадиком и охраняй ботаника. Закройте дверь! Как чуть подлечитесь, выходите в окно и

догоняйте, — ловлю взгляд Олега, вижу его сомнения, очевидно, он пытается сопоставить меня прошлого, дрожащего при виде крови, и меня нынешнего, уверенно перезаряжающего нагретый стрельбой автомат. — Остальные за мной.

Еще бы ты решил иначе!

Он первым прыгает в окно.

Мы уже во дворе, когда из-за угла выскакивает черный Мерседес и, визжа покрышками, таранит ворота.

— Он ранен, — умница Катюша показывает на пятна крови, которые смешиваются с дождем и растекаются по асфальту.

Не дожидаясь команды, мы бежим к предусмотрительно припаркованным сразу за воротами машинам. Вскоре Хаммер и микроавтобус летят по шоссе.

Пиликает браслет. Это Кирилл: «Следим за вами. Блокируем связь. Попробуем ему помешать».

Надо перехватить гада до того, как он найдет укрытие!

Связи у Мэйсона нет, значит, подкрепление он не вызовет. Из штаба ему будут ставить преграды, надеюсь, это будут не просто красные светофоры.

Надо бы поговорить с Катей, вон она как смотрит, и эта ее улыбка… но сил нет, нужно отдохнуть.

(Сергей)

Я почувствовал, что вновь управляю телом. Организм, не готовый к спринтам и отдаче автомата, протестовал. Руки и ноги ныли от боли.

Устал, трудно с непривычки.

Необычно следить со стороны за действиями собственного тела. Теперь я понимал, как Роберт замечает то, чего не вижу я. Пока в лаборатории он стрелял и перебегал из укрытия в укрытие, я, не отвлекаясь на управление, успел осмотреть зал во всех подробностях. Застреленные бойцы Мэйсона, разорванные ксеноморфами, люди в белых халатах и сами ксеноморфы. Красная кровь, перемешанная с фиолетовой. Перевернутые столы, осколки мониторов и различных склянок. А вот запахов дыма и химикатов я почти не чувствовал, и физические ощущения были слабее. Вроде погружения в водолазном костюме: ощущаешь холод воды, но не так; и трогаешь что-то, но будто через перчатку.

Теперь ты будешь лучше меня понимать.

— Ты отлично справился, — шепот Кати застал меня врасплох, и я с удивлением посмотрел на ее лицо, неожиданно оказавшееся совсем рядом с моим. Ее рука легла мне на колено.

Твою мать! Она думает, что я управляю!

Мои щеки зажгло огнем, и я украдкой бросил взгляд на переднее сидение, где расположился Матвей. В штабе ходили слухи про его симпатии к Кате, не хватало стать четвертой стороной в любовном треугольнике. К счастью он следил за дорогой.

— Спасибо, ты тоже! — я улыбнулся и, сделав вид, что поправляю амуницию, чуть отодвинулся от нее.

— Вижу его, — раздался из рации голос Олега, Хаммер которого оторвался от нас метров на пятьдесят. — Кто-то долбанул ему в бочину.

Может, хватит и красных светофоров.

Вскоре мы тоже увидели вдали черную точку.

Забитый машинами перекресток мы миновали быстрее, чем охотник: Хаммер просто отталкивал перегораживающие путь машины. Люди возмущались и кричали, стекающая по стеклу вода искажала их лица.

Когда мы набрали скорость, Мерседес все еще был в пределах видимости, он ехал заметно медленнее. Хаммер снова оторвался, и через несколько минут раздались выстрелы.

Че палить-то? Дождь мешает, все машины бронированные, а колеса закрыты.

Скорее всего, в наемниках взыграли азарт или профессиональная гордость. Еще бы: трое убиты, двое ранены, а цель не нейтрализована. Я вспомнил то, что осталось от Марии Белой, и меня снова затошнило.

Впереди показался следующий перекресток, движение на нем было значительно активнее. Но не на нашей стороне, для которой уже давно горел красный свет. Собралась приличная пробка — водители яростно сигналили.

Мэйсон выпрыгнул практически на ходу, стремительные движения маленькой фигурки никак не намекали на ранение. Он дал по Хаммеру очередь и скрылся за машинами.

Я вылез под холодный дождь. Расчет на то, что оживленное движение на поперечной дороге остановит охотника, не оправдался. В наушники ворвался поток нецензурной брани.

— …! Он перепрыгнул! Этот…, перепрыгнул дорогу! — ботинки у Мэйсона тоже были непростые.

Тут же светофор загорелся красным во все стороны, и поток машин, преграждающих нам путь, иссяк.

— Сюда, быстрее! — закричал Елисей. Он садился в черный Лэнд Крузер и махал мне рукой. Водитель и пассажирка автомобиля с ошарашенными лицами стояли рядом. Стараясь не смотреть на них, я влетел в заднюю дверь и не успел закрыть ее, как машина сорвалась с места. В боку кололо от бега.

Оглянувшись, я заметил, что для нашей полосы загорелся зеленый свет.

Погоня продолжалась.

Мэйсон, не изменяя привычкам, выбрал Мерс, на сей раз серебристый. Я сомневался, что с водителем он поступил так же гуманно, как мы.

Он застрелил его и переехал беднягу, когда разворачивался.

Ублюдок!

Ну, по крайней мере, в нашей легенде теперь точно никто не усомнится.

На этот раз автомобиль у охотника был небронированный, но приблизиться на расстояние прицельного выстрела не получалось: Мэйсон активно маневрировал среди попутных машин. Оставалось надеяться, что на следующем перекрестке Кирилл опять что-нибудь придумает.

Охотник не стал этого ждать — почти не сбавляя скорость, едва не опрокинув машину, он свернул на просёлочную дорогу и помчался в сторону темнеющего вдали леса.

— Хорошо водит, гад, — проворчал Циклоп, сворачивая с шоссе.

Сообщение от Кирилла: «Он едет в Древний лес. Там у них база».

— Похоже, в Древний едет, — раздался голос Олега в наушниках, — сука.

Я понимал его чувства. В Древнем лесу раз в пару месяцев появлялся общий элитный квест, в котором разыгрывались десятки тысяч баллов и редкое снаряжение. И всегда там погибала куча искателей наживы.

— У Немого три года назад там брат погиб, — тихо сказал Циклоп, не отводя глаз от дороги, — собственно, с тех пор он почти не говорит.

Уже было не так светло, невидимое за тучами солнце клонилось к горизонту. Скорость упала, размытую осенними дождями дорогу всюду покрывали лужи, желтая трава и голые деревья дополняли унылый пейзаж.

Вот я вообще не собирался скакать в сумерках по лесу, кишащему разными монстрами.

— Мы выехали, — в наушнике раздался голос Джейн, — срежем, через тридцать минут будем у Древнего. Хотели высадить программиста — он отказался.

Перед Катей выпендривается. Но стоит признать: двери открывает хорошо.

Но понадобится ли это в чаще?

Машина остановилась, и мы, чуток укаченные, вылезли

наружу. Мерседес стоял в пяти метрах на опушке. Дверь была открыта.

— Надо бы Джейн подождать, — неуверенно сказал Циклоп, — она сечет во всей этой лесной нечисти.

— За это время дождь смоет следы, — возразил Олег, — будем оставлять знаки, догонят.

Ветер шевелил верхушки деревьев, но вниз не проникал, здесь было теплее, чем в городе. Запах прелой листвы, шуршащей под ногами, щекотал ноздри, земля пружинила. Я вспомнил, как мы с Ирой ходили в августе в ближайший к нам лес собирать грибы. Заняли третье место по общему весу. Сейчас грибов нет, лишь мокрые, почти черные стволы деревьев, ветки с редкими желтыми листьями и спина идущего впереди Ильи.

Лампочка на браслете снова покраснела. Оставалось лишь надеяться, что глушилка связи Мэйсона работает в автоматическом режиме, очень не хотелось, чтобы он вызвал подмогу.

Шум ветра и чавкающие звуки шагов вдруг заглушил крик Циклопа, замыкавшего колонну:

— Сзади! Волки! — затрещали автоматы. Я вскинул АК и упал на колено, прижавшись плечом к раскидистому дубу.

Волки? Волчищи! Звери высотой больше метра в холке. Не меньше двадцати штук. Я нажал на спуск.

Левее. Молодец! Теперь справа, вон за поваленным деревом. Не попади в Циклопа!

В Циклопа я не попал, но в волков, вероятно, тоже.

Попал, попал, я видел! В того серого, с рыжими подпалинами, прям в морду. Молодец!

Меня наполнило неожиданное чувство. Удовлетворение? Гордость? Жажда крови?

Да какая разница? Все в одном, главное, что смог. Так держать!

Я опустил автомат, короткий бой закончился.

— Восстанавливаем строй, смотрим по сторонам.

Снова стволы деревьев, кусты, цепляющие за ноги и звук шагов. Небо заметно потемнело.

— Мы видим ваши машины, — голос Джейн.

— Твою мать, болото, — это через секунду голос Виолетты.

Глава 14

Я только сейчас заметил, что расстояние между деревьями существенно увеличилось, а сами они стали значительно тоньше. И запах. Тот самый запах, который однажды я чувствовал в детстве на рыбалке с отцом и совсем недавно в собственном подвале. Земля пружинила все сильнее, и следы, оставленные ботинками, быстро заполнялись водой.

— Сдается мне, не простое болотце, — заметил Елисей, — над простыми туман на четыре метра не поднимается.

Дрожь прошла по всему телу. Впереди огромная поляна с очень редкими тощими деревцами, ее окутывает серый туман, и она растянулась насколько можно увидеть. Без шансов обойти.

— Следы идут прямо — всем сделать палку для ощупывания, метра три-четыре. Идем, как всегда, медленно и осторожно, сначала тыкаем палкой, потом шагаем, стараемся попасть в след впереди идущего.

Твердый голос Олега придал уверенности, и я, подойдя к ближайшей березе, принялся рубить ее ножом.

Минуты через три мы тронулись в путь. Я чувствовал напряжение в каждой мышце тела и поражался бесстрашию наёмников. Ладно, мы хоть знаем, что поставлено на карту. А они? Они ведь сейчас подвергают свои жизни смертельному риску просто из-за баллов, которых у них и так до хрена. И отлично это осознают.

Ну, во-первых, не забывай про жажду славы и страх позора. Представь их чувства, если они отступят и пойдет молва, что они трусы. Это самый большой кошмар для них.

Это не стоит жизни.

Для тебя, а для них это и есть жизнь…

— Ох! — я пошатнулся, когда палка вместо твердой опоры ушла глубоко под воду, но удержал равновесие.

— Все в порядке? — донесся из тумана голос Олега.

— Да, — переждав, пока сердце перестанет долбить о ребра, я пошел дальше.

Собственно, отсюда во-вторых: они плоть от плоти этого мира и не знают, как жить иначе, большинство — потомственные воины, их родители наверняка умерли молодыми, но успели вдолбить своим чадам не без помощи школы и ТВ, что лучше прожить яркую, пусть и короткую жизнь…

Чем жить, как я.

… Чем жить, как ты.

Циклоп ушел вперед и теперь я шел третьим с конца, за мной

Немой, замыкал колонну Елисей. Сквозь плотный туман я едва различал спину Ильи в полутора метрах впереди. Зато хорошо разносились звуки: хлюпанье, когда чья-то нога погружалась в податливую жижу, и чавканье, когда та не хотела ее отпускать.

Несколько раз процессия останавливалась, должно быть, искали в сумерках следы Мэйсона.

— Дошли до болота, — опять Джейн.

Быстро, учитывая, что с ними Матвей. Я поднял ногу, как вдруг услышал сзади громкий всплеск.

— Немой! — заорал Елисей. Я обернулся, с трудом удерживая равновесие и панику. За мной был только туман. Участок воды в форме человека там, куда упал Немой, стремительно затягивался тиной; поднимаясь на поверхность, лопались прозрачные пузыри. Из тумана выпрыгнул Елисей и быстро опустил палку в воду, надеясь, что наемник сумеет за нее схватиться, но топи Древнего леса не любят отпускать свои жертвы. Тина сомкнулась, и там, где только что чернела вода, теперь снова была обманчиво твердая поверхность.

Немой так и не сказал ни слова с момента нашего знакомства.

Возможно, они с братом теперь вместе будут гулять среди деревьев в лесу, убившем их обоих.

— Идем дальше, — Илья по цепочке передал слова.

Елисей сдался и встал.

Следующий шаг мне дался трудно, перед глазами стояла картина: я оступаюсь, теряю равновесие и падаю в воду, отчаянно сучу руками и ногами — тщетно: трясина засасывает меня все глубже и глубже, а прямоугольник неба над головой стремительно затягивается ряской и тиной.

У тебя все получится!

Дрожали колени и березовая палка в руках, спина Ильи давно исчезла в тумане, а сзади молча стоял мех.

Ради Софьи. И ради мести.

Проверив почву палкой, я шагнул на следующую кочку.

Через десять минут под ногами оказалась твердая земля. Мы миновали топь, но никто не тешил себя иллюзиями о будущем. Отряд Джейн мы дожидаться не стали, на мягкой почве отчетливо проступали следы ботинок.

— Включить приборы ночного видения.

Я огляделся: все остальные уже давно это сделали.

— Елисей замыкает, дистанция два метра, тронулись.

Почерневшее небо подсказывало, что солнце окончательно село. Сзади туман, а спереди зеленоватая в окуляре ПНВ чаща леса.

Погибло четыре классных бойца, двое раненых, а я еще жив, и еще есть надежда. Ветви сомкнулись над головами: мы зашли в сердце Дремучего леса.

Минут через пятнадцать деревья неожиданно расступились, и перед нами возникли два больших дома, их разделяли пятьдесят метров двора и огораживал невысокий забор.

— Мы прошли болото, скоро будем, — группа Джейн догоняла.

Дома выглядели зловеще, будто появились из старой страшной сказки. Трехэтажные, с темными провалами окон, они зелено-черными монстрами возвышались на фоне ночного неба, и, казалось, смотрят друг на друга, как два непримиримых противника в битве за ужас, который они нагоняли. Следы вели к левому. Осторожно, рассредоточившись по участку, мы приближались к нему. Слышались только звуки шагов, дыхания и ударов сердца. Я поравнялся с колодцем, который будто только сошел с картинки из книги про Бабу-Ягу.

— Нападение! — голос Джейн ворвался в уши. — Болотники. Много. Держим позицию.

Который раз за сегодня началась стрельба, метрах в трехстах позади нас.

— Елисей, за мной, остальные на местах.

Мимо проскользнули две серо-зеленые тени. Я прислонился к колодцу и смотрел в их спины, пока они не слились с мраком леса.

Кроме вероятной скорой смерти меня беспокоили две, казалось бы, разнонаправленные вещи: жажда и переполненный мочевой пузырь. Я отстегнул от пояса флягу (замерзшие пальцы едва справились с крышкой) и сделал большой глоток, потом еще несколько.

— Что у тебя? — спросил Циклоп, сидящий справа.

— Джин с тоником. Будешь?

— Фу! — он поморщился и, порывшись на поясе, достал свою флягу. — Водка, чистая.

Послышалось бульканье.

— Дай мне, — Катя сидела слева и протянула руку, я отдал ей флягу.

— Предложи остальным, — когда она отодвинулась, я повернулся к красному глазу Циклопа: — Ссать хочу.

— Ссы в штаны, — он говорит серьезно или шутит?

— Я так не могу, и женщины рядом.

Он хмыкнул.

— Ладно, вон дерево в трех метрах, за ним, дальше не

отходи.

Я, кряхтя, встал. Ноги ныли, никогда мне не приходилось за день столько ходить, бегать и прыгать. В лесу продолжался бой, за деревьями вспыхивало и грохотало.

— Ты куда? — спросила Катя.

— Ему надо, — снова хмыкнул Циклоп.

— Иди с ним, — резко сказала девушка, но было уже поздно: земля исчезла у меня из-под ног.

Буквально.

Вот я иду по пожухшей траве. Мгновение — и лечу вниз в полной темноте, сверху только квадрат чуть менее темного неба, еще мгновение — пропадает и он.

Я не успел испугаться: шахта, в которую я провалился, начала изгибаться, пока не перешла в горизонтальную. Скольжение замедлилось, а потом остановилось. Прибор ночного видения или сломался, или, что вероятнее, не работал в абсолютной тьме. Я лежал лицом вверх и не мог заставить себя пошевелиться: рюкзак давил в спину. Мир съежился до темноты, парализующего страха и отдающихся в ушах ударов сердца.

Фонарь.

Лучше так полежать, меня скоро вытащат.

Скорее их всех перебьют, доставай фонарь.

Может, ты сам?

Боюсь, моя помощь скоро понадобится в более серьезной ситуации. Нужно экономить силы.

Я перевернулся и скинул рюкзак. Пальцы не слушались и дрожали. Где же молния? Вот она! А фонарь? Бутерброды и запасная аптечка полетели на землю. Да где же ты?

Наконец-то! Луч прорезал темноту. Я перевел дух. Пусть принципиально мое положение не изменилось, но свет вернул миру понятную структуру. А если бы фонарь разбился? Бр-р. О таких вещах лучше не думать.

Туннель, метра полтора диаметром. С одной стороны проем, из которого я вылетел, с другой — просто туннель, свет не добивал до его конца.

Фонарь в левую руку, пистолет в правую, автомат бросай.

Как скажешь.

Вперед!

Сколько раз за сегодня я слышал эту команду?

Низкий потолок не позволял встать в полный рост, я шел, согнувшись. Круг света скакал по стенам. Туннель уходил вверх.

Через двадцать метров помещение.

Через двадцать метров вошел в помещение. Пол три на три, посредине лестница. Луч фонаря пробежал по ее ступенькам, и

где-то наверху на пределе видимости уткнулся в люк. Нужно вернуться назад и ждать помощи.

Могли бы помочь, уже были бы здесь.

Не хочу лезть.

Нет выбора, я мог бы взять контроль, но лучше оставить наши козыри на потом.

Там враги?

Сто процентов. Но они не знают обо мне.

Почему бы им просто меня не убить, когда я появлюсь?

Им нужны ответы: сегодня была беспрецедентная террористическая атака. Перед тем как убить, тебя допросят.

На браслете (стоило вспомнить о нем, когда я валялся в темноте) по-прежнему красный огонек, да и чем тут, в логове охотников, поможет Кирилл? Я глубоко вдохнул, выдохнул и смирился.

Фонарь закреплен в специальном зажиме на плече и освещает серую стену, пистолет в кобуре, правая нога на нижней перекладине лестницы. Поехали! Пока я поднимался, механически перебирая руками, перед глазами, сменяя друг друга, мелькали лица Кристины, Иры, Софьи и Кати.

Люк откинулся легко, я отдышался и просунул в него голову и плечи. Большая темная комната. Луч выхватил мраморный стол, два стула, диван у стены и холодильник в углу — кухонная зона. Обернулся. Шкафы с папками, еще стол, на нем компьютер и рядом еще диван — рабочая зона. Темные окна, закрытая дверь на улицу и открытая в другую комнату.

Никого. Я оперся на руки и вылез.

Сзади раздался шорох.

Я обернулся, пытаясь вытащить пистолет.

— Без резких движений, соседушка, — Мэйсон стоял в дверном проеме, дуло автомата в его руках направлено мне в грудь. Ну вот и все. Мой пистолет со стуком упал на деревянный пол.

Глава

— Садись пока, — охотник мотнул головой на диван в кухонной зоне. — Удобно, и вид хороший.

На ватных ногах я подошел к дивану и посмотрел в окно, оно выходило во двор. Несмотря на ночь и расстояние, весь наш отряд, копошащийся около колодца, был как на ладони. Мы находились во втором доме.

— Тут интересная конструкция окон, — усмехнулся Мэйсон и включил свет, но мои товарищи никак на это не среагировали. —

Новейшие технологии.

Диван оказался удобным. Несмотря на тяжелейшую ситуацию и туманные перспективы, я вытянул ноги и расслабился. Лазание по веревкам, бег по коридорам, прыжки по болотам порядком измотали. Охотника тоже потрепало, и сейчас, оказавшись в безопасности и захватив меня, он, похоже, испытывал эйфорию и нес всякую чушь. Что, впрочем, было мне на руку.

— Мало того, наружу свет не пропускают, но и через них видно как днем, — он сел напротив и положил свой навороченный автомат на стол, правда, не снимая палец со спуска. — А еще можно приблизить.

Он что-то нажал на сенсорной поверхности стола, и изображение в окне увеличилось. Катя, Виолетта и Циклоп ползают на четвереньках недалеко от колодца; Олег, Джейн и Виктор прикрывают их. Вадик-техник и Матвей пытаются взломать дверь в другой дом. Ильи и Елисея не видно.

— Хороша картинка? — лицо охотника светилось: — Выпить хочешь?

Нужно тянуть время.

— Не откажусь.

— Вот это разговор, — Мэйсон хотел встать, но передумал и кивнул в сторону стоящего в углу холодильника: — Пиво и водка там. Захвати еще вискарь, он на полке рядом.

Я скинул рюкзак и встал.

Собственно, кроме того, что назвал охотник, там были только не первой свежести яблоки.

Я уселся напротив Мэйсона и впервые за время знакомства сумел рассмотреть человека, который меня убил. Кроме одинаковой прически и бороды, у него были такие же серые глаза, как и у меня, и похожий, разве чуть больше, прямой нос.

Да, масочку напялить, и хрен кто отличит.

Я открыл банку Хайнекена.

Мэйсон налил полный стакан виски и положил перед собой яблоко. Правая рука не выпускала автомат. Пока я носил выпивку, он смотрел на меня: происходящее за окном его не волновало. Плохо. Значит, там у него все схвачено.

— Ты, я смотрю, имидж сменил, — он показал на мою прическу, — с чего бы?

Я пожал плечами, но так и не придумал, что ответить.

— Ты ведь понимаешь, я все равно узнаю все, что мне нужно, — он показал на мой висок, — та штучка поможет.

Видно, я не смог скрыть эмоции, и он довольно кивнул.

— Я смотрю, ты знаешь об имплантах.

— Да.

Врать смысла не было.

Предложи ему обмен, мол, ты понимаешь всю безнадежность ситуации и готов говорить, но тоже хочешь кое-что узнать и получить.

Резонно, осталось сформулировать так, чтобы он не посчитал более простым срезать чип с моего мертвого тела.

Мэйсон не торопился, он допил виски и теперь жевал яблоко. Тишину нарушало только чавканье и тиканье настенных часов.

— Что ты хочешь знать? — наконец решился заговорить я.

— Правильный вопрос, — левой рукой он вновь наполнил бокал. — Состав организации, ее возможности и, самое главное, ее осведомленность.

С чего начать, чтобы ему и дальше было интересно слушать? Я задумчиво рассматривал узор на досках, которыми был обшит потолок.

Ты не сможешь вселиться в меня и кинуть банкой ему в лоб?

Слишком мало шансов, а вот атмосферу это, боюсь, накалит.

Тогда выбора нет, если и дальше просто молчать, он меня пристрелит. Я вздохнул, допил пиво, открыл новое и, так и не придумав что еще изобразить, выпалил:

— Организация называется Новый Завет, руководитель Кирилл, состав не больше десяти человек, в основном, ботаники-программисты, есть несколько боевиков.

— Несколько? Даже в этом отряде было больше десяти человек, а я уверен, он не один.

— В штабе Нового Завета крутые программисты, они умеют подделывать задания, — я указал на окно. — Почти все эти люди думают, что ловят опасного террориста. Остальные сегодняшние нападения тоже дела рук Нового Завета.

— А зачем они все это делают?

Притормози с откровениями: он заинтересовался.

Начиналось самое сложное. Я немного помолчал и как можно убедительнее сказал:

— Давай так… Я не хочу умирать. Я тебе все расскажу, но и ты тоже мне расскажешь кое-что и…

Тут пришлось остановиться и сделать еще одну паузу для придания нужного эффекта. Я указал на виски:

— Можно? — Он кивнул, я налил себе полстакана и залпом выпил.

— Делайте с моим чипом все, что нужно, а потом… откатите мою память назад на пару недель и воссоздайте мою семью… Я знаю: вы можете.

Тут мой голос откровенно задрожал. Мысль только пришла мне в голову, но ведь, может, это действительно не самый плохой

путь.

Не фантазируй. Вытащат что надо и выкинут имплант в унитаз. А в целом неплохо, правдоподобно.

Мэйсону тоже так показалось. Он довольно улыбнулся и удобнее устроился на стуле.

— Легко! Ты нам не нужен, — он указал за окно, где мельтешили темные фигуры, — они тоже, что ты хочешь узнать и зачем?

Действительно, зачем, если я прошу стереть себе память?

Вали на меня.

Рискованно. Мы же не хотели карты открывать.

Это единственный способ заставить его выдать по-настоящему полезную информацию.

— Вы ведь установили мой чип на голову другого человека, — глаза охотника расширились от удивления: я ступил на очень зыбкую почву и тщательно подбирал слова. — Его мысли иногда пробиваются… во снах… Там я вижу другой мир, не похожий на наш, я знаю, что он реален, и он влечет меня.

Лишь бы поверил.

Мэйсон наливал третий стакан и рассматривал что-то на стене за моей спиной.

— Если ты мне все подробно расскажешь, я смогу переселить в тот мир и тебя, и твою семью.

Перед глазами мелькали картинки с видеозаписи: Мэйсон бьет меня ножом в горло, а его напарник Иру, потом Ира рубит другую Иру на куски и засовывает в холодильник.

— Спасибо. Но расскажи о том мире и том, кто присылает мне сны.

Тебе надо было в актеры идти.

Мэйсон медлил. Неудивительно. Мы сейчас играли в одну и ту же игру: скажи что-то, близкое к правде и что понравится скептически настроенному собеседнику. По лицу охотника была видна напряженная работа мысли. Наконец он решился:

— Наш мир такой же, как ваш, только населения в нем больше и оно не участвует в ток-шоу. Штаб находится в Нью-Лондоне, Управляющие оттуда шоу регулируют, создают контент, там же и живут в небольшом поселке неподалеку вместе с охотниками и Вершителями. В другой части мира, в Европе, выращивают еду и добывают ресурсы для себя и для ваших трех миров. Там живут основные пользователи шоу…

Ах, какие заботливые…

— …Жизнь у них сложна: двенадцатичасовой рабочий день. Просмотр Игр — единственная отдушина. Желающие могут добровольно поучаствовать в шоу, пожить в ваших мирах, —

Мэйсон чем больше завирался, тем быстрее говорил, — желающих много, мест мало, быть здесь — привилегия, попасть сюда можно только за большие заслуги, в основном, это удается передовикам производства. Там жители просто исполняют свой долг монотонно, тяжело, изо дня в день; здесь же они могут выбирать свою судьбу, стать свободными.

Охотник погладил бороду, при этом оценивающе посмотрел на меня.

— А почему нельзя сделать из того мира такой же? — спросил я, посчитав, что если просто начну восхищаться, то могу вызвать подозрение.

— Подумай сам, это можно было бы сделать, если бы во внешнем мире не было радиации, и территория была бы не ограничена, как до Последней войны. А так не хватает места для выращивания продуктов. Кроме нескольких офисных зданий, вся земля занята полями и теплицами, там негде организовывать интересные сцены и масштабные битвы.

Я кивнул, изображая понимание.

С этой стороны все глухо, попробуй про меня спросить.

— А что насчет того, кто сидит в моей голове?

Мэйсон задумался и выглядел недовольным, видно, хотел продолжать треп про неблагодарный труд работяг в том мире. Он посмотрел в окно: там в целом все оставалось по-прежнему, лишь Елисей раздобыл лопату и усердно копал в том месте, где я провалился.

— Тот, чье тело ты носишь, — и ты мне потом обязательно расскажешь, откуда узнал это, — враг человечества! Он совершил массу преступлений, в том числе убил свою жену.

Раскручивать!

— Мне приснилось однажды: он стоит в зале суда, вокруг девять человек, — Мэйсон странно ухмыльнулся в этот момент, — один из них выносит приговор.

— Да, это главный Вершитель, Ларгус. Он глава… нашей судебной власти.

Точно, Ларгус!

— Тот человек признался во всех грехах и был приговорен к замещению.

— Замещению?

— Это когда тело преступника подгоняют под кого-то, случайно погибшего здесь, и чтобы семья бедняги, — он с трудом подобрал слово, — не печалилась, чип с памятью ставят на тело замещаемого. Для окружающих погибший остается тем же живым человеком.

— Значит, я погиб?

— Да… несчастный случай, тебя сбила машина.

— А что случилось с Ирой?

Зря.

Понятно, что зря, но вырвалось. Я смотрел в самодовольные глаза охотника и с трудом сдерживал желание с голыми руками броситься на него.

Видно, почувствовав мой настрой, он напрягся и удобнее положил расслабленную было руку.

— Про Иру поговорим после, — из динамиков компьютера, стоящего за его спиной, раздался настойчивый высокий звук. Охотник вскочил и быстро подошел к монитору, голову он держал так, чтобы краем глаза следить за мной.

— Вот как, — протянул он и вернулся к столу, — твои друзья не такие дурачки, какими казались, они взломали два уровня защиты и приближаются к третьему. Придется им кое-что показать.

У меня вспотели руки.

— Да они просто исполнители, отпугнуть, и все, потом расскажешь, как все обстоит на самом деле, и они сдадутся.

— К сожалению, мои личные приборы сегодня работают из рук вон плохо, и я думаю: твой дружок Кирилл имеет к этому прямое отношение, — он нажал пару кнопок, но видно, одной рукой работать было неудобно. — Отойди-ка к окну пока.

Для убедительности он показал направление стволом автомата. Я, делая вид, что пьян, пошатываясь, встал.

— Быстрее!

Его глаза сверкнули: шутки кончились. Когда я отошел достаточно далеко, он отпустил автомат, его пальцы залетали над панелью.

Сумеешь достать?

Тебя бы сумел, но эта сволочь слишком крута.

Оставалось только беспомощно смотреть в окно.

Елисей продолжал копать, его механические ноги вдавливали лопату глубоко в землю. Катя, держа пистолет, стояла рядом и, по-видимому, очень переживала. Илья сидел, прислонившись к колодцу, и, казалось, дремал. Матвей и Вадик-техник ковырялись с электронным замком, остальные кольцом окружали их, готовые к возможному нападению. Из-за искаженного изображения казалось, что они совсем рядом и достаточно просто крикнуть, чтобы сообщить, что я тут.

— А теперь смотри, — Мэйсон довольно ухмыльнулся, — жаль, звука не будет.

Он еще что-то нажал и откинулся на стуле.

В наступившей тишине я с ужасом увидел вспышку возле

дверей второго дома. Электрический разряд ударил из замка. Ближе всего стоял Матвей, его тело отбросило метров на десять, и он, ударившись спиной о стенку колодца, завалился набок. Я видел только ноги. Костюм обуглился и дымился, левое колено программиста горело. Вадика тоже откинуло, но он стоял дальше и, судя по всему, выжил.

Во дворе началась паника. Джейн, лучше других понимающая в медицине, бросив быстрый взгляд на Матвея, побежала к Вадику. Остальные принялись тушить мертвое тело.

— Это их немного отвлечет, а мы как раз закончим с тобой.

Я обернулся: Мэйсон указал на прежнее место. Дальше тянуть резину он не собирался.

— Давай еще по полстаканчика и приступим, — бутылка, пущенная его рукой, скользнула в мою сторону, ловя ее, я увидел зеленый огонек на браслете, сердце забилось в надежде.

— Что ты пялишься на свой браслет, здесь все экранировано, — Мэйсон засмеялся, — наливай и рассказывай, что знают эти ублюдки из Нового Завета.

Я налил, сделал два глотка и посмотрел на часы: 21:03. В принципе, бесполезных знаний минуты на три у меня хватит, значит, примерно в 21:06, когда он поймет, что ему вешают лапшу, я умру.

«Софья, за тебя!» — я поднял бокал с остатками виски, и тут на браслет пришло сообщение, звукового сигнала не было: «Считай до трех и падай под стол».

Раз — я делаю глоток.

Два — пустой стакан стучит о мраморную поверхность.

Три — стараясь не смотреть в огромную черную дыру в стволе, я подгибаю ноги и скатываюсь на пол.

— Что за херня! — кричит Мэйсон, и комната наполняется огнем. Пламя выжигает воздух, а потом сознание из меня.

Глава 15

Открываю глаза — передо мной ангел. Я уже видел его раньше. Не могу разобрать подробности: темно, лишь иногда всполохи (пожара?) освещают рыжие кудри. Кристина? Нет, Кристина блондинка. Ира? Нет, она брюнетка. Дочь? Нет, дочь русая, как и я. Кто ты?

— Эти аптечки пусты, давайте новые.

Кто-то еще появляется рядом. Волосы темные. Может, это Ира? Нет, Ира лежит в холодильнике.

— Джейн, пожалуйста, подлатайте лицо.

Знакомый голос; мне кажется, такой должен быть у врача.

— Есть повреждения и похуже!

— Пожалуйста, это нужно для продолжения задания.

— Мы свое задание выполнили, — суровый мужской голос, — нам нужно, чтобы он выжил.

— Он выживет, я тоже врач. Если сделаете, как я сказал, бонус по двадцать тысяч баллов каждому.

Ничего себе, мы с Ирой год сможем гулять на эти… если она бросит шутить и вылезет из холодильника.

— Ладно.

Что-то касается шеи, и приходит темнота.

— Сергей, очнись!

В нос бьет резкий запах нашатырного спирта — поднимаю веки. Рядом уродливое сооружение. Колодец, где-то видел такой. Интересно, в сказках или кошмарах? Вокруг стоят люди. Я лежу.

— Ты понимаешь, где ты?

Ну точно не в раю. Темновато. Догорает дом, света едва хватает, чтобы различать лица тех, кто рядом. Остальные дальше, я вижу только их темные силуэты.

Кто-то подходит, садится, поворачивает голову. Ангел?

Катя! Разом обрушиваются воспоминания, я едва успеваю отвернуться, и меня рвет.

Рядом садится Джейн, поддерживает меня и вытирает рот.

— Тихо, тихо, — говорит она, — это от лекарств.

— Я не уверена, что он сможет продолжить операцию.

Катя смотрит куда-то сторону. Перевожу взгляд, Илья нахмурен.

— Мне уже лучше, — я поднимаюсь на локтях и прислоняюсь спиной к колодцу, тело как ватное, боли нет. — Что с Мэйсоном?

— Мертв, частично обгорел, но костюм защитил его в целом, голову только оторвало, еле нашли.

— А глаза…

Илья перебивает меня.

— Ты как себя чувствуешь?

— Ну подразумевалось же, — я пытаюсь ухмыльнуться, но лицо не слушается, оно онемело, — что я будут ранен. Теперь не придется импровизировать.

С каждым мгновением я чувствую себя лучше, голова соображает все яснее. Боль, которая придет после, меня не волнует.

— Все достали?

— Да, рюкзак собран, маску наденем при подлете медицинского вертолета, вопрос только в твоем состоянии.

— Хм, — привлекает внимание подошедший Елисей, — Илья, ты забрал все необходимое у Матвея?

— Нет, как раз собирался.

Врач делает шаг, но тут вперед выходит Олег, он протягивает кулак и открывает. В нем лежит что-то темное. Приглядываюсь. Это окровавленный имплант.

— Не это ищите?

Слышен звук передергиваемых затворов — Виктор и Циклоп поднимают автоматы.

— Что здесь происходит? — спрашивает Катя, делая шаг назад.

— Вот и мы вас хотели об этом спросить, — Олег не трогает оружие, но его голос напряженно звенит. — Джейн, отойди пока.

По ночному небу медленно ползут тучи, но периодически в разрывах между ними мелькают звезды. Ветра нет. Дом, где меня держал Мэйсон, догорает, я вижу обожженное тело охотника без головы и руки. Перед нашей группой, бывшим ядром, стоят наемники и ждут ответов. Вперед выходит Илья.

— Давайте без горячки, ребята, мы хорошие.

— Все так говорят, — Олег крутит в пальцах имплант с памятью Матвея. — Хотелось бы подробностей, уж очень много вещей я сегодня недопонял.

Он спокоен, но чувствуется, что в любой момент может воспламениться и сжечь нас всех.

— Очень долго объяснять, — Илья нервничает, его голос срывается, — тут нет необходимых условий и доказательств, а просто слова… могут вас не убедить.

— Боюсь, у вас нет выбора, — Олег театрально вздыхает. — Мы понятливые, и у нас хорошая фантазия. Вам придется попробовать нам все объяснить, иначе мы сдадим вас Управляющим. Или убьем, если вы решите сопротивляться.

— Это будет ошибкой, — говорит Катя; ее рука на кобуре, но

она не делает резких движений, — мы действительно хорошие.

— Знаете, — Олег непривычно вежливо и медленно говорит, — я верю, что вы все хорошие, а этот парень был плохой. Но уж очень все подозрительно выглядит, и уж очень вы… Загадочные товарищи… И я не хочу, как, думаю, и ребята, оказаться не на той стороне в игре, что тут идет… Больше скажу: вы похожи на террористов, и я почти уверен, что это вы устроили сегодня в городе хаос, в котором, кстати, погибли и мирные жители. Мне давно следовало вас сдать Управляющим, но что-то во мне заставляет сначала выслушать вас.

— И правильно делает.

Из браслета Олега появляется пятидесятисантиметровая голограмма сидящего в инвалидном кресле Кирилла, ее свет падает на лицо оторопевшего наемника, его пальцы, как всегда трущие шрам, замирают.

— Илья, Катя, Елисей, отдохните пока, мне кое-что надо рассказать ребятам.

Олег быстро берет себя в руки, он встает так, чтобы остальные наемники могли все видеть и слышать. Лежащий неподалеку Вадик тоже подползает ближе, с его губ срывается стон.

— Я не знал, что так можно, — Олег показывает на голограмму, — ты кто?

Кирилл улыбается и поднимает руку в приветственном жесте. Во второй дымится сигарета.

— Меня зовут Кирилл, я глава организации Новый Завет, располагайтесь поудобнее… Хоть по понятным причинам я буду рассказывать все вкратце, минут двадцать это займет. Прошу вас опустить оружие. Обещаю, мои ребята не нападут, в конце концов, они не самоубийцы.

Помешкав, наемники выполняют просьбу. Олег садится на землю, остальные кольцом располагаются вокруг. Чтобы не отвлекать и лишний раз не нервировать их, члены ядра отходят и устраиваются чуть поодаль.

— К сожалению, пока будут только слова, может, чуть-чуть видео, за более детальными доказательствами я жду вас в нашем новом штабе. Итак, начнем, — только голос Кирилла и потрескивание углей на пожарище нарушают мрачную тишину на поляне, наемники завороженно следят за голограммой и ловят каждое слово. — Первое, что я хочу вам сказать: неслучайно именно вы выбраны для сопровождения моей группы. Каждого из вас когда-то посещала мысль, что с миром что-то не так…

Я закрываю глаза.

— Звучит невероятно! — монотонное бормотание Кирилла прервал голос Джейн, вырывая меня из сладкой дремоты, где не было стрельбы, смертей и боли.

Кратковременный сон помог, я значительно четче воспринимал происходящее, чувствительность понемногу возвращалась, правда, вместе с болью. Тусклый свет не позволял в деталях осмотреть себя, но, похоже, костюм и стол, под который я спрятался, приняли основной удар. Перебинтованы кисти (должно быть, ожог) и в двух местах левая нога (возможно, зацепило осколками). Судя по всему, пострадала голова и шея, но их я рассмотреть не мог.

— Мы вас предупреждали о том, как правда будет звучать без доказательств, — голограмма Кирилла развела руками. — По счастью, они есть, и при желании любой из вас может посетить нас и увидеть их. Но кое-что я продемонстрирую прямо сейчас.

Разом пропиликали все браслеты наемников, даже в полутьме я разглядел их ошарашенные лица. Кирилл улыбнулся.

— Баллы согласно договору, я вас уверяю: они чистые.

— Ты не списал за гибель программиста.

— Списал, а потом накинул за то, что согласились выслушать.

Циклоп подошел к колодцу и сел передо мной на корточки. Его красный глаз рассматривал меня.

— У тебя правда в башке чувак из того мира?

— Правда.

— Это он в лаборатории в зале феерил?

— Да.

— Охренеть, — Циклоп медленно встал и обернулся к наемникам: — Все это звучит, конечно, невероятно, но я им верю, давно какую-то подставу чуял.

— Погоди.

Виолетта, до этого задумчиво смотревшая в сторону леса, подошла к Олегу и обратилась к Кириллу:

— В самом начале ты сказал, что не просто так выбрал нас на эту операцию, я полагаю, на всех есть досье и каждый имел какую-то историю в прошлом, дающую основания сомневаться в Управляющих, так?

— В точку.

— Я понимаю, что времени на всех не хватит, расскажи какую-нибудь одну.

Наемники одобрительно переглянулись, а изображение Кирилла увеличилось, он по привычке в ответственный момент

подъехал ближе к камере.

— Про кого?

— Про любого, кроме Циклопа, — сказал Олег, — он и так уже ваш.

Налетел порыв ветра, раздувая угли, стало чуть светлее. Из леса со стороны болота раздался вой, который подхватили еще в нескольких местах.

Кирилл взялся за клавиатуру, ненадолго задумался и спросил:

— Джейн, Виолетта, вы помните операцию «Проклятый замок Ивановых»?

— Да, — девушки ответили хором.

— А вы помните, как сидели с Карателем в ресторане «Под небом» в третьей башне?

— Я помню, — повысила голос Джейн, — но мы были в секретной кабинке, там нет камер.

— Точно?

Изображение на голограмме сменилось, теперь за накрытым столом сидели Джейн, Виолетта и парень лет двадцати пяти, с темными волосами, это был Каратель; они оживленно беседовали. Рука Джейн лежала на плече молодого человека, я вспомнил: их роман тогда, два года назад, активно обсуждали, моя Ира очень переживала, когда парень погиб.

Звука не было. Изображение ускорилось, Кирилл включил перемотку.

— Вот суки! — Виолетта сплюнула на землю.

— Я поняла, о чем ты.

Джейн подошла к колодцу и облокотилась на него. Скрещенные на груди руки выдавали напряжение.

— Я помню каждое его слово в тот вечер…

Это был их последний совместный вечер.

— Он упомянул, что ему стали сниться сны о мире вокруг нас и который контролирует нас. О врагах, его захвативших, и о том, что ему кажется, что и он сам оттуда. Откровенно говоря, — ее голос упал, и она опустила глаза, — около месяца до этого он вроде как был не в фокусе, не мог сосредоточиться и постоянно о чем-то думал. И я… и я…

Виолетта подошла к девушке и обняла, наклонив ее голову себе на плечо.

— Дело в том, что Каратель погиб еще за месяц до официальной смерти, но Проклятые дома без его участия не набирали нужных рейтингов, и с ним проделали ту же штуку, что и с Сергеем — оттуда, думаю, пришли и сны. Но вернемся к операции «Проклятый замок Ивановых». Посмотрите,

пожалуйста. — Голограмма вновь изменилась.

Каратель только что угодил в ловушку и провалился в открывшийся люк одного из коридоров Проклятого замка. Я отлично помнил это видео, это был самый драматический момент рождественского шоу.

Молодой человек стоит по колено в бурой воде. Помещение едва освещено редкими факелами, висящими на стенах. Он держит меч: правила схваток в замках и поместьях исключают применение огнестрельного оружия. Осматривается, наклоняется и, зачерпнув темную жидкость левой ладонью, нюхает ее, выливает и снова берется за меч. С потолка падают капли, факелы отбрасывают шевелящиеся тени.

Каратель делает несколько шагов, и тут зеленая тварь, похожая на гигантскую лягушку с шестью лапами, кучей острых зубов и когтей, выныривает и бросается на него. Но он готов, и через мгновение разрубленное пополам тело чудовища падает в воду. Еще два шага — еще одна жаба, потом еще. Молодой человек медленно продвигается вперед, на лице нет страха, только сосредоточенность, он выбирался и не из таких переделок. Дальний факел выхватывает в конце комнаты деревянную дверь.

Сейчас это произойдет.

Одновременно выпрыгивают два зеленых монстра, первый целится в живот, взмах меча — и Каратель отсекает ему голову, но заново поднять оружие не успевает, вторая жаба сбивает его с ног, и они падают в воду. Туда же ныряют еще два существа. Вода смыкается над ними.

Будто это было вчера. Я помню бегущую строку, которую потом еще три дня пускали в новостных выпусках: «Прославленный борец с нечистью и сверхъестественными силами могучий Каратель погиб во время зачистки «Проклятого замка Ивановых». Вечная память Герою.

На голограмме, в том месте, куда упал парень, бурлит водоворот, там идет борьба. Надпись в левом верхнем углу меняется. Теперь она гласит: «Запись для закрытого канала включена».

Что это?!

Поверхность воды взрывается, и Каратель вскакивает на ноги, меч все еще у него в руке. Повисшую на плече тварь он скидывает и тут же разрубает от шеи к паху. Вода ручьями стекает с одежды, есть несколько порезов, он тяжело дышит, но жив.

— Какого хрена?… Что за фигня?… Он выжил? — вразнобой звучат голоса наемников. Джейн лишь громко всхлипывает. Все завороженно смотрят на голограмму.

Каратель оглядывается, одновременно прижимая аптечку к

самым большим ранам. Через минуту он осторожно двигается дальше. Все твари мертвы. Когда до двери остается пара метров, она распахивается, и на пороге появляется мужчина. Свет, бьющий из-за его спины, не позволяет разглядеть лицо. Но автомат в руках хорошо видно. Полумрак разрывают пять вспышек — это вылетают пули. Тело Карателя отбрасывает назад, на его лице удивление. Вода смыкается над ним, и красная кровь человека смешивается с зеленой убитых лягушек.

Джейн медленно опустилась на землю, ее содрогающееся плечо коснулось моего, только ее рыдания нарушают гробовую тишину на поляне.

— Ладно, — первым пришел в себя Олег. Он старался говорить твердо, но очевидно, что и его тронуло увиденное; между указательным и большим пальцем он все еще держал имплант Матвея: — Кому это отдать и что делать дальше?

— Этот чип Илье, — на голограмме вновь глава Нового Завета в инвалидном кресле, — а насчет дальше — слушайте. Вы должны оказать посильную помощь в подготовке Сергея к эвакуации. Илья знает что делать. После того как вертолет улетит, я пришлю еще один, на нем все вы выберетесь из Дремучего леса. Дальше те из вас, кто хотят узнать всю правду о мире и о себе, должны сопроводить моих людей в место, которое я укажу позже. Помните, Управляющие постепенно перехватывают контроль над объектами, а мы и так отстаем от графика, так что все остальные вопросы при встрече. Отбой. Удачи всем нам. Тебе, Сергей, в особенности.

Кирилл махнул рукой, и поляна погрузилась во мрак — голограмма исчезла.

В дальнейшей подготовке я почти не участвовал. Действие лекарств ослабевало и боль усиливалась: сначала заныли руки, потом заломило ногу, по-прежнему не чувствовал я только голову и шею, тут Джейн обезболивающего не пожалела.

Небо очистилось, поляну освещала пошедшая на убыль луна. В полузабытьи я наблюдал, как вокруг суетятся люди.

Циклоп и Елисей уносят тело и голову Мэйсона к первому дому. Его наконец удалось вскрыть. Взрывчатки нет, так что его уничтожат, как и второй — из гранатомета Олега.

Илья, не торопясь, все по несколько раз проверяя, собирает для меня рюкзак. Он показывает мне каждый предмет, объясняет предназначение и, тщательно упаковывая, убирает. Когда он достает отрубленную руку Мэйсона, меня передергивает. Когда в маленьком пакетике, который он аккуратно держит двумя

пальцами, я вижу окровавленный глаз охотника, я удивляюсь, как он сохранился, и меня тошнит.

— Если получится, имплант нужно привезти назад, — напоминает он. Вот ведь оптимист, я еще даже не попал туда, а он говорит о возвращении.

Роберт молчит, что немудрено: это же его мозг и тело, ему больше достается в передрягах, а я… я всего лишь память в импланте.

Джейн и Виолетта шепчутся с другой стороны колодца.

Виктор и Вадик-техник стоят на страже, хотя уже поняли, что лесные обитатели не приходят на эту поляну. Их освещенные луной спины выделяются на фоне леса.

Остальные, скорее всего, обыскивают пока еще целый дом.

— Готово, — сказал наконец Илья и ободряюще улыбнулся, — одна деталь, и вызываем такси.

Я попытался улыбнуться в ответ, но лицо по-прежнему как чужое.

— И что за деталь?

Илья достал знакомую синюю коробочку и открыл.

А вот и по-настоящему чужое лицо. На меня пустыми глазницами смотрел Мэйсон, его рот будто зашелся в предсмертном крике.

Стремновато выглядит.

О, ты вернулся.

Да. Ты в следующий раз, когда под стол будешь прыгать, сжимайся в комочек и защищай голову.

Договорились.

Илья тем временем превращал меня в Мэйсона.

— Еще чуть тут… потерпи… и тут, — он отошел и придирчиво осмотрел результаты своей работы, — как брат-близнец, жаль, волосы опалило.

Рядом вырос Олег.

— Похож! Как бы не завалить второй раз по ошибке. Только подозрительно выглядит, что голова обгорела, а лицо как новое.

— Чёрт, — врач вновь согнулся надо мной. Не больно, но неприятно. Наконец он закончил и скомкал в кулаке что-то, оторванное от маски.

— Теперь то, что нужно.

Убедившись, что все в порядке, мужчины отошли. Словно ожидая этого, появилась Катя и присела на корточки рядом со мной.

— Вы как?

— В предвкушении. А ты?

— Матвея жалко, — она смотрела в землю, — хороший был

парень.

Я промолчал. Хоть Матвей и проявлял знаки внимание к девушке, я ни разу не видел, чтобы она отвечала взаимностью.

— Вся надежда на вас… — она не договорила, а я не стал разводить пустую демагогию о возможном воскрешении.

— Вертолет прибудет через десять минут, — раздался из браслета голос Кирилла. — Заканчивайте приготовления и прячьтесь, Сергей должен остаться один.

— А как там с больницей? — запоздало спросил я.

— Все по плану. Да, чуть не забыл, твой браслет будет работать в автономном режиме, сеть на нем я заблокировал. Можешь использовать его как компас, часы и все в таком духе. Если будет лишних минут пятнадцать, глянь там видео, я загрузил. Но не раньше, чем послушаешь запись.

Какое еще видео? Может, весточка о Софье. Спасибо, Кирилл.

Мелькнули рыжие волосы, и лицо Кати оказалось совсем рядом с моим. Должно быть, она поцеловала меня в щеку, но я ничего не почувствовал.

Скоро буду в Лондоне.

Я закрыл глаза и снова отключился.

Меня разбудил рев подлетающего вертолета. Поляна была пуста. Справа стоял мертвый дом, слева — останки его брата, они полностью выгорели. В небо, застилая звезды, поднимался лишь черный дым. Вертолет, сверкая огнями, приземлился в десяти метрах от меня. С земли он казался огромным. Порывы ветра, создаваемые его лопастями, срывали с деревьев последние листья и волнами расходились по куртке и штанам. Задняя часть откинулась, и оттуда выбежали четыре человека в белой одежде. Ночью, посреди Древнего леса, они казались призраками. Меня погрузили на носилки и занесли внутрь. Вскоре я почувствовал, что мы взлетаем.

Один из белых людей долго водил надо мной каким-то прибором. Затем сказал в рацию:

— Многочисленные ожоги и ушибы, две рваные раны левой ноги, возможно, сотрясение мозга.

Дальше молчание, он слушал ответ.

— Так точно, — он наклонился ко мне. — Охотник, больница подверглась нападению, мы доставим вас на аэродром, а оттуда на остров. Пока вам лучше поспать.

Я почувствовал укол в шею.

Поспать — это хорошо. Лишь бы не сняли маску.

Глава 16

Отряд готовится к высадке. Транспортный отсек уже открыт, лопасти вертолета с шумом рассекают воздух; чтобы меня услышали, приходится кричать.

— Второе звено, к тому дому, — указываю на трехэтажное полуразвалившееся здание. Лейтенант Хендрикс кивает. — Пока не улетит вертушка, стоим на месте, прикрываем.

Первое звено я поведу сам.

Чувствую легкий толчок — шасси коснулись земли. Машу рукой и первый выбегаю под яростные лучи тропического солнца. Солдаты следуют за мной. Оборачиваюсь, невольно любуясь их выверенными движениями и вспоминаю, какими желторотиками они попали ко мне год назад, вернее, десять из них: лейтенант уже тогда был опытным бойцом. Забегаем в тень дома. Ребята занимают позиции. Капрал Йохансон закинул крюк и уже почти залез на крышу, капрал Шмидт из второго звена отстает на полкорпуса. Не забыть погонять его.

Вертолет взлетает, вырываясь из облака пыли, поднятой лопастями винта, и взмывает в голубое небо. Операция началась. Надеюсь, на этот раз разведка не ошиблась, мне уже наскучило летать туда-сюда между одинаковыми развалинами. Я оглядываюсь. Хотя на этот раз развалины другие. Это даже не пригород, а просто крупная деревня: два здания, рядом с которым мы укрылись, — единственные, построенные из бетона.

Поселение с одной стороны ограничивает речушка метров пяти шириной, с другой — подступивший вплотную лес, уходящий на несколько километров вверх по склону горы. Если кто-то прячется там, его не найти.

— Чисто, — Йохансон кричит с крыши, Шмидт знаком подтверждает. — Других довоенных зданий поблизости нет. Остальные времянки более поздней постройки. На первый взгляд все давно покинуто.

И тем не менее это единственное поселение в районе, из которого был послан последний перехваченный вражеский сигнал.

— Разбиться по парам и тщательно все обыскать, не тормозить: до ливня осталось три часа.

Можно было этого и не говорить. Все и так знают тактику поиска: забросить отряд в конце затяжного окна с хорошей погодой, чтобы у дикарей было время наследить, а дождь не успел смыть улики.

Даже не знаю, что мне нравится меньше: жариться под

палящими лучами или промокать до трусов под проливным дождем. Вспоминаю мягкий климат Парижа; через две недели я вернусь туда, спустя три года. Всплывает лицо Кристины, и грудь сжимает тоска. Я быстро отгоняю видение и подхожу к уже ожидающему меня Капралу Диккенсу.

Удача улыбается нам через полтора часа, когда уже поднимается ветер и на горизонте появляются первые тучи. Я осторожно осматриваю хижину без крыши, сделанную из смеси глины, тростника и камней, когда из рации раздается радостный голос Хендрикса:

— Майор, сюда!

Окидываю взглядом деревушку и замечаю машущего рукой лейтенанта метрах в тридцати от меня. Торопливо шагаю к нему.

— Что у тебя?

— Следы, четверо, скорее всего, взяли то, что было тут стеной, — лицо Хендрикса светится.

Оглядываю хижину: крыша и две стены отсутствуют. Поворачиваюсь к Гздыньскому, следопыту отряда:

— Времени мало, стартуем, — дальше в рацию: — Все за мной, боевая готовность, поблизости дикари.

Очередной раз радуюсь: весь отряд уже тут, в укрытиях, осматривают берег, лес и развалины. Заметно нетерпение и предвкушение, они тоже устали от бесплодных поисков. Это первая ниточка за долгие месяцы.

Следы ведут из деревни в лес вдоль речушки. Топать в гору с полным обвесом, да еще и по лесу, — такое себе удовольствие. Тем временем тучи приближаются.

— Тропой часто пользуются? — спрашиваю Гздыньского. Он, не поднимая головы, отрицательно машет.

— Два прохода, первый сюда, второй отсюда: или случайно забрели, или каждый раз ходят разными путями.

Плохи оба варианта, но второй хуже, он означает, что противник опытный. Хотя дикари, сумевшие изобрести радио, всегда опасны.

— Твою мать! — следопыт останавливается.

— Что?

— Зашли в реку, заметают следы. Не исключено, что развернулись и пошли назад по дну мимо деревни.

Не слишком ли умно для дикарей? А с другой стороны, если они все равно собирались идти по реке, то им следовало сразу зайти в воду, а не переть двести метров вдоль берега, показывая направление. Делать нечего, придется делить отряд, в конце концов, основная задача — найти цель, а не избежать жертв.

На грани сознания я чувствую сомнение в правильности

вывода, не обращаю на него внимания. Вершителям виднее. Вспоминаю теплый свет, который окружал меня два с половиной месяца назад при ежеквартальном отчете, и отеческий образ первого Вершителя, когда он рассказывал очевидные вещи о необходимости искоренения опасной скверны среди дикарей. Через две недели мой следующий отчет, потом отпуск. Я невольно улыбаюсь.

— Второе звено, делитесь на тройки, идти по обеим сторонам реки вниз по течению. Связь каждые пять минут.

— Так точно, сэр! — Хендрикс быстро дает указания своей шестерке.

— Йохансон, твоя тройка на ту сторону, быть в пределах видимости. Три светло-зеленые фигуры заходят в воду, местами погружаясь по шею, автоматы над головами. В отдалении грохочет гром, ветер усиливается, остается совсем мало времени.

— Вперед! — командую я в рацию, когда темно-зеленые фигуры выходят из реки. — Бегом!

Через пятьдесят минут нас накрывает стена воды. Никогда не привыкну к дождю в этих краях, он начинается не постепенно, как дома, а резко, будто прорывает небесную плотину.

— Снизить скорость до минимума: внимательно ищем следы.

Я достаю пеленгатор, он, разумеется, молчит, наш вертолет наверняка заметили и включать аппаратуру не станут.

Гздыньский идет, низко наклонившись. Поток воды, попадая ему на спину, разбивается на два. Мы с Мухаммедом следим за лесом, это сложно, приемлемая видимость метра три. Операция под угрозой, хорошо хоть следы в деревне нашли.

Через полчаса Гздыньский останавливается, потом осторожно ходит между лесом и рекой, которая уже стала заметно шире. Углубляется в лес, так что его едва видно. Мы медленно идем за ним, стараясь наступать в следы от его ботинок, они отчетливо видны на земле и уже заполнились водой. Гздыньский зовет меня жестом и довольно показывает на мокрый ствол дерева.

— Сначала думал, померещилось, — докладывает он, стараясь перекричать шум дождя, — но нет, слава богам, вот свежая царапина на дереве, видно зацепили тем, что несут.

— Сможем идти по следу? — спрашиваю с сомнением. Кроме этого повреждения, я ничего необычного не вижу. Кругом только вода и листья.

— Да, теперь, когда я точно знаю, что они тут были, будет легче. Это как первый раз увидеть мелкую деталь на картинке: сначала ты тратишь часы для поиска…

— Понял, — прерываю его неуместную речь, дальше в рацию: — Мы нашли, Йохансон, быстро на эту сторону. Хендрикс,

возвращайтесь. Мы будем отмечать маршрут, догоняйте.

Тройке Йохансона приходится плыть. Мухаммед достает маркер и обильно помечает место. Теперь звено лейтенанта легко его найдет.

Выдвигаемся. Гздыньский, лишь изредка останавливаясь, уверенно идет вперед. Дождь слабеет, сквозь густые зеленые кроны видно посветлевшее небо, но я знаю, что это временно, к ночи погода опять ухудшится, приемлемое для вертушки окно только завтра днем. До заката два часа. Если не выследим дикарей до темноты, будем устраиваться на ночлег.

Впереди залаяла собака. Нашли. Начали опускаться сумерки.

Я передаю пеленг звену Хендрикса, и мы ползем по направлению звука. Наконец деревня перед нами. Два двухэтажных дома из крупного самодельного кирпича стоят под навесом скалы, также видны крыши трех землянок. Хоть сто раз пролети над самыми деревьями, никогда не найдешь. Профи. Привязанная к стволу дерева, не переставая брешет собака неопределимой породы (да и откуда тут порода?). Она стоит на задних лапах и, кажется, смотрит прямо на меня.

Людей не видно, окна темные, но я замечаю провода, которыми соединены все строения. Ну раз изобрели радио, должны были изобрести и электричество. Мне повезло найти их! Теперь они не принесут того вреда, что могли. Даже если нас всех тут перебьют, прилетит отряд зачистки и закончит начатое.

Свет по-прежнему не включают, боятся, что в расползающемся мраке его будет далеко видно. Дождь снова усилился. Стремительно темнеет. Насквозь мокрые, мы ждем, слушая лишь шум ветра, низвергающихся потоков воды и нескончаемый лай. Звено Хендрикса прибыло через полтора часа. Пора.

Окружив деревню кольцом, мы поползли. У каждой землянки осталось по два бойца, к каждому дому подошли по три. По моей команде ребята кидают дымовые гранаты — слышен звук разбитого стекла (интересно, самодельное?), и следом взрывы.

Потом крики.

Люди бегут отовсюду, как тараканы. Активно работают приклады: задача четкая — взять живыми как можно больше. Визжа, передо мной проскальзывает тень, бью ногой, целясь в живот, попадаю в голову — это ребенок. Визг прекращается.

Потихоньку схватка завершается. Ни единого выстрела. Мы молодцы. Ребята докладывают: потерь нет. Время связать пленных, проветрить и обыскать дома, а потом приступить к допросу.

Не могу понять, чего больше жду: оказаться в тепле и сухости или получить возможность донести слово Вершителей до дикарей. Скорее, второе, уж больно давно я этого ждал — если понадобится, вбить его силой в их разложившиеся от радиации мозги.

За год в должности командира поисковой группы это мой первый захват. Когда-то должно было повезти?

Нагибаюсь и хватаю за ноги бессознательное тело девочки, тащу к остальным. Я стараюсь не сильно дергать, когда ее волосы цепляются за корни деревьев.

Глава

Очнувшись, я долго не мог понять, где нахожусь, перед глазами все еще стояло бледное лицо девочки на фоне черной земли. Что это было? Просто кошмар? Или воспоминание? Роберт молчал. Наконец я сумел сфокусироваться на окружающей обстановке.

Судя по всему, я в машине скорой помощи, и, вероятнее всего, меня везут в больницу, а там более внимательные врачи — при работе с моей головой поймут, что на мне чужое лицо. Значит, мне туда не нужно. Или сразу к судье, или сначала в дом Мэйсона. Из слов охотника выходило, что они живут в одном населенном пункте. Вопрос, далеко ли друг от друга. И второй вопрос: далеко ли я оттуда сейчас?

В салоне со мной в белом халате и маске дремал мужчина.

— Привет, — окликнул я. — Он сонными глазами посмотрел на меня, но тут же встрепенулся.

— О! С пробуждением, охотник, вы проспали всю дорогу. Хотите воды?

Как оказалось, очень хотел: я присосался в литровой бутылке, которую мне дал врач, и не отлипал, пока последние капли не стекли в рот. В голове окончательно прояснилось.

— Куда мы едем, — я прочитал у него на бейджике имя и добавил: — Стэн?

Вопрос его удивил, но он ответил.

— В госпиталь «Роял».

— Извините за дурацкие вопросы, у меня, должно быть, сотрясение.

— Да ничего, ничего, — по его подобострастному поведению я предположил, что он уважает или боится Мэйсона, это стоило использовать и быть решительнее.

— Мне нужен Вершитель Ларгус.

При этих словах лицо Стэна побледнело, видно, социальная

пропасть между нами только что стала еще шире.

— Он или в Совете, или дома, — он замялся и посмотрел на часы, — скорее, в Совете.

— Не хочу его отвлекать в рабочее время, — я рисковал засыпаться, но лучше момента выведать нужную информацию могло и не подвернуться. — Его дом далеко?

— До Нью-Лондона еще километров двадцать.

Похоже, больница в том же поселении. Пока мне везло.

— Но вам сначала нужно в госпиталь, — Стэн мямлил и испуганно смотрел на меня.

— Завезите меня домой, я в порядке, потом сам доберусь до больницы. Если дадите пару аптечек, буду благодарен.

В лице врача отражалась внутренняя борьба, но, видно, страх и желание угодить Мэйсону превысили возможные санкции, грозящие ему за нарушение должностных инструкций. По крайней мере, он всегда мог все свалить на строптивого пациента.

— Мы высадим вас у Внутреннего сектора.

— Конечно, — я откинулся на кушетку. Сложно было долго концентрироваться. Хотелось есть, прошло больше суток, как во рту не было ничего, кроме алкоголя и воды.

Я надеялся, что удастся попасть в дом Мэйсона и там будет что-то из съестного, что там не будет никого лишнего, что там меня никто не побеспокоит, в общем, я много на что надеялся.

Движение почти не чувствовалось: или дороги хорошие, или машина, скорее всего, и то и то. Я лежал и смотрел в окно на облачное небо.

Так что это был за странный сон, от которого разило таким ужасом?

Мне тяжело это воспринимать, но логично предположить, что это кусок воспоминаний из тех трех лет, когда я разошелся с Крис и уехал служить.

Но там не ты! Ты так не рассуждаешь. Там какой-то слепой фанатик.

Именно поэтому мне это нелегко воспринимать — полет на вертолете что-то всколыхнул в памяти. Я очень надеюсь, что в ближайшее время все прояснится. По правде сказать… этот сон меня испугал. Особенно тот красный свет. На суде было что-то похожее… нечто страшное и притягательное одновременно.

— Въезжаем в Нью-Лондон, — не скрывая облегчения, сообщил Стэн, — минут пятнадцать до Внутреннего сектора.

Лишь бы там не было пропускного пункта.

Не было. Неужели одно название отпугивало всех? Хотя кого

всех? Улицы пусты. Только красные огни удаляющейся скорой помощи.

Напоследок, сославшись на головокружение и дезориентацию, я спросил у Стэна, где мой дом. Лучше вызвать подозрительные мысли у трусливого врача, чем у кого-то из местных.

— На улице охотников, точнее, я не знаю, — он скользнул взглядом по автомату, который я позаимствовал у Мэйсона, и суетливо залез в машину, два раза при этом споткнувшись.

Улица Охотников была второй после улицы Управляющих, улица Вершителей третьей и последней. Внутренний сектор напоминал наш частный, только дома значительно богаче. Он располагался в виде равнобедренной трапеции. Вход был посредине улицы Управляющих, самой длинной из всех — примерно по пятьдесят двухэтажных домов с каждой стороны.

Улица охотников короче. Дома побогаче и в три этажа. Впереди виднелись несколько странных, овальной формы белых строений метров тридцати длиной и пятнадцати высотой.

Дома Вершителей, надо полагать.

Туда рано, нужно подготовиться. Только куда идти?

Двадцать домов по правую руку, стоящих парами, через дорогу, фасадами друг к другу и столько же по левую.

Смотри! Вон справа, третий. Над крыльцом статуя черного орла.

Точно такой же орел располагался над крыльцом дома Мэйсона в нашем мире. Мерседесы, одинаковое оформление — он был верен себе везде. Я направился к третьему дому. Где же люди?

Охотники — охотятся, Вершители — вершат, а Управляющие — управляют. Заметь: ни одной камеры. Верхушка любит уединение.

И это хорошо. Особенно в свете того, что мне предстояло сделать.

Вход перегораживала черная монолитная плита — ни замка, ни ручки. Справа от нее на высоте груди, немного выделяясь из стены, висел серый прямоугольник.

Примерно размер ладони.

Я содрогнулся и, не сдержав себя, обернулся. По-прежнему никого. Нащупав кисть Мэйсона в рюкзаке, я вытащил ее и приложил к прямоугольнику — ничего не произошло.

Попробуй браслет.

Сработало — сканер засветился.

— Проверка отпечатка ладони, — сообщил женский голос. Мои руки тряслись, стараясь не смотреть на торчащую из обрубка

кость, я выполнил команду.

Раздался писк — сверху выехала стеклянная полусфера и стала медленно опускаться.

— Проверка чипа, — подсказал женский голос.

Твою мать, Мэйсон! Вот же параноик! Я судорожно копался в рюкзаке. Где чип? Нашел! Кто додумался засунуть его в целлофановый пакет? Пальцы скользили, и я не смог вовремя достать его.

— Проверка не удалась, у вас осталось две попытки.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Сфера поднялась, и экран потух.

Приготовь все, на всякий случай.

Я весь дрожал, а капли пота капали с носа и подбородка. К следующей попытке все было готово: чип в левой руке, кисть в правой, глаз в нагрудном кармане. Вот сейчас самое время кому-то подойти сзади. Я покосился на автомат, прислоненный к косяку.

Поехали! Браслет. Отпечаток ладони. Чип в паз на полусфере.

— Добро пожаловать, охотник, — дверь с грохотом открылась.

Стоило оказаться в прохладном полумраке холла, как меня накрыла волна слабости, и ноги подкосились. Несколько минут я просидел, прислонившись спиной к двери.

Прими стимулятор.

Нет, это лучше отложить до судьи. Пока нужно поесть и выпить. На случай, если в доме пусто, фляга с джином и пара бутербродов у меня были с собой.

Часы показывали 14:40.

Для начала неплохо найти кухню. Держась за стену, я встал и пошел вглубь дома. Долго искать не пришлось, кухня-столовая занимала большую часть этажа. В первую очередь меня интересовал огромный холодильник. К сожалению, он оказался почти пустым: лишь пара банок консервированной фасоли и тунца сиротливо стояли на полке. Зато бар, найденный поблизости, порадовал.

Все, что мне понравилось, я выставил на огромный стол, а после недолгого раздумья уселся в самое большое кресло. Уверен, именно в нем любил проводить свободное время за стаканчиком охотник. Но ведь он мертв? А я участвовал в убийстве, к тому же ношу его лицо. Кому как не мне здесь сидеть?

Почему-то захотелось водки, может, из-за того что Циклоп так аппетитно пил ее у колодца, а скорее, после пережитого стресса. Я наполнил рюмку до краев и выпил. Консервированный тунец, намазанный на бутерброд с индейкой, оказался отличной закуской. Внутри медленно расползалось тепло.

Наслаждаясь минутами спокойствия, я огляделся. Ничего примечательного. Обои светлые. Мебель вычурная, темно-коричневая, но в целом, стандартная для богатого дома. Большие люстры. Светло-коричневый паркет в комнатах и плитка на кухне. Ничего в интерьере, что выдавало бы хозяина-маньяка. Если будет время, надо пройти по другим этажам.

Рука с недоеденным бутербродом замерла. Как я мог забыть? Перед тем, как прилетел вертолет, в последнем сообщении Кирилл сказал, что прислал мне видео. Это наверняка послание от Софьи.

Еще он сказал смотреть его, если будет свободное время и после прослушивания основной записи.

Время как раз свободное, и его хватит. А порядок не имеет значения. Я уже искал нужный файл.

Глава 17

Золотистый Рено стоял на площадке перед торговым центром. Софья с Денисом загружали покупки в багажник. Камера крупным планом выхватила лицо дочери, и у меня защемило сердце. Опухшие веки и красные от слез глаза. Кому-то придется ответить за страдания моей девочки, и, возможно, даже сегодня!

В объектив попал парень. Наконец я мог рассмотреть спутника Софьи в подробностях: высокий, темные короткие волосы, торчащие ежиком и сбритые под ноль на висках и затылке, гладкое подростковое лицо, прямой нос, пухлые губы и карие глаза. Парень как парень. Самое главное, он ей помогает.

Софья, судя по висящим ценникам, впопыхах напялила только что купленную одежду. Но не простую, а неплохой комплект Г-12, не самый крутой, конечно, но практичный. Туфли только не по сезону.

— Ну ты и затарилась, — сказал Денис, качая головой, — вряд ли хоть половина пригодится.

— А на что ты предлагаешь наследство потратить? — я разглядел, как дрожит ее нижняя губа. — Папа бы не хотел, чтобы я все накопления спустила на косметику или другую ерунду.

Ком встал в горле, я протянул руку, пальцы прошли сквозь голограмму. Незначительные накопления уже перевели на ее счет, значит, официально я мертв. Едва появился намек на то, что наши отношения можно наладить, как она потеряла меня. Самое страшное в том, что она винит себя в нашей с Ирой (если она тоже объявлена) смерти. Я боялся представить, что творится у нее на душе.

— Повернись, — попросил Денис и снял этикетки с одежды Софьи. — Тебе бы переобуться не помешало, холодно же.

Софья задумчиво посмотрела на ноги и полезла в багажник. Ботинки из комплекта лежали в коричневой коробке. Она вытащила их и села на заднее сидение, из открытой двери торчали только ступни в белых носках. С тихим щелчком закрылся багажник, Денис проверил, надежно ли, и обошел машину. Электромотор, урча, завелся. В этот момент спереди и сзади Рено заблокировали два черных Ниссана — приехали наемники Кирилла.

Резковато, конечно, но, если учитывать состояние Софьи, подойди они к вопросу не так серьезно, она наверняка попробовала бы убежать.

Из каждой машины вышли по два человека, еще по одному осталось за рулем. Сработанно неплохо.

Софья выскочила из Рено и затравленно огляделась.

— Не бойся, девочка, мы друзья, — сказал лысый наемник, которого я не знал, — нас прислал твой отец.

Эх, Кириллу бы сюда направить кого-то известного вроде Олега Непобедимого, не возникало бы лишних вопросов.

— Мой отец умер! — закричала Софья, медленно двигаясь вдоль машины. Сейчас рванет. Невольно я восхищался ее смелостью: девочка не сдавалась и искала выход из безнадежной, на ее взгляд, ситуации.

— Он жив, и у меня есть послание от него, — лысый видел, что девочка собирается бежать. — Посмотри, потом делай что хочешь.

Софья замешкалась. Денис ждал ее команды, он давно вылез из машины, и его рука скрывалась под курткой.

— Только не наделайте глупостей, — прошептал я, забыв, что я наблюдаю за событиями, которые уже давно произошли.

Лысый выставил вперед руку с браслетом, через секунду над ним появилось мое изображение.

Софья замерла, в ее лице я видел борьбу недоверия и надежды.

— Софушка, люди, которые тебе покажут эту запись, друзья, — говорил я на голограмме, — они отведут вас с Денисом в безопасное место.

Камера чуть отдалилась, и объектив выхватил еще одну машину; казалось, что она едет мимо, но поравнявшись с одним из Ниссанов, она остановилась. Дверь открылась, и вышла женщина в костюме У-18.

Я вцепился в край стола. Это была Ира.

— Мама! — Софья рванула к самозванке.

— Не-е-ет!!! — я подался вперед и заорал. Страх и чувство собственного бессилия смешались во мне.

Наемники даже не успели среагировать: охотники хорошо подготовили операцию.

Молодая пара, только что беззаботно о чем-то болтающая неподалеку, выхватила из-под плащей короткие автоматы.

Мужчина средних лет, копошащийся в багажнике, резко выпрямился, и в его руках АК.

Ира держит хорошо знакомое мне смертоносное оружие, точно такое же сейчас прислонено к креслу, в которое я вжался.

Бой был коротким — через десять секунд пять тел лежали на асфальте. Двое так и не успели вылезти из машин. Денис с зажатым в руке пневматическим пистолетом невидящими глазами смотрел в серое небо.

Софья, обхватив голову, сжалась у колеса Рено, и рядом с ней

стояла Ира. Вернее, охотница, носящая лицо моей мертвой жены.

Изображение сменилось, теперь на меня смотрел Кирилл. Что происходит? Браслет же отключен от сети.

— Привет, Сергей. Это тоже запись. Я до конца не уверен, стоило ли высылать тебе то видео. Софья жива. Мы предполагаем, где ее держат, и уже разрабатываем план по спасению. Она им нужна только как приманка. Она ничего не знает, ее не будут обижать. Твоя задача не изменилась. Надеюсь, ты не забыл прослушать вторую запись? Удачи тебе.

Голограмма исчезла. Я невидящими глазами смотрел на браслет. Ничего подобного! Задача многократно усложнилась, теперь во что бы то ни стало я должен вернуться назад.

Ярость, будто цунами, гигантской волной накатила на меня. Кухня охотника! Возможно, за этим самым столом Мэйсон и лже-Ира пили эту самую водку. Я схватил бутылку и швырнул ее в стену. Вцепился за край стола и, напрягая до боли мышцы, опрокинул каменную громадину. Плитки пола взорвались осколками. Теперь в моих руках автомат. Жаль, нельзя стрелять. Но зато есть приклад!

Я крушил кухонные шкафы, холодильник, бар и все, что попадалось под руку, а перед глазами стояла картина: я сжимаю шею охотницы, слушаю, как ломаются позвонки, и смотрю, как жизнь капля за каплей уходит из ее черных глаз.

Через пятнадцать минут, обессиленный, я сидел в кресле Мэйсона, единственном уцелевшем предмете интерьера. Ныло все тело, вновь заболели ожоги и голова. Но сознание очистилась — наконец я мог думать о чем-то, кроме Софьи и мести.

Пора слушать вторую запись.

Я медленно снял насквозь мокрую от пота рубашку и задрал футболку. Дыхание пришло в норму, но пальцы все еще дрожали. Так. Аккуратно нажать с двух сторон и потянуть сюда. Короткая резкая вспышка боли — и серебристый цилиндр у меня в руке, по животу к брюкам течет тонкая струйка крови.

Я помедлил, не решаясь включить прибор. Почему так страшно? Сотни километров отделяют меня от друзей, вокруг только враги и неизвестность. Но до дрожи пугает именно та информация, которую содержит этот цилиндр. Как давно я хотел узнать, до чего дошел в своих размышлениях Кирилл, и как сейчас трудно заставить себя нажать кнопку воспроизведения.

Доставай наушники, чего сопли жевать?

И я достал.

Запись длилась около часа. Когда она закончилась, проигрыватель щелкнул, и я почувствовал легкий запах дыма, как и говорил Кирилл, он самоуничтожился. Но мне было не до того.

Это невозможно. Невозможно! Кирилл ошибся!

Скоро мы это узнаем. Нужно только изучить игрушки, о которых он говорил.

Я со стоном полез в рюкзак.

Вершители — их черные балахоны трудно было не узнать — начали прибывать после 18:00. В 18:45 вернулся последний. Еще час я дал им на возможные вечерние разговоры у калиток.

Если Кирилл прав, то наша логика тут не очень работает.

В 19:45 я вышел. Дом Верховного Вершителя (по форме он напоминал небольшой стадион) найти не составило труда. Он стоял по центру улицы и был отделан замысловатее других. Над роскошным парадным входом висела, будто витая в воздухе, статуя женщины с завязанными глазами. В правой руке она сжимала меч, а в левой весы.

Метров за двадцать до дома я почувствовал, что начинают заплетаться ноги, за десять остановился, не в силах заставить себя идти дальше. С дрожащего плеча все норовил сползти автомат. Я боялся не смерти. Когда узнаешь, что уже умирал однажды, относишься к этому проще. Меня сковывал страх не справиться с поставленной задачей.

Дай-ка мне управление.

С удовольствием.

(Роберт)

Останавливаюсь. Медленно глубоко вдыхаю. Осенний воздух не благоухает свежими цветами и травой как весенний, но сейчас он мне кажется просто волшебно вкусным. Запрокидываю голову и наслаждаюсь падающими на лицо каплями только начавшегося мелкого дождя. Открываю рот и ловлю языком прохладную влагу.

Серега! Цени эти мгновения, когда управляешь телом! Их в любой момент могут отнять.

Пора.

Я шел к этой двери долгие годы. И ничто не помешает мне узнать правду и отомстить!

Подхожу. Звоню. Жду. Дверь открывается — на пороге фигура в черном. Вершитель и по совместительству верховный судья Ларгус. Всплывает воспоминание о нашей последней встрече: красный свет, он выносит приговор, и я, соглашаясь, плачу. Сейчас такого не будет, сволочь!

— Приветствую вас, охотник. Чем обязан? Время приемов

окончено.

— Срочное дело: ЧП в Зеленом мире, — я уже настроил прибор, и мой измененный голос не отличить от голоса Мэйсона.

Вершитель медлит, но в итоге отходит, пропуская меня в дом. Твоя первая ошибка! Прохладно, не больше пятнадцати градусов. Просторная прихожая, почти как у охотника. Дверь в основную часть дома закрыта.

Судья не приглашает меня дальше, его капюшон низко надвинут, но он рассматривает меня.

— Вас сильно потрепало, охотник. Докладывайте.

— Может, пройдем в дом, — спрашиваю и тут же замечаю: в позе Вершителя что-то неуловимо меняется.

Раскрыли! — кричит в голове Сергей.

Рука Ларгуса стремительно двигается вперед, но я перехватываю ее и бью кулаком под капюшон, потом в живот и снова под капюшон.

Из рукава балахона выскакивает стилет и со звоном падает на пол. Сам судья оседает следом.

Покажи лицо!

Без сопливых, Серег. Не мешай.

Поверженный противник лежит на боку, мои руки тянутся к его голове, скидываю капюшон и замираю.

Передо мной то, что в своей записи Кирилл назвал девяностапятипроцентной вероятностью.

Вершитель — не человек.

Я стягиваю балахон: темно-зеленая жаба, очень похожая на тех, что нападали на Карателя в подземелье, только больше раза в полтора и вместо передних ног (рук?) давно зажившие обрубки. Без лишней пары конечностей она больше похожа на человека. На жабе какие-то светлые тряпки, возможно, нижнее белье.

Надеваю на обе оставшиеся пары лап наручники и туго стягиваю, в рот (пасть) засовываю кляп, который выпускает зажимы и плотно облегает голову.

Не устал еще? — в тихом голосе Сергея забота. Или ревность по отношению к телу.

Нет, сейчас гораздо легче, чем в прошлый раз.

Молчание.

Автомат закидываю за спину, а из рюкзака достаю пистолет с глушителем. Второй рукой хватаю Вершителя за лодыжку.

Тяжелый, сука.

Ударом ноги распахиваю дверь и прохожу в глубину дома.

Холодно, десять градусов максимум. С высокого потолка струится мягкий зелено-желтый свет, достаточно яркий, чтобы увидеть все.

Улавливаю ужас Сергея. Он потрясен. Как и я.

Несколько рядов окон снаружи оказались бутафорией. Внутри стены не имеют отверстий, нет и деления на этажи. Кроме прихожей, дверь в которую закрылась за моей спиной, остальное помещение представляет собой огромный зал.

Точно, за базу взяли проект арены, а потом переделали в это.

Это — гигантская искусственная пещера с темными стенами, свет выхватывает лишь основное: многочисленные закоулки и впадины в тени. Местами из стен выдаются плоские выступы — наросты площадью метров по десять-пятнадцать.

Пять таких же площадок, только чуть больше, на первый взгляд хаотично разнесены по всей территории. Они располагаются на разной высоте, их подпирают многочисленные изогнутые колонны, самая большая в отдалении, прямо под потолком.

Может, это комнаты?

Пол пещеры тоже неровный, повсюду камни, возможно стулья, десятки емкостей-бассейнов с невысокими бортиками в полметра высотой наполнены темной жидкостью, трудно понять, вода ли это. Незнакомая растительность бурого цвета пробивается из каждой щели, местами она выше, вроде кустов. С потолка, словно дохлые змеи, свисают лианы.

Всюду лежат предметы, назначения которых я не понимаю.

Никакой мебели, никакой техники — никаких следов привычной цивилизации.

И как минимум восемь жаб.

Две пары плавают в бассейнах. Трое сидят на камнях, на самой большой платформе в центре зала, — у них, должно быть, ужин. И еще одна, висевшая на лиане, когда я зашел, лежит на полу, потирая ушибленную спину.

— Всем замереть на своих местах, если кто двинется, пристрелю.

Все замирают. Никаких попыток достать оружие, да его и не видно, все жабы почти голые, минимум тряпок, как и на судье, лежащем у моих ног. Лапы обрублены только у Ларгуса. Видимо, эти не выходят из дома.

— Трое сверху, в бассейн к тем, — указываю пистолетом, они повинуются медленно, но не из протеста, а, скорее, из страха. Двое спускаются по лианам, ловко орудуя шестью конечностями, а третий двумя прыжками, транзитом через другую платформу. Прямо как обычная лягушка, только прыжки по пять метров.

Срочно связать! Смотри, какая скорость!

— Вы, двое, в тот бассейн, и ты тоже.

Взмах в сторону упавшего. Беспрекословное подчинение. Или

что-то замышляют, или боятся за судью.

Нужно, чтобы все легли на спину — не смогут прыгать с места!

— Всем лечь на спину!

Еще хорошие идеи будут?

Пусть по одной теперь подходят, будем связывать.

Через десять минут у ног лежат восемь накрепко связанных тел. У всех кляпы. Еще через десять каждый привязан к какому-то из предметов интерьера.

Что-то слишком легко. Гляди в оба, со стороны виднее. Если что увидишь — кричи.

Заворочался Вершитель, и я быстро привязываю его к ближайшей опоре. Он открывает глаза, осматривается, задерживая взгляд на каждом соплеменнике, будто пересчитывает.

— Еще кто-нибудь тут есть? — освобождаю его от кляпа. Он жует большими губами, видно, пасть онемела.

— Нет, — произношение гнусавое, нечеловеческое. Значит, в балахоне прибор типа моего, искажающий голос.

— Кто-то еще придет?

— Зачем? — мимика не наша, но удивление заметно. Запоминаю выражение: может пригодиться.

Перефразирую:

— Кто-то, кроме здесь присутствующих, сегодня может сюда прийти?

— Нет, — Вершитель понемногу приходит в себя и, кажется, наконец понимает, чего я от него хочу. — Кроме семьи Вершителя, дальше приемной никто не заходит. Даже другие Вершители.

Трудно воспринимать гнусавый голос, а еще он сильно тянет гласные.

Сажусь на ближайший камень, он покрыт мхом и достаточно мягкий. Смотрю в выпученные глаза, и меня наполняет смесь отвращения и гнева. Вот, значит, кто решает, кому из людей жить, а кому умирать? Какая-то зеленая склизкая мерзость! С трудом удерживаюсь, чтобы не пристрелить его.

Может, я?

Рано!

— Я буду задавать вопросы. Каждый раз, когда я поймаю тебя на лжи, погибнет один из твоих… — не могу подобрать приличное слово и указываю пистолетом на остальных. Судья ерзает, его зеленая кожа светлеет.

— Я расскажу все, что ты хочешь узнать.

Смотри, он посветлел и голос изменился, — подсказывает

Сергей, — возможно, так выглядит волнение или страх.

Или ложь. Мы не знаем, как они относятся друг к другу.

— Если сюда кто-нибудь заявится, я убью вас всех.

— Тут нет ни камер, ни сигнализации, только компьютер, но он сейчас выключен, в нем тоже нет камеры, только микрофон. Моя семья очень важна для меня, я сделаю все, как ты скажешь.

С потолка капает вода, слышны легкие всплески, когда она попадает в лужи, рассеянный свет заливает пещеру. Пистолет лежит на колене, его дуло смотрит на ближайшую лягушку. Серега молчит. А меня разрывает на куски: передо мной существо, которое может разъяснить все, но с чего начать? Вопросов слишком много.

— Кто вы? — спрашиваю, ожидая, что ответ будет длинным.

Но нет, судья лучше меня понимает, что мне нужно, и хочет показать свою готовность к сотрудничеству.

— Мы с другой планеты (*да что ты говоришь!*). Основные наши силы прилетели на Землю двести лет назад и высадились сразу после Последней войны, — тараторит, глотая некоторые буквы, Ларгус. — Мы захватили власть над уцелевшим человечеством, создали иерархию и работающую структуру. Кроме охотников и Управляющих, о нашей сущности никто не знает.

Он замолкает и опускает взгляд.

И все? Вот так кратко и просто? Высадились и захватили власть над человечеством.

Внутри меня пустота. Хоть Кирилл в своей записи и подготовил нас именно к этому варианту, трудно понять и принять такое. Сергей испытывает то же самое. Ему даже сложнее. Для него это двойной обман: сначала он узнал, что его мир фикция, теперь, что фикция и внешний мир. С другой стороны, внешний мир для него враг…

И что? — кричит Сергей. — Эти суки захватили землю и загнали нас в резервации! И ваш хваленый внешний мир создали они.

Да, с этим надо разобраться подробнее. Теперь последовательность вопросов очевидна.

— Вы развязали Последнюю войну?

— Ее развязали бы люди в любом случае, — он жует губы и опускает голову, — но мы ускорили процесс.

Рука снова сжимается на рукоятке пистолета.

Не нужно, дай я.

Я сказал — рано!

— Говори яснее, сукин сын! Как вы это сделали, если ты утверждаешь, что вы прибыли после начала?

— Основные силы прибыли после начала, а разведчики были тут за двести лет до этого.

То есть в начале девятнадцатого века. Что же вы, сволочи, делали здесь двести лет? Внедрялись? Подначивали? Разрушали? Как вас не заметили? Вы же зеленые вонючие жабы с шестью руками.

— Сколько вас?

— Пятьсот пятнадцать тысяч.

— Такая точная цифра?

— Сюда прибыло три корабля разведчиков по пять тысяч на каждом. Потом десять кораблей с поселенцами по пятьдесят тысяч на каждом. Итого: пятьсот пятнадцать тысяч.

Сказанное не укладывается в голове, я смотрю в зеленую морду с выпученными глазами и пытаюсь осознать. Затекла спина. Не опуская пистолета, встаю на мыски и тянусь к потолку пещеры. Отпускает.

— Вы бессмертные?

— Нет, продолжительность жизни особи нашего вида в среднем сто двадцать лет.

— Как тогда вы сохранили ту же численность?

Я понимаю, что спрашиваю что-то не то, но не могу идти вперед, оставляя позади пятна.

— Мы в любой момент можем менять размер популяции, если возникает необходимость. Пока она не возникала. Если какая-то семья теряет члена, она восполняет численность новым.

— До девяти? — догадываюсь я.

— До десяти, — поправляет судья.

Я вскакиваю и еще раз осматриваю пещеру, делаю несколько шагов, заглядываю в закоулки, напрягаю зрение, чтобы рассмотреть противоположный конец. Больше никого нет.

— Где ваш десятый?

— Он еще… не вывелся.

Он видит, что я его не понимаю, мимика людей ему хорошо знакома, он машет головой чуть назад и направо. В десяти метрах замечаю светло-зеленую чашу.

— Только прошу тебя, аккуратно, она очень подвержена внешним воздействиям.

Иду, все лягушки заметно волнуются, их кожа темнеет и становится почти черной, девять пар глаз следят за мной.

Чаша размером с большую раковину на высоте метра. Ее держит красивая резная ножка из красного камня. Тусклая лампа освещает содержимое: немного мутную воду, а на дне — размером с кулак взрослого человека полупрозрачную икринку. Приглядываюсь и различаю внутри свернувшийся калачиком

эмбрион маленькой лягушки.

Зрелище шокирует. Только сейчас, видя эту зарождающуюся инопланетную жизнь, здесь, в доме судьи, я начинаю осознавать глубину происходящего. И чувствую нарастающее волнение Сергея.

Надо хватать его и валить отсюда! Одни мы не справимся! — кричит он.

Без паники, все по плану.

С трудом отрываю взгляд от икринки и иду назад. Цвет кожи инопланетян приходит в норму. Сажусь на прежнее место, спрашиваю:

— Зачем нужны наши миры? — Вершитель смотрит, но не понимает вопроса. Перефразирую: — Зачем нужны Игры?

— Ты Роберт? — вдруг спрашивает инопланетянин.

Глава 18

— Да, — врать причин нет, так же, как и рассказывать, что тут не только я. — Чип отключили, я вернулся, но воспоминания неполные.

— Когда ты вернулся из Диких земель, тебя хотели ликвидировать. Это я настоял на замещении.

Я ничего не понимаю, но это, похоже важно. Не забыть уточнить. Перевожу ствол на другую лягушку. Несмотря на низкую температуру, на лбу испарина.

— Обо мне позже — зачем нужны Игры?

Вершитель следит за пистолетом и быстро говорит:

— Дело в человеческой сущности. Мы дали надежду и надежность после Последней войны, очистили некоторые земли от радиации, естественно, не открывая себя. Научили людей жить по-новому — им, испуганным, потерявшим старый мир и старые ориентиры, этого было достаточно.

Трудно воспринимать его речь. Постоянно хочется перебивать и переспрашивать, да еще это нестерпимое желание выдавить ему глаза…

— Годы шли. Чтобы обслуживать даже пятьсот пятнадцать тысяч моих сородичей плюс самих тех, кто обслуживает, приходилось все время увеличивать численность людей, открывать и очищать новые места. Все труднее было заставить их добровольно подчиняться.

— Кстати, — перебиваю, — ты так говоришь, будто вы сами не участвовали в процессах. И где остальные ваши? Тут только девять домов.

Судья ерзает, волнуется. Ему недостает слов и жестов, да и веревка, врезаясь в тело, отвлекает.

— Мы любим холод, почти все мои соплеменники живут в Антарктиде, и там они преимущественно ничего не делают, — голос и выражение его лица вновь меняются. Что это — грусть, сожаление, злость? Это необходимо понять для правильной интерпретации его слов в дальнейшем. — Им там комфортно… Сейчас на острове только Вершители с семьями, раньше было намного больше. Остальные не хотят сюда прилетать: чтобы выдерживать даже такую температуру, как в этом здании — восемь градусов по Цельсию, — мы подвергаемся генной модификации. Вершителям ампутируют все лишнее, чтобы в балахоне они больше походили на людей.

Взглядом он указывает на обрубки двух передних ног. Цена за должность.

Что он хочет сказать? Что здесь сейчас управляют не инопланетяне, — спрашивает Сергей, — что они запустили механизм и отошли от дел? По крайней мере, от активного участия, и просто наслаждаются жизнью во льдах Антарктиды?

Херня это все. Вершители — верховная власть, именно им я представлял ежеквартальные отчеты.

Судья молчит, собираясь с мыслями. Сдерживаю себя и не подгоняю. Наконец он возобновляет прерванный моим вопросом рассказ:

— Шли годы, популяция людей росла. Возвращались и их… инстинкты. Все было предсказано нашими разведчиками, хорошо изучившими ваш вид, но мы все равно оказалось не готовы к таким большим различиям.

Люди не могут просто работать, есть и спать. Ваша раса все время рвется куда-то вперед, ей всегда что-то нужно сверх того, что есть. Редкий человек может долго находиться в состоянии покоя, к тому же регулярно рождаются личности, склонные к еще большей флуктуации и зачастую к агрессии.

Чем больше становилась территория, больше дел и больше людей, тем сложней было контролировать вашу… инициативность. Мы хорошо изучили человеческую историю — восстание и захват острова были вопросом времени. Показательные наказания и казни лишь ускоряли неизбежное.

Людям не хватало зрелищ и возможности выплеснуть энергию и агрессию. Кстати, это один из вас придумал игры. Даже не придумал, а вычислил с помощью математической модели, анализируя вашу историю, — Вершитель видит мое желание перебить и повышает голос: — В архивах сохранились множественные подтверждения того, что за много веков до нашего прилета люди только и делали, что играли с жизнью и смертью. Своей и чужой. А также любили смотреть, как это делают другие.

— Я что-то не видел таких подтверждений! — не выдерживаю и перебиваю. Невозможно слушать, как он все валит на людей. Хотя что-то очень похожее в штабе Нового Завета и на своей записи рассказывал Кирилл.

Не замечаю, как в руке оказывается фляга (Серега, что ли, вмешивается?), подношу ко рту. Совсем другой вкус и ощущения, чем когда наблюдаешь со стороны.

Вершитель готов продолжать, кивком позволяю ему.

— А где ты их мог увидеть? Большинство книг древности под запретом, электронной базы нет, даже видеофильмы остались только те, что прошли глубокую цензуру: комедии, боевики и мелодрамы.

Всплывает сон про деревню в джунглях, но я не успеваю связать его с происходящим. Он ускользает.

— Тем не менее это так, — продолжает судья: — Куча игр со смертельным исходом, возьми хоть простую русскую рулетку. Да-да, она есть в Играх, но появилась задолго до них. Охота на людей практикуется с древности и дожила до самого нашего прибытия. Богатые отлавливали бедных, бездомных и затравливали их в лесах или в заброшенных поселениях. Многочисленные бойцовские клубы с оружием и без, где в результате один из участников умирал. Сексуальное насилие со смертельным исходом. Гонки на выживание и многое, многое другое.

Конечно, официально все это было запрещено, но по факту процветало повсеместно. В двадцать первом веке появились ток-шоу, участники которых регулярно получали травмы. Не прошло бы и десяти лет, и в них появились бы разрешенные смерти…

— Ладно, дальше!

Меня передергивает от омерзения: неужели зеленая жаба говорит правду и все это придумали люди?

— Мы запустили пробные Игры — расчистили площадку, огородили куполом. Создали легенду, что вокруг все радиоактивно, естественно, ни книг, ни какой иной информации, кроме как о гибели человечества. Запустили туда маленьких детей из Диких земель, преимущественно из Восточной Европы и России, одиннадцать тысяч, с ними пару сотен подконтрольных нам взрослых. Дети были долгоиграющим проектом, на перспективу, но мы даже не предполагали, какой его ожидает успех и насколько все станет глобально.

Пока дети росли и воспитывались в нужном ключе, мы устраивали в том мире те развлечения, которых хотели люди. Участвовали добровольцы или преступники в качестве жертв: бои гладиаторов, смертельные гонки, охоты и тому подобное. Потом для удовлетворения запросов ваших самок добавили мелодраматические моменты. Это был триумф. Люди забыли о своих недовольствах и проводили все свободное время перед телевизорами, а те, у кого кипела кровь, могли поучаствовать: высвободить энергию и неплохо заработать.

Мы добавляли контент и новых детей, тем временем выросли первые. Понемногу тех, кто пришел из внешнего мира, мы вывели в отдельное место, и дети, вернее, уже подростки стали вариться в своем котле. И тут случился второй пик, сильно превзошедший первый. Смотреть за людьми, которые понятия не имеют об иной жизни, оказалось для вашего вида намного интереснее. Я полагаю, это связано с тем, что зрители считали себя выше

игроков.

Сложность была только в правдоподобности. Даже у ограниченных и слаборазвитых участников Игр рано или поздно возникли бы вопросы о достаточности ресурсов, когда-нибудь исследовав свой мир, они бы поняли, что потребляют значительно больше, чем производят.

Тогда мы придумали систему МультиМирового Устройства. Имитировали поиск выживших за куполом, в результате которого был якобы найден еще один город, переговоры двух поселений и заключение выгодного соглашения о взаимном сотрудничестве.

Теперь, если что-то прибывало в один мир, сообщалось, что оно произведено на внешних месторождениях или во втором. Так же жители могли наблюдать за жизнью соседей. Естественно, контент тщательно фильтровался.

— Во втором городе не было детей?

— Только поначалу. К тому времени мы поняли: это проект на десятилетия. Давно уже в закрытых резервациях, имитирующих подземные убежища, выращивали детей, считающих мир радиоактивным и пустым, потом в нужное время руководители городов находили их и спасали. Кстати, жители Игр поголовно не разбираются в радиации, у них просто нет нужных книг и учебников. Все считают: чем взрослее человек, тем сильнее на него действует излучение, и что детей оно не трогает.

А разве это не так?

Нет, радиация убивает всех одинаково.

Судья переводит дух, и, одно из существ, воспользовавшись паузой, громко мычит, привлекая его внимание, Вершитель оборачивается: мычащий указывает на чашу с икринкой.

— Нужно перенести десятого… то есть зародыш в другую ванночку, — объясняет Вершитель, опустив голову. Второй раз этот жест, вероятно, смущение. — Ему важно соблюдать режим.

— Сначала мы закончим тут, — возражаю я, но чувствую сомнения Сергея, ему кажется, что мы добьемся большего если будем сотрудничать.

Ларгус замечает мои колебания и говорит:

— У нас будет долгий разговор, поверь, мне есть что тебе сказать, я… — снова опущенная голова, — я даже рад, что ты пришел.

Что еще за новости?

Втирается в доверие.

— Но маленькому члену моей семьи нужна помощь, у него уже сформировались височные уловители. Он передает, что пора в другой раствор.

— Я могу его перенести, — уступаю я, но тут громкое

мычание и стоны наполняют пещеру. Жабы возмущены идеей, что я возьму десятого: все они судорожно рвутся, пытаясь освободиться. Хорошая возможность проверить, надежны ли путы. Их кожа разом темнеет. У Вершителя тоже, но он держится.

— Ладно, ладно! Успокоились все! — я кричу, перебивая скулящий хор, и обращаюсь к судье: — Кто тут кто тебе?

Он кивает на самую темную жабу, ту, которая первая обратила внимание на икринку.

— Это — Вторая, если говорить по-вашему, — моя жена. Остальные — с третьего по девятого — наши дети.

— А как вы восстанавливаете семью в случае смерти родителя?

— Участие второго родителя в зачатии минимально, но, если я или Вторая умрем, место погибшего займет Третий… Опережая вопрос… Каждый из нас обоих полов.

Какая гадость!

Спроси про те штуки, которыми икринка дает указания. Телепатия?

— Что такое височные уловители?

Судья мнется, остальные переглядываются, мычание стихает.

— Мы не говорим про это даже среди своих, эта такая особенность вида. Мы ее в какой-то мере… стесняемся.

О! Еще один кусочек пазла.

— Отвечай, если хочешь, чтобы я помог… десятому.

Он сдается и говорит:

— Наши виды сильно отличаются. Ко всем особям, не являющимся членами семьи, мы почти равнодушны…

— Да и у нас посторонние не сильно любят друг друга.

— Не так. Если ребенок вашего вида будет тонуть в реке, его, вероятно, спасут чужие люди. Даже рискуя собой. У нас же, — он явно не хочет продолжать тему и затравленно оглядывается, — любой, без исключения, пройдет мимо.

Как они покорили космос с таким подходом?

— Височные уловители — это часть нашей анатомии, наросты над ушами длиной в среднем шесть сантиметров, — он поворачивает голову, чтобы я лучше видел: там, где у людей уши, у него выпуклость коричневого цвета, будто кто-то вдавил палец наполовину в череп и так оставил, — они развиваются еще в икринке… Не очень просто объяснить… В общем, первых девятерых окружающих, кого встречает зародыш Протоланина…

С планеты Протолан?

…его уловители принимают как семью. Остальных или как свой вид, или как иную форму жизни. Разница между последними двумя невелика.

Он говорит так тихо, что я едва его слышу.

— Если кто-то погибает, то семья заводит нового члена. Больше девятерых особей уловители не могут запомнить, хоть и предпринимались попытки изменить это генетически. И с их помощью семья может общаться на уровне базовых команд вроде: хочу есть, мне больно и подобных.

Слабая привязанность к виду, чрезвычайно сильная к семье и базовые навыки телепатии, если это правда, информация пригодится.

Похоже, прежде чем продолжать, придется решить вопрос с Десятым.

Холодно. Затекла спина, болит нога и руки. Отвык от таких ярких ощущений. Пришла пора стимульнуться. Аптечка оказывается в руке. Укол в шею.

Встаю, потягиваюсь и спрашиваю у судьи:

— Кого освободить?

— Любого. Но если отвяжешь меня — я смогу включить компьютер и показать тебе кое-что интересное, после того как перенесу Десятого, — видя выражения моего лица, он быстро добавляет: — Руки и ноги можешь не развязывать.

— Интересное?

— Я не знаю, что ты помнишь, но в архиве есть все про тебя, в том числе много видеофайлов о твоей семье.

Я резко встаю и подхожу вплотную к Вершителю, мое лицо в двадцати сантиметрах от его. Вижу гладкую блестящую кожу. Вижу, как расширяются ноздри практически отсутствующего лягушачьего носа. Как пульсируют зрачки выпученных глаз. Как чуть дрожат губы огромного прямого рта. Ощущаю исходящую от него вонь. Чувствую, как он боится. Волнение — темнеют, страх — светлеют.

— Есть запись смерти Кристины?

Он закрывает глаза, возможно, ему тоже омерзительно смотреть на меня вблизи, подбородок, переходящий в шею, надувается, как у обычной земной жабы. Как бы не плюнул, может, он ядовитый? Но нет, он просто хочет что-то сказать.

— Есть видео заседания Вершителей, сразу скажу, я голосовал против…

— Ну-у-у! — наверняка от моего крика у него заложило уши. Я вижу капельки слюны, попавшие ему на лицо.

— На котором принимается решение об ее устранении.

Кулак летит в надутое горло судьи Ларгуса, удар должен убить его. В последнее мгновение отвожу руку и лишь задеваю светло-зеленую кожу по касательной.

— Я голосовал против! — кричит Вершитель, еще больше

бледнея, вокруг снова стоны и мычание. — Посмотри видео!

Развязываю веревку, узел тугой, тороплюсь, обдираю пальцы. Хватаю судью под руку.

— Дай сначала перенести Десятого.

Хрен тебе!

— Где компьютер?

— У той стены, — он кивает головой в нужном направлении, — глыба большая. Кнопка, ее открывающая, рядом на колонне, видишь?

Я вижу и, грубо пихая судью в спину, спешу в ту сторону, он едва не падает и вынужден быстро перебирать лапами. Кнопку он нажимает плечом, налетая на нее после очередного толчка. Верхняя часть скалы разъезжается, и перед нами огромная плоская стеклянная поверхность, через миг она вспыхивает голубым светом — это монитор. Снизу, прямо на черном камне, проявляются клавиши сенсорной панели. Компьютер ждет команды.

Чувствую, как Сергей потрясен сочетанием высоких технологий с природной красотой. Мне это безразлично. Только ярость наполняет меня. Я в трех метрах от компьютера, еще толчок — и Вершитель уже перед монитором.

— Видео, быстро!

Пистолет дрожит в руке. Нужно немного успокоиться.

— Да-да, пройди чуть вперед, лучше будет видно, — он указывает головой. Делаю два шага. Что это? Кожа Вершителя приобретает голубоватый оттенок.

Назад!

Поздно. Вершитель наклоняется к панели и бьет по ней связанными руками. Потолок вспыхивает — красный свет конусом падает на меня.

— Не двигайся, Роберт! — командует жаба.

(Сергей)

Я с ужасом осознаю, что Роберт потерял над телом контроль. Чувствую, как онемела его личность. Он бездумно выполняет приказ судьи и замирает.

Ты тут?

Ответа нет.

Внезапно меня озаряет — красный свет! Вот недостающий элемент мозаики! Именно так пришельцы контролируют своих приближенных. Так их разведчики подтолкнули лидеров ядерных держав к войне, готовя плацдарм для вторжения. Заглядываю в память, и там, будто проявляясь, возникают картинки ежеквартальных отчетов: раз в три месяца Роберта обрабатывали

этими страшными лучами, и он, становясь оружием Вершителей, вместе с другими такими же выполнял грязную работу. И на суде! На суде он признал свою вину в убийстве жены, тоже окруженный красным светом.

Но излучение не должно действовать на меня! Я лишь память в чипе и могу в любой момент перехватить управление. Но стоит ли торопиться? Может, думая, что ситуация под контролем, судья Ларгус покажет свое истинное лицо?

— Я сказал тебе правду, Роберт, мы можем помочь друг другу и вытащить весь мир из той ситуации, в которой он оказался, — Вершитель улыбается совсем по-человечески и протягивает мне связанные руки: голубой оттенок кожи пропал.

Мы поможем друг другу. — Роберт безоговорочно соглашается с инопланетянином.

Нет, план не годится, я чувствую: чем дольше мой сосед по разуму будет подвергаться обработке, тем больше будет любить Вершителя.

Надеюсь, Роберт не станет сопротивляться.

Раз, два, три — поехали!

Ноги вновь повиновались, и я тут же выпрыгнул из конуса света, одновременно поднимая пистолет. Пять пуль кучно унеслись к потолку — не зря Катя меня мурыжила на стрельбище: лампа со звоном разлетелась, красный свет исчез, а осколки стекла посыпались на пол пещеры.

Отлично! Я навел ствол на судью, но он, потрясенный, не двигался с места. Его руки высоко подняты над головой, а кожа стала почти белой. А вот это точно страх!

Не стреляй!

Пока не собирался.

— Ложись на спину!

Связанные ноги помешали ему выполнить приказ аккуратно, пошатнувшись, Вершитель упал. Я подошел и, не сдержавшись, ударил его ногой в живот. Пока он восстанавливал дыхание (красный оттенок — это боль или удушье), оттащил его на прежнее место и привязал.

Пронесло.

Но случившееся будто переключило во мне какой-то тумблер. Я вдруг окончательно осознал, что мне нужно совершить нечто поистине сверхъестественное, чтобы выйти из этой ситуации победителем.

Пока неясно, как сильно свет повлиял на Роберта, так что ближайшие решения на мне. Для начала я должен сделать то, что сделал бы Роберт, будь он в форме.

Не надо!

Я поднял пистолет и выстрелил в живот ближайшей привязанной жабе.

Глава 19

— Не-е-ет! — это заорал судья Ларгус. Почувствовав боль родича, все члены семьи изменили окрас. Они таращили на него глаза и дергались, пытаясь освободиться, не обращая внимания на боль от врезающихся в тела веревок. Стоны заполнили пещеру.

Я переводил дуло пистолета с одного на другого на случай, если кто-то вырвется. Никакой жалости к ним я не испытывал, более того, зрелище было приятным.

Если ты спасешь его родственника, он сделает для нас все!

Это ты говоришь или любовь к Вершителю?

Не знаю, но уверен, что так и будет.

Возможно. Но не для того я стрелял, чтобы сразу проявить слабость. Если хорошо попросят, посмотрим, ну а если жаба сдохнет, в следующий раз судья подумает трижды перед тем, как что-нибудь изобразить.

— Роберт, я не враг тебе, спаси его, аптечка вон на камне, — Вершитель стал цвета раскаленного угля, его губы тряслись, а слюни долетали до моих ботинок. Подбородок-горло пульсировал. — Я все расскажу, помогу, проведу куда надо, буду посредником, любой из нас станет заложником… только спаси, ему очень больно.

Он скрючился и судорожно дышал один в один, как его раненый сын.

Походу, реально сейчас сдохнет.

Я не спеша дошел до очень похожей на используемые в нашем мире аптечки, поднял и так же не спеша вернулся. У раненой жабы глаза были закрыты, но вокруг кляпа надувались кровавые пузыри — она еще дышала. Я прислонил аптечку к ее животу: послышалось жужжание, прибор заработал.

— Спасибо, спасибо, я… — проходя мимо, я ударил его мыском ботинка в то место, где у человека находятся ребра.

— Еще один фокус, и умрут сразу двое — тебе ясно?

Он кивнул, не в силах говорить. Я повернулся к его жене:

— Куда перенести Десятого?

Второй раз я не собирался совершать ту же ошибку. Жаба замычала, вертя головой, я вынул кляп.

— Там синяя чаша такого же размера.

Она глазами указала вглубь пещеры. Ее произношение было гораздо хуже, чем у мужа, видно, нечасто приходилось общаться с людьми.

— Пожалуйста, осторожнее!

Вода, в которой лежала икринка, значительно помутнела. Я

опустил в нее руки и достал зародыш. Кроме звука падающих капель и своего дыхания, я ничего не слышал, но спиной чувствовал панические взгляды, устремленные на меня. Уверен, они все белые, как снег. Осторожно, тщательно выбирая место, куда поставить ногу, я пошел к синей чаше. Икринка слабо пульсировала в моих руках.

Вода в чаще была настолько прозрачная, что, пока я не опустил руки и по поверхности не пошла рябь, я ее не видел.

Обернулся: да, восемь белых жаб и одна красная.

В тишине я вернулся на свое место, устроился на камне.

— Продолжим. Еще гипнолампы в помещении есть?

— Да, — теперь Вершитель сидел спиной ко мне, но, как оказалось, его голова могла поворачиваться на сто восемьдесят градусов. — Одна над входом, одна над моей комнатой — она самая дальняя — в самом верху и одна над обеденным камнем за твоей спиной.

Я обернулся и поднял голову. Даже зная куда смотреть, среди растений, свисающих с потолка, я не сразу разглядел красноватый блеск. Теперь спешки не было, и я тщательно прицелился. Приглушенный выстрел, и звон падающего на пол стекла. Отлично! Теперь та, что над входом. Готово — некоторые осколки лампы долетели до моих ног. Что говорить, расположили ловушки грамотно, я мог угодить в три из четырех. Дальнюю трогать не стал: пока я не планировал идти в ту часть пещеры.

— Давай, Протоланин, или как тебя там, какие еще сюрпризы для нежданных гостей?

— Дом строили меньше пятидесяти лет назад, уже давно было спокойно, нападения не просчитывались, так что только внушители предусмотрены, на самый крайний случай.

Внушители, значит. Когда есть такие штуки, оружие и не нужно.

— На вас внушители действуют?

— При нужной настройке на любое живое существо действуют. В ваших мирах их используют в квестах для программирования хищников на агрессию.

Например, волков в Древнем лесу.

— Какой срок действия?

— Эффект экспоненциальный, то есть, если облучение недолговременное, то он почти сразу спадает, если объект обрабатывается двадцать минут, то длится около трех месяцев.

С этим понятно.

— Расскажи о вторжении и структуре управления внешнего мира.

Когда Вершитель начал повествование, я посмотрел на часы,

было 00:20, когда закончил — 02:45. Два с половиной часа пролетели как один миг…

Стационарная камера № 51910 продолжает запись.

Место действия: восточная база охотников в Зеленом мире, переговорная № 7.

Режим: запись для закрытого канала.

Подозреваемая № 72-Н, молодая женщина, сидит на узкой койке. Руки на коленях, взгляд устремлен на бетонный пол. Датчики фиксируют подавленность и низкую мозговую активность. С лязгом открывается металлическая дверь. В переговорную входит Охотник № 3-435, временное имя — Ирина.

— Привет доченька! Как самочувствие?

Охотник пододвигает стул и садится напротив подозреваемой. Та отшатывается и залезает с ногами на койку, зрачки расширены, пульс учащен. Она боится и кричит:

— Кто вы? Где моя мама?!

— Твоя мама в Синем мире, нам пришлось ее тайно перевести, чтобы я могла занять ее место.

— Вы врете! Зачем вы убили тех людей? Их папа прислал! Где мой папа?!

— Если ты не будешь меня перебивать, девочка, узнаешь все гораздо быстрее. Твой отец, к сожалению, мертв.

— Я видела сообщение от него!

Датчики фиксируют нарастающий гнев охотника. Молчание. Проходит минута.

— Так вот. Твой отец, к сожалению, мертв. Его несколько недель назад убил очень опасный террорист из внешнего мира.

— Какого еще внешнего мира?! Что вы несете?!

— Мутант из радиоактивной пустыни. Недавно мы узнали о существовании организации за пределами купола, целью которой является разрушение наших миров.

— Мне четырнадцать лет, а не шесть, оставьте свою ложь для…

— Заткнись, сука!

Охотница вскакивает и бьет заключенную ладонью по щеке.

— Короче, личину твоего отца надел террорист, веришь ты в это или нет. И нам нужно, чтобы ты помогла захватить его.

— Пошла в жопу!

Охотница нагибается, заносит руку, но в последний момент останавливается.

Затем медленно садится на стул.

— Есть хочешь?

Молчание. Проходит минута.

— У меня есть возлюбленный. Жених. Он пропал, скорее всего погиб, и мы уверены, тот человек имеет к этому самое непосредственное отношение. Он опасен, и его необходимо ликвидировать. Ему зачем-то нужна ты, может, он думает, что ты могла что-то заметить, пока жила с ним…

Датчики фиксируют сомнения охотника: она не уверена, что ее слова звучат правдоподобно. Она понижает голос, используя технику внушения:

— Нам надо заманить его или его людей в ловушку, и для этого нужна твоя помощь. Конечно, мы можем якобы случайно показать тебя камере, но они могут что-то заподозрить. Надо изобразить что-то похитрее, например, инсценировать твой побег…

— Нет!

Молчание. Проходит две минуты.

— Мы с моим женихом вместе уже десять лет. Иногда из-за работы мы не видимся по несколько месяцев. И тогда у меня вот тут, — охотница подносит руки к левой стороне груди, — сильно давит. А сейчас у меня тут словно зажгли костер, все горит. Мы с тобой похожи, мы оба потеряли близких. Надо сделать так, чтобы…

Раздается сигнал вызова с браслета. Охотник пальцами касается экрана.

— Да.

Она неподвижно сидит. Из наушника в ее ухе слышится неразборчивая речь. Пульс охотника резко повышается.

— А чип?

Короткий ответ.

Она вскакивает, хватает стул и с размаху бьет им о стену над койкой в двух сантиметрах от головы заключенной. Мелкие куски пластика разлетаются по переговорной.

— План В-3! — кричит охотник в браслет. Через три секунды металлическая дверь захлопывается за ее спиной.

…в 2025 разразилась ядерная война. Европа, Россия, Китай, США, Индия, Северная и Южная Корея и страны Персидского залива пострадали больше всего, были уничтожены почти все мегаполисы. Радиация стремительно распространялась.

Протолане ждали этого, одновременно с первыми взрывами ядерных ракет их корабли вошли в Солнечную систему и через три дня достигли Земли.

Основная часть приземлилась в Антарктиде. Из-за удобного расположения изолированности и еще ряда факторов для

командного центра разведчики выбрали территорию бывшей Великобритании.

Европу очистили от радиации. Недостаточно быстро, чтобы спасти людей, подвергшихся облучению, но такой задачи и не стояло. Столицей стал чудом избежавший ракет Париж. Выжившие стягивались из районов, куда не долетели радиоактивные облака, и через несколько лет его улицы вновь стали многолюдными.

Протолане технологически сильно обгоняли людей, в том числе и в аграрной отрасли. Всюду выросли километровые теплицы, решившие проблемы с продовольствием. Испуганные войной, люди с удовольствием работали и на земле и на многочисленных восстановленных промышленных предприятиях. Производства тонкой вычислительной техники и оружия перенесли на Остров (так они назвали территорию бывшей Великобритании), туда же переводили лучших специалистов, подвергая затем внушению. При недостатке грубой силы завозились рабочие из Африки, почти не пострадавшей в Последней Войне.

Для обеспечения непрерывной поставки ресурсов от радиации были очищены многие месторождения по всему миру. Там отрезанные от остальной цивилизации выжившие, зачастую страдающие лучевой болезнью, просто за еду работали сутками.

Протолане были хорошими аналитиками и стратегами. Они сразу вычислили две основные угрозы своему процветанию в будущем.

Первая — огромное количество всевозможных ракет как обычных, так и ядерных, разбросанных по всему миру, которые рано или поздно могли попасть не в те руки и быть использованы для нанесения ответного удара.

К решению этой проблемы подошли радикально. Методично находились все незапущенные ракеты и использовались по назначению. Целями стали заводы и исследовательские институты, занимавшиеся разработкой и производством этих же самых ракет, а излишки пошли на уничтожение крупных уцелевших городов в Канаде, Латинской Америке, Азии и Океании. Захватчики не собирались давать землянам ни единого шанса.

Вторая угроза — появление развитого центра, способного в будущем разработать оружие против Протолан. Тут тоже не мешкали, рассудив, что построить что-то новое, не имея основ, невозможно.

Целью стали знания. Повсеместно уничтожались библиотеки, компьютерные центры, базы данных (те, которые не уничтожил

запущенный одновременно с пуском первой ракеты в Последней Войне вирус). Книги законодательно запретили по всему миру.

Все эти меры были превентивными, ведь никто, кроме самого узкого круга, не знал о вторжении, но Протолане подходили ко всему щепетильно и собирались сделать Землю своим домом.

Время шло. Захватчики воссоздали модель общества, характерную для Европы девятнадцатого века. Аристократы и простолюдины.

Первые выполняли организационную работу, непыльную и несложную, механизм и без них хорошо работал. Многочисленное свободное время они проводили на вечерах и балах, философствуя о смысле жизни.

Вторые с утра до ночи вкалывали на фермах и производствах. Каждый из них хотел стать первым, и это было возможно. Именно эта возможность поначалу позволяла снимать социальное напряжение. «Когда есть куда расти, когда есть цель, — рассуждали пришельцы, — покоренный народ не будет смотреть вокруг».

Но они недооценили людей. Последняя война быстро забывалась, и недовольство сложившимся порядком стремительно нарастало. Причем, в обоих слоях общества. Даже в богатых залах среди скучающей знати все чаще велись разговоры на тему, что до войны было лучше.

Это стало третьей угрозой.

Выхода нашли два: Игры и создание регулярной армии для зачистки Диких земель (так называли неподконтрольную часть планеты).

(Про Игры я уже знал и попросил Вершителя подробнее остановиться на Диких землях.)

Ресурсов хватало с запасом, но пришельцы смотрели далеко вперед и как основной способ добычи в будущем рассматривали мародерство, или, как они это называли, — собирательство.

Через пять лет после Последней Войны, когда основная часть населения Земли уже погибла от лучевой болезни, голода и других сопутствующих напастей, Протолане стали очищать от радиации интересующие их объекты: города, водохранилища или леса. Если, например, возникала потребность в металлах, пластике, деталях от компьютеров или машин, они перевозили рабочих с полей в очищенный населенный пункт, и те собирали нужные материалы.

Когда появилась армия, для этих целей стали использовать выживших дикарей, поиском которых занялось специальное подразделение — Охотники. Они очень быстро перехватили большинство надзорных функций и высоко поднялись по

иерархической лестнице.

Сейчас, спустя двести лет после Последней Войны, дикарей находить стало значительно проще, они расплодились и жили повсеместно, с некоторыми наладили торговлю, других заставляли помогать по старинке — силой. Теперь задача военных заключалась исключительно в поиске и уничтожении потенциальных террористов. Которых, к слову, становилось все меньше: за два века жители Диких земель сильно деградировали. Изначальный план захватчиков сработал.

02:45. Вершитель замолчал.

Голова гудела от объема информации. Перед глазами мелькали картинки гибели Земли: одни родились, навеянные рассказом, другие подкидывала память Роберта. На душе было тоскливо, и при этом очень хотелось спать. Пленники сидели тихо, но, как мне показалось, их кожа приобрела коричневый окрас. Скинув оцепенение, я спросил:

— Почему цвет кожи такой?

— Мы хотим пить.

Перебьются.

О, вернулся былой настрой?

Да почти сразу. Не давай мне в ближайшее время управление, иначе я их всех голыми руками разорву, а эту безногую жабу буду разрывать медленно.

Про еду протоланин ничего не сказал, видимо их организм допускает голод, а вот напоить их придется. Не хотелось бы раньше времени увидеть девять трупов.

— В каком-нибудь из бассейнов есть питьевая вода?

— Почти во всех.

Неподалеку я увидел пустой кувшин. По очереди вытаскивая кляпы и все время держась настороже, опасаясь их зубов, я напоил всех жаб, даже ту, которую ранил. Потом тщательно проверил наручники и веревки, по необходимости обновляя узлы. Собрал все осколки стекла от разбитой лампы, до которых они могли дотянуться.

Для ночевки я выбрал обеденную платформу. Четыре метра вверх по лиане тяжело дались моим обожженным рукам и уставшим мышцам. Пришлось снова воспользоваться аптечкой.

— Ларгус, — пришлось повысить голос, чтобы меня хорошо слышали, — что будет, когда завтра ты не придешь в зал совета?

— Ничего. Думаю, все уже знают, что охотник тут. Беспорядки в Зеленом мире — важнейшая проблема на повестке дня, нам дадут столько времени, сколько нужно. Если случится

что-то форс-мажорное, меня вызовут через компьютер, но камеры там нет… Риск есть только в том случае, если найдут настоящего Мэйсона.

Не найдут, по крайней мере, не так быстро.

Убедившись, что все на меня смотрят, я извлек из рюкзака и поставил на край платформы устройство, которым любезно снабдил меня Кирилл.

— Есть ли в пещере двигающиеся объекты? Например, какие-либо существа крупнее кошки, автоматические двери или окна, которые открываются утром. Или еще что-то, что может неожиданно без вашего ведома пошевелиться?

Они недоуменно пучили глаза.

— Короче, вот это, — я показал на устройство, — бомба.

Девять белых тел выделялись на фоне темной пещеры.

— Очень мощная, разнесет все здание! — я вспомнил, как Софья плакала у ног Иры, и сейчас, видя страх пришельцев, упивался своей властью над их жизнями. — Она настроена на мой чип и работает следующим образом: если в пределах двадцати метров что-то пошевелится сильнее, чем заложено программой, например, кто-то из вас развяжется и прыгнет, или дверь откроется, она взорвется. Не среагирует она только на меня. Отключается сложным цифровым паролем. Поэтому повторяю вопрос: есть неожиданно двигающиеся вещи в пещере?

Потрясенные, они переглянулись и одновременно все покрутили головами, мол, нет.

— Хорошо, — я нажал кнопку и активировал бомбу. — Я буду спать три часа. Потом продолжим.

Ядерная смесь лекарств должна помочь организму выспаться за короткое время. Я включил на полную мощность подогрев куртки, накинул капюшон и лег на покрытый мягким мхом пол платформы. Рюкзак заменил подушку. Последнее, что я увидел, проваливаясь в сон, — темный неровный свод пещеры, льющийся рассеянный свет и пылинки, кружащиеся в нем.

Убранство дома меня ошеломляет, мы нашли именно то место и тех людей, которых искали. Повсюду образцы, доказывающие их виновность.

В первую очередь, конечно, электричество. Комнату, где я допрашиваю пленных, освещает яркая лампа накаливания. Да, работа грубая, но тем не менее. Стекла в окнах, преимущественно теперь разбитых, также достаточно высокого качества. Диван, стулья, шкафы и кресло, в котором я сижу, могли быть изготовлены только с применением хороших инструментов. Но больше всего меня поражает — и я долго не могу оторвать от него

глаз — работающий компьютер.

Выследив деревню, я сорвал джекпот. Это однозначно один из главных террористических центров, и теперь охотники смогут через него выйти на остальные. Моя задача — собрать базовую информацию по горячим следам.

Дело двигается медленно. Пленники, в основном молодые мужчины и женщины, признают, что сами изготавливают все необходимое, но связь с другими ячейками организации отрицают. Сильно мешает незнание ими английского языка.

— Не делайте из меня дурака! — я стою над сжавшимся на полу парнем, он закрывает окровавленными руками голову. — Нам отлично известно, что вы посылали радиосигналы!

Хендрикс переводит.

Парень что-то лопочет в ответ, не убирая ладони от лица. Я различаю только имя Вейж, его называли и другие. Как объяснил мне Хендрикс, это имя на языке дикарей означает «большой мудрец».

— Говорит то же, что и остальные, — Хендрикс недоверчиво смотрит на террориста, — они, якобы, просто живут: ловят рыбу, охотятся, мастерят безделушки. Иногда Вэйж зовет их послушать музыку; когда в приемнике вместо музыки непонятные слова, он всех выгоняет.

Я устало падаю в кресло (удобное оно все-таки) и смотрю сквозь разбитое окно в непроглядную черноту ночи. Дождь не прекращается. По осколкам стекла, торчащим из рамы, текут капли, частично попадая в комнату и стекая по стене, образуют лужу на полу. К утру тут все затопит, трудно будет поджигать.

Пожалуй, пора заняться этим мудрецом, остальные пешки, и просто выполняют грязную работу. Надеюсь, он уже пришел в себя. Я приказываю вывести парня и позвать Вэйжа.

Мухаммед заталкивает в комнату сморщенного старика. По обыкновению чуть перебарщивает — тот падает на колени. Лицо пленника напоминает сухофрукт, если бы он был европейцем, я бы подумал, что ему лет восемьдесят, но в Диких Землях суровые условия и нет медицины, ему запросто может быть всего пятьдесят. Худощавый, почти лысый, длинные седые усы свисают с обеих сторон тонкого рта и переходят в бороду. На нем свободный желтый халат до пола. Когда наши кинули гранаты, он, так и не выйдя из дома, потерял сознание.

Старик медленно поднимается и что-то ищет взглядом, я вспоминаю: у него была палка. Ребята спрятали ее для забавы.

— Скажи ему: может пока сесть на стул, — говорю я Хендриксу, и тут, вдруг, старик обращается ко мне на вполне сносном английском.

— Переводчик не нужен, спасибо.

Он садится на край ближайшего стула, его спина прямая, как стебель тростника.

Я отсылаю Хендрикса: у него есть и другие дела, а тут хватит Мухаммеда. Вэйж спокойно сидит и смотрит в разбитое окно. Во мне растет злость, я хочу сбить с него спесь, но это всего лишь старик, и пока его вина официально не доказана. Сдерживаю себя и вымученно улыбаюсь.

— Здравствуйте, меня зовут Роберт, я майор армии Объединенной Европы…

Я запинаюсь, потому что он переводит взгляд темных узких глаз на меня и прожигает насквозь, будто гипнотизирует, так должны смотреть… Вершители, если бы капюшоны не закрывали их лица.

— Приветствую вас, Роберт. Какими судьбами в наших краях?

Кашляю в кулак, чтобы голос звучал увереннее.

— Ищем террористов, нарушающих закон.

— Здесь таких нет, — старик продолжает разглядывать меня, — впрочем, как и законов.

Раскололся так быстро? Не такой уж и мудрец.

— Закон № 2055-11 «О Диких Землях» действует уже без малого двести лет.

— Вот как? — он едва заметно улыбается. — И что же там?

— Там много чего, в частности, информация о запрете в Диких Землях изобретения и использование электричества, радио, чтения, — я киваю головой на шкаф, битком забитый запрещенными древними книгами. — И, конечно, сбора и использования компьютерной техники.

— Я слышал об этом по радио, — тихо говорит Вэйж и опускает глаза, — но не мог поверить.

— От кого? — стараюсь скрыть радость в голосе. Вот она, ниточка к другим!

Старик больше не улыбается, он рассматривает свои обтянутые кожей руки, лежащие на коленях.

— Слава богу, много от кого и, слава богу, я о них ничего, кроме имен, не знаю.

— Не ври мне, старик! — волна злости накрывает меня, я вскакиваю и кричу: — Что вы обсуждаете тогда? О чем трепитесь по радио?

— О чем? — переспрашивает он удивленно и поднимает глаза к потолку. Его рука механически гладит лысину. — Да трудно сказать, ни о чем особо и обо всем. С думающим человеком о чем угодно приятно говорить: о книгах, людях, природе, музыке…

— Не увиливай! Ты только что утверждал, что вы обсуждали закон о Диких Землях!

— Вы так интерпретировали мои слова? — он вновь удивляется. — Ни в коем случае, просто мне говорили, что есть могущественные силы, вероятно, искусственно желающие удержать людей на уровне скота. Я так понимаю, это как раз Объединенная Европа. Помимо прочего, иногда мы пытались понять мотивы такого иррационального желания. Пожалуй, эти беседы были самыми сложными.

Иррациональное? Вершители часто употребляли это слово, только не могу вспомнить, в каком контексте, но все было логично и правильно. Впрочем, как и у старика. Так и не сформулировав мысль, я захожу с другого конца.

— Может, ты будешь утверждать, что запрет чтения литературы, — я вновь указываю на книги, — подобной этой, тоже иррационален?

Он смотрит на шкаф, словно первый раз его видит.

— Осмелюсь спросить, а вы читали что-то из того, что стоит на этих полках?

Я читал больше половины: список запрещенных книг для нас значительно меньше, чем для дикарей. К тому же… — щеки начинают гореть, — учась в университете, я прочитал и несколько запрещенных для жителей Объединенной Европы книг. Сейчас это кажется таким далеким и незначительным относительно красного света и голоса Вершителя, странно, что я вообще это вспомнил.

На одной из книг знакомое название: Федор Достоевский «Преступление и наказание». Я знаю, что эта книга, равно как и многие другие, опасна и дает людям ложные стимулы, но помню, что успел перечитать ее трижды, прежде чем пришлось ее вернуть, и что регулярно вспоминал ее до самой армии. Интересно, почему я так резко позабыл о ней?

— Кое-что, — отвечаю, хоть еще секунду назад не собирался этого делать.

— А почему вы считаете, молодой человек, — снова этот прожигающий взгляд, — что другие люди, а ведь мы с вами, как ни прискорбно, одного племени, не имеют права их тоже прочесть?

Щеки горят сильнее, и это вот-вот станет заметно. Теперь меня беспокоит не старик.

— Вершителям лучше знать что кому можно читать! Вы не такие, как мы, вы двести лет живете в радиоактивной пустыне! Вы мутанты! Для вас это опасно! — я ору, но с каждой секундой смущаюсь все сильнее. Все из-за присутствия Мухаммеда. Прости

меня, мудрец, так надо: я наотмашь бью по морщинистому лицу, лишь в последний момент делая так, чтобы звука было больше, чем боли. Но на его глазах все равно выступают слезы.

— За что? — шепчет он, потирая щеку.

— Ладно, Мухаммед, можешь идти, — я хлопаю солдата по плечу, — чую, этот дурацкий разговор надолго. Если Хендриксу не нужна помощь, отдыхай.

Мухаммед окидывает хнычущего, теперь уже сгорбившегося старика взглядом и, не видя угрозы, выходит из комнаты и закрывает дверь.

Мы наедине. Меня трясет. Удар, нанесенный Вэйжу, будто погасил в сознании красный свет. Теперь в голове только его слова и мысли, которые не посещали меня целых три года.

Почему им нельзя читать то, что можно нам? Почему нам нельзя читать что-то из того, что писали раньше? В «Преступлении и наказании» нет никаких экстремистских посылов, это просто размышления человека о своем месте в мире. Почему людям нельзя изобретать и мастерить? Общаться по радио с такими же, как они? Да в конце концов, просто жить так, как хочется?

На ум приходят Игры: это искусственно созданный мир — там вообще нет книг. Чувствую связь, но не могу ухватить.

Я кладу руку старику на плечо и сжимаю, он вздрагивает и поднимает на меня покрасневшие от слез обиды глаза. Наверное, его первый раз в жизни ударили. Он не понимает за что. И я не смогу ему объяснить. Наклоняюсь к самому уху и шепотом спрашиваю:

— Какие из этих книг самые лучшие?

Он отвечает, и тут возвращается красный свет.

Глава 20

Я открыл глаза и посмотрел на часы. 06:13, через семь минут зазвонит будильник. Дальше спать смысла нет. Да и не получится.

Я вспомнил. Перед замещением меня обработали, из-за этого и провалы. Но сейчас я вспомнил…

Обжигающая почти до боли тоска докатилась до меня.

Я сдал того старика… а через неделю он признал себя виновным в экстремизме, и его расстреляли… всех их. Только самых маленьких отправили в подготовительный лагерь для Игр. На последнем докладе под красным светом мне внушали необходимость забыть три этих года. На какое-то время сработало, но потом я стал вспоминать… И стал опасен.

Перед тем как сжечь тот дом, я прихватил две книги из шкафа, которые посоветовал мудрец Вэйж. Как оказалось, он понимал меня лучше, чем я сам. Вряд ли эти книги были лучшими в плане литературной ценности, но они были самыми нужными для меня. Я сжег их только тогда, когда выучил почти наизусть. Это были «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «1984» Джорджа Оруэлла. Книги про почти такие же дерьмовые миры, как наш.

Зазвонил будильник, я рывком встал и принялся растирать замерзшие руки. В пещере ничего не изменилось, те из пленников, что дремали, сейчас рассеянно осматривались. Я с удовольствием потянулся и поймал себя на мысли, что мне их совсем не жаль.

— С добрым утром!

Пока они уныло, вразнобой, мычали, я, делая что-то вроде мини-зарядки, старался разогнать кровь и согреться. Закончив, я брызнул в лицо холодной водой из кувшина и наконец почувствовал себя в тонусе. Сейчас на меня не давило даже замкнутое пространство пещеры. Может, из-за того, что стало чуть светлее? Должно быть, освещение зависело от времени суток.

Что дальше? В истории осталась пара темных пятен: подробности о Протоланах и информация о прошлом Роберта. Все это могло быть интересным и важным, но для начала стоило кое-что уточнить:

— Ларгус, ты говорил, что рад меня видеть. Причина касается меня лично или ситуации в целом?

Или ты, зеленая сволочь, просто заманивала меня под красный свет?

— В целом.

Я сел на край платформы. Как там говорил Кирилл: слегка измененное сознание улучшает восприятие? Пара больших глотков из фляги настроили меня на нужный лад. Вершитель тем временем продолжал:

— Ситуация накаляется давно, причем во всех областях. В Европе назревает революция. Это постоянный процесс, и раньше зачинщиков мы помещали в Игровые миры, но сейчас они слишком разрослись. Мы еле справляемся со снабжением. Дает сбои программное обеспечение. Мы планировали открыть четвертый мир и отправить туда всех недовольных пять лет назад. Но не получилось.

Таким взволнованным Вершителя я еще не видел: он тараторил, дергался и морщился от боли, причиняемой веревками.

— Мои сородичи слишком… расслабились, а охотники занимаются совсем другими делами… Социальные волнения нарастают… Игры плохо контролируются… Вот-вот произойдет масштабный взрыв с непредсказуемыми последствиями. То, что именно ты пришел ко мне, и то, что ты говоришь больше, чем стреляешь, вселяет в меня надежду.

— Надежду на что? — я потерял нить его размышлений.

— На то, что еще можно все исправить, договориться, сделать так, чтобы кризис миновал без больших жертв с обеих сторон, и в конце концов сложилось общество, устраивающее всех.

Вот бы ему сейчас дать послушать запись Кирилла, почти его словами говорит.

Да, Кирюша оказался еще более непростым пареньком, чем я думал. Честно говоря, я охреневаю, как он вычислил все это, сидя в своей комнате, в изолированном мире, без книг и с минимумом данных?

А жаба, кстати, молодец: запахло жареным — сразу вперед, строить общество с равными возможностями. Но, похоже, не врет.

Голову разрывали потоки информации и вопросов. Кирилл, предсказавший инопланетян. Судья, непривычная манера говорить которого не позволяла до конца уловить его мысль. Судьбы игровых и внешнего миров. Роль охотников.

Вершитель ждал моей реакции. Пришла пора вычленить суть из его рассуждений. Нужно просто подобрать правильный вопрос.

— Поэтому вы решили устроить зачистку в Зеленом мире?

— Не мы решили, Роберт.

— А кто?

Кто, пучеглазая ты морда, принял решение убить почти два миллиона человек?

Судья не смотрел на меня. В его раздувающемся горле что-то булькало, а цвет кожи постоянно менялся.

— Охотники, Роберт, охотники. Протолан тут только девять семей, и чем дальше, тем меньше мы на что-то влияем. Я старался донести информацию до наших на севере, но тщетно. Им там кажется, что построенная система будет работать вечно, они не видят угрозы. Охотники собираются воспользоваться этим. Уже пользуются.

Что за чушь?

— Я понимаю твой скепсис, но постараюсь его развеять, — он опустил голову (смущение). — Для этого мне нужно рассказать тебе о нас, чтобы ты лучше все понял…

Но он не успел: со стороны компьютера раздался резкий звук, и монитор загорелся. Через прицел непонятно как оказавшегося в руке пистолета я смотрел на появившееся изображение: это был один из Вершителей. Из колонок раздался быстрый взволнованный голос.

— Приветствую, Верховный! Из Зеленого Мира пришло донесение: охотника 3-799 нашли мертвым. Возможно, под его личиной кто-то проник на остров. Несколько охотников, включая Джо Винтера, прервали выполнение своих заданий и уже здесь. По какой-то причине они не сразу передали нам данные, вернее, — говоривший запнулся, будто ему было трудно поверить в то, что он собирается сказать, — они их так и не передали. Информация попала к нам случайно. Как получите запись, свяжитесь со мной.

Монитор потух. Я словно прирос к камню, на котором сидел, и еще несколько секунд смотрел в черный экран. Судья не соврал, видеосвязь была односторонней, но это мне немного давало: охотники, очевидно, нашли Мэйсона и скоро будут здесь.

— Вы что, не уничтожили тело? — первым заговорил Вершитель, он, как и все его родственники, белыми пятнами выделялись на фоне темной пещеры. Это уже не страх, это ужас.

— Надежно спрятали.

— А маячок вшитый?

А о маячке мы ничего не знали. Я почувствовал себя загнанным в ловушку зверем, но при этом не мог пошевелиться, лишь осматривал просторную пещеру, в которой было много камня, воды и мха, но не единого окна. Хотя будь тут сто окон и дверей, даже если прямо сейчас свалить отсюда, одного на своей территории охотники меня быстро достанут и вытянут из чипа информацию обо всем.

Скорее всего, Вершитель думал о том же. Его кожа несколько раз меняла цвет, хотя по-прежнему оставалась светлой, я мог

объяснить это только серьезной внутренней борьбой.

— Выход есть! Если ты доверишься мне, я помогу тебе сбежать и дам всю нужную информацию…

— Здание окружено, — многократно усиленный громкоговорителем голос донесся снаружи. — Нарушитель, мы знаем, что ты внутри. У тебя десять минут, чтобы отпустить заложников и сдаться.

В звенящей тишине я слышал каждую падающую в бассейны каплю.

Мой взгляд упал на бомбу, стоящую рядом. По крайней мере, многие из этих ублюдков уйдут со мной! К тому же взрыв может повредить чип — у Нового Завета еще будет шанс.

— Роберт! — судья задергался, привлекая мое внимание.

— Что?

— Под пещерой есть небольшой самолет, развяжи, я покажу.

Какой еще самолет? Смысл слов не сразу дошел до меня, и несколько секунд я тупо смотрел в выпученные глаза, пытаясь осознать сказанное. Это очередная ловушка? Но как я ни рассматривал Вершителя, так и не смог обнаружить признаков лжи. Он тем временем продолжал:

— У меня давно готов диск с информацией о деятельности охотников, про их роль в происходящем сейчас по всей Земле. И…

— Осталось восемь минут! — даже сквозь стены в искаженном громкоговорителем голосе чувствовалась непоколебимая уверенность в своем превосходстве.

— … предложения от меня как Верховного Вершителя для ваших боссов, — Ларгус запнулся на секунду, облизал длинным языком губы и добавил: — И для человечества.

Тут не только Кирилл далеко смотрит вперед.

Я заметил на колене кусок мха, прилипший во время сна, и несколько секунд сосредоточенно отчищал его, пытаясь сконцентрироваться. Весь вопрос в правдивости слов судьи. Допустим, тут я сумею его проконтролировать. Допустим также, что есть и самолет. Но что мешает охотникам его сбить на взлете? Пятно на штанах никак не сходило. Разве что…

— Я не все тебе рассказал вчера про бомбу, — я указал пальцем на устройство, будто кто-то мог о нем забыть, и начал набирать цифровой код на электронной панели. — Сейчас я отключаю реакцию на движение, но она также реагирует на мою жизнь: если мое сердце остановится, она сработает.

Это было ложью лишь отчасти. Такая функция у бомбы имелась, но задействовать ее я не мог: стоило отойти на двадцать метров, или появись между нами преграда типа пола или стены,

бомба сразу сдетонировала бы.

Готово! Быстро собрав в рюкзак пожитки и не обращая внимания на боль в ладонях, я слетел по лиане и пошел к пленникам. Мох пружинил под ботинками.

Разрезанные в нескольких местах веревки легли на землю. Вершитель попробовал подняться, но тут же покачнулся и упал.

— Мне нужно немного времени, — сказал он, усиленно растирая ноги.

Я наклонился к нему и тихо произнес:

— Не тяни резину, ты все равно со мной полетишь.

К моему удивлению, он никак не среагировал, а лишь продолжал оживлять онемевшие ноги. Я уже готовился повторить фразу, но он опередил меня.

— С тобой полетит моя жена. Кстати, развяжи ее, ей тоже нужно время восстановиться.

— Пять минут!

— Мне нужен ты!

— Я бесполезный заложник, — он, пошатываясь, встал, и, сильно подволакивая левую ногу, побрел к компьютеру. Говорил он твердо и уверенно: — Пока моя семья у них, я не смогу ничем вам помочь, так как жизни членов семьи для меня важнее всего остального. Охотники, возникни у них хоть капля подозрения, допросят их, и не сомневайся: стоит им подойти к чаше с икринкой, мои расскажут все.

В этом я ни секунды не сомневался и, пока Вершитель копался у компьютера, освободил его жену. В крайнем случае, если аргументов у судьи не хватит, ее всегда можно оглушить или пристрелить.

— А если ты возьмешь мою жену, — его голос дрогнул, и он в очередной раз немного изменил окрас, — тогда, во-первых, она станет заложником с большой ценностью для меня, а во-вторых, я смогу убедить охотников, что все еще на их стороне, и водить за нос, пока вы подготовитесь.

Резонно, хоть и непонятно, к чему мы должны готовиться. Но это проблемы Кирилла.

Судья уже возвращался, он нес небольшую сумочку. Походка становилась все увереннее.

— Три минуты!

В сумочке лежали диски и флешки. Много дисков и флешек.

Если он врет — они все пустые, а если нет — тут вся история человечества… а может, и не только.

— Вставай, Лилонт, пора, — Судья аккуратно помог жене подняться и повел ее вглубь пещеры. Мне ничего не оставалось, как следовать за ними.

Мы подошли к стене. Вершитель коснулся невидимого выключателя, и казавшаяся еще мгновение назад монолитной поверхность исчезла. Перед нами появилась просторная кабина лифта. Не убирая пистолета от спины судьи, я вошел последним. Позади раздался взрыв и крики.

— Быстрее!

Крики стали глуше: дверь закрылась. Если сейчас вырубится электричество, мне конец.

— А бомба? — вдруг побелела еще больше Лилонт.

— Отключена.

Я подтолкнул ее стволом в сторону открывшегося проема.

Передо мной в тусклом свете небольшого ангара стоял вовсе не самолет. Это больше походило на летающую тарелку с заостренным носом явно неземного происхождения.

— Сюда, скорее!

Судья тянул жену к летательному аппарату.

В ангар давно не заходили. На покрытом толстым слоем пыли полу оставались две цепочки следов: от двух его ног и четырех ее. Стряхнув оцепенение, я побежал.

«Самолет» оказался двухместным, откинутый колпак кабины словно приглашал нас. Следом за Лилонт я взлетел по приставной лестнице и, упав в кресло, замер, ошарашенный количеством всевозможных кнопок и рычагов.

— Пристегнись, я поведу.

Протоланка явно знала, что делает. Я почувствовал вибрацию: заработали двигатели, а метрах в пятидесяти перед нами на потолке появилась медленно расширяющаяся серая полоска света.

Со стороны лифта послышались крики. Пользуясь тем, что еще не успел пристегнуться, я поднял автомат, стоявший между колен, и почти вслепую дал очередь в глубину ангара. У меня не было цели попасть — только испугать. Охотники залегли, и на «самолет» обрушился град пуль, по счастью, не причиняющих ему вреда.

— Не стреляйте! — сквозь грохот выстрелов голос судьи еле пробивался, он лежал на спине и отползал от нависающего корабля. — У него заложник!

Я бросил на пол кабины автомат и достал пистолет; летающая тарелка плавно двинулась к расширяющемуся проему в потолке.

Нужна правдоподобность, ты поймешь меня, Ларгус. Стал опускаться колпак кабины, и я выстрелил. Тело Вершителя изогнулось и покраснело. Прочное стекло отделило нас от плотного огня, из глубины пыльного ангара. Стены все быстрее

пролетали мимо. Я покосился на разделившую боль супруга, покрасневшую Лилонт. Судя по тому, что она до сих пор не вцепилась мне в горло, я попал, куда и целился: в живот судье.

Небо, как и накануне, было затянуто облаками, но все равно, когда мы вылетели, свет резанул глаза. Больше двенадцати часов я провел в темной пещере.

Земля стремительно проваливалась вниз. Сбить нас не пытались, но желая подстраховаться, Лилонт поднимала машину все выше и выше. Ее выпуклые глаза не отрывались от приборов.

Показалось, что она решила держаться под прикрытием облаков, но мы поднялись выше, и от открывшейся картины у меня захватило дух. Словно окрашенное в золото волнистое море стелилось под нами до самого горизонта, желтое небо на востоке плавно переходило в глубокую синеву на западе, а теплые лучи ласкали кожу.

Мне удалось вырваться из капкана, и, даже если диски пустые, мне есть что рассказать Кириллу. А самое главное — я возвращаюсь в город, где в каком-то подвале или камере сидит взаперти Софья. Живот скрутило от смеси страха и предвкушения: я снова представил, как мои пальцы сжимают горло Иры.

Мы подлетали к куполу с юга. Счетчик Гейгера на приборной панели, до этого молчащий, вдруг громко затрещал: уровень радиоактивности быстро повышался.

— Самолет экранирован, — все еще называя инопланетный агрегат, на котором мы летели, земным словом, ответила Лилонт на мой немой вопрос.

Я невольно зажмурился, когда мы пролетали сквозь едва заметный зеленый барьер. Перед глазами мелькнула картина: наш летательный аппарат расплющивается об него и горящими обломками падает вниз. Ничего такого, естественно, не произошло: купол был лишь силовым полем, защищающим от радиации. Инопланетным силовым полем.

Стоило нам очутиться в черте города, мой браслет заработал, и еще через несколько секунд пришло сообщение с координатами от Кирилла. Продиктовав их Лилонт, я посмотрел на город, который первый раз видел сверху. Зрелище больше угнетало, чем впечатляло. Откройся мне эта картина месяц назад, я был бы восхищен размахом и монументальностью тридцатилетнего мегаполиса, его идеальной геометрией, но сейчас это перечеркивала одна единственная мысль: все это не наша заслуга! Исполнением проекта занимаются Управляющие, сидящие на острове в Атлантическом океане, а идея принадлежит

инопланетянам, почти уничтожившим человечество.

Мы начали снижение.

— Координаты соответствуют расположению того здания. — Лилонт указала на серое неприметное трехэтажное строение с разбитыми окнами, часть окруженного высоким забором заброшенного, на первый взгляд, промышленного комплекса, к которому мы медленно подлетали. — Могу сесть рядом или на крышу.

— Садитесь на крышу, — раздался голос Кирилла из браслета, — снизу может быть небезопасно. И если у вашего любопытного кораблика есть маскировка, поставьте ее. Группа ждет вас.

«Самолет», повинуясь четким движениям зеленых лап, сделал полукруг, на секунду завис над крышей и стал быстро спускаться.

— Роберт! — Лилонт повернулась ко мне, и я вздрогнул от неожиданности, так как в этот момент пытался разглядеть фигуры встречающих. — Ты правильно сделал, когда ранил Ларгуса. Нужно продолжать в том же духе: тут повсюду камеры.

Не сразу, но я понял ее. Когда колпак кабины откинулся, впуская свежий холодный воздух, пистолет уже был в моей руке.

— Выходи медленно без глупостей, а не то повторишь судьбу своего мужа.

Она повиновалась и даже посветлела от страха. Как оказалось, это была не игра — к «самолету» шли четверо вооруженных мужчин и две не менее вооруженные женщины. Я спрыгнул на крышу, покрытую затвердевшим на холоде рубероидом, и подтолкнул замершую Протоланку в спину.

Среди мужчин я узнал только Олега, его лицо было, как всегда, невозмутимым. Женщинами же оказались Джейн и улыбающаяся Катя.

— Кирилл сказал, что с тобой важный заложник, — без приветствия перешел к делу Олег. Не иначе, его роль главного стала постоянной. Он указал на Лилонт: — Это оно?

— Это она. Жена Верховного Вершителя.

В начинающихся сумерках повисла зловещая тишина. Наемники медленно с ног до головы рассматривали все сильнее белеющую пленницу. Для них стало сюрпризом, что она не человек. Никто больше не улыбался.

Молчание прервал Кирилл:

— К вам приближаются два вертолета с охотниками, хорош прокрастинировать, действуйте согласно плану.

— Так точно. В наручники это… эту. И вперед!

Это твердое знакомое «вперед» придало уверенности. Мы побежали к лестнице, ведущей внутрь здания. Одновременно

послышался шум вертолетных лопастей.

Электричество не работало. Катя, незаметно подошедшая сзади, протянула мне фонарь.

— Я рада, что вы вернулись, — негромко сказала она, и я скорее почувствовал, чем увидел, ее вторую за несколько минут улыбку. Не мешая порыву Роберта, я нащупал в темноте и сжал ее руку.

— Хозяева дома отвлечены, но сюрпризы возможны, смотрите по сторонам.

Олег шел по коридору, луч его фонаря разрезал темноту. Красные символы, сплошь покрывающие стены, показались мне смутно знакомыми, а выхваченная из мрака огромная пентаграмма, намалеванная на неработающих дверях лифта, подтвердила догадку: это логово очередных сектантов. Сатанизм, демонология, принесение жертв были излюбленной темой восьмого канала.

Мы уже подошли к лестнице на второй этаж, когда сзади послышались приглушенные голоса, и на люк, который мы заблокировали изнутри, посыпались тяжелые удары.

Глава 21

— Быстрее!

Я почувствовал легкий толчок в спину и ускорил шаг. Круг света от фонаря скакал по ступенькам перед ногами. Второй этаж, и снова длинный коридор. Один из наемников остался у лестницы. Конструкция здания не подразумевала сквозного спуска. Так попавший в западню человек мог подвергнуться большим испытаниям. Этот основополагающий принцип всех хоррор-шоу был знаком мне с детства, только сейчас он вовсе не казался правильным.

Лестница. Я услышал шаги и обернулся: отставший наемник догонял нас, а за его спиной с третьего этажа уже спускались лучи фонарей.

— Вниз! — он резко развернул меня и толкнул. Я, потеряв равновесие, засеменил ногами, стараясь попасть на ступени. Может, и удалось бы, но тут сзади раздался оглушительный взрыв, и я рыбкой нырнул на лестничный пролет. Плечо пронзила острая боль.

Коридор заволокло дымом, глаза щипало, а в ушах звенело. Крепкие руки подняли меня, а на голове вдруг оказался противогаз. Сквозь слезы и мутные стекла я едва различал спину бегущего впереди человека. Кто-то задержался на лестничном пролете и дал очередь в дымный мрак второго этажа. Охотники ответили шквалом огня. Пули с визгом рикошетили, и я представил, как со стен кусками отваливаются красные рисунки вместе со штукатуркой.

Следующая лестница вела в подвал. Весь отряд был в сборе. Замыкающий быстро доложил:

— Еще две ловушки на их пути — несколько минут у нас есть.

Олег кивнул, ни тени эмоций не проскользнуло по его лицу.

— Все вниз. Вася, замыкаешь.

Подвал отличался архитектурой от основного здания, так как это был не подвал, а подземелье. Фонари можно было не зажигать — красные знаки ярко светились на черных каменных стенах. По сравнению с этим местом пещера Вершителя показалась мне уютной и домашней. А еще тут кричали. Со всех сторон. И стонали. И пели. И еще производили какие-то трудно описываемые звуки. По коже пошли мурашки.

— Не растягиваться: местных жителей Кирилл вряд ли сумел отвлечь. Зарядить солевые патроны и приготовить святую воду.

Приказ исполнили на ходу, а Вася, шедший последним, убрал

автомат и достал из-за спины длинный меч, на котором сияли голубые руны.

Мы оказались в лабиринте: двухметровые туннели разбегались в разные стороны, новые перекрестки появлялись в пределах видимости, едва мы проходили предыдущие. Каменные стены, казалось, шевелились и текли. Шли молча. Звуки шагов и крики эхом отражались от стен подземелья. Запах серы раздражал ноздри. Два раза какие-то темные твари бросались на нас из закоулков, но я даже не успевал поднять оружие: их убивали мои спутники. Несколько выстрелов последовало сзади: нас догоняли.

Мы продвигались быстро. Нас вела Джейн. Ни разу не усомнившись в выборе направления, она уверенно поворачивала то в одну, то в другую сторону.

Вскоре я заметил, что остальные звуки перекрывает плач, он раздавался все ближе и ближе. Когда, казалось, его источник уже за следующим поворотом, я понял, что это не плач, а песня. Очень грустная прекрасная песня. Повинуясь знаку, все остановились.

— Так, за этим поворотом Плакальщица, — сказала Джейн, — идем цепочкой, расстояние полтора метра. Смотрим точно на ботинки впереди идущего, глаза не поднимать ни при каких раскладах, пока я не скажу. Всем ясно?

Всем было ясно: Плакальщица гипнотизировала взглядом. Попасть под ее чары означало смерть, но какая разница? Главное, что мы пройдем мимо нее, и я услышу ее голос совсем рядом.

— Пошли.

Я иду пятым и, как и было приказано, смотрю строго на сапоги Кати, идущей передо мной. Но не вижу их, я целиком обращен в слух. Плакальщица продолжает петь, вызывая в памяти смерч воспоминаний. Время замедляется, за каждый шаг я проживаю по несколько месяцев, несколько счастливых месяцев вместе с Ирой и Софьей.

Мелькают совместные семейные вечера, и я не просто вижу заново, как они проходят и заканчиваются, не только чувствую их теплую атмосферу, но и вижу альтернативные концовки тех же вечеров. Кто-то что-то говорит чуть иначе, и вечер кончается иначе, так же хорошо или даже лучше. Я много раз пересматриваю первое свидание с Ирой в самых разных вариантах. Совместные прогулки, которые заводят нас в самые разные места. Первые поцелуи. Много, много первых поцелуев. Медовый месяц превращается в медовый год. Рождение Софьи — в одной из версий у нас случается двойня, которую так хотела моя жена. Маленький кусочек счастья в розовом подгузнике ползает на карачках, делает первые неуверенные шаги, говорит первые слова, и это всегда «мама» или «папа». Рисунки на

холодильнике: там нас всегда трое, а сверху светит огромное желтое солнце, старательно выведенное нетвердой детской рукой. Школа и первые успехи, многократно повторенные успехи Софьи, и я снова и снова чувствую гордость за нее.

Голос Плакальщицы удаляется — это плохо, но видения еще продолжаются — это хорошо.

Я тоже хочу!

Отстань! Дай досмотреть! Скоро конец коридора… И конец счастья.

Я тоже хочу посмотреть!

Ощущение, будто я под водой. Чувствую вмешательство: голова против моей воли медленно поворачивается, а глаза поднимаются.

Время по-прежнему течет еле-еле. Мельком замечаю идущего сзади наемника: его правая нога едва заметно движется вверх.

Коридор. В нем небольшая ниша, исчерченная горящими кроваво-красными рунами. Её перегораживает решетка, за которой женщина. Нет, девушка! С фигурой невиданной красоты, узкой талией и высокой грудью. На ней лишь прозрачное белое платье.

Она совершенна! Нарастает восторг и возбуждение. Взгляд скользит по углублению между ног, по плоскому животу, торчащим соскам. Я хочу продолжать смотреть на тело, но еще больше я хочу увидеть лицо. Манящие ключицы, тонкая шея. Уже совсем скоро! Подбородок, приоткрытые губы, из которых льется эта божественная музыка, дарующая сны наяву.

И вот наконец глаза. Прекрасные красные провалы глаз с горящим в них огнем.

Только я могу смотреть в них! Только я могу любоваться этим телом, все остальные оскверняют его! Своими похотливыми взглядами, грязными мыслями, неуместным присутствием! Они должны умереть!

Время пробивает плотину и потоком обрушивается на меня. Я выхватываю пистолет и навожу его на идущего за мной наемника.

Умри! Она только моя!

Я жму спуск, и в следующий миг наступает темнота.

Открываю глаза: потолок подземелья медленно плывет сверху. Красные символы на нем складываются в слова:

«Убей! Сожги! Сожри!»

Смотрю ниже: мои ноги связаны, и их кто-то несет. Знакомая рожа! Это один из тех, кто хотел завладеть ей!

Изворачиваюсь и бью обеими ногами в грудь. Перепонки рвут крики. Как же тяжело их воспринимать после того, как я слышал

ее песню. Темнота вновь накрывает меня.

Стационарная Камера № 00123 продолжает запись.
Место действия: морг больницы им. Исаковского.
Режим: запись для закрытого канала.

На каталке лежит накрытое белой простыней тело. К нему подходит охотник № 3-435, временное имя — Ирина. Замирает и две минуты стоит неподвижно. Датчики показывают учащенное сердцебиение и повышенное потоотделение. Пометить как, возможно, важное: у охотника никогда не было таких отклонений от нормы — необходима дополнительная проверка.

Резким движением Ирина срывает простыню.

На каталке лежат останки охотника № 3-799, временное имя Мэйсон. У него отсутствует левая рука, правый глаз, вырезан чип. Ноги по колено почти отсечены тупым тяжелым предметом. Девяносто пять процентов тела повреждены. Из груди торчат белые кости ребер. Гениталии выжжены.

У Ирины вырывается протяжный стон, она подходит и грудью прижимается к оголенным ребрам, а щекой к обожженной щеке охотника… Кусок плоти отслаивается, и обнажаются зубы.

Три минуты женщина стоит неподвижно, она рыдает. Потом поднимает голову и смотрит в пустые глазницы.

— Любимый, — шепчет она и гладит рукой рубцы на лице Мэйсона, — мой хороший. Тебе холодно?

Температура тела соответствует температуре в морге: пятнадцать градусов Цельсия.

Ирина резко выпрямляется и быстро снимает с себя всю одежду. Немного двигает тело Мэйсона и ложится рядом. Ее рука обнимает его за ребра, а ногу она закидывает ему на бедро. Подбородок прижат к плечу мертвого мужчины.

— Я согрею тебя, сладкий мой, — шепчет она, — я вся горю, когда ты рядом… а потом…

Ее лицо искажается, датчики показывают, что пульс подскакивает до верхней границы допустимого.

— А потом я найду их всех! Отберу твой чип. Возьму по кусочку каждого из них и соберу тебе новое тело, — она целует его в ухо, на секунду мелькает язык. — И мы сможем снова делать то, что любим больше всего: наслаждаться друг другом и убивать!

Она замолкает и десять минут лежит рядом. Ее пульс приходит в норму.

— Помнишь твое первое задание? Я всегда смеюсь, когда вспоминаю. Как я недоглядела, и ты совсем неаккуратно убрал ту потаскуху. Вообще, не было похоже на самоубийство… По-моему, даже в ноздрях у тебя осталась ее кровь. И как ты защищал меня

перед Вершителями, взяв все на себя. Помнишь?

Улыбка на лице Ирины. Ее глаза закрыты.

— А наш первый поцелуй? Я ведь уже взялась за нож, чтобы убить тебя. И тут твои губы. Именно тогда я поняла твой потенциал и не ошиблась.

Ее колено скользит по его переломанным ногам, сдирая корки запекшейся крови и обожженную кожу.

— Я подумала над твоим предложением, любимый. Я согласна! Пора завести маленького. Думаю, я стану хорошей матерью… Может, прямо сейчас?

Охотник № 3-435 садится сверху на тело охотника № 3-799 и начинает двигать бедрами, ускоряя темп.

Мы сидим напротив друг друга в одинаковых креслах-качалках, я и Роберт в камуфляжном костюме с нашивками майора. Вокруг тишина и темнота, сверху льется красный свет, за ним мир кончается.

— Плакальщицу должен был слушать я, — зло говорит Роберт, поглаживая отрубленную голову мудреца Вэйжа, лежащую у него на коленях. — Мои воспоминания важнее твоих сопливых грез.

Я пытаюсь вскочить, чтобы задушить его, но не могу подняться. Кресло лишь слабо качается, следуя моим рывкам: я привязан.

— Ты просто мясник! — ору я, и слюни летят далеко вперед. — Много пользы вспоминать, как ты резал ни в чем не повинных людей.

— Я хоть что-то делаю, — на его губах надменная ухмылка, и он высокомерно поднимает голову; темное пятно на колене стремительно разрастается, — ты же просто сдох по пьяной лавочке.

Снова бросаюсь к нему, и — о чудо! — я свободен, мои руки вцепляются в мускулистую шею. Пальцы белеют от напряжения. Вот сейчас глаза нальются кровью и лопнут! Всматриваюсь в его лицо. Только теперь это не Роберт, а я. А в широких зрачках вижу свое отражение — изувеченное, обгоревшее, искаженное гневом лицо Мэйсона.

Я в ужасе отскакиваю, по спине льется пот, что-то упирается мне в ногу, опускаю глаза: голова Вэйжа смотрит на меня.

— Все, Серёжа, все, ты дома. Скоро все пройдет.

Я набираю в легкие весь воздух, что могу, и кричу.

И просыпаюсь от своего крика.

Я в кровати в просторной светлой комнате, рядом Кирилл.

— Ну что, есть желание меня убить? — говорит он и улыбается. Прислушиваюсь к своим ощущениям и с облегчением расслабляю мышцы. Нет. Я знаю, что Кирилл — мой друг, если, конечно, он — не очередное наваждение Плакальщицы.

— Тогда отдыхай, ты утомлен, — в его руке стандартный стакан с соком. Как же здорово, когда люди имеют такие простые и понятные привычки! — Ты в ближайшее время нам не нужен. Судья не обманул: на дисках есть все. Самое сложное теперь — вычленить необходимое и сделать это быстро. Я позову тебя, если понадобишься.

Коляска катится к открытой двери. Уже в проеме Кирилл останавливает ее и оборачивается:

— Дайте ему снотворное, — говорит он кому-то, стоящему в изголовье моей кровати, — а потом можете развязать.

Я сидел в главном зале и изучал карту района, где предположительно охотники удерживали Софью. Кроме меня, в огромном помещении никого не было: все, рассыпавшись по штабу, почти круглосуточно смотрели видео, которые подобрал им Кирилл, кто вместе с друзьями, кто в одиночестве.

До общего сбора оставалось меньше двух суток. Время поджимало: охотники активизировались и рыскали по всему городу — следовало нанести удар до того, как они найдут нас. Я пытался анализировать ситуацию, но встреча с Плакальщицей не прошла даром: мысли постоянно возвращались к ней или к Софье. Я даже не мог тосковать: всплывали кадры из прошлого и замещали настоящее, на какое-то время создавая иллюзию, что я там, где все хорошо, светло и понятно.

Для ознакомления Кирилл и мне скинул видео об истории Протолан, но я тянул с просмотром, понимая, что чем позже увижу его, тем лучше пойму.

Катюша идет!

За спиной послышались шаги, и через секунду я уловил едва ощутимый запах персикового шампуня. Скрипнул стул, мелькнули рыжие волосы.

— Привет! — я обернулся, и не без участия Роберта широко улыбнулся.

— Это я тебя ударила, — тихо сказала девушка, накрывая своей ладонью мою, — прости, я не знала, что еще можно сделать.

— Ты спасла мне жизнь! И тому парню — Славе — тоже. Думаю, со второго раза я мог и лучше попасть.

Она засмеялась и сжала пальцы. Волна возбуждения Роберта захлестнула меня.

— Да, я в первый раз обрадовалась, что ты хреновый стрелок.

Несколько раз я раньше видел ее улыбку, но смех слышал впервые; ее и без того молодое лицо стало почти детским, прядка рыжих волос выползла из-за уха и упала на щеку. Преждевременно повзрослевшее дитя нашего мира.

— Славу, кстати, только что видела в общем зале, его рука почти зажила.

Боже, как она хороша!

Катя поправила непослушные волосы. Кроме Иры, я знал мало женщин, но этот жест в исполнении сексапильных красавиц многократно видел по телику. Меня поразила неуверенность и робость Кати. Она была старше моей дочери примерно на столько же, на сколько младше жены. Я смотрел и понимал, что гораздо больше вижу в ней от Софьи.

Ты просто постоянно думаешь о дочери! И не замечаешь очевидного!

— Ты меня смущаешь.

Девушка убрала руку, и я поспешно отвел взгляд. Яркие лампы, висящие на потолке, белые стены — смотреть куда угодно, лишь бы не на нее.

— Извини, Плакальщица разбередила раны, — зачем-то стал оправдываться я и почувствовал, что краснею.

— Скоро пройдет, — она быстро наклонилась ко мне и поцеловала в щеку. — Мы спасем твою дочь.

От наложившихся сильных эмоций у меня закружилась голова, и по телу прошла дрожь.

Я среди друзей, все будет хорошо, мы спасем Софью и весь мир.

Я люблю тебя!

Через двадцать минут мы, расположившись в моей комнате — я на кровати, а Катя на единственном стуле, — выключили свет и включили запись.

Девушка уже ознакомилась с необходимыми материалами, а от участия в совещании руководства, отказалась. Она предпочитала убивать врагов, а не придумывать, как это делать. Предложение составить мне компанию при просмотре видео об истории инопланетян она приняла без раздумий.

Механически крутя в руках пульт от проектора, я смотрел на мерцающую в темноте голограмму, изображающую Верховного Вершителя Ларгуса, и внимательно слушал.

Планета Протолан была похожа на Землю: ледяные шапки на полюсах и тропики на экваторе. Менталитет же наших видов

радикально отличался. Едва обуздав планету и развив технологии для устойчивого поддержания размера популяции, они не стали двигаться дальше, а предпочли расслабленно существовать. Причины этого я так и не понял из-за колоссальной разницы восприятия, но факт остается фактом: просто жить — есть, спать, читать, обслуживать оборудование по добыче ресурсов и общаться с семьями — Протоланам было достаточно для счастья. Оно длилось два тысячелетия, а потом внезапно закончилось.

На планете существовала еще одна эволюционировавшая раса, по описанию произошедшая от ящеров или динозавров и жившая в тропиках, куда нога Протолан не могла ступить из-за неприемлемого климата. Ларгус называл эту расу Фроксилы. Строго говоря, для нас Протоланами были и те, и другие.

Когда технологически расы почти сравнялись, началась война. Их различия были так велики, что не предпринималось никаких попыток наладить контакт. Война шла двести лет, и конца ей не было видно: стороны не могли ни захватить территории друг друга из-за разницы температур, ни уничтожить, не разрушив экосистемы общего дома.

На время конфликта Протолане сняли все ограничения на количество особей и развитие технологий (этот момент я тоже не до конца понял). Из того, что описывал Вершитель, я сделал вывод: в научной и иных интеллектуальных сферах деятельности его раса сильна. Движимая общей целью, будто пробудившись ото сна, она стремительно прогрессировала: произошел огромный рывок в медицине, в частности генной инженерии, в военной сфере, в ракетостроении и космической отрасли.

А еще через двести лет они изобрели внушитель, и это стало началом конца.

Устройство отлично действовало на противников, и вскоре ящеры вели бои исключительно с другими ящерами, подвергшимися обработке. Победа Протолан была близка, и руководство проигрывающей стороны это тоже понимало. Они не тешили себя иллюзиями по поводу будущего: им предстояло стать рабами лягушек навсегда.

Фроксилы нанесли удар по планете. Раскололи ледники, подожгли леса, отравили моря. Радиоактивные облака накрыли почти весь мир.

К этому моменту популяция Протолан составляла больше двух миллиардов существ. Двух миллиардов обреченных на смерть существ.

События развивались по одному из самых неблагоприятных сценариев, но он тоже был просчитан: три космодрома и десяток готовых кораблей ждали своего часа.

Последние два года жизни Протолан на родной планете прошли в борьбе с умирающим миром. Постройка дополнительных космолетов и поиск нового дома объединили их расу.

И они нашли Землю.

Когда нахождение на Протолане стало невозможным, выбранные путем жеребьевки пятьсот пятнадцать тысяч особей отправились в космос. Пять кораблей разведчиков — сразу к цели, остальные — за ними, они рассчитывали прибыть через двести лет после первых.

Дорога заняла семьсот лет.

Глава 22

Я нашарил выключатель. Свет разорвал мрак, разрушая тяжелый осадок, оставшийся после просмотра.

В войне за планету истреблены две разумные расы, и немногие выжившие почти уничтожили землян. Это было так просто в выводе и так необъятно по сути. Погибли миллиарды живущих и сотни сотен миллиардов еще не родившихся существ. Первые — из-за непонимания, а мы — потому что оказались ближайшими.

В сознании Роберта иногда мелькали достаточно яркие воспоминания о религии. Как я успел понять, в древности эта штука позволяла слабым духом людям, не способным самостоятельно встретить трудности (в частности смерть), легче их воспринимать. В нашем мире подобную функцию частично несли в себе амулеты, которыми, бывало, пользовались воины, верившие в их помощь в бою, а иногда и в то, что часть души после смерти вернется в оберег и перейдет к следующему носителю.

Сейчас, пытаясь осознать масштабы произошедшего, я понимал, что без полноценной всеобъемлющей веры в нечто, способное объяснить и как-то оправдать столько необязательных смертей и страданий, жить дальше в этом мире и нормально воспринимать его невозможно. Вопрос оставался лишь в том, что это за конечная цель такая? Ради чего творится все это? Стоит ли она того, что миллиарды мужчин и женщин, имевших планы на будущее, любивших или ищущих любовь, вдруг умерли или даже не родились? Стоит ли она смерти детей, только начинающих жить и осознавать окружающий мир? В конце концов, кто выбирает цель, назначает цену за нее и имеет ли на это право?

Я понимал, что мои рассуждения о религии подобны рассуждению муравья о внезапно пошедшем дожде. С детства в меня вбивали безальтернативность существующей структуры мироздания, и я ее давно принял, но сейчас понимание того, что многое, а точнее, большая часть всего, что я знал, было искусственной ложью, разрывало меня изнутри. Сомнения, страхи, неуверенность не позволяли спокойно думать.

— Тебе гораздо лучше с этим лицом, — я совсем забыл, что тут Катя и вздрогнул. Она сидела, откинувшись в кресле, и, по-видимому, давно рассматривала меня. Непроизвольно я дотронулся до своей щеки и не почувствовал ее: правая сторона больше всего пострадала от взрыва. А вот левую половину до сих пор жгло: полчаса ожесточенной работы мочалкой понадобилось,

чтобы удалить остатки личины Мэйсона.

— Там того лица, дай бог, половина осталась, — я хотел улыбнуться, но не смог. «Дай бог» — выражение, выскочившее из памяти Роберта. То самое, чего, помимо многого другого, прошлого и будущего, лишили нас инопланетяне.

— Немного обожжена щека и лоб, ерунда.

Катя встала и подошла. Аромат персиков коснулся меня. С минуту она разглядывала мое лицо, а я все пытался понять, что ее гложет. Наконец продолжила:

— Кирилл хочет союза с этими… жабами против охотников. Мне это не нравится.

Вот оно в чем дело: одной простой фразой девушка выразила то, что беспокоит сейчас большую часть штаба, а в будущем, если повезет, будет беспокоить большую часть людей по всему миру. Как можно договариваться с существами, которые захватили нашу планету и почти полностью истребили человечество? Пусть даже сейчас и не они главные враги.

Интересно зачем она искала тебя? Из-за того, что вырубила в подземелье? Так сильно переживает?

Может, просто из-за того, что мы говорили с Вершителем? Или потому, что мы имеем больше претензий к протоланам, чем многие другие? Что память об Ире и Кристине не даст нам принять мир с пришельцами?

— Мне тоже, но с чего-то надо начинать, — я положил уже ненужный пульт от проектора на столик. Катя продолжала стоять напротив меня, и мне приходилось прилагать большие усилия, чтобы не дать Роберту встать и подойти к ней. — Если их всего пятьсот тысяч, и они так слабы, как кажутся…

— Как хотят показаться! — из-под тонких рыжих бровей сверкнули зеленые глаза. — Я знаю, что ты дальше скажешь, слышала от других уже… Если они слабые, мы можем поменяться с ними местами.

К моему облегчению и разочарованию Роберта, Катя отвернулась и по привычке принялась ходить по комнате.

— Я уже три раза смотрела это видео, — взмах руки в сторону проектора. — И знаешь, что поняла? Все договоренности с этими… до первого внушителя! Даже если удастся как-то обойти красный свет, рано или поздно они изобретут новый, и тогда нам точно хана!

Она остановилась и посмотрела на заколоченное окно, будто пытаясь сквозь доски увидеть живущих во льдах Антарктиды инопланетян.

Конечно, Катя была права. Я думал об этом постоянно, но стоило мысленно начать добавлять в уравнение к нашим мирам,

охотникам и пришельцам другие параметры: многомиллионное население Европы, ее армию, Управляющих, жителей Диких земель, состояние окружающей среды, неизвестные нам технологии Протолан, внушитель и многое другое, — как голова шла кругом.

— Ты права, Катюш, — я первый раз назвал ее так и испугался, но она не обратила внимания и все так же стояла посреди комнаты, — но мы сейчас загадывать не можем. Сначала нужно вырваться отсюда, а дальше посмотрим.

Я не стал усугублять и без того тяжелую тему мыслями о том, что внушитель в руках людей может быть более опасен, чем в лапах инопланетян. В конце концов, мы просто исполнители и мало чего решаем.

Тех, кто так думает, точно никто ни о чем не спрашивает. Ими управляют и их руками делают грязную работу, — злость Роберта я ощущал физически, — *скажи ей, что я сделаю все, чтобы справедливость восторжествовала. Любой ценой.*

— Роберт? — угадала Катя по выражению моего лица. Кирилл ее научил, что ли?

— Да, — я передал слова моего альтер эго, и она улыбнулась.

— Спасибо, Роберт.

Два шага, и девушка оказалась рядом со мной. Вновь ее губы коснулись моей щеки. По телу мгновенно растекся огонь. В течение секунды я видел только рассеянный ее волосами рыжий свет, ощущал запах персика и, не контролируя тело, встал и прижал девушку к себе. Она не сопротивлялась. Ее горячее дыхание обжигало шею, а руки легли мне на спину.

Дай контроль!

Погоди…

Зазвучал сигнал рации, а перед глазами будто рассеялась пелена. Я поспешно отстранился и включил передатчик.

— Сергей, ты не мог бы зайти ко мне в комнату?

Это был Олег. Я посмотрел на Катю, она пожала плечами и отвернулась.

— Буду через три минуты.

Я отключил связь, и тут же рация заработала и у девушки.

Когда мы выходили из комнаты, я ощущал слабость и легкий озноб, что, учитывая обстоятельства, было вполне терпимо.

В небольшой комнатушке, которую занимал Олег, собрались все уцелевшие члены группы, участвовавшей в захвате Мэйсона, и Кирилл. Последний перехватил мой удивленный взгляд и указал нам с Катей на единственное свободное кресло. Не принимая моих возражений, девушка уселась на подлокотник, уступая мне

сидение. Остальные расположились с меньшим комфортом: кто на кровати, кто на принесенных с собой табуретах. Виолетта с отстраненным видом сидела на подоконнике и смотрела на доски, закрывающие окно, Елисей стоял, чуть подогнув колени: в определенной позе ноги меха могли служить ему сидением.

— Я не хотел начинать без вас, — начал Кирилл и обвел рукой присутствующих, — тут у ребят возникли вопросы. Может, и вам будет что добавить.

По недовольным напряженным лицам некоторых наемников я предположил, что основную суть они высказали, просто Кирилл не стал отвечать, пока не придем мы с Катей.

— Теперь все в сборе? — недовольно спросил Виктор, удивив меня: до этого он предпочитал молчать.

Кирилл кивнул. Он не поднимал глаз от стакана. Его кресло стояло в середине комнаты, и он, окруженный со всех сторон, вряд ли чувствовал себя очень уютно. Мне казалось, что он давно решил все с наемниками, но, видимо, доставленная мной информация породила дополнительные вопросы.

— Тогда в двух словах повторю для вновь прибывших: мы хотим сразу решить, что делать с захватчиками.

Этого следовало ожидать: чем закончится наше восстание неизвестно, но иметь план на будущее вполне разумно. Вопрос: что у них на уме?

— И какие ваши предложения? — Кирилл занял стандартную для себя выжидательную позицию.

— Мы хотим быть уверены, что после нашей победы все пришельцы будут уничтожены.

Кирилл дал присутствующим несколько секунд, чтобы что-то добавить, но все молчали.

— Все так считают? — обращался он ко всем, но его взгляд был направлен на Олега. Лицо наемника, как всегда, ничего не выражало, но покрасневший шрам и сцепленные на коленях пальцы выдавали напряжение.

— Не совсем прям так, — твердым голосом, но слишком растянуто и подбирая не подходящие уверенному ответу слова, сказал Олег.

— А как? — Кирилл почувствовал сомнения собеседника и взялся за дело. — Тут два варианта. Или мы их уничтожаем, если повезет, конечно. Или мы ведем с ними какой-то диалог. А уж какой диалог мы ведем, значения в целом не имеет. Важна сама суть его существования, и, по большому счету, это вопрос торга и сложившейся ситуации на тот момент, когда теоретически он может состояться. Может статься, что будет стоять вопрос о том, будут ли они нас уничтожать или оставят в живых. И что тогда

делать переговорщикам? Бросаться на них с ножом только потому, что сейчас вы так решили?

Манера Кирилла выражаться смутила некоторых наемников, но не Виктора.

— Не потому, что мы так сейчас решили, а потому, что они почти уничтожили человечество.

— Хорошо, — зашел с другой стороны Кирилл, — представим себе ситуацию. Ты стоишь посреди главного города Протолан и у тебя в руках ядерная бомба, способная разрушить всю планету. Взорвав ее, ты гарантированно уничтожишь всех пришельцев. Но и всех людей. У тебя два пути: первый — сделать это, а второй — договориться о приемлемом варианте сосуществования. Что ты выберешь?

Кирилл говорил спокойно, но его серые глаза сверкали.

— У меня нет такой бомбы, — повысил голос Виктор, оглядываясь и ища поддержки, — это абстракция.

— В целом да, — легко согласился парень в инвалидной коляске, — но может статься, что существование людей в наших мирах будет невозможно без присутствия Протолан. Что существование самого мира больше не будет возможно без их присутствия. В конце концов уничтожение пришельцев просто откинет нас на столетия назад относительно того, кем бы мы стали с их помощью. Или, — тут он сделал паузу, заставляя наемников прислушаться, — может, уничтожение разумной расы превратит нас из людей обратно в зверей?

Наемники переглядывались, пытаясь угадать мысли друг друга. Мне бы хватило любого из аргументов, если, конечно, опустить вероятность того, что Вершитель Ларгус не вел свою, понятную только ему игру.

По лицам присутствующих я понял, что Кирилл перехватил преимущество в борьбе за их мнение. Это же заметил и Виктор.

— Это все демагогия, — проворчал он со злостью, — они убили миллиарды человек. Они должны за это ответить!

Теперь он с вызовом смотрел на товарищей.

— Спокойнее, Вить. Тут все свои. Давай рассуждать логически, — Джейн, вертя амулет на шее, начала загибать пальцы на свободной руке. — Они козлы, это раз, и с этим никто не спорит. Два — это было давно? Давно, и с этим тоже никто не спорит. Сейчас у нас есть кого убивать? Есть — охотники. Это значит три. Станет мир без них лучше? Станет. Правду ли нам прислала в файлах эта зеленая жаба? Я не знаю, но то, что я видела, сходится — именно охотник застрелил Карателя. Пока мне этого хватит. Что будет дальше — посмотрим, лично я доверилась бы Кирюше.

— Еще мнения будут? — Олег прервал затянувшееся молчание, одновременно наполняя почти до краев стакан. Он пил виски.

— Если только в порядке полета фантазии, — это Вадик-техник, он сидел на кровати, зажатый с двух сторон Циклопом и Ильей, и без устали теребил в руках небольшое металлическое устройство, похожее на яйцо. — Мы же ничего не знаем про их технологии, а что они обгоняют наши, сомнений нет, думаю, большая часть того, что мы тут используем, — их разработки. Собственно, я к чему: а вдруг у них есть машина времени или там общий оживитель и они смогут вернуть все назад?

— Да, в конце концов, пока мы бездумно убивали всё, что видели, — вдруг зло проговорила Катя, — Кирилл не просто понял, что к чему на основе тех данных, что были у всех, но и придумал, как их использовать. И лично я буду делать, как он скажет, независимо от того, нравится мне это или нет. Скажет — убью всех лупоглазых выродков, а скажет — буду сидеть рядом с ними и кивать.

М-да, неожиданно, с учетом ее слов наедине полчаса назад. С другой стороны, вполне объяснимо, что даже имея собственное мнение по любому вопросу, Катя не допускала сомнений в авторитете Кирилла.

Закончив импульсивное выступление, она махнула своими рыжими кудрями, будто удивляясь, зачем мы тут обсуждаем какую-то ерунду, и протянула стакан Олегу, указывая на бутылку с виски. Тот, наливая, одобрительно улыбнулся. Я почувствовал ревность, исходящую от Роберта, и не стал ему мешать, когда он чуть плотнее прижался плечом к бедру девушки.

Речь Кати окончательно сбила воинственный настрой наемников, и почти все усиленно делали вид, что зашли в комнату случайно, за компанию, но Кирилла это не устраивало.

— Давайте подведем итоги, — сказал он. — Нам предстоит очень важная операция, ее последствия даже в случае успеха неясны. Мне нужны люди, в которых я буду уверен. Которые, поддавшись импульсу, не испортят все в решающий момент. А я вас уверяю, трудных моментов, включая дипломатические, будет немало. В самые горячие точки я планирую отправить людей, которые мыслят категориями более широкими, чем просто локальная месть. Не хочу говорить излишне пафосно, но, возможно, кто-то из вас будет решать судьбу человечества (*где-то я это уже слышал*). Более того, я оцениваю эту вероятность больше, чем в пятьдесят процентов… И как резюме: я хочу, чтобы каждый из вас двумя-тремя предложениями сформулировал свои мысли. И насчет Протолан, и насчет всего происходящего в

целом.

Кирилла все поняли — он не стал просить принести присягу верности напрямую, да и слишком мало его знали наемники, чтобы требовать от них такое. Но глава Нового Завета хотел узнать, выполнят ли они приказ, каким бы спорным он им ни казался. Сам от себя не ожидая, я начал первым:

— Я с тобой, Кирилл. Я хоть и был там и многое видел, но мало что понял. Замочим охотников, вырвемся отсюда. А дальше посмотрим.

Катя одобрительно кивнула и (*моя ты радость*) положила руку мне (*мне!*) на плечо.

— Согласен с предыдущим оратором, — подхватил Циклоп и, откинувшись на кровати, потянулся. — Конечно, неплохо бы завалить жаб, но Папа прав, будем смотреть по обстоятельствам, я на его стороне.

Елисей вдруг подпрыгнул — после его приземления паркет пошел трещинами.

— Я вообще не понял, о чем базар, — сказал он. — Благодаря Кириллу мы сидим тут, а не радостно убиваем всяких мутировавших клопов, не зная, что нас ждет скорая смерть.

— Я уже все сказала, — это Катя.

— Я как большинство, — не отворачиваясь от досок, тихо произнесла Виолетта. Я вдруг вспомнил отрывок из ток-шоу, где рассказывалось, что вся ее семья, включая старшего брата и маленькую сестру, погибла в каком-то, теперь казавшемся бессмысленном квесте. — Я не буду призывать к геноциду. Но сидеть, как Катюша, с жабами рядом не стану.

Катя побелела и повернулась к наемнице. Я почувствовал, как ее пальцы все еще лежавшие на моем плече, окаменели. Ее опередила Джейн:

— Зря ты так, Виол, ей тоже досталось.

Хм, какая осведомленность, да и вместе все время ходят теперь. Интересно.

Виолетта пожала плечами и промолчала. Не высказалась и Катя, хотя я ждал от нее чего угодно, даже того, что она вышвырнет Виолетту в окно. Я пошевелился, чтобы привлечь внимание моей рыжеволосой союзницы, но она не заметила этого.

— Я за Кирилла, — Илья провел рукой по лысине. — Но мне почему-то кажется, что я не буду среди тех, кто будет решать судьбу мира.

После этого высказывания обстановка разрядилась, снова стало слышно дыхание и раздался звон стаканов.

— Я буду делать все, что скажет Кирилл, и поверьте, мало мужчин слышали подобные слова, — Джейн опять улыбалась, ее

вообще мало что могло заставить грустить долго. — А если у них будет машина времени или массовый оживитель, я лично перегрызу горло любому, кто поднимет на них руку.

— Я с тобой, — Вадик-техник наконец добился своего: разломал металлическое яйцо пополам. — Если они поделятся и объяснят свои технологии, это поможет нам, то есть человечеству, достичь многого.

Остались двое, Виктор и Олег, и сейчас они смотрели друг на друга, желая оставить за собой право сказать последнее слово. Борьба была неравной, и Виктор сдался.

— Хорошо, я не буду убивать жаб, когда увижу их. Но пусть они дадут мне хоть малейший повод.

Олег Непобедимый обвел всех долгим взглядом, предоставляя последнюю возможность что-то добавить, потом медленно встал.

— Недавно ты, Кирилл, говорил нам: люди несовершенны, и в их природе заложено уничтожение себя…

Помнишь, нам он тоже затирал нечто подобное, а потом, кстати, эту же мысль развивал Ларгус.

— …А последний из предложенных тобой сегодня аргументов предполагал, что истребление пришельцев психологически откинет нас на уровень зверей… Сначала я увидел в этом противоречие. И все это время думал о нем, но в конце концов понял, — Олег потянулся было к своему шраму, но на полпути рука замерла, потом медленно опустилась. Он продолжил: — Первый способ превратиться в зверя — это вести бесконечную борьбу с внешними факторами или такими же, как мы, безбашенными и бесстрашными, не уступающими или превосходящими нас противниками. В этой вечной гонке мы, делая петлю, становимся зверями, только более сильными. И да, в итоге мы неизменно уничтожаем в себе человеческое: или физически — проигрывая, или ментально — побеждая. Но так мы хотя бы становимся сильными зверями, если провести аналогию, львами.

А вот второй способ превратиться в зверя — это убить слабого, и при этом ты станешь не львом, а шакалом.

Все, не отрываясь, смотрели на Олега, даже Виолетта отвернулась от своих досок, а из руки Циклопа выпал стакан.

— Сейчас у нас, не побоюсь этого слова, историческая возможность облажаться. Если допустить, что нас не тянут в ловушку и мы справимся с охотниками и другими внешними факторами, то окажемся лицом к лицу со слабым врагом. И то, как мы поступим, действительно, как мне кажется, определит дальнейшую судьбу человечества, — под конец речи Олег

замялся, не исключено, что это была самое длинное выступление в его жизни. — В общем, Кирилл, я целиком и полностью с тобой. И, как правильно сказала Катя, надо будет — буду жрать с ними из одной миски. Главное — остаться человеком. И не стать такими же, как те, кто нас сюда засунул.

Над словами Олега думали долго.

— Я мало что понял, — наконец первым сказал Циклоп, — но было очень интересно!

И плотину прорвало, гам поднялся такой, что даже соседа стало плохо слышно, обсуждали все: слова друг друга, операцию, историю Протолан и можно ли им доверять. Кризис миновал.

Несколько раз я ловил взгляд Кати, и уже под давлением Роберта хотел отвести ее в сторонку, но не успел. Неожиданно подошедшая Джейн что-то прошептала той на ушко, и девушки удалились.

Вскоре от стоящего гвалта в висках начало стучать, и я последовал их примеру.

После встречи с Плакальщицей сновидения стали ярче. Этой ночью мне снилась только Катя.

Глава 23

С утра меня снова ждал вызов. На сей раз на допрос Лилонт. Вернее, это позиционировалось не как допрос, а как беседа. Жена Вершителя вряд ли знала сверх того, что было на дисках, просто некоторые наемники хотели пообщаться с представителем их расы напрямую. Нас же с Робертом использовали в качестве детектора лжи, вернее, как людей, способных помочь настроить наш детектор на протоланку. Мы худо-бедно различали их эмоции, и, сопоставляя показания датчиков и нашу оценку, можно было получить готовый прибор для дальнейшей работы с пришельцами. Все понимали: рано или поздно он пригодится.

Я сидел в отдельном небольшом помещении вместе с инженерами и должен был комментировать каждую заметную внешнюю реакцию Лилонт. Между нами и комнатой, где велась беседа, располагалось стекло во всю стену, прозрачное с нашей стороны и выглядящее, как зеркало, с другой.

Протоланка сидела на стуле, вся облепленная датчиками. Руками она обхватила грудь, а ее кожа заметно посветлела. И без моей помощи все понимали: она нервничает и боится. Техники уже вовсю работали, соотнося показания и настраивая приборы. На ноги Лилонт накинули просторный плед, мне кажется, Кирилл специально сделал это, чтобы отличие в физиологии в виде пары лишних конечностей не влияло на то, как к ней отнесутся остальные.

Среди двух десятков присутствующих я узнал восьмерых. Кирилл, Олег и Илья, тихо переговариваясь между собой, расположились в первом ряду. Джейн сидела сразу за ними, скорее всего, она пришла за компанию с Виктором из любопытства и, казалось, даже сочувствует Лилонт. Ее спутник же будто хотел выжечь взглядом дыру в теле инопланетянки. Вадик-техник, откинувшись на стуле, смотрел в потолок и ждал начала, его мало интересовали живые существа, какой бы расы они ни были. Циклоп рассматривал протоланку, повернув к ней искусственный глаз.

И, конечно, Катя, похоже, пришедшая сюда, чтобы решить, действительно ли в случае нужды она готова сесть за один стол с пришельцами.

— Пожалуй, начнем, — сказал Кирилл, окинув взглядом собравшихся, и обратился к протоланке: — Как вас зовут?

— Лилонт.

— Как называется планета, с которой вы прибыли?

— Протолан, в переводе на ваш язык это значит Дающий

холод.

— Сколько вам лет?

— Сто пять.

Только с очень большой натяжкой происходящее можно было принять за беседу. Вначале Кирилл задавал вопросы, на которые знал ответы, позволяя мне и техникам точнее настроить аппаратуру. Это продолжалось недолго.

— Какое оружие есть у протолан?

— Механическое: для охоты и рыбалки.

— А оружие массового поражения?

— То, что мы захватили у землян в первые годы после прибытия, оно давно не работает.

— Вы производите или разрабатываете новое оружие?

— С тех пор, как прибыли сюда, нет; нам хватило и того, что было захваченного у людей.

— А оружие с кораблей?

— Наши корабли — транспортники, у них нет встроенного вооружения, их задачей было доставить сюда моих соплеменников, а также необходимые для обустройства образцы техники и базы данных с накопленными знаниями.

— Как, по-вашему, если бы кто-то из землян, например охотники, сейчас напали на вас, вы смогли бы дать отпор или нанести ответный удар?

— Если нападут именно охотники, и незначительной группой, то нашего механического оружия хватит, чтобы им сопротивляться, способов нанести ответный удар у нас нет.

— А если не охотники? — это не выдержал Виктор.

— Смотря кто, — Лилонт то ли сомневалась, стоит ли отвечать, то ли не понимала сути вопроса.

— Расскажите, кому вы смогли бы дать отпор, а кому нет, — Кирилл лучше угадал с формулировкой.

— Мы сумеем отбить атаку тех, кто не знает о внушителях. Остальных — только если они нападут незначительной группой.

Когда у тебя есть внушитель, необходимость в другом оружии отпадает, это правда, но это делает тебя очень уязвимым для тех, кто про него знает. Протолане совершили огромную ошибку, дав охотникам знать, что у них есть эта технология.

— У охотников есть внушители? — Олега интересовали только практические вопросы. — Они владеют технологией их создания?

— Надеюсь, что нет, — кожа Лилонт посветлела и покрылась коричневыми пятнами.

— Сергей, тот человек, что доставил вас сюда, рассказал, как Вершитель Ларгус пытался использовать внушитель против него.

Зачем он это сделал, если утверждал, что хочет мира?

Пошли по-настоящему сложные вопросы — никто не отрывал взгляд от протоланки, и она нервничала все сильнее.

— Тот человек пришел, настроенный враждебно, и вел себя очень агрессивно, он угрожал и связал нас. Думаю, Ларгус боялся, что он убьет кого-то из семьи до того, как мы сумеем объяснить ситуацию. Мой… муж, как и все остальные, был сильно напуган, — со слов Лилонт выходило, что я какой-то маньяк, но как ни странно, мне доставляло удовольствие ее слушать. — Думаю, Ларгус планировал просто обезвредить того человека, а потом договориться с ним.

— Возможно, она врет или, по крайней мере, это не совсем правда, — сказал я техникам, еле успевая уследить за изменением окраса Лилонт.

Кирилл это понял без моей подсказки.

— Вы знали что-нибудь о планах судьи передать нам данные или связаться с нами, чтобы заручиться нашей поддержкой.

— Нет (цвет смущения), у нас не принято говорить о людях. Все, что он сделал, стало неожиданностью для меня.

— Надо полагать, если бы вашему мужу удалось загипнотизировать Сергея, — это вновь Виктор, — предложенные им условия сотрудничества были бы другими?

— Да. По крайней мере, меня бы здесь не было.

— И, вероятно, здесь не было бы Сергея. Наверняка Вершитель иначе использовал бы его в своих целях?

— Я не знаю.

— Ответ: да, — перевел я инженерам.

Интересно, как бы он тебя использовал? Хитрая тварь!

— Охотники узнают, что Ларгус передал данные нам?

— Думаю, нет. Ваш человек все разыграл хорошо, — важный ответ, и говорит она правду, — но они будут его искать, пока не найдут.

— Какими технологиями владеют протолане? — это Вадик воспользовался паузой и вставил вопрос, ради которого пришел.

— Этим занимаются хранители. Когда у популяции возникает нужда, они извлекают данные о нужной технологии и изучают ее или сразу используют, если она уже изучена.

— Как это? — опешил наемник. — Как можно изучать что-то, если оно уже изучено?

— Технологию, которая была когда-то изобретена и записана, нет никакой необходимости хранить в головах. Если в ней возникает потребность, ее извлекают хранители, — Лилонт задумалась, осознав, что говорит не совсем понятно. — Хранители это генно-модифицированные протолане, если по-

вашему — сверхумные ученые, способные в короткие сроки понять и реализовать любую технологию или науку. Даже если они никогда ее до этого не изучали.

— Невозможно! — прорычал Виктор. — Она пудрит нам мозги.

— Сколько среди вас хранителей? — пропустил слова наемника мимо ушей Кирилл.

— В мирное время пять процентов населения, в пик войны с Фроксилами их число достигало сорока процентов, и они, в основном, придумывали новые технологии.

Понятно, как в критический момент им удалось достичь такого прорыва и спастись, буквально выпрыгнув в космос с умирающей планеты. Пугало то, что они могли сделать это еще раз. Или мы могли бы, если бы получили доступ к их технологиям.

Все замолчали, переваривая информацию. Олег шептался с Ильей. Вадик, который, возможно, понял больше, чем остальные, загибал пальцы и говорил сам с собой. Кирилл же молчал, разглядывая свои колени. Поэтому следующий вопрос всех ошеломил.

— А вы, — начала Катя тихим, но все набирающим силу голосом, — я имею в виду вашу семью, ваш вид или пусть даже вас самих. Вы… Вас мучает совесть? Вы хоть иногда задумываетесь о том, что сотворили с человечеством в прошлом или о том, что делаете со всеми нами тут, в Игровых мирах?

Разговоры стихли: Катя затронула общую болевую точку. Всем нам при рождении не оставили выбора, и все в той или иной степени пострадали от этого и были не согласны с существующим порядком вещей. Пусть прошли две сотни лет, пусть не мы умирали в той войне, которую развязали люди при участии пришельцев, пусть даже, если им верить, сейчас они слабые и беззащитные. Но что испытывают они к нам на эмоциональном уровне? В историческом срезе? Кроме Лилонт, спросить было не у кого.

Я никогда не видел и половины цветов, в которые окрасилась протоланка. Если бы мне дали время проанализировать, я бы предположил сначала сильный страх — этого вопроса она явно боялась, — потом кучу других эмоций. Если перекладывать их на землян — сомнение, неуверенность, решительность, вновь сомнение, страх, отчаянье, безысходность. И потом, в самом конце, еще один неуловимый оттенок. Мне показалось, что это надежда. Возможно, надежда, что ее не убьют или что не убьют ее семью, а возможно, что мы сможем ее понять.

— Мы не такие как вы, — начала она, совсем по-человечески

разглядывая руки. — У нас нет близкой привязанности даже к своим, а к другим тем более. Думаю, никто среди тех, кто участвовал в Прибытии, не расценивал ваш вид иначе, как диких животных, занимающих нужное нам место. Я читала в переводе некоторые ваши книги. Они не входят в обязательную программу, но их читают все семьи Вершителей. Так вот, я понимаю, что вы мыслите по-другому, у вас **Я** выше, чем у нас, семья в целом ниже, если она не связана тесно с **Я**, но сородичи намного выше, чем у нас. У нас сородичи — это как у вас домашние животные, а не сородичи как животные дикие. А если они мешают, то как… трава… вернее, как сорняки.

Уже не обращая внимания на эмоции протоланки, я с нетерпением ждал продолжения. Виктор порывался что-то сказать, но Джейн одернула его.

— Вы этого не понимаете и вряд ли когда-нибудь поймете. Мы просто другие. Когда умирает любой из нас, в проводах участвуют только члены его семьи и руководители района и государства. Остальные… Остальных это никак не касается и не трогает. Что же до сожалений… Тому поколению, что прилетело на транспортниках, была безразлична судьба человечества, они хотели поселиться здесь, и перед ними стояла одна задача — нейтрализовать потенциальные угрозы будущему вида.

Мы, следующее поколение, — их дети. Большинство из нас придерживаются тех же взглядов. Но! Те протолане, что прибыли сюда до основных сил, — разведчики… немного другие, они прожили среди вас долгие годы, и кое-кто из них начал понимать и отчасти принимать вашу систему ценностей и даже пытаться что-то привносить в нашу культуру.

Протоланка права; сказанное ею невозможно было понять и принять, но что каждое из ее слов — правда, сомнений не вызывало.

— И другие этому не мешали? — снова Катя.

— У нас свободное общество, при этом ячейки — семьи — сильно изолированы друг от друга. За двести лет это влияние не приняло даже тени опасного, а с учетом дистанцирования между нашими расами, возникшего сразу после нашей победы, оно почти сошло на нет. Однако все Вершители произошли из семей бывших разведчиков первый волны… остальные…

— Остальным просто нет до нас дела, — продолжила за нее Джейн.

— Это близко к действительности, — тихо подтвердила Лилонт.

— Так что с переживаниями? С муками совести? — Катя хотела прояснить все до конца. — Они знакомы тебе или

Ларгусу? Да хоть кому-то из вас?!

Я думал, Лилонт никогда не ответит. Она стала такой белой с прожилками красного, что, казалось, того и гляди потеряет сознание. Но она все-таки решилась.

— Мне нет. Но у моего мужа, у Ларгуса… — она замолчала, но когда я увидел, что Кирилл готовится что-то спросить, едва слышно добавила: — Он слишком долго общался с людьми и, думаю, начал вам сочувствовать.

Техники в ожидании смотрели на меня, и я с небольшим запозданием кивнул им: Лилонт говорила правду.

Я ушел через полчаса, когда инженеры показали, что мое присутствие необязательно, почти сразу после Кирилла, Кати и Джейн. Судя по всему, остальные собирались мучить Лилонт еще долго.

На душе было муторно. Я шел по пустому коридору, бездумно смотря под ноги. Голоса в переговорной комнате становились все тише. К себе возвращаться не хотелось: в одиночестве мысли, навеянные разговором с Лилонт, могли загнать в глубокую депрессию.

Пойдем разомнемся. Врач сказал: сегодня уже можно.

Давай. Возьмешь контроль?

Без проблем!

(Роберт)

Спортивный костюм приятно облегает тело. Выпиваю стакан яблочного сока, чтобы насладится сладостью во рту. Сереге стоит поменьше бухать. Иду в противоположное крыло особняка. Везде куча народа, все суетятся, готовятся. Завтра большой день! Наконец-то надерем задницы охотникам! Толкаю дверь и захожу в тренировочный зал. Запах пота. Надо же, какие вещи могут радовать, когда лишаешься почти всего.

Чем бы заняться?

Боксеры заняли все ринги. Хороший спорт, но завтра он вряд ли пригодится. Альпинизм? На стене свободно, может, позже. Железо? Нет. Обрезанное тело не потянет нормальные веса, а с маленькими позориться не хочется.

Катя?!

Быстрым шагом направляюсь в сторону матов, разложенных в углу зала. Стройная фигура в зеленом обтягивающем костюме делает наклоны, спина выгнута, рыжие волосы касаются пола.

Судьба! Теперь ты не помешаешь мне, Серега!

— Привет!

Катя выпрямляется и долго смотрит мне в глаза. Господи, неужели краснею?!

— Приятно познакомиться, Роберт, — говорит она и протягивает руку. Делаю шаг вперед, не выпуская ее ладони.

— Я как раз искала партнера для спарринга, ты как?

Высвобождает руку. Но не вырывает. Смотрит с вызовом.

Какие красивые глаза, брови, конопушки…

— Ну так что?

Чёрт! О чем она спрашивала? А! Спарринг.

— Конечно. Для чего конкретно?

— Не знаю, думала, Джейн придет, и поборемся. А с тобой…

Давай бороться!

— Наверное, бой без правил больше подойдет.

— У нас разные весовые категории…

— Думаю, завтра в городе те, кто захотят нас убить, не будут спрашивать наш вес. Ну так что?

— С тобой я готов на все!

Смущена. Порозовели щеки. Но глаза! Они выдают тебя, Катя!

— Разомнись.

Она идет в центр площадки. Ступни оставляют следы на мягкой поверхности матов. Стройные ноги, покачивающиеся бедра, талия…

— Роберт!

Делаю пять кувырков. Вскакиваю. Падаю. Упор лежа. Сорок отжиманий. Чёрт. Какое слабое тело! Весь дрожу, но доделываю. Позорище.

— Давай начинать!

Надеюсь, она не заметила пот на лбу.

Странно смотрит. Я настолько плох? Надевает перчатки. Откуда достала? Бегу к стене. Вот инвентарь. Есть даже нераспечатанный пакетик с капой. Возвращаюсь.

Катя уже в стойке. Неплохо. Видна подготовка. Сильно поддаваться не придется. Она начинает двигать по кругу.

— Каково это?

— Что именно?

— Понимать, что твое тело больше не принадлежит только тебе?

— Представь себе, будто… — Катя делает шаг и бьет ногой, и я едва успеваю уклониться. Удар лишь по касательной задевает бедро, — …будто ты парализована, мало чего чувствуешь, но все видишь. И вот способность двигаться возвращается к тебе только на двадцать минут в день. Так вот мне и двадцать минут нечасто перепадает.

Делаю ложный замах рукой, а бью ногой. Мимо.

— Если будешь жалеть меня, никогда не попадешь!

Я и не хочу бить тебя, Крис…

Да сколько можно, — влезает Сергей, — это не Крис!

Да мне по фигу!

Резкая боль в голени. Падаю на колено и чудом успеваю заблокировать удар в челюсть. Бью в ответ. Мимо. Катя отступает. Встаю.

— Это все еще ты? А то у тебя с лицом что-то было.

— Я.

— А правда то, что мне Кирилл говорил? Про меня и Кристину?

Что!?

Замираю и пропускаю удар в живот. И следующий в ухо.

— Ты точно не Сергей?

Молчу, восстанавливаю дыхание. Не слишком ли Кирюша много на себя взял?

— Не злись на него, — читает мои мысли Катя. — Мы с тобой контактируем. Последствия операции с чипом непредсказуемы, он просто предупредил, чтобы я была осторожна.

— А ты что?

Блокирую замысловатую серию из трех ударов. Атака, пока я говорю. Это я уже видел.

— А я взрослая девочка. И я всегда осторожна.

Обмен ударами и блоками. Мы оба не форсируем, разговор получается интересным.

— Кого ты видишь, когда смотришь на меня сейчас?

Она не атакует и ждет ответа. Ну что ж, раз Кирилл все равно все ей растрепал, надо попробовать хоть как-то объяснить.

— Сейчас вижу самую прекрасную женщину на свете. Что касается Крис, то я знаю, что она мертва, а передо мной ты, Катенька, просто то, что я испытывал к ней, я теперь испытываю к тебе. Да, я понимаю, что это звучит не очень, но я не виноват. Просто я тебя…

Не замечаю, как она оказывается совсем рядом и пропускаю апперкот. Маты пружинят, когда я всей массой падаю на них, но успеваю схватить Катю за икру и тяну на себя. Она с криком падает. Тяну ее к себе, получаю два чувствительных удара в плечо. Не обращаю внимания и наваливаюсь всем телом. Прижимаю обе ее руки к полу — наши лица в нескольких сантиметрах друг от друга. Вижу золотистые точки на зеленом фоне вокруг ее зрачков. Она приподнимает голову, и ее губы касаются моих. Горячая волна накрывает меня, я уже не чувствую, где кончается ее тело и начинается мое. Все общее: руки, губы, языки.

Ты уверен, что правильно поступаешь? — пробивается

издалека голос Сергея.

И все обрывается. Катя тоже это чувствует. Я немного ослабляю хватку, и она резким движением сбрасывает меня.

— Катюш!

Не слышит, она уже на полпути к выходу из зала. Ей наперерез идет Джейн. Значит, она все видела и не стала подходить.

Без сил падаю на маты и закрываю глаза.

Серега, заходи.

Глава 24

Я переоделся, но долго высидеть в четырех стенах не смог и теперь мерил шагами длинные коридоры штаба, стараясь не сильно мешать остальным.

После короткого разговора в тренировочном зале стал понятен интерес Кати к моей (*моей!*) персоне. Кирилл рассказал ей о сбое в чувствах. Естественно, ее это заинтересовало. Девушки вообще испытывают слабость ко всему необычному. А тут еще и внезапная любовь Роберта.

Все это, конечно, занимательно, но что с этим делать?

Может, просто не будешь лезть?

Да трудно не лезть. Ты ж мое тело хочешь использовать.

Тело мое!

Пусть так. Общее. Так вот: тело общее. Удастся ли его разделить, непонятно. Да и о ней подумай. Завтра предстоит заруба. Нужны ли вам обоим сегодня эти переживания? Может, ты просто притормозишь?

Сам разберусь.

Я уже занес ногу над ступенькой лестницы, чтобы спуститься в столовую, когда услышал звуки, похожие на плач. Огляделся: оказалось, что странной волей подсознания (или сознания Роберта) я очутился в крыле, где жили девушки, и звуки раздавались из-за приоткрытой двери в комнату Кати. Встав на цыпочки, я аккуратно подошел и заглянул внутрь.

На кровати сидела Джейн, а рядом, устроив голову на коленях наемницы, лежала Катя. Ее лицо было мокрым от слез. Не зная, что делать, я застыл на пороге. Джейн, увидев меня, приложила палец к губам и движением ладони показала, что мне лучше уйти. Я, пятясь, вышел и, тихо прикрыв дверь, спустился в столовую.

Джейн пришла через десять минут и села рядом.

— Хвала небесам, Катя не видела тебя, — сказала она тихо и засмеялась. — Боюсь, в противном случае, в завтрашней операции ты мог бы и не поучаствовать.

Я повернул голову и посмотрел на нее: губы улыбаются, но взгляд взволнованный.

— Это из-за меня?

— Отчасти.

Джейн задумчиво теребила волчью морду амулета; иногда мне казалось, что она убирает с него руку только, чтобы стрелять. Это был подарок Карателя.

— Все навалилось: завтрашняя операция, эти терки о пришельцах, ты, вернее Роберт, масла в огонь подливает. Девочка растерялась. И знаешь, я бы сейчас не хотела обсуждать с тобой ваши сердечные дела. Уж больно они запутанные. И несвоевременные.

Это как посмотреть. Сами же через одного говорите, что завтра мы все умрем. В этом случае получается, что своевременнее некуда.

— А если не учитывать тебя, то вот какая штука выходит, — продолжила наемница, — когда Катя присоединилась к Кириллу, у нее появилась цель, далекая, но цель. Сейчас же она значительно ближе, но искажена, и Катя не знает, стрелять или…

— Принять? — в отличие от Роберта, я расслабился, когда наемница легко поменяла тему: эта была мне значительно ближе и понятнее.

Джейн кивнула. И впервые я осознал, что все мы, находящиеся сейчас в штабе, очень похожи. Да, кому-то в жизни чуть больше повезло, например, у Джейн еще были живы родители. Но в целом, если посмотреть на нас снаружи, мы все будто пациенты одного врача, с одной общей травмой.

— А ты что думаешь? — спросил я, подтягивая к себе тарелку с пюре и куриными ножками, которую на автомате схватил, заходя в столовую.

— О чем?

— Да обо всем.

Пюре было недосолено, а ножки пережарены. Я механически жевал, рассчитывая на ее ответ. Кирилл приблизил к себе наемников, но я только сейчас, собирая по крупицам информацию, начинал понимать, что у них в головах.

— В целом я думаю, как все: Кирилл молодец, что обо всем догадался. Ты молодец, что доказал. Теперь надо убить охотников, свалить отсюда, как-то решить с пришельцами и потом строить новый мир. Это если в двух словах.

— Получается просто.

— Это да, — засмеялась она и потрепала меня по плечу, — а зачем усложнять? Кирилл — мозг, Катя, допустим, — сердце. Ты — печень, ну или, если хочешь, — совесть. А мы что? Мы — мозолистые обожженные руки.

— Я скорее усики, как у жука, которыми он пробует что-то перед тем, как понять, трогать это или нет.

— Хорошо, пусть ты усики, но ты хотя бы попробовал их, а мы просто делаем, что говорят.

— Виктор мне не показался таким.

— Витя — хороший парень, но он любит глубоко рыть, он из

тех, кто не опухоль режет, а старается устранить причину.

— И он считает причиной протолан?

— Ну изначально они ей и были…

— Мне кажется, изначально они были грязным ножом, которым проткнули живот и занесли кучу бактерий и вирусов. Потом, когда нож извлекли, а рану зашили, основное, с чем нужно бороться, — это занесенная зараза, в нашем случае — это охотники и структура мира, а не пришельцы. Потом можно будет разобраться и с ножом.

— Что-то не слишком похоже на рассуждения усиков, — хихикнула Джейн, и краем глаза я увидел, как она откинула черные волосы с лица. — Мне приятно было с тобой поговорить, и я запомнила твои метафоры.

— Как ты думаешь, мне зайти к Кате? — спросил я, услышав, что она отодвигает стул и встает.

— Не торопись, Ромео. Сейчас она не в той кондиции. Я обещала ей прийти через десять минут с обедом, — Джейн снова засмеялась, — а вот вечерком заходи. Думаю, она уже будет готова тебя видеть.

Девушка подмигнула и пошла выбирать блюда. Вернувшись в комнату, первым делом я прислонил к шее аптечку. Сильно болела голова.

Остаток дня я провел как на иголках, иногда с трудом различая, где заканчивается мое волнение и начинается Роберта.

Без десяти восемь я зашел в столовую. Шли последние приготовления перед операцией. Почти нетронутые котлы с едой источали манящий аромат. Я наполнил поднос всем понемногу и пошел к Кате, успокаивая себя тем, что, даже если Джейн не справилась и она будет не в духе, всегда смогу сказать, что хотел принести ужин и обсудить детали предстоящего мероприятия.

Я постучал, чувствуя себя очень неловко. Нужно было отдать управление Роберту.

Дверь открылась, и в проеме появилась Джейн.

— О, усики пришли — как раз вас ждали.

По выражению ее лица, аромату вина и простой домашней одежде (на ней был комбинезон поверх белой рубашки со свободными рукавами) я понял, что веселье в разгаре.

Кроме Кати и Джейн, в комнате был еще Циклоп, и несмотря на то, что он кивнул мне и приветливо помахал рукой, Роберт еще больше занервничал. Стол ломился от еды, а под ним стояли две пустых бутылки из-под вина. Кольнуло раздражение из-за того, что я опоздал.

— Как раз доказывала Кате, что тебя не надо звать, что ты

сам придешь, — своей непосредственностью и доброжелательностью Джейн превращала любую напряженную тему в легкую беседу. Она протянула мне бокал с вином: — Хотя я ждала тебя раньше.

Могла бы и сообщить время!

Я расположился на предложенном стуле и мельком взглянул на сидящую на кровати Катю. Ее щеки были розовее обычного: или давало знать о себе вино, или ее, как и меня, смутили слова Джейн. В простой зеленом халате до пола она выглядела очень по-домашнему.

Поднялся Циклоп. Он, как и все остальные, был налегке: спортивные штаны и футболка.

— Хочу сказать тост!

Он поднял бокал, и неожиданно меня наполнило чувство чего-то теплого и утраченного. Пил-то я немало в последнее время. Даже много. И часто не один, но ни разу в голову не пришло мысли сказать тост. Сейчас же из уст Циклопа это прозвучало очень уместно.

— Я придумал его вчера ночью, когда до меня, наконец, дошло то, о чем мы говорили.

Циклоп встал так, чтобы красный глаз мог видеть всех нас одновременно.

— За завтрашний успех! За нашу победу! За будущее человечества! Чтобы цена этой победы была невысока! Чтобы мы остались людьми!

Вы прослушали краткое содержание речи Кирилла и Олега.

— Ура! — Джейн подскочила к наемнику и чмокнула в щеку. Мы чокнулись и выпили.

— Отличный тост, — улыбнулась Катя, но ее зеленые глаза были печальны. — Когда как не сейчас мечтать об этом.

Да, сегодня в штабе, имея разработанный план, мы могли фантазировать на любые темы. Но что будет завтра? В охваченном огнем городе, сражаясь против охотников, не зная, от кого ждать следующего удара, опасаясь одновременно пришельцев, вооруженных сил Европы и кучи других напастей. О чем мы будем думать? Вряд ли о чем-то особом. Мы просто будем защищать свои жизни и жизни наших детей.

— Хватит морально разлагаться.

Как ветерок, Джейн пронеслась мимо меня, подарив прикосновение к щеке и плечу, а уже через мгновение она сидела рядом с Катей, прижимая ее к себе.

— Все будет хорошо, порвем всех и установим новый мировой порядок. Вон, Серега писателем станет, как хотел. Я — педиатром в Диких землях. Циклоп клоуном пойдет в бродячий

цирк.

Циклоп заржал и, скорчив лицо, показал, каких клоунов привыкли видеть в нашем мире.

— А я буду вас охранять, — тихо сказала Катя. — Наверняка в тамошних джунглях водятся хищники.

— Даже не сомневайся, — Джейн гладила рыжие волосы, и мне показалось, что в уголке ее черных глаз блеснула слезинка. — Там такие хищники, что и Циклоп между выступлениями будет тебе помогать.

— Вадик будет проводить там электричество, — я подхватил их игру.

— Не… нам же нужен результат, а не процесс, — реплика Циклопа вызвала улыбки. — Пусть Вадик с Кириллом изучают технологии протолан.

Все согласились, что так будет лучше. Мы выпили еще бутылку вина, когда Циклоп, попрощавшись, попросил меня проводить его.

Он курил и задумчиво осматривал пустой коридор, лицо его не было таким безмятежным, как в присутствии девушек.

— Что думаешь о завтрашнем? — спросил я.

Он выпустил в потолок струю дыма и мотнул головой, будто выкидывая тяжелые мысли.

— О чем тут думать? Всех порвем и спасем твою дочь, мы же в паре завтра.

Он хлопнул меня по плечу так, что я пошатнулся. Затем протянул ладонь:

— Надо передохнуть перед тяжелым днем.

Я пожал ему руку и хотел уйти, но он не отпускал меня.

— И еще одно, Сергей.

Он наклонился. Красный глаз горел огнем совсем рядом от моего лица, мне казалось, я чувствую исходящий от него жар.

— Если завтра я погибну, по возможности сохрани мой чип.

Он улыбнулся и, резко развернувшись, ушел. Только в эту секунду, глядя в его широкую спину, я вдруг осознал: он боится. Так же, как прячущаяся за веселостью Джейн, за невозмутимостью — Олег, и как все остальные наемники. И Катя. Я был уверен только в Кирилле: у него нет времени на страх, он работает над тем, чтобы шансы на нашу победу несильно отличались от нуля.

Возвращаясь в комнату, я столкнулся с Джейн.

— Не обижай ее, — прошептала она, поцеловала меня в щеку и исчезла за соседней дверью.

Через несколько мгновений Роберт стоял напротив сидящей на краю кровати Кати.

(Роберт)

Бросается в глаза стоящая на тумбочке фотография Кати с рыжим мужчиной, очевидно, ее отцом. Ей лет четырнадцать, она в камуфляже, с автоматом впол ее роста. Оба широко улыбаются. Больше личных вещей не видно, комната один в один моя. Сажусь в кресло.

— Как ты?

Она задумчиво смотрит на дверь. Потом на меня.

— Спасибо, нормально, — пауза. — Расскажи, пожалуйста, как строятся отношения в вашем мире, Роберт?

— Да так же, как и у вас…

— Нет! — Катя хмурит брови, и это ей тоже идет. — Совсем не так же! Вы живёте дольше, у вас больше времени. Вы не должны ежедневно рисковать, чтобы добыть себе пропитание. Вы можете планировать, и у вас… нет этих вонючих камер над каждой постелью!

Она встает, идет к столу и наливает себе полный бокал вина.

— Знаешь, о чем я в первую очередь подумала, когда узнала, что есть ваш мир? Ну после того, какие вы там все охреневшие зажравшиеся твари. Я подумала: как было бы здорово встретить любовь и прожить вместе в том мире долгую прекрасную жизнь. Где можно будет заниматься сексом, не думая о том, что даже на нулевом уровне сексуальной шкалы часть твоей личной жизни всегда открыта для других миров. Ты не представляешь, как это мерзко и отвратительно!

Делает большой глоток из бокала, кажется, она хочет смыть горький привкус изо рта.

Она заблуждается. Самая интимная часть процесса закрыта на нулевом уровне только для игровых миров, а внешнему открыто все.

Неприятно осознавать, но то, что это мерзко, я начал понимать лишь незадолго до замещения.

— Твои мечты скоро осуществятся, Катенька!

Встаю и делаю шаг к ней. Она вытягивает руку, жестом останавливая меня. Возвращаюсь и сажусь назад.

— Так что про отношения?

— Ты права, условия у нас лучше. Но что касается чувств, все так же. Встречаешь человека и через какое-то время понимаешь, что жить не можешь без него. С тобой, пусть и из-за сбоя, это случилось сразу. Но это не меняет сути — я люблю тебя!

Катя долго смотрит на меня. Очень долго. Не выдерживаю, отвожу взгляд.

— Чего ты хочешь Роберт?

— Быть с тобой!

— Или с Кристиной?

— С тобой! Кристина умерла.

Катя идет к кровати, садится. Молчит. Ложится, откидывается, кладет руки под голову и закрывает глаза. Пола халата сдвигается, обнажая красивые колени. Грудь поднимается и опускается в такт дыханию.

— Я понимаю тебя, Роберт. Но и ты меня пойми. Даже если все пройдет хорошо, мы победим, и вас с Сергеем удачно разделят. Даже в этом случае мне понадобится время. А сейчас… сейчас это просто неуместно. Я тебя совсем не знаю. Вас двое. Какое у тебя тело? Я хотела сказать, как ты будешь выглядеть. Как сейчас или как раньше. А ведь я даже не знаю, как ты выглядел раньше!

Она переворачивается на бок и смотрит на меня.

— Меня тронула твоя история. И заинтересовала. Возможно, именно я, сделав сгоряча неосторожные шаги, спровоцировала тебя. Но сейчас это тупик. Нам нужно отдыхать перед завтрашним днём, а не тратить силы и эмоции на разговоры. Предлагаю вернуться к нему, когда все закончится.

— А вдруг у нас не будет послезавтра? Я не тороплю. Я просто хочу провести время с тобой! Просто разговаривать и смотреть на тебя. Я хочу узнавать тебя. И начать открывать для тебя себя. Пусть времени мало, но это лучше, чем ничего. А когда я окончательно утомлю тебя, и ты заснешь, я хочу просто остаться в этом кресле и любоваться тобой всю ночь.

Катя снова лежит на спине и смотрит в потолок. В тишине я ловлю звуки ее дыхания. Наслаждаюсь едва уловимыми нотками персикового шампуня и красного вина. В сотый раз оглаживаю взглядом каждый изгиб ее тела.

— У тебя случайно нет свечей? — сам не ожидая, спрашиваю я.

Катя поворачивает голову и два раза хлопает рукой по краю постели, приглашая меня.

Встаю, подхожу, медленно сажусь рядом. Она смотрит мне в глаза, а потом накрывает своей рукой мою.

— Расскажи мне, пожалуйста, про Париж. Я читала, это очень красивый город…

(Сергей)

Когда наша группа покинула штаб, основная уже штурмовала главную ретрансляционную башню. То, что город кипит, мы видели на мониторах перед выходом, и сейчас пришло наше время окунуться в бушующую атмосферу. Чтобы избежать многочисленных заторов и пробок, двигались парами на

мотоциклах. Так как я умел водить только машину, мне досталась роль пассажира-наблюдателя-стрелка. За рулем сидел Циклоп. Кроме него, из десяти членов группы я знал только Катю, остальные отправились с Олегом.

После утреннего собрания у меня осталось стойкое ощущение дежавю. Общий зал, голограмма карты города, Кирилл в кресле. Народу только гораздо больше, чем перед первой операцией.

Да и в целом план был очень похож: сначала паника в городе, отвлечение нейтральных наемников и полицейских. Основная цель (захват ретранслятора) и куча второстепенных.

Наша группа ехала освобождать Софью.

Я первый раз надел шлем Н-19 и сразу понял, что сниму его только в самом крайнем случае: он почти не имел веса, был очень прочным, не закрывал обзор и, согласно настроенным фильтрам, выделял подсветкой все движущиеся объекты, разделяя их на дружественные, нейтральные и враждебные. На самом деле шлем умел много чего еще, и это долго объяснял мне Кирилл, но чтобы не запутаться в многочисленных меню, я перевел все остальные функции в режим ожидания.

Был ясный морозный день. Температура впервые за эту осень опустилась до минус пяти градусов. Солнце отбрасывало слепящие блики, отражающиеся в окнах домов и проносящихся мимо автомобилей. На небе не было ни единого облачка, и тем заметнее на его безукоризненной синеве проступали черные шрамы многочисленных столбов дыма.

Наша колонна ехала по малому кольцу в объезд центральной части города. Защитная шапочка работала хорошо: пролетающие камеры не обращали на нас никакого внимания и стремились к более интересным объектам, благо их было предостаточно — в глазах рябило от мельтешения красных огоньков на экране шлема.

Вот пролетает стая птеродактилей, и, сделав несколько кругов, они один за другим пикируют за дома. Вот с крыши на крышу прыгает рыжая массивная фигура оборотня, его совсем не смущает солнечный свет. Вот к зданию торгового центра плотным потоком, часто переставляя ноги, подбегают десятки красных муравьев, каждый размером с собаку, и, разделяясь на маленькие группы, лезут в окна и двери. Со всех сторон, не переставая, грохочут выстрелы: горожане защищают жизни и имущество.

Сколько людей сегодня погибнет? И выживет ли хоть кто-то, если наш план провалится? Я старался не думать об этом и просто смотрел вокруг, чтобы не пропустить опасность.

Мотоцикл резко затормозил — я, не ожидая этого, ударился в спину Циклопа. Перед нами был перекресток, и на нем

образовался большой затор. Машины отчаянно сигналили, некоторые водители вышли на морозную улицу и, размахивая руками, кричали друг на друга, выпуская облака пара.

Мы, медленно варьируя между застрявшими автомобилями, пытались пробиться вперед. Прямо перед нами над дорогой висел огромный экран. На нем постоянно повторялся призыв оставаться дома и мелькали кадры боевых действий в городе. После захвата ретранслятора Кирилл планировал запустить на все экраны свои ролики.

Резкий звук клаксона машины, мимо которой мы проползали, заставил меня вздрогнуть, в ответ Циклоп со злостью ударил кулаком по капоту — осталась заметная вмятина. Водитель не стал выходить для разборок.

Наконец мы миновали перекресток и рванули вперед по пустому шоссе.

Существа продолжали громить Нижний город. По счастью, те из них, что обращали на нас внимание, не успевали догнать мотоциклы. Когда до пункта назначения оставалось километров десять, я заметил, что вдоль обочины среди тварей стали появляться зомби, а совсем скоро остались только они, остальные монстры или бежали, или стали пищей для оживших мертвецов.

Что-то пошло не по плану. Зомби должны идти в сектор И-12 и атаковать один из объектов Управляющих: сюда могли добраться лишь случайные единичные особи. Но их собралась толпа, и они приближались. Мы прибавили скорость и прижались к середине дороги: выехать на встречную полосу, подальше от восставших, мешал высокий бетонный отбойник. Первые зомби уже вышли на дорогу, стараясь перехватить мотоциклы.

Глава 25

Пришло сообщение: «Началась фаза Б», и в этот момент в шлеме, где только что был треск помех и переговоры, повисла мертвая тишина. Я почувствовал облегчение, это значило, что дела у первой группы идут хорошо, они уже заглушили, а возможно, и захватили ретранслятор. Кирилл предупреждал о перебоях в голосовой связи на этом этапе.

Показался туннель. Ведущий колонны несколько раз махнул рукой вперед и прибавил газу, следом взревели остальные моторы, и мы рванули в спасительную темноту, где нас не могли перехватить с фланга. Над туннелем дорога была запружена застрявшими машинами. Водители побросали автомобили и, отстреливаясь, отступали от напиравшей с другой стороны толпы живых мертвецов. Мы влетели под землю, эхо многократно усилило рев двигателей; обернувшись, я увидел, что зомби заполонили всю проезжую часть позади нас.

Лампы, освещающие туннель, вдруг мигнули и погасли. Только фары теперь разрезали темноту. Мы сбавили скорость, показывая знаками редким водителям, едущим навстречу, что необходимо разворачиваться. Дорога плавно изгибалась вправо. Мы с Циклопом ехали последними. Вскоре, метрах в двухстах впереди, показался серый прямоугольник света. Путь был свободен.

Когда первый мотоцикл уже почти выскочил на солнечный свет, сверху раздался грохот: грузовик, пробив ограждение проходящей над нами трассы, вылетел с нее, будто в нерешительности на мгновение завис и рухнул вниз. Следом в образовавшийся разрыв посыпались человеческие фигуры.

Дальше мельтешащий хаос — визг тормозов, раздавленный первый мотоцикл, виляющие и заваливающиеся в попытке избежать столкновения остальные. Дождь из тел, и режущий уши сигнал тревоги — все тела на дисплее шлема окрашены красным. Ладони моментально вспотели: сверху падали зомби!

Циклоп рванул руль, объезжая искореженный грузовик. Я вцепился в наемника, стараясь не слететь с сидения, моя коленка пролетела в сантиметре от бампера. Затрясло: под колесами хрустели кости восставших, которых мы переезжали. Скорость упала. Неожиданно перед нами поднялась на четвереньки фигура. Удар был не сильный, но мотоцикл остановился, застряв посреди шевелящегося ковра из людских тел.

— Бежим! — заорал Циклоп. Он скинул шлем и спрыгнул со ставшего бесполезным мотоцикла. Автомат в его руках, не

переставая, выплевывал короткие язычки пламени.

Время будто замедлилось. Я обводил ошарашенным взглядом содрогающуюся разномастную кучу восставших: они в несколько слоев лежали вокруг грузовика. Некоторые из них уже поднимались, приходя в себя после падения. Они крутили головами в поисках жертв. Что-то зашевелилось под ногой. Я посмотрел: мой ботинок стоял на лице женщины. Ее белые глаза смотрели на меня, а челюсти жевали подошву. Я рефлекторно ударил и услышал треск сломанного носа.

— Бежим!!! — лицо Циклопа было перекошено, он стрелял, а свободной рукой махал мне, но я, оцепенев от страха, еле различал его голос.

Дай мне! — крик Роберта привёл меня в чувство, и я с облегчением покинул тело.

(Роберт)

С трудом прорываюсь сквозь руки, пытающиеся меня схватить, и уворачиваюсь от зубов, пытающихся укусить.

Чувствую панику Сергея.

Слушай, не отвлекай! Без тебя сложно. Попытайся абстрагироваться. Полюбуйся голубым небом там, ну или солнышком осенним…

Фигура, прыгнувшая с моста, на мгновение закрывает солнце.

— Циклоп! — кричу я, поднимаю автомат и стреляю в попытке сбить летящего мертвеца. Не успеваю. Как и сам Циклоп. Кажется, что его красный глаз в удивлении меняет цвет в тот момент, когда зомби падает на него, сбивая с ног.

Бегу к нему, паля во все, что шевелится. Трудно отталкиваться от мягких тел. Бью сбоку в живот лежащего на наемнике зомби, он поворачивает ко мне оскаленное лицо, и я вижу стекающую с зубов кровь. Щека Циклопа разорвана, он изворачивается и скидывает противника, одновременно перерезая горло появившимся в руке огромным кинжалом. Пытается встать, но в его костюм вцепляются десятки рук и тянут назад. Я стреляю, а красное лезвие летает вокруг: Циклоп колет им вслепую. Тщетно — море зомби под ним, чувствуя кровь, волнуется все сильнее. Наемник кричит: один из восставших извернулся и вцепился зубами ему в шею.

— Беги, — теперь Циклоп еле хрипит, искусственный глаз горит огнем, ножа нет в руке, теперь в ней граната. — Найди мой чип!

Вчерашний разговор всплывает в памяти.

— Найдем! — кричу я и, оценив ситуацию, бегу к обочине. Хороший шлем! Только благодаря широкому углу обзора и его

подсказкам успел заметить, что к остальным не пробиться. Слышу стрельбу. М-да, еще не хватает от своих пулю словить.

Прыгаю на землю. Взрыв.

Прощай, Циклоп. И спасибо.

Надо мной прокатывается стена огня, сбивая с ног мертвецов и расчищая дорогу. Костюм выдерживает, лишь становится немного теплее спине. Вскакиваю — путь свободен. Бегу к ближайшему дому. К пожарной лестнице. Восставшие не очень хорошо поднимаются по ступенькам.

Грустно то, — говорит Серега, — что, даже если мы найдем чип Циклопа и воскресим его, это будет уже не он, а просто клон.

Кто бы говорил. Тебе сильно мешает сейчас, что ты умирал? Умер один, родится другой. Для его жены и двоих детей маленьких это точно будет он.

Когда подбегаю к зданию, из-за угла выскакивают несколько восставших и замечают меня. Пролетаю пять этажей, чердак и выбегаю на крышу. Она, к счастью, пуста. Оборачиваюсь к дороге.

Возьми управление, я осмотрюсь и отдохну.

(Сергей)

Переходы даются все лучше и лучше — я почти не пошатнулся, возвращаясь в тело.

Шоссе так же, как и обочина между ним и домом, на крыше которого я нашел временное убежище, кишело ходячими мертвецами. Черную воронку, оставшуюся после взрыва, уже почти заполнили новые зомби. Где же остальные?

Один мотоцикл накрыло грузовиком, один проскочил, два застряли на середине дороги. Мне кажется, те, кто на них ехал, вон там, на той стороне. Видишь? Твари там полукругом стоят.

Я видел какое-то движение, но не мог разобрать в деталях. Кто был на раздавленном мотоцикле?

Слава богу, не Катя!

Но они тоже, наверняка, были хорошими ребятами.

Запищал браслет.

«Это 2–1 и 2–2. Мы проскочили, доложите обстановку». 2–1 — позывные Кати.

Жива!

Я быстро набрал ответ. «2-10 на внутренней стороне кольца, на крыше, 2–9 погиб». Следом пришло еще одно сообщение: «2–5, 2–6, 2–8 на внешней стороне, ведем бой с мертвяками, двигаемся в сторону цели, 2–7 погиб». Значит, на раздавленном мотоцикле были 2–3 и 2–4, я даже не знал их имен.

«Координаты цели те же, ждем всех там, удачи».

Как бы я хотел услышать то же самое, только сказанное ее

голосом.

Я посмотрел через парапет: цепочка зомби медленно, постоянно срываясь и падая друг на друга, продвигалась вверх. Белые глаза и оскаленные пасти притягивали взгляд.

Иди вдоль края, смотри вниз и вперед.

Так-то лучше, а то все Катя, Катя…

На себя посмотри: Софушка, Софушка…

Я обошел крышу по периметру. По мере продвижения живот все сильнее сводило. Восставшие окружили дом со всех сторон — речи не было о том, чтобы спуститься на землю. От мысли, что придется прыгать у меня затряслись ноги. Почему мне не попался дом, примыкающий к соседнему?

Тут даже трех метров нет, ребенок перепрыгнет, если совсем не уверен, зацепись крюком.

Может, сам? Я стоял, глядя на ближайшую крышу, вернее, на пропасть между домами и медленно текущую реку зомби внизу.

Так часто я не могу.

Я снял блокиратор гарпуна, закрепленного на правом запястье. Установил расстояние и выстрелил: с легкой вибрацией трос раскрутился. Ноги дрожали, когда я залезал на парапет.

Быстрее, они уже на крыше!

Неровный топот ботинок подтвердил слова Роберта: первый зомби уже заметил меня и бежал, голова второго черным пятном выделялась на фоне голубого неба. Я быстро пошел назад по краю крыши. Когда трос натянулся, нажал кнопку, фиксируя гарпун на той стороне. Теперь я различал рычание.

Выбора нет. Глубокий вздох. Вперед!

Короткий разбег. Оттолкнуться точно не получилось. Не долечу! Я взмыл в воздух. Мгновение. Не допрыгнул совсем чуть-чуть, от удара животом о край крыши перехватило дыхание, а коленку пронзила острая боль. Я судорожно цеплялся за трос, перебирая подошвами по стене, и одновременно пытался вдохнуть. У меня почти получилось, когда за ногу что-то сильно дернуло, пальцы разжались, и я полетел вниз. Зомби вцепился в мою штанину — прыгая следом за мной, он не испытывал страха. Еще рывок, и я болтаюсь на тросе. Тяжесть исчезла, мертвяк не удержался и соскользнул, его тело поглотила толпа снизу.

Сматывай лебедку, сейчас остальные начнут прыгать!

Я с силой ударил по механизму и развернулся спиной к стене, готовясь встречать новых противников. По счастью, что-то из отвлекло, и они столпились на другой стороне крыши. Морщась от боли в ушибленном колене, я кое-как забрался на парапет.

Неплохо. Еще два раза так же, и потом дома станут почти

вплотную.

Цепочка освещенных солнцем черных крыш уходила вдаль. Ну, по крайней мере, за ноги теперь хватать не будут. Я отцепил гарпун и смотал лебедку. Страх отступил, и его место заняло новое чувство, что-то вроде нетерпеливого предвкушения. Мне не просто хотелось быстрее добраться до цели и спасти Софью, росло желание сделать это самому, а не идя позади кого-то, прячась за его спиной. Я хотел преодолевать препятствия и ждал их. За последнюю неделю я испытал больше эмоций, чем за минувшие десять лет, это заставило меня иначе смотреть на суть жизни и времени.

Это все адреналин. Но в целом когда-нибудь ты мог бы эволюционировать из человека существующего, в человека живущего.

Да пошел ты! Жители моего мира, например Катя, могут осуждать мой образ жизни, но не ты. Тебе все досталось просто так! Я закинул гарпун на следующую крышу.

Извини, поэтому я пытаюсь все это изменить.

Прыжок — я несколько секунд балансировал на краю, вцепившись руками в трос, но устоял. Да! Я только что прыгнул на три метра над головами смертельно опасных существ! Переводя дыхание, я огляделся и ужаснулся: повсюду бушевали пожары, дыма стало так много, что небо проглядывало только на окраинах города. Солнце лишь периодически выныривало и тут же снова скрывалось, будто не желая смотреть на происходящее. Горела даже одна из изумрудных башен, похоже, в нее врезался вертолет.

Все это напоминало первые дни Конца Цикла, только на этот раз его устраивали сами жители, и я находился в самом центре событий.

Это не Конец Цикла, а Конец Игры.

Даже если так, то это только начало Конца Игры с непредсказуемым продолжением и финалом, по крайней мере, для нас.

На третью крышу я перепрыгнул без труда и тут же открыл карту. Больше двух километров в относительной безопасности, потом промзона. Интересно, там тоже будут зомби?

Живые мертвецы разбрелись гораздо дальше, чем планировалось. Неудивительно, учитывая, что укушенные, но не съеденные пополняли их ряды. Я прыгал с крыши на крышу, и очень скоро мне стало жарко. Со лба потек пот. Пытаясь его вытереть, я стукнул рукой по шлему, забыв о его существовании. Пришлось сделать передышку и снять защиту.

Холодный воздух приятно освежил, а солнце даже сквозь дым резануло глаза, но без шлема я сразу почувствовал себя голым. Громче зазвучали выстрелы и взрывы.

Зато теперь можно выпить! Я снял с пояса флягу и сделал несколько жадных глотков. Травяная настойка, которую дала Катя, приятно согревала желудок и одновременно успокаивала. Голова немного закружилась.

Мне кажется, мы заслужили отдых… Дай мне управление… Нужно полежать, закрыть глаза и отрешиться от всего этого. Подождать… Покой совсем рядом… Скоро зубы принесут умиротворение…

Твою мать, вампир! Я с трудом поднял руки, чувствуя, как Роберт сопротивляется. В тот момент, когда шлем щелкнул, присоединяясь к костюму, я увидел черную фигуру, грациозно перелетающую с соседней крыши.

Кровосос не торопился: он был уверен, что гипноз не оставил мне возможности противостоять ему. Меня спасло лишь двойное сознание. Дисплей подсвечивал красным приближающуюся фигуру, а бордовым — ее длинные когти и острые клыки в оскаленной пасти. Защитные пластины, встроенные в шлем, заблокировали или, по крайней мере, сильно уменьшили силу его внушения. Тело вновь подчинялось мне. Присев на парапет и изображая покорность судьбе, я ждал.

Года три назад мы с Ирой и Софьей участвовали в семейном ток-шоу, темой которого были вампиры, и с тех пор я знал о них все. Что он постарается не поранить жертву перед укусом, чтобы не уменьшить давление крови и не испортить ее вкус болью. Что он не будет торопиться, наслаждаясь моментом. И что он, почувствовав мой запах, впадет в транс и станет уязвим. Я ждал и улыбался. Сдается мне, моя улыбка не сильно отличалась от оскала на белой страшной роже упыря.

Он наклонился и поднял руки, чтобы снять с меня шлем. Желтые зрачки закатились. Пора! Я выхватил из-за пояса осиново-титановый кол и, пробив ребра, вонзил его в сердце вампира. Визг оглушил даже через шлем. Кровосос отскочил назад, запутался в ногах, упал и… растворился. Лишь черная лужа на холодной крыше напоминала о нем.

Ненавижу гипноз! Ни в одном мире нет покоя от него, — Роберт говорил медленно, приходя в себя, — *был бы тут лишь один из нас, путь бы закончился.*

Ага, а из-за того что нас двое, он едва не закончился на Плакальщице. Я все еще злился на Роберта из-за его неуместного замечания.

Неожиданно в динамик ворвался довольный голос Кирилла.

— Ретранслятор захвачен, все коммуникации в наших руках. Нужна поддержка свободных групп: нас атакуют. Группа два, продолжайте выполнять задание.

Как только он замолчал, заговорила Катя:

— Группа два, доложить обстановку.

— Докладывает 2–5: двигаемся к цели, большое сопротивление, осталось четыре километра, потерь нет.

— Докладывает 2-10: двигаюсь к цели по крышам. Осталось три с половиной километра, через пятьсот метров придется слезть. Как дальше пойдет, трудно сказать.

— Принято, тут пока спокойно, ждем вас. Сергей, не забывай про Роберта.

Ой-ой-ой, его забудешь. А вообще-то, я только что вампира завалил.

Короткий отдых закончился, и крыши вновь замелькали под ногами. Вскоре я достиг последнего дома в цепочке и, облокотившись на парапет, осмотрелся.

Передо мной раскинулась территория промышленного комплекса. Может, конечно, здесь что-то изучали или разрабатывали, но три толстенные тридцатиметровые трубы указывали на то, что, скорее, перерабатывали или производили.

Красные кирпичные здания от одного до четырех этажей, на первый взгляд, хаотично стояли по всей огороженной области. В некогда монолитном заборе сейчас трудно было найти уцелевший фрагмент более трех метров длиной. Также я не увидел ни одного неразбитого окна. Здесь состоялась крупная битва. Создавалось ощущение, что люди объединились с половиной живых существ нашего мира, чтобы противостоять зомби. Большинство тел я не мог опознать, так как они были разорваны. Кровь всех возможных цветов заливала все вокруг, растекаясь по асфальту.

Живых я разглядеть не сумел, но дисплей подсказывал, что внутри зданий, подсвеченные зеленым, поодиночке или парами прячутся человек десять. В основном, возле окон: они готовились встречать непрошеных гостей.

Пожарная лестница находилась со стороны промзоны.

Шлем сними, а то с перепугу примут тебя за пришельца.

Пришлось последовать разумному совету, хоть и очень не хотелось.

Я оставил на голове лишь шапочку, защищающую чип от прочтения камерами, и, зажав шлем под мышкой, пошел вниз по ступеням, каждым своим действием показывая рассматривающим меня людям, что не опасен. Кроме звука шагов и дыхания, сопровождаемого облачком пара, ничего не было слышно. Вокруг стояла действительно мертвая тишина. Даже в городе взяли паузу

и перестали стрелять. Мне в полной мере удалось представить и прочувствовать дула автоматов, нацеленных на меня. Отвлекала только усилившаяся после двухкилометрового бега с препятствиями боль в колене и животе.

Через пару минут, показавшихся очень долгими, я спустился и вскоре, перешагивая многочисленные трупы, пролез сквозь брешь в заборе. Громыхнул выстрел, и я, вздрогнув, пригнулся. Не в меня. Сзади послышался шлепок, это упал содрогающийся в конвульсиях зомби. Пуля снесла ему половину черепа.

Шлем не обманул: в домах сидели друзья. Я с благодарностью погладил лицевую пластину неодушевленного помощника и, удобнее перехватив его, направился вглубь комплекса.

Глава 26

Вот и первое здание. Из ближайшего окна висело рогатое тело неизвестного мне существа. Судя по тому, что оно не превратилось в зомби, его убили люди. Или еще не прошло десяти минут. Я покосился на рогача и поспешил пройти мимо.

В лучах клонящегося к горизонту солнца окружающие меня кирпичные стены горели кроваво-красным. Внимательно глядя под ноги, я шел как мог быстро, радуясь тому, что тел людей гораздо меньше, чем остальных.

— Серега! — вдруг сверху раздался крик.

Я снова вздрогнул и задрал голову, приложив ладонь к глазам. Из окна третьего этажа ближайшего строения высунулся мужчина и отчаянно махал мне рукой. Солнце мешало разглядеть его лицо.

— Это я, Сашка! Программист!

Я наконец узнал в мужчине коллегу. С момента нашей последней встречи в столовой прошла всего неделя, но из-за множества событий казалось, что несколько лет.

— Подходи ко входу, я сейчас спущусь!

Он махнул рукой, показывая, с какой стороны я должен его ждать, и исчез в проеме. Почему бы и нет? Может, он расскажет что-нибудь полезное. Вскоре дверь распахнулась, и Сашка с сияющей во все лицо улыбкой выскочил наружу, еще через мгновение он интенсивно тряс мою руку и хлопал по плечу. Модный автомат, который он так расхваливал, висел у него за спиной.

— А я думаю: ты, не ты? — затараторил он, восхищенно осматривая мое снаряжение. — Вроде в лицо узнаю, но потом смотрю на прикид и думаю: не может быть! Где ты так прибарахлился?

— Да так, друзья дали погонять, — усмехнулся я, зараженный его настроением. — Смотрю, у вас тут весело было?

— О! Весело — это не то слово! Тридцать тысяч баллов настрелял, прикинь! Можно хоть сейчас в Синий мир и пару лет не работать!

Глаза парня сверкали, и мне вдруг стало очень тоскливо от осознания того, что ни в какой Синий мир он свои тридцать тысяч баллов не увезет.

— Лезли со всех сторон: зомби, демоны и еще хрен пойми кто, только и успевали магазины менять.

Он обвел рукой заваленную телами землю, будто сам не до конца верил в происходящее. Потом снова посмотрел на меня и

мои вещи:

— Ну а все-таки ты тут какими судьбами?

— Дочь у меня пропала, — сам того не ожидая, сказал я правду, — вот ищу.

Улыбка сошла с лица Сашки.

— Здесь?

— Нет, чуть дальше ее видели, — я махнул рукой на север, — километра два еще. Ты, кстати, не знаешь, как там? По прямой пройду?

— Сомневаюсь, — парень задумчиво посмотрел в указанном направлении. — Много мертвяков мимо нас в ту сторону ушло.

— А в обход?

— А в обход еще хуже, там и другая погань, кроме мертвяков. Зомби, по крайней мере, расчищают все на своем пути… Ты знаешь что… — на его лице вновь появилась улыбка и еще что-то, может, азарт? — Подожди две минуты, я шмотки возьму кой-какие и с тобой пойду. Вдвоем пробьемся!

— Нет, нет! — я схватил за плечо готового убежать парня. — Квест пятого уровня! Очень опасно! Лучше тут останься, спину мне прикрывай.

— Э нет, Сережа, тут мы всех постреляли, — он аккуратно, но решительно освободился и, глядя мне в глаза, твердо продолжил: — Во-первых, мне нужны еще баллы. А во-вторых, что я детям и внукам буду потом рассказывать? Как купил шмота дорогущего, а когда пошла заруба, в сторонке отсиделся? Жди, я быстро, если уйдешь, все равно догоню.

И он бегом, не дожидаясь моего ответа, скрылся в темном проеме. Дверь со стуком захлопнулась.

Уйти? Но ведь и правда догонит. Только лишний риск. Я снял перчатку и по очереди приложил теплую ладонь к замерзшим ушам. Конечно, помощь мне нужна, и в целом он был прав: вдвоем шансов больше, но… Перед глазами стояло окровавленное лицо Циклопа, руки, вцепившиеся в него, и граната в побелевших пальцах. Циклоп знал реальные риски, а Сашка молодой, с кипящей кровью, глупец.

Почему сразу глупец, он такое же дитя мира, как и ты, просто выбрал другой путь. Причем, в отличие от того же Олега или даже Кати, обреченных стать боевиками, Сашка твой сделал этот выбор осознанно. Он пожил в шкуре бедного серого программиста, и ему не понравилось. А сейчас, насколько я понял, он счастлив, в том числе счастлив от того, что может тебе помочь.

Дверь распахнулась, и Сашка снова стоял передо мной. Теперь на его плечах висел средних размеров рюкзак, а на глазах

дисплей вроде того, что был встроен в мой шлем.

— Ну что, пошли? — он вопросительно посмотрел на меня.

Поколебавшись еще несколько секунд, я кивнул.

— Давай я шлем надену, и настроим связь.

Солнце зависло над крышами Нижнего города, готовое вот-вот спрятаться за ними. Хотелось есть, и ныли ноги, я уже не первый раз укорил себя, что забываю про аптечку. Через пятнадцать минут мы покинули территорию комплекса. До цели оставалось полтора километра.

Глава

Мы шли по узкой улочке между жилыми домами, осторожно обходя, а где это было невозможно, перешагивая лежащие тела. За окнами верхних этажей мелькали силуэты людей. Дисплей подсвечивал их зеленым. Нижние окна закрывали решетки. В мирное время это был район со вторым уровнем опасности, и жителям всегда приходилось быть настороже.

Впереди послышалось шуршание, я пригляделся: оказалось, что ветер тащит по пустынной улице порванный бумажный пакет.

Из-за угла появился супермаркет — средних размеров, два этажа, все стекла разбиты. Свет не горел, и я не смог разглядеть, что там внутри. Во всю стену магазина чернела пентаграмма — закрытый портал. Рядом вперемешку лежали разорванные краснокожие рогачи с массивными ногами и согнутыми назад коленями и восставшие. Я крепче сжал автомат. Мы пересекли парковку перед магазином. Несколько пустовавших электромобилей напрасно ждали своих, отправившихся за покупками хозяев.

Пролетел вертолет, его пулеметы беспрерывно стреляли в невидимую цель. Это отвлекло мое внимание, и я не сразу услышал сигнал тревоги.

— Бежим! — одновременно с криком Сашка дал очередь из автомата. На дисплее все пестрело красным, из-за угла ближайшего дома десятками выбегали зомби. Мы бросились к параллельной улочке и, убедившись, что она пуста, свернули на нее. Сзади рычали и стонали восставшие. Перекресток. Пока прямо.

Сашка развернулся и на ходу разрядил магазин в преследователей, но не рассчитал. Пусть и небольшая, но отдача у АК была, он сбился с шага и не успел перепрыгнуть через внезапно появившийся из тени поваленный фонарь. Вскрикнув, парень рухнул на асфальт. Послышался хруст. С трудом подавляя панику, я бросился к нему и попытался поднять.

— Рука-а-а-а-а!! — заорал он, вырываясь. Твою мать! Его левая кисть болталась под неестественным углом.

Я обернулся. Выстрелы Сашки сбили с ног ближайших преследователей, но сейчас они уже вставали. Оставалось порадоваться, что зомби сильно мешают друг другу, стремясь первыми догнать добычу. Я поднырнул под здоровую руку побледневшего парня и, стараясь действовать и быстро, и аккуратно, поднял его. Необходимо найти безопасное место и воспользоваться аптечками. Я потащил стонущего от боли Сашку — бегом это назвать было трудно. Восставшие, рыча, приближались.

Дома закончились, и мы оказались на набережной реки, вдоль которой шла четырехполосная дорога. Цель находилась в километре справа, только как добраться до нее с травмированным парнем на плечах.

Беги к заправке! Там лестница на крышу есть.

Легко сказать. До заправки было метров пятьдесят. Сашка более-менее пришел в себя и старался быстрее переставлять ноги. И может быть, мы бы успели, если бы я не споткнулся о ногу программиста. Мы упали. Сашка заорал от боли и замер.

Я вскочил и обернулся: не более пятнадцати метров отделяли первых из восставших от нас. Всего их было около двадцати: мужчины, женщины в разорванной одежде, босой краснокожий рогач в набедренной повязке, а позади плелся хромой ротвейлер на трех ногах. Не считая того, что все они были мертвы, их объединяли две вещи: белые глаза и оскаленные рты.

Я вскинул автомат, как учила Катя, глубоко вдохнул и короткими очередями принялся сбивать вырвавшихся вперед зомби. Конечно, я старался попадать в головы, но получалось редко. Первого магазина мне хватило на то, чтобы сбить с ног четверых, но только один из них остался лежать.

Надо бежать! Заправка совсем рядом! Они не смогут залезть по вертикальной лестнице. Фиг с ним, с Сашкой, он хотел умереть героем! Руки дрожали, и я едва не выронил обойму, пытаясь перезарядить оружие.

Ну уж нет! Софью и без меня спасут, если представится возможность. А как я буду смотреть ей и остальным в глаза, если брошу умирать человека, добровольно вызвавшегося мне помочь. Поднимая автомат, я заметил, что Сашка с бледным, перекошенным болью лицом сидит на земле и держит пистолет в здоровой руке. Я невольно улыбнулся и нажал на спуск — голова рогача разлетелась на куски. Ну хоть с пяти метров попал.

Дальше я стрелял, не целясь, так как промазать в упор было невозможно. Пули отбрасывали мертвых, но их место сразу

занимали другие. Раздались щелчки, но я не сразу понял, что кончились патроны. Перезаряжать времени не было. Перехватив автомат, я прикладом ударил в лицо подошедшую вплотную женщину, ее челюсть захрустела, и восставшая упала к моим ногам. Еще замах. Удар. Не так хорошо: мужчина лишь покачнулся, потряс головой, разбрызгивая слюни и снова ринулся ко мне.

Правую икру пронзила острая боль; не глядя, я махнул вниз импровизированной дубиной и попал по спине ротвейлеру. Он не разжал челюсти, и костюм не выдержал — потекла кровь, быстро наполняя ботинок. Десять минут до превращения в зомби при раскладе, что до этого меня не разорвут на куски.

Кто-то ударил меня в бок и одновременно по голове, но все мое внимание приковывала собака. В ту секунду мне стало принципиально важно убить эту тварь до того, как убьют меня. Автомат вырвали из рук, что было к лучшему: в такой плотной драке он только мешал. Я резко сел, доставая нож. Пальцы скребли по гладкой поверхности шлема, а плечо грызли не очень острые зубы, безуспешно пытаясь повредить прочную ткань костюма. Это — сколько угодно. Ноги нависших надо мной мертвяков мешали нормально размахнуться, и мне пришлось всем телом навалиться на зверюгу, чтобы воткнуть нож ей в глаз. Лезвие с хлюпаньем погрузилось в мозг, и, два раза вздрогнув, ротвейлер разжал челюсти.

Есть! Я молодец! Что дальше?

Будто выйдя из транса, я осознал свое положение: мертвяки меня грызли и рвали со всех сторон, еще в двух местах защита начала рваться. Здоровенный, голый по пояс мужик с дырками от пуль на груди схватился обеими руками за мой шлем и ударил лбом в лицевую пластину. После второго удара стекло пошло трещинами, а кожа на его лбу лопнула. Серо-черная кровь залила перекошенное злобой лицо. Я, содрогаясь от омерзения, страха и боли, выдернул нож из глаза собаки и стал бить мужика, стараясь попасть в голову. Никак не удавалось нормально замахнуться.

Внезапно что-то блеснуло, и череп моего противника раскололся пополам.

— За Свет!

Высокий голос перекрыл рычание зомби. Сперва я принял его за галлюцинацию, но тут еще два восставших лишились голов, и в образовавшемся просвете сквозь сетку трещин на дисплее я разглядел человека. Он сидел верхом на золоторогом олене, а его сверкающий в последних лучах заходящего солнца длинный меч без промаха разил живых мертвецов. Не прошло и минуты, как все они были окончательно мертвы.

Рядом раздался стон. Сашка! Я столкнул с себя обезглавленные тела и подполз к лежащему парню. Остатки его защитного костюма были пропитаны кровью. Смертельных ран я не заметил, но ему досталось сильнее, чем мне. Оторванный кусок щеки свисал с челюсти, обнажая зубы. Я сорвал со своего пояса две аптечки, одну из которых положил израненному парню на живот и, убедившись, что прибор работает, занялся собой.

В состав обычных аптечек не входит противоядие от укуса зомби из-за его стоимости, но в тех, которыми снабдил всех Кирилл, оно, конечно, было. Насколько я помнил, одного укола хватало, чтобы нейтрализовать любое количество яда, к тому же оно давало иммунитет от повторного отравления на два часа. Я вытянул ногу и прислонил аптечку к месту укуса ротвейлера. Скоро противоядие и обезболивающее должны подействовать.

— Приветствую вас, путники! — голос за спиной заставил меня резко обернуться. Кровь и трещины на дисплее мешали рассмотреть спасителя, и я снял ставший бесполезным шлем.

Коричневые кожаные сапоги, доходящие почти до колен, черные штаны, широкий пояс с замысловатым орнаментом, светло-зеленая рубашка и темно — зеленый утепленный плащ. Прямые золотые волосы спадают до груди, лицо без намека на щетину, тонкие губы, сложенные в легкую улыбку, небольшой нос и серые глаза. И, конечно, острые уши. А какие еще могут быть уши у эльфа, скачущего по городу на олене? Мое удивление было так велико, что я совсем забыл о боли и попытался встать.

— Сиди, сиди, друг мой, — жестом эльф попросил меня не шевелиться, — эти монстры потрепали тебя.

Я снова сел на холодный, покрытый черной кровью зомби асфальт. Обезболивающее начало действовать. Солнце последний раз скользнуло по светлым волосам эльфа и скрылось за домами.

— Мое имя Элдарион, позвольте узнать ваши?

— Мое имя Сергей, имя моего спутника, — я кивнул в сторону Сашки, — Александр. Благодарим за помощь, Элдарион, ты подоспел очень вовремя.

Эльф кивнул, сделал несколько шагов, стараясь не испачкать сапоги кровью, и присел рядом с программистом.

— Раны твоего друга серьезны. У меня есть хорошие лечебные порошки, — он достал из-под плаща серый пузатый мешочек.

Мир того и гляди рухнет, город заливают реки крови, меня только что чудом не сожрали зомби, меньше чем в километре в заложниках моя дочь, но глядя, как светловолосый остроухий Сценарный Персонаж с вычурной речью предлагает мне лекарства, я едва сдерживал смех.

— Спасибо, друг мой, — я старался подражать его манере. — Видишь тут штучку на животе у моего спутника, она его уже лечит.

— Эта? — брови эльфа недоверчиво поползли вверх.

— Да, эта, в ней много целебных порошков. — Основное правило общения со Сценарными Персонажами, СП, заключалось в том, чтобы не разрушать их картину действительности. Новое оружие вроде автоматов они воспринимают спокойно, но если рядом с ними начать рассуждать о вещах, им совсем не понятных, например, рассказывать речной русалке о космических кораблях, то согласно заложенным моделям поведения, они достаточно быстро потеряют интерес к беседе и под каким-либо предлогом уйдут.

Аптечка, лежащая на животе Сашки, запищала, сообщая о выработанном ресурсе.

В целом он выглядел намного лучше, даже сумел достать свою аптечку и приложить ее к щеке.

— Позвольте узнать, милостивые государи, — не желая дальше обсуждать медицину, перевел тему эльф, — а не попадались ли вам где-нибудь в окрестностях орки?

Ну раз пришел эльф, почему бы не прийти оркам? Я хотел сказать «нет», но вовремя одумался: вдруг Элдариона прислал Кирилл.

Да даже если нет, он не по-настоящему живой, ты должен воспользоваться им, особенно если не собираешься бросать здесь программиста.

О, вернулся. Ты в курсе, что еще чуть-чуть и некуда было бы возвращаться?

Извини, после встречи с вампиром постоянно провалы, сейчас вроде отпустило.

Ясно. Бросать Сашку я не собирался.

— Я слышал, что орков видели где-то там, — я махнул рукой в нужную мне сторону. — Мы как раз шли туда.

— Я сразу узнал в вас союзников, о благородные воины. Александра мы можем посадить на Быстроногого, — эльф огляделся в поисках оленя. — Кстати, где он?

Набережная была пуста.

— Не знаю, — ответил я, глядя как Сашка переставляет аптечку со щеки, на которой остался лишь маленький красный рубец, на бедро. — Ты как?

— Нормально, — парень слабо улыбнулся и кинул взгляд на браслет, — еще девять тысяч баллов и куча бонусов за ранения. — Спохватившись, он вежливо кивнул эльфу: — Благодарю за помощь, светловолосый друг.

— Не стоит, — рассеяно ответил Элдарион, продолжая в сгущающихся сумерках выглядывать своего скакуна. На его лице отразилась тревога.

— Через пару минут я смогу идти, — сказал Сашка, лицо которого постепенно приобретало нормальный оттенок.

Пропиликал мой браслет, сообщение от Кати: «2-10, почему не отвечаешь? Доложи обстановку! Помощь нужна?». Я раздраженно отбросил ногой разбитый шлем и быстро набрал ответ: «Меньше километра до цели, со мной раненый гражданский и СП, помощь не нужна».

Интересно, остальные уже добрались? Если да, то я единственный опоздавший на операцию по спасению дочери. Отец года!

Успокойся, на самом деле ты идешь хорошо, даже немного опережаешь график. Ты молодец!

Боль полностью отступила, голова прояснилась после воздействия стимуляторов, и я поднялся на ноги.

Быстро темнело, и сквозь дымовые облака проглянули первые звезды. Редких уцелевших фонарей не хватало, чтобы осветить всю набережную, и она по-прежнему была пуста. Заметно похолодало, и уши, не прикрытые защитной шапочкой, замерзли. Я перевел взгляд на темную, медленно текущую реку: скоро вода покроется льдом, но к тому времени здесь может не остаться людей. Или мы все куда-нибудь переберемся, или умрем.

— Быстроногий! — радостно воскликнул эльф и пошел навстречу приближавшемуся в сумерках оленю. Ветвистые рога гигантской короной украшали голову животного.

Как-то странно он бежит.

И слишком быстро!

— Берегись, — заорал я, бросаясь к эльфу. Он замер, недоуменно вертя головой в поисках опасности. — Олень мерт…

Быстроногий выскочил на свет, рога были нацелены в грудь бывшего хозяина. Теперь, когда его глаза подернулись белой поволокой, а изо рта капала слюна, он не выглядел таким волшебно-грациозным.

В последнюю секунду эльф успел отскочить в сторону, а следом за ним и я.

— Быстроногий, — не веря в происходящее, прошептал Элдарион, — брат мой…

— Ему не помочь!

Я не хотел быть грубым, но олень уже почти развернулся для новой атаки. К счастью, он не обратил внимания на Сашку. Пистолет оказался в моей руке.

— Нет! — эльф встал передо мной и, умоляюще глядя мне в

глаза, добавил: — Я сам.

Я кивнул и, не убирая оружие, отошел ему за спину.

— Чтобы его убить, надо повредить мозг или отрубить голову.

При этих словах плечи Элдариона поникли. Он хотел отдать последнюю дань дружбе и успокоить Быстроного точным ударом в сердце.

Меч со звоном покинул ножны, и в тот же миг олень бросился вперед.

Через несколько секунд все было кончено. Обезглавленное тело по инерции пробежало метров десять и рухнуло, споткнувшись о бордюр, а отрубленная голова со шлепком упала на асфальт, уткнулась рогами и замерла. Мертвый взгляд устремился в вечернее небо.

Эльф медленно опустился на колени и закрыл белесые глаза погибшего друга.

— Мне очень жаль, — прошептал я. Ответа не было.

«Не по-настоящему живой», — сказал Роберт. Глядя на сгорбленную спину скорбящего над своим спутником эльфа, я не мог с этим согласиться. А кто тогда живой? Жители наших искусственно созданных миров? Возможно, но чем мы отличаемся от СП? Мы тоже следуем одному из заранее запрограммированных сценариев. Пусть их больше, но зато эльф не сомневается в своем выборе. То, что Сценарные Персонажи умеют чувствовать, знает каждый школьник, но о том, что на самом деле это означает, я, как, уверен, и большинство людей, никогда всерьез не задумывался.

Конвейер выпускает почти живых существ: с чувствами, ограниченным выбором, но при этом полностью свободной волей внутри своей роли. Они первыми погибают в большинстве крупных квестов и создаются для массовки и дополнительного разнообразия сюжетных линий. Но если вдуматься… они же не менее живые, чем я сейчас. Ведь я, по большому счету, появился меньше месяца назад и, хоть считаю себя Сергеем… Но… я не он. Он умер четырнадцатого октября.

Не эти руки держали маленькую Софью, и не эти губы целовали ту, прежнюю Иру. Так чем я отличаюсь от этих созданий? Чем они заслужили такую судьбу? Короткая, редко длиннее нескольких дней жизнь, полная страданий и завершающаяся, как правило, ужасной смертью.

Я почувствовал, что дрожу. Мне хотелось подойти к эльфу и как-то поддержать его. А что будет с ним, если мы победим, и он выживет? Он будет продолжать искать орков по всему миру? Сумеет ли осознать, что их не существует? Так же, как и его,

вопреки его воспоминаниям, не существовало еще вчера.

Сашка, шатаясь, встал и подошел ко мне.

— Я в порядке, — сказал он так, чтобы все слышали. — Место не очень надежное, пора двигать.

Эльф медленно повернул голову, его ресницы слиплись от слез.

— Нам пора, Элдарион.

Я боялся, что он не пойдет с нами, что, подчиняясь ролевой модели, решит похоронить своего друга.

Но нет, перепачкав руки в черной крови, эльф осторожно поднял отрубленную голову оленя и отнес ее к телу, после чего решительным шагом вернулся к нам.

— Все это проклятая магия орков! — гневно заговорил он и указал на ближайшего зомби. — Я должен их найти и заставить прекратить издеваться над усопшими. Это слишком даже для них!

Тут я был с ним полностью согласен. Если обозвать орками тех, кто устроил все это, будь то инопланетяне, захватившие землю, или охотники, теперь пользовавшиеся ситуацией, то эльф прав: мы с ним союзники.

— Их видели там, — повторил я, кивнув в нужную сторону. — Идем.

Глава 27

К нам бесшумно подлетела очередная камера и на несколько секунда зависла, собирая информацию. Я проверил защитную шапочку: пока она на мне, датчики считают, что по набережной медленно бредут раненый программист Александр, СП эльф Элдарион и некий неодушевленный предмет.

Мы подходили к мосту, когда запиликал браслет. Новое сообщение от Кати: «Рацию ты тоже потерял?». Проклиная свою забывчивость, я скинул с плеча рюкзак и достал передатчик.

— 2-10 на связи, подошел к мосту, — сказал я, настроившись на нужную волну.

— Говорит 2–1, 2-10 поняла тебя, жди на месте сбора. Ребят заблокировали мертвяки, направляемся к ним, через полчаса, думаю, вернемся все вместе.

— Принято, — я повесил рацию на пояс.

— Пора расставаться, друзья, — сказал Элдарион, — сердце подсказывает, что мне нужно остаться на этом берегу.

Эльф стоял перед нами — высокий, с ровной спиной, обе руки на мече. Лицо спокойно, дружеская улыбка едва касается тонких губ.

— Еще раз спасибо, ты спас нам жизнь.

— Спасибо, друг, — сказал Сашка.

— До встречи.

Эльф развернулся и быстро пошел в сторону домов исполнять свою миссию. Ему было проще: он точно знал, что ему делать. Плащ последний раз мелькнул в свете фонаря, и стройный силуэт растворился в темноте переулка.

— Как живой, — прошептал Сашка, глядя вслед эльфу. Его лицо выглядело задумчиво-удивленным: не только на меня встреча с Элдарионом произвела впечатление.

В отдалении темное небо осветила яркая вспышка, и почти сразу донесся грохот — он словно вернул нас в реальный мир, и мы поспешили к мосту.

Темные воды реки медленно текли под нами, отражая высыпавшие за едва заметным куполом звезды. Вокруг не было ни души, и это радовало. Люди спрятались по домам, и редко кто рисковал зажечь свет. Повсюду стояли брошенные машины, многие из них были разбиты.

Наконец из полумрака проступил силуэт здания, построенного в форме подковы — общий первый этаж и два отдельных трехэтажных корпуса. Заколоченные окна и двери придавали ему зловещий вид.

Браслет подтверждающее завибрировал: заброшенная школа, на ее крыше место сбора.

— А я как залезу? — спросил Сашка, когда увидел, что я настраиваю длину троса и готовлюсь закинуть гарпун. Действительно, как? Я совсем забыл о сломанной руке своего спутника.

— Я залезу и скину его, — я показал на устройство на своем предплечье, — обвяжешься, нажмешь кнопку, и оно поднимет тебя.

Хотя вряд ли получится это сделать так, чтобы не зацепить поврежденную руку.

С легким щелчком гарпун высвободился и через секунду звякнул по крыше. Я несколько раз дернул, проверяя надежность, и запустил механизм. Трос начал скручиваться, и я, медленно переступая ногами по стене, поднялся наверх.

По-видимому, не предусматривалось, что на моей ноге будет болтаться еще и зомби — одно из креплений, удерживающих лебедку на руке, перекосило; пришлось повозиться, чтобы снять ее.

— Лови, — наконец я справился и скинул устройство вниз, — обвяжи вокруг пояса. Когда будешь подниматься, ногами не упирайся, с одной рукой неудобно. Просто виси, как подъедешь к крыше, я подхвачу и подтяну тебя.

— Хорошо, — Сашке понадобилось несколько минут, чтобы справиться с поставленной задачей. Я слышал его сопение и кряхтение. На наше счастье, в округе по-прежнему было спокойно. Ближайшие выстрелы раздавались не ближе, чем в трех кварталах. Возможно, это Катя выводила группу из окружения.

— Готово.

— Жми кнопку. Когда будешь под самой крышей, останавливай.

Трос натянулся и потащил Сашку вверх. Несколько раз автомат, висящий за его спиной, звякнул о стену.

— Стоп! — Лебедка остановилась, и я аккуратно, стараясь не тревожить сломанную руку товарища, втащил его. — Прибыли, ждем тут.

— Фу-х.

Не отстегиваясь, Сашка сел и прислонился к парапету, он тяжело дышал.

Я устроился рядом и протянул ему флягу, он отказался и достал свою.

— За то, что мы живы!

Он улыбнулся, и мы чокнулись.

— Будь другом, достань из рюкзака аптечку, подлечусь, пока

сидим.

Я только сейчас разглядел осунувшееся бледное лицо и капли пота у него на лбу. Парню сильно досталось, но он не стал жалеть себя на набережной и предложил продолжить путь, несмотря на тяжелое состояние. Очень может быть, что его призвание — именно путь воина, а не программиста.

— Слушай. — Он вдруг повернулся ко мне всем телом. — А что происходит? Такого не было ни в одном Конце Цикла.

Я смотрел в белеющие во тьме глаза и не знал, что ответить.

— Ведь ты не просто так появился, — продолжил Сашка, — в таком обвесе крутом, ты же… извини, конечно, обычный клерк, да и не молодой… Еще раз извини… просто…

Смутившись, он опустил голову. Я был последним человеком, которого он думал тут встретить. В шмотках, на которые не смог бы заработать и за пять лет, в день, когда весь город охватил огонь. Собственно, а почему не попробовать?

— Представь, Саш, что вокруг куполов нет радиации, а есть огромный мир, где мы могли бы спокойно жить, не имея баллов, квестов и рейтингов.

Он подался ко мне, пытаясь не упустить ни слова.

— Что нами управляют снаружи, и те, кто это делает, преследуют лишь собственные интересы, а нам врут, и теперь, когда мы об этом узнали, они хотят нас уничтожить.

Оказывается, все происходящее можно описать двумя предложениями. Я прижался спиной к холодному бордюру и посмотрел на звезды. Возможно, с планеты, вращающейся вокруг одной из них, к нам прилетели протолане.

Сашка слабо пошевелился. Аптечка тихо жужжала на его животе.

— То есть мои баллы, — пробормотал он, — и вся остальная херня бессмысленны?

Да, вся херня: и баллы, и рейтинг, и вся наша жизнь.

— Если мы вырвемся отсюда, все обнулится. Будет тяжело, но это будет наша собственная жизнь, а не сценарий, прописанный компьютерами.

Я замолчал. Как в несколько фраз вложить мысли и опасения последних дней? Как описать будущее, которое нас ждет? Ведь оно может быть хуже настоящего. Для нашего поколения уж точно. Плюсы и выгоды сумеют оценить только наши дети, а скорее, уже внуки… А для меня и для Сашки это сродни тому, что пусть и сложная, но понятная дорога вдруг разверзлась, и мы падаем в пропасть… Что будет, когда, вернее, если мы выберемся отсюда. Даже если не брать в расчет охотников и инопланетян, жители Европы не обрадуются пяти миллионам беженцев, среди

которых большая часть — обученные убийцы.

— У меня девушка беременная, — тихо сказал, прерывая мои размышления, Сашка. — Я для них все это затеял. В принципе, меня и прошлая работа устраивала… Как ты думаешь, там нужны программисты?

— Программисты нужны всегда, — я положил руку ему на плечо и попробовал улыбнуться.

— Папа! — голос Софьи разрезал ночь, и я вскочил. Темноту крыши осветила вспышка выстрела. Я сжался и инстинктивно прикрылся рукой.

Пуля предназначалась не мне — Сашка застонал и повалился на бок.

— Привет, любимый! — на фоне неба появились две темные фигуры, я завороженно следил за их приближением. — Что, не подойдешь и не обнимешь свою семью?

Они остановились в пяти метрах от меня — Ира и Софья. У девочки были связаны руки, растрепанные волосы спадали на искаженное страхом лицо. Она дрожала.

Ира же улыбалась. Ее было трудно узнать, на голове вместо привычных черных волос теперь топорщился мальчишеский ежик белых.

— Нравится мой новый стиль?

Она, позируя, повернула голову, продолжая крепко держать под локоть Софью.

— Отпусти ее, — мой голос дрогнул, — девочка ни при чем.

— Вообще-то, я привела ее именно для того, чтобы медленно убить на твоих глазах… Стоять! — она навела на меня пистолет и засмеялась. — Но да, я предполагала, что ты просто так не будешь смотреть, поэтому сначала я переломаю тебе руки и ноги, а уже потом займусь этой маленькой сучкой.

Она наслаждалась моментом и никуда не торопилась.

— Джо просил меня сделать все быстро, — она театрально развела руки и повернулась к Софье. — Но как я могу? Ты знаешь, доча, что твой папа сделал с моим возлюбленным?

Софья попыталась вырваться, но тут же охнула от боли и скорчилась: пальцы охотницы сжали ее локоть.

— Он убил его, отрезал руку, вырвал чип и глаз, а потом сжег… Я сделаю то же с ним живым или с тобой, пока не решила, — Ира снова засмеялась, но радости на ее лице больше не было, только ненависть.

В отчаянье я понимал, что выхватить пистолет не успею: подготовка охотницы значительно превосходит мою. Оставалось тянуть время и надеяться на чудо.

— Ты как, Софушка?

— Убей ее!

Дочь прыгнула на Иру. Я тут же рванул к ним, но охотница была готова. Она коротко взмахнула рукой и ударила рукоятью пистолета Софью в висок, а от моего прыжка уклонилась.

— Пошла потеха!

Боль пронзила поясницу, кулак Иры врезался в бок, и я рухнул на колени. Софья лежала рядом.

— Муж, давай так: сейчас ствол смотрит тебе в затылок, шевельнешься — и тебе хана.

Я услышал тихий вздох — Софья жива!

— Мы оба этого не хотим, медленно откидывай все свои приблуды, пистолеты, ножи и т. д. А потом повеселимся, идет?

Роберт, ты нужен!

Я сделал, как требовала охотница.

— И кол от вампиров тоже… Хорошо, вставай! — она оглядела меня и удовлетворенно кивнув, убрала пистолет. — Ну что, поехали?

Я даже не заметил, как она приблизилась. Кулак выбил из легких весь воздух, и я, задыхаясь, упал.

— Не кривляйся, вставай. У меня вылет через два часа, а нам еще столько надо успеть.

Я попытался встать, но завалился набок.

— Э-э-э, так не пойдет!

Ухо резанула боль: Ира поднимала меня, резко схватив за мочку.

— Вставай, а не то я просто начну отрезать все, что торчит.

Перед глазами плыло, я поднялся и тут же снова упал навзничь — из сломанного носа потекла кровь.

— Да, с тобой никакого веселья, — сквозь туман донесся голос лжежены. — Когда толпой мужа моего убивали, посмелее были?

Я тут, выходи!

Наконец-то! Я расслабился, впуская Роберта.

(Роберт)

Резко наваливается боль.

Качаясь, я стою напротив Иры. В свете далеких фонарей и звезд рассматриваю ее лицо. Улыбка — оскал, ненависть в черных прищуренных глазах, губы плотно сжаты, на скулах играют желваки. Вряд ли Серега узнает в ней свою жену.

— Нечего сказать? — рычит она. — Ты не мужик, а говно! И в сексе тебе до Мэйсона, как до луны было! Сейчас я сломаю тебе руки и ноги, а потом займусь твоей ненаглядной дочуркой.

Она двигается быстро, но кулак лишь цепляет щеку, и я в

ответ бью под ребра, а затем локтем в ухо. Она отшатывается. Бросаюсь следом, но Ира успевает увернуться и бьет меня в плечо.

Мы снова стоим друг напротив друга. Она машет головой, приходя в себя.

— Неплохо, милый, неплохо… сразу бы так.

Теперь она настороже и медленно ходит вокруг. Атака. Блок. Еще атака. Пропускаю мощный апперкот. Падаю. Ира вытирает кровь с рассеченных губ. Встаю. Перед глазами пелена. Сплевываю обломки зубов.

— Как ты нашла меня? — спрашиваю первое, что приходит в голову: нужно время оправиться от удара. Ира смеется.

— С шапочками вы хорошо придумали, но у камер же есть и ручное управление.

Она делает ложный выпад рукой и через мгновение бьет ногой по и так больному колену. Падаю и с трудом блокирую удар в висок. Успеваю перехватить ногу охотницы и выворачиваю ее. Ира падает рядом, но тут же встает. Да, не сравнить со спарингом с Катей. Я медленно поднимаюсь следом.

— Это же не ты, милый!? — догадывается охотница. — Но ты же тоже тут, правда? Твой заместитель не сумеет полностью вкусить того, что я сделаю с Софьей. Скажи, что ты тут?

— Он тут.

— Слава Богу, — серия ударов, и я снова лежу. — Ты ведь теперь знаешь, что такое Бог?

В этот раз я еле встаю — кровь из рассеченного лба заливает глаза. Тяжело дышать.

— Ну что? Переходим к финальной стадии?

Ира бросается вперед, уворачивается от моего выпада и наносит мощный удар по уже сломанному носу.

Падаю на спину. Надо мной звезды, глаза закрываются — сквозь ресницы вижу недовольное лицо Иры.

(Сергей)

— Э-э-э. Стой, а как же пытки? — она трясет меня, но сознание Роберта отключилось. — Вот ведь падла.

Ира плюет мне в лицо и встает. В этот миг я возвращаюсь в тело.

Больно! Но мне не до того. Ира достала нож и повернулась к Софье. Я размахнулся и, вложив всю злость и страх, ударил ногой под колено женщине, выглядящей, как моя жена. Она удивленно вскрикнула и упала. Ее голова глухо стукнулась о крышу. Через секунду я сидел сверху, нанося удар за ударом по некогда любимому, а теперь такому ненавистному лицу. Я слышал хруст

носа и треск ломающихся зубов.

— Хватит, папа, хватит!

Сквозь туман доносился голос дочери, но я не останавливался, пока лицо и кулаки не превратилось в кровавое месиво. Она убила мою жену! Мою Иру! Я схватил выпавший из обессиливших пальцев нож и с размаху вонзил его в закрытый глаз охотницы. Теперь хватит. Силы разом покинули меня, и я свалился рядом с мертвым телом. Через несколько секунд я почувствовал теплое дыхание и слезы на щеке. Софья легла рядом, дрожа и обнимая меня.

— Она была так похожа на маму.

Следующие полчаса запомнились лишь урывками: голоса, лицо Кати, запах крови и персика, завернутая в теплый плащ Софья, рыдающая у меня на груди.

На грани сознания мелькала мысль: я знал, что она важна, но не мог ухватить. Наконец, когда лекарства подействовали, вспомнил.

— Чез да аса у хлет, — попытался сказать я, но запекшиеся губы не слушались.

— Что, папа? — Софья наклонилась ко мне.

— Чез да асаулет, — снова лишь мычание.

— Дайте воды, — крикнула Софья, а я, не отрываясь, разглядывал ее профиль на фоне ночного неба. Дочка жива. Чтобы ни случилось дальше, она жива!

Катя опустилась на колени и приподняла мою голову; ее рыжие волосы растрепались, на щеке темнел свежий шрам. Ледяная вода потекла в горло, я закашлялся.

— Тихо, тихо, не торопись.

— Через два часа у них вылет, — наконец сумел выговорить я, — вернее, уже через полтора, нам нужно на аэродром.

— Да, мы в курсе, Сережа, — я уловил ее теплую улыбку. — Нам отсюда всего полчаса ехать, остальные уже выдвинулись. У тебя еще есть время отдохнуть. Кстати, тот парень, что был с тобой, выжил. Аптечка лежала на нем, когда в него попала пуля.

Сашка жив, а программисты нужны всегда. Я поймал взгляд Софьи, улыбнулся ей и звездам, сияющим вокруг ее головы, и погрузился во тьму.

Аэропорт гудел, как растревоженный муравейник: невооружённым глазом было видно, что планируется массовый вылет. Темнота скрывала наше присутствие. Перепрограммированные Кириллом и его командой камеры теперь следили только за нашими врагами.

Бинокль со встроенным прибором ночного видения окрашивал фигуры людей и летательные аппараты зеленым.

— Садись, — негромко сказала Катя, устраиваясь на мотоцикле, — сейчас начнется.

Давно пора. Я убрал бинокль и пристроился за ее спиной.

Одновременно с первым взрывом она запустила двигатель, и двухколесная машина рванулась вперед.

Мы ехали в авангарде колонны, и нашей задачей было сеять панику. Гранатометы работали не переставая, большая часть вертолетов в южной части аэродрома полыхала. Стало светло. Ответного огня почти не было.

Холодный воздух бил в лицо, а ноздри щекотал запах дыма. Волнение, терзавшее меня последние полчаса перед атакой, улетучилось — его место заняла жажда мщения. Вот они, охотники и их ближайшие соратники… Тут нет случайных людей, все, кого я сейчас убью, — настоящие враги и заслужили этого.

Мы пролетели мимо горящего пропускного пункта и одними из первых выехали на взлетную полосу.

— Стреляй во все, что движется!

Катя на секунду обернулась, в ее зеленых глазах светился охотничий азарт, я обнимал ее за талию и тоже чувствовал его. Мы будто стали единым целым, я поднял пистолет и нажал на спуск.

Трудно сказать, скольких людей я убил в следующие минуты. В первой волне ехало по меньшей мере двадцать мотоциклов, столько же укрепленных легковых машин и пять грузовиков.

Огонь, дым, взрывы, снова огонь, друзья и враги. В кого-то попадал я, кто-то заваливался на землю, лишь я наводил на него пистолет. Командная работа, почти как в офисе, только сейчас мы сеяли смерть.

Мотоцикл, ведомый твердыми руками Кати, вилял между горящими остовами огромных машин. Мы мчались к северной части взлетной полосы, куда не добивали наши ракеты.

Сопротивление нарастало. Оправившись от неожиданности, охотники открыли ответный огонь. Несколько вертолетов взлетели и скрылись за куполом. Основные наши силы завязли в бою посередине аэропорта, но нам и еще одному мотоциклу удалось прорваться дальше.

Когда очередной клуб серого едкого дыма остался позади, перед нами возник вертолет, а за ним темнота: аэродром кончился.

Судя по размеру и окраске транспорта, на нем собиралось бежать руководство.

Трое человек, стоящих у открытого люка, принялись

стрелять, их поддержали еще двое автоматчиков, уже находящихся внутри. Завилял и упал едущий впереди мотоцикл. Катя крутанула руль, пытаясь укрыться от пуль за брошенным неподалеку грузовым электромобилем.

— Ждем подмогу! — закричала девушка, когда мы оказались в относительной безопасности, спрятавшись за кузовом грузовика.

Выстрелы внезапно прекратились.

— Сергей, это же ты, — я услышал громкий мужской голос. — Посмотри, что у меня есть.

— Нет! — Катя схватила меня за плечо, но было уже поздно: я все увидел. Окруженная шестью охотниками, у вертолета стояла Ира, а за локоть, совсем как недавно другая Ира Софью, ее держал Джо Винтер — Главный охотник, фотографию которого утром показывал нам Кирилл. Я снова спрятался за машину, ожидая выстрелов, но их не последовало.

— Это настоящая Ира, Сергей, — голос Джо раскаленными гвоздями впечатывал слова в мою голову. — У нее просто небольшой провал в памяти, но это та самая женщина, на которой ты когда-то женился.

Стало ясно, почему Ира-охотница привела с собой Софью: им не были нужны две заложницы, достаточно одной Иры.

Твоя жена умерла, дай мне контроль.

Хрен там. Вон она стоит. Да, другое тело, но и у меня оно другое, мы умерли с ней почти одновременно после того концерта. Я себя чувствую именно тем человеком так же, как и она. И позволить ей умереть — значит позволить умереть своей любимой женщине еще раз.

Катя резко встала и пустила очередь из автомата в сторону вертолета.

— Не стреляй!

Я повис на ее руке.

— Отпусти, дурак! — лицо девушки было перекошено, нас разделяло несколько сантиметров. — Они сейчас улетят.

Ну и пусть! Пусть летят, потом, на переговорах, мы выторгуем жизнь Иры.

Но Джо не просто так был Главным охотником, он не собирался полагаться на наши решения. Одновременно с обеих сторон грузовика появились люди. Надо отдать им должное: двигались они быстро и бесшумно. Автоматы, направленные на нас, были той же модели, какую использовал Мэйсон.

— Идиот, — прошипела Катя, — ты только что убил нас обоих!

Похоже, что так.

Подошел улыбающийся Джо, перед собой он вел мою жену. В ее рту торчал кляп, а глаза были распахнуты от удивления и страха. Я хотел подбодрить ее, успокоить, но не мог произнести ни слова.

— Убить их? — спросил один из охотников, и я внутренне сжался. Сейчас Джо скажет «да», и все закончится, но он покачал головой.

— Нет, будет честно, если они увидят то, чего добились и разделят участь остальных. — он кивнул на Иру, и его взгляд, обращенный на нее, испугал меня больше, чем предыдущие слова. — Эту возьмем с собой: у Сергея хороший вкус.

Я рванул к нему, но одновременно два приклада остановили меня и, корчась от боли, я рухнул на землю.

— Наденьте на них наручники и отберите оружие, через минуту взлет.

Мне заломили руки за спину, и металлические браслеты сомкнулись на запястьях. Сквозь слезы я видел, как десятки ботинок и пара легких не по сезону туфель удаляются в сторону вертолета. Рядом, катаясь по холодному бетону, ругалась Катя.

Почему они нас не убили, что значит «разделят участь остальных»?

Вертолет взлетел и направился в сторону купола.

А через мгновение едва заметное зеленоватое мерцание исчезло. Поля, защищавшего город от радиации, больше не было.

Глава 28

Мы так привыкли к куполу, что в обычное время его не замечали. Оказалось, звезд на небе больше и сияют они ярче. К сожалению, насладиться зрелищем мешала заполняющая все естество паника.

Нет человека — нет проблемы. В нашем случае города, а, скорее всего, трех городов. Мои знания о радиации были скудны так же, как и у остальных жителей Игровых миров. Она невидима, ее нельзя почувствовать, и она неотвратимо убивает. Не сразу: та доза, что я получу или уже получил, убьет меня, наверное, за несколько дней, может, за неделю, если я буду принимать препараты.

Те люди, что сейчас в центре, протянут немного дольше, но и они обречены. Едва ли в городе найдется десяток исправных вертолетов, и это будут обычные пожарные или машины скорой помощи, не предназначенные для дальних перелетов и не оснащенные экранами от радиации. Хорошие военные вертолеты охотники наверняка или забрали с собой, или уничтожили.

Лучше бы нас разбомбили ракетами. Быстро и не больно.

Мне казалось, я чувствую, как смертоносные невидимые частицы проникают в мое тело — стало трудно дышать.

Рядом с визгом затормозила машина, и послышались быстрые шаги.

— Нашла Сергея и Катю, они живы! — раздался взволнованный голос Джейн.

— Бери их и возвращайтесь на место сбора, — голос Олега по рации, — на аэродроме остаются только техники: у них защитные костюмы.

Это значит, мы не сдаемся. Те вертолеты, что сумеют починить, будут вывозить горстки людей за пределы радиоактивного облака. Сколько это? Тридцать километров? Пятьдесят? Наверняка им же пойдут все запасы Антирада: тем, кто останется в городе, он не поможет.

Может, организуют автомобильные колонны. Если отделать свинцом (он вроде защищает от излучения) кузова грузовиков, получится вывезти еще несколько сотен или даже тысяч человек до того, как поражения их тел станут необратимыми. Скольких удастся спасти? По какому принципу будет отбор?

В салоне Хаммера было жарко, но я никак не мог согреться и дрожал. Машина виляла между обгоревшими дымящимися остатками техники. Катя сидела спереди и демонстративно игнорировала меня, злясь на то, что я помешал ей стрелять в

охотников. Машину вел Виктор. Вся правая половина его лица было сплошным кровоподтеком. Джейн в расстёгнутой куртке сидела рядом со мной и по привычке теребила медальон.

— Вот сволочи, — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Виктор.

Джейн перевела взгляд на него. Редкий случай, когда она не улыбалась.

— Во время последнего разговора Кирилл был спокоен как танк, может, у него есть план?

Все понимали, какой мизерный шанс на это, но никто не спорил. Призрачная надежда на чудо, на гений Кирилла — все, что у нас осталось. Мы выехали с территории аэродрома и направились по шоссе в сторону больницы. Фонари не работали — Виктор включил дальний свет и сбавил скорость.

— Я ничего не понимаю в радиации, — негромко сказала Катя, — мы уже облучились?

Никто не ответил.

Мы остановились у здания больницы. Ей здорово досталось, но свет в окнах горел.

— Может, есть смысл поехать ближе к центру? — спросил я. — Как ни крути, лишних десять-пятнадцать километров от источника излучения.

— Кирилл назначил сбор здесь, — ответил Виктор и вылез из машины. — Если быть точнее, он просил всех, кто успеет к одиннадцати, подняться на крышу.

Браслет показывал 22:45. Холодно. Мой костюм потрепало за сегодня, и даже на максимуме он уже плохо держал тепло. Территория перед больницей была забита припаркованными машинами, они стояли даже на газонах. Когда я подходил ко входу, дверь одного из электромобилей распахнулась, и невысокая фигура бросилась ко мне.

— Папа!

— Софья!

Дочь кинулась мне в объятия, и я крепко прижал ее к груди. Меня разрывало от радости, что она жива, и от ужаса, что скоро она умрет. В память лезли картинки из брошюры по радиации о лучевой болезни и муках, которые она доставляет людям перед смертью. Это несправедливо! Я почувствовал, как Софья дрожит и заметил, что на ней поверх рубашки только легкая куртка.

— Пойдем в тепло.

Я обнял ее за плечи и повел в больницу.

Внутри было жарко и многолюдно. Я увидел Олега и Елисея. Левая рука меха висела на бинтах, плотно прижатая к телу.

Повязка пропиталась кровью.

Они кивнули мне и продолжили беседу.

На нескольких каталках, приспособленных под столы, стояли тарелки с хлебом, сыром и колбасой, в прозрачных граненых стаканах плескался, судя по цвету, апельсиновый сок.

— Есть хочешь? — спросил я у дочери.

— Немного, — тихо ответила она. Очевидно, толпа вооруженных незнакомых людей смущала ее.

— А я много!

Мы подошли к каталкам. Встреча с лже-Ирой стоила мне нескольких зубов, но я, показывая пример, сделал бутерброд с колбасой и взял стакан с соком.

Софья жадно набросилась на незамысловатую еду. Судя по всему, последний раз ела она давно. Что она испытала, находясь в заложниках у женщины, выглядевшей, как ее мать? Что охотница говорила ей? Живот свело, и я положил так и не надкусанный бутерброд на каталку. Фляга давно опустела, а мне очень хотелось выпить.

— Через пять минут сбор на крыше. Будет обращение главы Нового Завета, — громким голосом сообщил Олег. — Теплые вещи уже там, не стесняйтесь.

Люди потянулись к лестницам.

Что же скажет нам Кирилл? Будет ли какое-то решение? Или, что вероятнее, он обрисует план спасения небольшой группы людей и, возможно, расскажет схему, как счастливчики будут выбраны. Какие еще есть варианты? Можно попробовать собрать чипы всех для дальнейшего воскрешения. Когда-нибудь и где-нибудь. Но, даже если удастся такое провернуть, все это будут другие люди, пусть и с нашей памятью.

А все ныне живущие все равно умрут.

Мы вышли на морозный воздух. Здесь, в темноте, звёзд на небе стало еще больше. Я заметил кучу плащей и, выбрав потеплее, закутал в него Софью. Мы отошли от основной толпы и присели на одну из дальних, заранее подготовленных скамеек. Было без двух минут одиннадцать.

Слышалось негромкое бормотание. Кто-то был подавлен, кто-то успокаивал остальных, уверяя, что Кирилл наверняка что-то придумал.

К больнице подъезжали все новые машины, опаздывающие люди бежали внутрь. Почему сбор именно здесь, так близко к источникам радиации?

— Папа, мне страшно.

Я почувствовал, что голова дочери прижимается к моему плечу.

— Не бойся, малышка, я вытащу тебя отсюда.

Рядом кто-то сел, я обернулся и увидел кудри Кати. Сейчас, в темноте, они казались почти черными.

— Извини, что наорала, — тихо сказала она. — Очень хотелось пристрелить ту гниду.

— Ничего.

Я нащупал ее ладонь и сжал.

Вспыхнул установленный на крыше экран, и на нем крупным планом появился человек в инвалидном кресле — Кирилл. Он здорово изменился. Под глазами уже не круги, а фиолетовые ямы, а кожа стала совсем бледной. Но он улыбался.

— Приветствую всех жителей Зеленого, Синего и Красного миров! — (Ого, общая трансляция). — Скажу сразу: ситуация под контролем.

Радостные крики и свист заполнили крышу, руки взметнулись вверх. Хоть Кирилл и не сказал ничего конкретного, но он пустил свет надежды в сердца испуганных людей. Катя не убирала ладонь, и я снова ее пожал. Софья теснее придвинулась.

— Тихо! — крикнул Олег, так как Кирилл продолжал говорить.

… трансляция только на наши миры, никто из внешних ее не видит. Я надеюсь, большинство из вас смотрели более ранние репортажи и примерно понимает, что происходит. Кто не смотрел, пересмотрите позже, а пока о главном. Вражеские силы убрали барьеры, и сейчас города наполняются радиацией. Большинство из вас уже облучены. — Раздались взволнованные голоса, кто-то даже закричал. Кирилл, будто слыша это, успокаивающе поднял руку: — Но не волнуйтесь, те дозы, что вы получили, сумеют нейтрализовать наши лекарства, главная задача сейчас — устранить источник, а для этого мы обратились за помощью.

Он посмотрел на свой браслет и продолжил:

— Помощь прибудет в Зеленый мир через минуту. В Синий — через пять. В Красный — через семь. Убедительная просьба не проявлять агрессии. После того как все закончится, тем бойцам, кто хочет поквитаться с устроившими это, необходимо прибыть на аэродромы в своих мирах. Инструкции получите на месте. В Зеленом мире у Олега Непобедимого, в Синем — у Аполлона, в Красном — у Ли Мэй. И помните: Новый Завет с вами. Мы контролируем ситуацию.

Кирилл в прощальном жесте вскинул руку и экран погас.

Люди на крыше заволновались. О чем он говорил? Какая помощь? Какая агрессия? Все переводили взгляды друг на друга.

— Смотрите!

Один за другим все повернули головы на север. Там, над горизонтом, появились шесть светящихся объектов, и они очень быстро бесшумно приближались. Через минуту стало понятно: это космические корабли.

Ретранслятор был нужен Кириллу не только для внутренней связи и пропаганды — он позвал на помощь Протолан.

Корабли разлетелись по периметру города, периодически ненадолго зависая над какими-то, одним их пилотам понятными точками.

— Они убирают радиацию! — закричал кто-то.

Свист и многочисленные возгласы взорвали крышу. Чаще всего звучали крики: «Ура!» и «За Новый Завет!»

Я вспомнил рассказ Ларгуса: инопланетяне могли убирать радиацию, и сейчас они, судя по всему, нейтрализовывали источники излучения. Как Кирилл уговорил Протолан помочь?! Что обещал взамен? Хотя имеет ли это значение? Какими бы ни были условия сделки, сейчас корабли, кружащие над тремя городами, спасали миллионы жизней.

— Всем гражданским остаться в больнице, — Олег перекричал всех, радостные голоса стихли, — остальные по машинам!

Джо Винтер увез мою жену, и я собирался сделать все, чтобы принять участие в операции.

Если бы не Софья, я покинул бы больницу одним из первых. Пришлось задержаться. Нужно было найти, кому поручить заботу о девочке, а она не хотела меня отпускать.

— Ты же не боец, они и без тебя справятся! — кричала она, хватая меня за рукав. По ее лицу текли слезы. Я успокаивал ее, но ничего не говорил про Иру. Во-первых, я мог ее не спасти, во-вторых, дочь провела несколько дней с охотницей в обличии мамы, а в-третьих, думала, что она умерла и сразу могла не принять, что мама неожиданно воскресла.

— Я не буду лезть на рожон, маленькая, просто помогу, я единственный, кто общался с инопланетянами.

— Какими еще инопланетянами? — снова закричала она, и я запоздало вспомнил, что она ничего не знает.

— Теми, что сейчас убрали радиацию.

Я прижал ее к себе, с тревогой замечая, как холл больницы медленно пустеет. Наконец подошел Илья, и я попросил его присмотреть за дочерью.

— Не ходи, — отчаянно прошептала Софья. Я опустился перед ней на колени и заглянул в глаза.

— Я вернусь, доча. Обещаю. Просто слетаю и помогу чем смогу. Без риска.

Она всхлипнула и прижала свое лицо к моему.

— Я люблю тебя, папочка, — я не понимал, мои или ее слезы текут по щекам.

— И я тебя очень люблю, малышка, — я вспомнил плотоядный взгляд Джо, брошенный на Иру, и решительно встал. Илья кивнул мне, и я выбежал из больницы.

Заведенный Хаммер стоял у подъезда.

— Спасибо, что подождали, — сказал я, забираясь.

— Приказ Кирилла: твое знакомство с Вершителем может быть полезным, — Виктор нажал на газ, и машина сорвалась с места.

Джейн задумчиво смотрела в окно, а Катю я видел лишь со спины, но был уверен: она боится, что из-за Иры я могу подвести их.

Лететь предстояло на тех небольших кораблях, которые зачищали город от радиации. Они не предназначались для транспортировки людей. В каждый с трудом поместилось по двенадцать человек. Итого по шестьдесят с каждого мира. Всего сто семьдесят девять отборных бойцов и я.

То, что предстоял именно бой, никто не сомневался: охотники улетели на свой остров, и там должны были объединиться с Управляющими.

Если бы удалось вылететь быстро, у нас даже был бы шанс обогнать медленные вертолеты, но зачистка заняла много времени. Мы стартовали, когда первые лучи солнца уже осветили спасенный город. Переливающиеся вдалеке изумрудные башни были последним, что я увидел, заходя в инопланетный корабль. Окон не было так же, как и посадочных мест. Мы кое-как устроились на полу в тесных коридорах. Я сидел между Катей и Елисеем.

Корабль завибрировал — мы взлетели. Расчетное время прибытия — четыре часа.

— Сколько охотников выжило? — спросил я. Организм всячески намекал, что следует поспать, но слишком много прошло мимо меня за последние сутки.

— Не меньше пятидесяти со всех миров, — ответила Джейн. Она удобно сидела, облокотившись на широкую спину Виктора и, как всегда, была не против поболтать. — Плюс у них там кандидаты в охотники типа учеников. Плюс охрана, плюс Управляющие. Не знаю, какие они бойцы, но точно не будут рады нас видеть. Ну и армия материка, хотя надеюсь, они не появятся,

пока мы не закончим.

Армия материка. На двести миллионов населения их вряд ли меньше миллиона. Не хотелось даже думать об этом.

— Как Кирилл договорился с Протоланами?

— Это тебе лучше у него спросить. Скорее всего, он просчитал падение купола. Поэтому ретранслятор и стал главной целью.

— Как там все прошло? — спросила Катя.

Джейн не ответила. Со своего места я плохо ее видел, но мне показалось, что ее плечи поникли. Вмешался Виктор:

— Битва за антенну была жаркой. Охотники — сильные противники. Куча народу погибла. Виолетта тоже, — он замялся, а я вспомнил фиолетовые пряди в белых волосах Виолетты и ее разного цвета глаза. — Мы взяли ее часа в три, потом отбивались, пока Кирилл и его друзья-ботаники что-то там настраивали. Только к вечеру он послал нас к аэродрому. Судя по всему, он уже связался к тому моменту с жабами и с другими мирами…

— Из каждого утюга и с каждого экрана шли сообщения о внешнем мире, — подхватила Джейн. В голосе ее послышалось возбуждение и восхищение. — Все узнали о нашей судьбе, о будущем, которое мы сейчас строим и за которое воюем. Я и подумать не могла, что Кирилл записал столько роликов, видно, давно готовился.

— Ага, — снова взял слово Виктор, он не разделял восторгов девушки, — а про Протолан этих все в том духе, что с ними можно договориться. А про то, что они когда-то почти нас уничтожили, ни слова.

— С ними будем решать, когда справимся с охотниками, — проворчал Олег из дальнего угла. До этого мне казалось, что он спит. — Пока они наши союзники, и кстати, один из них на этом корабле.

Олег явно намекал, что слова типа «жабы» и прочих сейчас неуместны.

— Большие потери в городе? — спросила Катя.

— Большие, — Джейн вздохнула, — зомби прорвались далеко, да и поначалу была неразбериха и паника. Только потом, когда начались сообщения из штаба, большинство попряталось и во второй половине дня потери стали меньше.

Я вспомнил эльфа Элдариона: интересно, он выжил? И если да: что делает сейчас? Вспомнил Сашку. Илья сказал, что он в тяжелом состоянии, но жив. Пусть баллы он не потратит, зато сумеет увидеть своего ребенка, если, конечно, выжила его беременная жена.

— Я не могу связаться с родителями, — тихо сказал Виктор, и

снова тишина наполнила коридоры корабля. Я осознал, что почти ничего не знаю про родных и близких окружающих меня людей. А ведь у многих из них есть родители, братья и сестры, может, супруги и дети, но все они здесь, летят выполнять свой долг.

Или не долг?

Наемник должен только сам себе. Они здесь по велению сердца, ведь именно этих людей в свое время отобрал Кирилл. Все они, еще не зная сути, чувствовали несправедливость мира и сейчас жаждут ее исправить, пусть даже ценой своих жизней.

А зачем это делаю я? Из-за Иры? Или ради справедливости? Смог бы я жить нормально, если пропустил бы решающее сражение и что-то пошло не так? Или мучился бы всю жизнь, думая, что мог бы что-то изменить? Скорее, второе. Не подставлю ли я своих товарищей, да и всю операцию, когда снова увижу Иру? Смогу ли, если понадобится, пожертвовать ее жизнью или своей ради будущего миллионов живущих и десятков миллионов еще не родившихся людей?

Как поведут себя Протолане? Знают ли охотники, что они помогли нам? Вряд ли: Кирилл должен был предотвратить утечку. Да и их помощь носит технический характер: пятнадцать кораблей по одному пилоту в каждом. По состоянию сразу видно: корабли не использовались десятки, если не сотни лет. Может статься, что их отправка — единственное, чем инопланетяне смогут нам помочь. Вероятно, они будут ждать, чем закончится наша стычка и дальше действовать по обстоятельствам.

Интересно, как там Ларгус? Лилонт у нас в заложниках.

Чёрт! Я же вообще ничего не знаю, как и все мы. И сильно сомневаюсь, что Кирилл сумел просчитать все нюансы. Он лишь приводит в движение основные силы, а конечный результат в руках людей на местах.

Погрузившись в размышления, я все-таки заснул и проснулся от того, что Катя аккуратно потрясла меня за плечо.

— Через десять минут высадка, — негромко сказала она. Я огляделся: Олега не было, наверное, он пошел в кабину пилота.

— Ну что, зададим им жару! — передергивая затвор, воинственно сказала Джейн. В ее голосе чувствовалось нетерпение, а на лице наверняка улыбка, не сулящая охотникам ничего хорошего. Сегодня Каратель будет отомщен.

Наемники зашевелились, растирая затекшие мышцы и проверяя оружие. В коридор ввалился Олег и сразу сел на пол.

— Держитесь крепче, возможен заградительный огонь, — показывая пример, он схватился за трубу, проходящую по стене. — Как только шлюз откроется, выбегаем, на земле корабль могут быстро раздолбать.

Едва он сказал это, началась тряска, и я больно стукнулся головой о выпирающий угол неизвестного прибора. Рука Елисея дернула меня за куртку, оттаскивая от опасного места.

Тряска продолжалась пару минут, потом последовал удар и долгий скрежет. Всех швырнуло вперед — корабль упал и теперь, скользя по земле, останавливался. В конце коридора открылся люк, и падающий в него свет резал глаза.

— Поехали!

Мы гуськом побежали к выходу.

Глава 29

Снаружи шел ожесточенный бой. Я узнал место. Мы приземлились между внутренним двором и основным административным зданием, которое я заприметил во время прошлого визита сюда. Шесть этажей, огромная площадь, до него было метров триста, и оно походило на крепость: небольшие окна и кирпичные стены. Охотники и их помощники отступали к нему, но теперь, когда сели все пятнадцать кораблей, силы были неравны. Только три транспорта получили серьезные повреждения и горели, но даже из них люди успели выбежать и вступить в схватку.

Мы теснили противника, прикрываясь кораблями и брошенными повсюду машинами. Активно работали гранатометы, подавляя огневые точки внутри здания. Атака явно застала защитников врасплох, скорее всего, их вертолеты прибыли сюда незадолго до нас. На некоторых были значки Зеленого мира, значит, и Ира где-то здесь. Я стрелял, перебегая от укрытия к укрытию. Присутствие рядом членов моей группы добавляло уверенности и сил.

Оставшиеся охотники скрылись в здании, а мы, чтобы не стать легкой мишенью для гранат, рассеялись по площади перед главным входом. Приказа к штурму пока не было — появилась возможность для передышки. Очень вовремя. Несмотря на околонулевую температуру, я весь вспотел и тяжело дышал. Позади нас остались десятки тел, но большая часть из них принадлежала противнику. Из нашего отряда, насколько я успел заметить, никто серьезно не пострадал. Двоих незнакомых мне наемников ранили, но не смертельно — сейчас над ними работали аптечки.

Над входом в здание висел черный, неизвестно как уцелевший, экран. Сейчас он включился. Появилось лицо главного охотника Джо Винтера. Со злорадством я заметил несколько крупных царапин и отсутствие довольной ухмылки.

— Предлагаю переговоры, — без вступления начал он, — по три человека с каждой стороны, встречаемся в пятидесяти метрах от входа.

Какие еще переговоры? У нас преимущество — надо просто начинать штурм.

— В случае отказа мы убьем заложников, — камера переключилась, теперь на экране был виден зал, в котором сидели несколько десятков связанных человек. — Тут родственники знаменитых наемников, членов Нового Завета, а

также известные и уважаемые люди Игровых миров.

— Вот сука, — сказал Виктор, прячущийся за одной машиной со мной, и по его тону я догадался, что среди пленников он увидел своих родителей.

— Встреча переговорщиков через пять минут.

Экран погас, теперь это был мертвый черный прямоугольник на фоне серого неба. Интересно, здесь на острове и летом облака?

Я не видел Иру, но знал: она там. Хорошо, что мне не нужно принимать решений. Предвидел ли это Кирилл, и что, по его мнению, мы должны делать?

Затрещала рация, раздался голос Олега:

— На переговоры идем я, Екатерина и Сергей. Если с нами что-то случится, начинайте штурм.

Почему я? И сразу ответ: я знаю больше многих. А Катя? Чтобы не дать мне накосячить. Внезапно я пожалел, что прилетел, но это был приказ Кирилла. Неужели я здесь именно ради этого момента? Но что мне делать? Одни вопросы, и все без ответов. Из-за укрытия появился Олег, а за ним Катя. Несколько раз глубоко вздохнув, стараясь унять дрожь в коленях, я последовал за ними.

Мы остановились за перевернутой машиной. Хреновое место: при желании снайперы без проблем нас снимут. Дверь здания открылась, появился Джо в сопровождении двух мужчин. Следом еще двое охотников и трое заложников, среди которых Ира: все так же связаны руки, все тот же кляп. Меня охватила ярость. Страшно представить, какие раны у нее во рту и на запястьях. Скоты!

В одном из сопровождающих Главного охотника по походке, фигуре и черному балахону с надвинутым на лицо капюшоном я узнал Вершителя Ларгуса. Неизвестных в уравнении прибавлялось. Мне оставалось только играть отведенную роль, и я подозревал, что она заключалась в том, чтобы быть самим собой. Возможно, даже подразумевалось, что я буду совершать ошибки. Успокаивая себя, я остановился за спиной Олега. Джо окинул нас оценивающим взглядом, прокашлялся и не спеша начал:

— Больше всего меня интересует, где вы взяли корабли, — при этих словах он покосился на фигуру в плаще: — ну и, конечно, что мы будем делать дальше?

Да, перед ним стояла трудная задача; судя по всему, до момента нашего прилета он полностью доверял Ларгусу. Теперь же ему предстояло сопоставить данные и угадать нашу силу и осведомленность. Сколько ему понадобится времени, чтобы вернуться на несколько дней назад и предположить, что

Вершитель помог нам? Потребуются ли для этого допросы и пытки? Или он достаточно параноидален, чтобы допустить предательство на основании тех данных, что есть. Первой мыслью было выдать историю о том, что Новый Завет давно все знает, что у нас есть способ угрожать Антарктиде и тому подобную ерунду. Но будет слишком похоже на то, что мы выгораживаем Ларгуса.

Олег, должно быть, рассудил так же:

— Методы добычи информации мы не разглашаем, но если в двух словах: жена судьи не стала скрывать того, что знала.

Я заметил, как вздрогнул Вершитель: намек на пытки был слишком явный.

Джо эта версия должна устроить. Наверняка он думал, что предельная физическая боль сильнее любых привязанностей. Он судил протолан по себе. Может быть, даже он ничего и не знал про их височные уловители.

— Почему они помогают вам?

— Не многовато ли вопросов в вашем положении? — Олег попытался перехватить инициативу. — Давай сразу к делу. Вы сдаетесь, и мы гарантируем вам честный суд.

Джо засмеялся. И смеялся неестественно долго. Он тянет время! Интересно, зачем?

— Чем это отличается от того, что мы застрелимся здесь сами?

— Для тебя мало чем, я думаю, но многие из твоих друзей могут выжить, — сказанное адресовалось не Главному охотнику. Олег пытался внести смятение в ряды его союзников. — Наш лидер думает, что в наказание они могут стать основой следующего игрового мира, который будет построен на добровольной основе.

— О, неплохая идея. Мы тоже когда-то хотели сделать отдельный мир для преступников, но в итоге интегрировали его в ваш.

Прошлым вечером на аэродроме Джо говорил значительно быстрее и увереннее, сейчас же он тянул слова и делал паузы. Ощущение, что он чего-то ждет, нарастало. Я заметил, что люди, стоящие у входа с заложниками, постоянно смотрят в небо.

— Сдавайтесь, — громко повторил Олег, он тоже чувствовал что-то неладное, — и мы гарантируем справедливость.

— А как же заложники? Неужели вы начнете штурм? Мы же убьем их всех.

— Ты собирался убить шесть миллионов. Мы спасли их. Если понадобится искоренить такую заразу, как вы, ценой жизни пятидесяти человек, не сомневайся, мы сделаем это.

Я посмотрел на Иру. Она, не отрываясь, смотрела на меня.

Что она чувствует сейчас? Что делали с ней все это время? Успею ли я убить охотников до того, как убьют ее? Конечно, нет. Я судорожно прикидывал варианты и не находил выхода.

Лицо Джо вдруг озарилось улыбкой: он смотрел куда-то за мое плечо. Я обернулся и похолодел: к нам приближались десятки военных вертолетов.

Противнику подоспела подмога с материка.

— Я бы посоветовал вашим людям сложить оружие, — довольно сказал Главный охотник, — там ребята простые, могут сразу начать стрельбу.

Я сжал автомат и смотрел на Олега. Понятно, что начинать сейчас бой равносильно самоубийству. Но что-то же надо делать. В ожидании приказа об атаке напряглась Катя, но Олег молчал. Он отвернулся от Джо и смотрел на приближающиеся вертолеты; его лицо было непроницаемо.

Головная машина, поднимая клубы пыли, приземлилась в тридцати метрах от нас. Из нее выбежали человек двадцать в военной форме и быстрым шагом устремились к нам. Остальные вертолеты садились между инопланетными кораблями. Солдаты занимали позиции. Все они были вооружены и не сводили дула автоматов с наемников. Если кто-то выстрелит, побоища не избежать.

Первый отряд подошел к нам.

— Приветствую, Главный охотник, Вершитель Ларгус, — командир кивнул своим боссам. — Это, я так понимаю, повстанцы из Игровых миров?

— И вам привет, майор. Где генерал Джексон?

— Ему нездоровится, он прислал меня, — майор еще раз кивнул и представился: — Майор Кервуд, секретная служба.

Тень сомнения пробежала по лицу Джо: складывалось впечатление, что он первый раз слышит про секретную службу.

— Хорошо, майор, эти люди организовали восстание в игровых мирах и стали причиной смерти тысяч жителей. Арестуйте их и проведите в здание для дальнейшего допроса.

— Так точно, Главный охотник, только сначала одна маленькая вещь, — он повернулся к Ларгусу: — Вершитель, вы не могли бы снять капюшон.

— Вы забываетесь, майор!

В голосе Джо прозвучали истерические нотки. Он начал понимать, что происходит.

Кирилл связался не только с пришельцами!

— Я настаиваю!

Майор сделал едва заметное движение головой, и через секунду все автоматы были направлены на тройку наших

противников. Сзади подходили наиболее любопытные из числа солдат.

— Вы не имеете права! — снова крикнул Джо, и я заметил, как он маленькими шажками пятится ко входу. Тем временем, будто стряхивая груз, Ларгус повел плечами и одним движением снял капюшон, открывая свету свою светло-зеленую от страха кожу и выпученные на лягушачьей морде глаза.

По рядам солдат пронесся вздох удивления. Первым пришел в себя майор.

— До выяснения всех обстоятельств арестовать судью, Главного охотника и оста…

Но договорить он не успел. Джо рванулся к зданию, и в этот же момент, сея смерть и панику, площадь накрыли десятки взрывов.

Меня сбило горячей волной. Катясь по земле, я успел увидеть, как заложников запихивают внутрь и туда же подбегают Джо и Ларгус. Пистолет оказался у меня в руках, и я выпустил всю обойму в спину бегущему Главному охотнику. Он, споткнувшись, упал, но быстро поднялся. Ларгус подхватил его и втащил в темнеющий проем. Я вскочил и, не обращая внимания на разверзшийся вокруг ад, бросился за ними.

Здание надо мной пестрело огненными цветами: наемники и военные открыли ответный огонь из гранатометов. Во все стороны летели куски кирпича, достаточно крупный обломок сильно ударил в плечо, другой в ключицу. Я не сбавлял темпа и вскоре оказался под прикрытием большого козырька над главным входом. Перепрыгнув ступеньки, я пихнул дверь и влетел внутрь. Тут же, как учили, перекатился и спрятался за стойку ресепшена.

Вовремя. На то место, где я только что лежал, круша паркет, обрушился град пуль. Отступление основной группы прикрывали двое бойцов. Граната уже лежала на моей ладони, и я с удивлением обнаружил кольцо в пальцах другой руки. Бросок. Отскочив от стены, металлический шар покатился в сторону врагов. От взрыва с потолка посыпалась штукатурка, все заволокло едким дымом. Я вставил в нос фильтры и осторожно покинул укрытие. Когда на плечо легла рука, я едва не подпрыгнул.

— Я первая пойду, — подмигнув мне и одарив улыбкой, сказала Катя и скользнула в дым. Я последовал за ней. Темный силуэт быстро передвигался от укрытия к укрытию. Ей понадобилась лишь короткая пауза, достаточная для того, чтобы перерезать горло раненому охотнику.

Странное лицо у нее было в момент, когда она вытирала нож об одежду своей жертвы. Умиротворенное, будто все шло по ее

внутреннему плану, и она приближалась к цели. Мне не понравилось это выражение, но я радовался, что не один. Сколько времени понадобится нашим, чтобы подавить сопротивление и, не опасаясь пуль, последовать за нами? Жив ли Олег? Последний раз я видел, как его сбило взрывом и он упал рядом с майором Кервудом.

Мы перемещались короткими перебежками. Дым рассеялся, и на полу стали заметны капли крови: похоже, я все-таки пробил костюм Джо. Возможно, разумнее было подождать остальных, но это дало бы противникам время подготовить встречу и при желании убить заложников.

В засаду мы попали, поднимаясь на второй этаж. Удобное место. Предсказуемое. Поэтому перед тем как выйти на пролет лестницы, Катя сняла рюкзак и, подцепив стволом автомата, подняла вверх. Пули тут же сорвали его и отбросили к стене. Не высовываясь, девушка метнула две гранаты и сразу после детонации рванула вперед. Я не отставал и, видя, что спутница повернула налево, пошел прямо и через несколько шагов споткнулся о чье-то тело. Совсем еще молодой парень лежал на спине, затыкая рукой рану от осколка гранаты на животе. Лезвие моего ножа мягко вошло в его горло, освобождая от мучений. Не так это и сложно — убивать.

Катя прошла мимо меня, мельком кинув взгляд на лежащее поперек коридора тело. Она искала в дыму следы крови на усыпанном осколками полу. Я едва что-то различал сквозь слезы, выступившие на глазах; она же, казалось, не ощущает никакого дискомфорта. Вскоре девушка уверенно махнула рукой в сторону одного из коридоров, и мы продолжили преследование.

В следующей засаде мы встретили только одного охотника. Этот здоровый лысый парень очень удивился, увидев нас, выбегающих из-за поворота.

Несмотря на удивление, среагировал он молниеносно: первым ударом выбил автомат из рук Кати, а вторым отправил ее в нокаут. Я успел выстрелить, но не попал. Последовал рывок — пистолет улетел в сторону, а на голову будто обрушился молот. Вспышка — и перед глазами каменный пол. Для такой массы противник двигался очень быстро. Удар ноги в живот выбил из легких воздух, и мне показалось, что трещат ребра.

Не иначе, охотник принял меня за наиболее опасного из нашей пары. Удары сыпались один за другим, мне оставалось только прикрывать голову и в ожидании чуда стараться не потерять сознание. Противник знал куда бить — левая нога и рука онемели, пальцы слиплись от крови.

— Мужику хана, — сквозь туман я услышал голос своего

мучителя, он докладывал о своей победе Джо, — баба вроде очухивается, сейчас разберусь с ней и догоню. Конец связи.

Удары прекратились — перед закрытыми глазами пульсировали красные круги, все тело горело огнем.

Нужно полежать минутку: если не двигаешься, есть мгновения, когда боль почти не чувствуется, нужно только подобрать правильную позу. Раздался женский крик, и затем треск ломаемой кости. Сейчас он закончит с Катей и вернется добивать меня. Потом Джо убьет Иру, и наверняка у него есть сюрпризы для остальных. И он победит.

Нельзя этого допустить, но как заставить себя двигаться?

Пусти… — голос Роберта звучал не так твердо, как обычно. Не просто так он редко появлялся в последнее время, ведь, как ни крути, в основном доставалось его телу. Может, он тоже боится той боли, что хлынет на него, когда он перехватит контроль. И может, несправедливо сейчас поступать с ним так. Но я устал и не могу терпеть.

Заходи.

(Роберт)

С трудом фокусирую взгляд. Метрах в пяти от меня охотник дерется с Катей, она сопротивляется, но он побеждает. Лицо девушки разбито, а сломанная рука висит вдоль тела. Пистолет лежит у стены, до него метра три. Пытаюсь встать, и со второй попытки это удается, делаю осторожные шаги — ноги едва слушаются, с трудом удерживаю равновесие.

Охотник оборачивается; в этот момент Катя бросается вперед и сбивает его с ног. Осталось полтора метра. Как же это далеко. Спотыкаюсь. При падении ребра пронзает болью, в глазах темнеет. Отключаться нельзя, Серега уже не помощник.

Охотник отпихивает Катю. Ему дольше добираться до меня, чем мне до пистолета, он видит это и бросается к брошенному автомату. Я ползу. Мы успеваем почти одновременно, он раньше буквально на долю секунды. Дуло смотрит мне в грудь, и, когда он жмет спуск, я вижу оскал на его лице. Что-то мелькает между нами — это Катя прыгает на него. Раздаются выстрелы, и девушку отшвыривает в сторону. Я стреляю, первая же пуля пробивает охотнику лоб — кровь заливает удивленное лицо, и он падает на спину.

Голова Кати лежит на моих коленях, кровь хлещет из трех ран на груди и заливает комбинезон. Дрожащими пальцами достаю аптечку. Катя смеется, и тут же ее смех переходит в кашель.

— Дурачок, — шепчет она, и кровь выступает на губах, — я все. Не трать лекарства.

— Нет, — спорю я в отчаянье, — ты выживешь!

Она слегка качает головой, поднимает руку и прикасается к моей щеке.

— Ты должен идти и спасти всех, спасти Иру. Ты справишься… мой хороший…

Пустота расползается внутри меня, я вижу то рыжие кудри Кати, то черные волосы Кристины. Лицо расплывается, в фокусе только глаза, и они закрываются.

Дотрагиваюсь рукой до ее чипа. Я воскрешу тебя! Когда все закончится, с новыми телами не будет проблем.

Она вздрагивает и будто читает мои мысли.

— Даже не вздумай!

Кровавые пузыри вырываются вместе со словами, она отдает все силы, чтобы сказать то, что важно для нее.

— Я умру сейчас. Та, которая появится после воскрешения, будет другим человеком, и она будет такой же несчастной и одинокой, как я. Только еще хуже: она будет знать, что она — это не я…

Катя вновь кашляет, лицо ее цвета снега, лишь зеленые глаза сияют на нем, и прядка рыжих волос спадает по щеке. Мне кажется, что ей не хватит сил продолжить, но у нее получается:

— Она будет знать, что, вдобавок ко всему, что ей довелось пережить, она ненастоящая и занимает чье-то тело. Она не сможет с этим жить… я знаю… и все эти вчерашние мечты… ерунда… — она сжимает мою руку, и я слышу в ее голосе мольбу: — Если ты любишь меня не делай этого… Я не Кристина.

Последние слова я едва различаю; голова Кати откидывается, и глаза медленно закрываются. Слезы катятся по моим щекам и капают на мертвые губы. Наклоняюсь и целую ее.

Второй раз… Эти сволочи забрали ее второй раз!

Я осторожно опускаю тело Кати на пол и поднимаю автомат. Перезаряжаю. Аптечка уже впрыскивает в мое тело лекарства. Беру гранаты, пистолет снова за поясом. Все по-прежнему болит, но идти я могу. Нас встретили в этом коридоре, значит — туда. Придерживаясь за стену и припадая на ногу, иду. Охотников не могло остаться много, и они думают, что я мертв.

Вскоре различаю голоса: они за дверью в конце коридора, ждут своего друга. Лекарства разгоняют туман — я готов встретить судьбу. Момент истины! Делаю несколько глубоких вдохов и рывком открываю дверь.

Зал с заложниками. Они сидят у дальней стены, метрах в

двадцати пяти от входа. Их не меньше пятидесяти. По периметру зала многочисленные экраны, в основном выключенные. В центре стоят Джо с Ларгусом и о чем-то спорят, рядом на полу Ира, перед ними еще два охотника.

Меня не ждут. Они поворачиваются ко мне, и я вижу удивление на их еще секунду назад довольных лицах. Жму спусковой крючок — два охотника падают. Они слишком близко, чтобы среагировать, но Джо успевает отпрыгнуть. Он рывком поднимает Иру с пола, потом медленно отступает к большому пульту. Его рука висит на наспех сделанной перевязи: возможно, наша пуля.

Серега вмешивается, но не сильно, удается подавить его желание еще раз посмотреть на Иру.

Поверь друг, я сделаю что смогу.

Захожу в зал и смотрю на пол, убеждаюсь: два противника мертвы. Ларгус жмется к стене, мне не до него. Нужно подойти чуть ближе к Джо, чтобы не промахнуться и дать Ире шанс. Делаю еще два шага. В эту секунду Главный охотник добирается до пульта и что-то нажимает на нем. Сверху на меня обрушивается конус красного света.

— Стой! — кричит Джо.

Глава 30

(Сергей)

Внушитель в руках охотников. Этого я не ждал. И это худшее, что могло произойти. Как и в пещере Вершителя, тело под контролем Роберта, и, как и тогда, оно полностью отключается. Я знаю, что в любой момент могу перехватить контроль, но не тороплюсь: может, теперь Джо отпустит Иру. Краем глаза смотрю на Ларгуса: предупредит ли он охотника? Нет, молчит и задумчиво двигается вдоль рядов заложников. Среди них в некотором отдалении я замечаю несколько фигур в балахонах. Другие Вершители? Вряд ли, скорее всего, семья судьи. Они не связаны, но их присутствие здесь намекает на отношение охотников к протоланину.

Джо смеется и рывком поворачивает к себе лицо Иры, ее глаза расширены, сквозь кляп слышен стон.

— Муженек-то твой не смог! — по звучащим истерическим ноткам в голосе охотника я понимаю, как его напугало мое появление. — Хотя признаться, был близок.

Дальнейшее предназначается мне: это первая часть мести за мое вмешательство. Джо приближает лицо Иры к себе и языком проводит от подбородка до глаза. Ира мычит и отшатывается. Джо, смеясь, отталкивает ее.

— Потом займемся тобой, — он оборачивается ко мне: — Ты же хочешь увидеть финал?

Давай, сволочь! Говори! А потом я скажу!

Тело неподвижно в лучах красного света и ждет приказов.

— Смотри, — он нажимает кнопки на панели. На ближайшем ко мне мониторе появляется изображение одного из коридоров, по нему осторожно двигаются пятеро военных и наемников, с ужасом узнаю среди них Джейн. — А теперь внимание!

Он, торжествуя, нажимает следующую кнопку, и коридор заливает красный свет. Солдаты испуганно озираются. Джо нагибается и говорит в микрофон:

— В здание проникли враги, они выдают себя за военных и наемников Игровых миров. Приказываю их уничтожить. Выполняйте!

Загипнотизированные бойцы одновременно разворачиваются и идут назад; когда они увидят своих старых друзей, они начнут стрелять.

Меня озаряет: это здание, построенное охотниками, — одна большая ловушка, фабрика по изготовлению рабов. Я вижу, как ошарашено замер, глядя на экран, Ларгус.

Все переговорщики, что зайдут сюда — а они рано или поздно зайдут, — выйдут, веря каждому слову, которое услышат, и будут выполнять любую волю новых хозяев. Более того, владея технологией, охотники смогут построить такие центры везде и очень скоро подчинят себе весь мир. Они не пассивные, довольные жизнью наблюдатели вроде протолан, они целеустремленны, безжалостны и не остановятся, пока не ликвидируют всех, представляющих угрозу.

Джо отошел к заложникам — между нами двадцать метров; если я атакую сейчас, благодаря большему опыту он имеет все шансы убить меня первым, даже с поврежденной рукой. Я жду, пока он подойдет.

— Есть, конечно, и план Б, — продолжает упиваться своей победой охотник, — на случай, если все-таки кто-то проскочит и будет серьезно нам угрожать.

Он возвращается и поднимает защитное стекло с большой кнопки, расположенной по соседству с кнопкой внушителя. Джо заносит палец и делает вид, что хочет ее нажать. Потом смеется, убирает руку и закрывает колпак.

— Эта кнопочка сравняет это здание с землей. Вместе со всеми заложниками и теми из твоих друзей, кто будет в нем, — он заговорщицки подмигивает: — Но мы пока не будем ее нажимать. Может, и так обойдется.

Еще чуть ближе, хотя бы на метр. Чтобы я точно попал тебе в голову!

Джо делает эти несколько шагов и говорит одновременно с тем, как я прыгаю в тело.

— Ты никогда не должен причинять мне вред!

И я чувствую, как Роберт, поддаваясь внушению, начинает сопротивляться мне.

Направляю пистолет на Джо, но Роберт левой рукой бьет сверху по правому запястью, которое контролирую я. Пуля уходит в пол, оружие со стуком падает и отлетает. Делаю шаг к охотнику, пытаясь достать нож, но вторая нога прикована к полу, и я падаю, успевая заметить недоумение на лице своего врага.

— Ты не должен причинять мне вред, — повторяет он и подходит.

И он прав: я не могу. Действие внушения усиливается, и Роберт захватывает все больше контроля. Я могу лишь бессильно смотреть в лицо приближающегося охотника. В его глазах неуверенность и любопытство.

— Как ты сопротивляешься? Отвечай!

Он садится на корточки и следит за моей борьбой. Но часть лица еще моя, и я сжимаю остатки зубов, прикусывая язык, чтобы

не отвечать. Из моего рта раздается неразборчивое мычание, и течет струйка крови.

— Интересно, — задумчиво произносит Джо и здоровой рукой достает пистолет. — Убью-ка я его на всякий случай, правильно?

Он оборачивается к Вершителю, и тот вонзает лезвие стилета охотнику в глаз. Кровь заливает перекошенное лицо Джо. Не успевает он упасть, Ларгус подбегает к пульту — гудение лампы надо мной меняет тональность.

— Отмена всех команд Главного Охотника Джо Винтера, — произносит он, и внушитель отключается. В ту же секунду я чувствую, как Роберт покидает тело.

Я едва мог сфокусировать взгляд на пучеглазом лице Вершителя, склонившегося надо мной. Только что моим мозгом управляли одновременно двое, и он пока не оправился от этого. Возможно, и не сможет. Наверное, именно так сходят с ума. Зеленые руки прислонили аптечку к моей шее, но я мог только смотреть на выключенную лампу и с ужасом представлял, как она включится снова и красный свет уничтожит остаток моего разума.

Ларгус продолжал колдовать с аптечкой, и вскоре в голове начало проясняться.

Судья все-таки на нашей стороне. Его авторитет оказался достаточно высок, чтобы, даже имея подозрения, охотники доверяли ему, хотя, скорее всего, они просто оставили разборки с ним на потом. И он — связующее звено. Очень важное звено. Именно он дал Кириллу необходимые данные, благодаря которым тот окончательно уяснил все расклады и сумел связаться и с протоланами, чтобы спасти Игровые миры, и с материком, предупредив военных о предательстве охотников.

Я смотрел на Вершителя: на его обильно покрытую (потом?) зеленую кожу, выпуклые глаза, височные уловители и большой рот с плотно сжатыми губами. Теперь он вместе с Кириллом должен будет построить мостики между жителями Игровых миров, инопланетянами, двухсотмиллионным населением Европы и Дикими землями. Может, и выйдет что-то толковое. Со временем. Возможно, когда-нибудь удастся преодолеть взаимные обиды, непонимание, презрение и ненависть.

— Спасибо.

Мои губы не слушались, но я попробовал улыбнуться протоланину. Думаю, он хотел улыбнуться в ответ, но не успел. Дверь распахнулась, и в зал ворвались два испачканных кровью человека в военной форме. В одном из них, несмотря на обожженное лицо, я узнал майора Кервуда.

«Наконец-то», — хотел сказать я, но поперхнулся словами, увидев направленный в мою сторону пистолет. Грянул выстрел, и Верховный Вершитель Ларгус с простреленной головой рухнул на пол. Его черная кровь стекала по моему лицу, а аптечка выпала из мертвых пальцев.

Меня стошнило прямо на его тело.

— Вы в порядке? — майор склонился надо мной, и его обожженное лицо показалось мне маской из ночного кошмара. — Что он… этот… делал с вами?

Сил отвечать не было.

— Охотники мертвы, — доложил второй военный, — тут пленные и еще десяток жаб.

— Вершители?

— Кто ж их знает, тварей. Убить?

Я видел по лицу майора, что он колеблется.

— Нет, нам нужны заложники для переговоров по условиям сдачи, — затем он обратился ко мне: — Мне сказали, что вы разбираетесь в… не помню, как называются… в гипноаппаратах.

Почти каждым событием, произошедшим в последнее время, мир словно вбивал гвозди в гроб моей жизни, моего будущего, моих надежд. А сейчас я осознал, что этот гвоздь уже не в мой гроб. Он наглухо заколотит будущее человечества.

Внушитель в руках группы людей, управляющих всем миром, — именно к этому стремился, но не успел до конца реализовать Джо. Скорее всего, ему мешали протолане, и они стали бы следующей целью после усмирения Игровых миров. Охотники проиграли, но ничего не изменилось, просто господствовать над миром станут другие. И так же, как и у протолан, рано или поздно это приведет к уничтожению нашей цивилизации. Только перед этим будут годы рабства и террора. Как говорит Кирилл: потому что так устроены люди.

Не нужно быть пророком, чтобы представить дальнейшее развитие событий: уничтожение или порабощение инопланетных захватчиков и под радостные вопли толпы провозглашение новой структуры общества, во главе которой встанут обладатели внушителя. Сначала плавное, потом при все большем проценте обработанных людей более резкое разделение. До полного раскола на хозяев и рабов. Лагеря для неудобных, возможно, новые игры с участием преступников. И так далее до окончательного упадка или глобальной войны.

Охотников мы смогли остановить, но что делать теперь?

Кервуд все еще сидел рядом со мной и ждал ответа.

И внезапно ответ пришел.

— Извините, меня ударили — плохо соображаю, — пробормотал я, пытаясь подняться. Совсем не сложно было строить из себя еле живого: я едва стоял на ногах, несмотря на то, что майор поддерживал меня за руку. — Да, в общих чертах видел, что они делают, но тут есть кое-что важное. Мне кажется, перед тем, как вы убили Вершителя, он включил механизм самоуничтожения здания.

Майор вздрогнул и посмотрел на меня.

— Зачем?

— Он не хотел, чтобы внушители попали в руки людям, — я тянул его к панели. — Быстрее!

Кроме кнопок на пульте управления, на нескольких табло бежали буквы, цифры и непонятные символы. С полминуты я просто стоял, отдыхая, и делал вид, что понимаю, что они обозначают. К этому времени оба мужчины уже топтались от нетерпения за моей спиной.

— Точно, — я издал, как мне казалось, отчаянный вздох, — взрыв произойдет через две минуты; у Вершителя есть пароль отмены, найдите его.

К телу протоланина бросился только помощник майора.

— Осталось полторы минуты, мы не успеем уйти!

Страх поборол сомнения. В конце концов, я был его союзником, и Кервуд тоже рванул к мертвому Вершителю.

Снова ты мне помог, Ларгус: когда оба солдата оказались в области действия прибора, я нажал кнопку на пульте, и их окутало красное свечение.

— Не двигайтесь, — закричал я, больше всего боясь, что внушитель может не среагировать на мой голос. Среагировал. — Вы должны подчиняться мне и верить каждому моему слову.

Они не двигались.

— Здание заминировано, оно взорвется через пять минут. Прикажите всем наемникам и военным покинуть его и отойти на безопасное расстояние, выведите заложников, кляпы до взрыва не вынимать.

Солдаты, не двигаясь, смотрели на меня. Не сработало! Я подавил всплеск паники. Что еще?

— Выполнять!

Дальше все происходило быстро. Майор с помощником бросились к пленникам. На счастье, у них были связаны только руки. Одновременно Кервуд по рации приказал всем покинуть здание. Я видел, как он подталкивает Иру к выходу, но та бросилась ко мне и, рыдая, уткнулась лицом мне в грудь.

— Ну-ну, малышка, все будет хорошо.

Я крепко прижал ее на несколько секунд, затем отстранил и,

глядя в любимые карие, чуть раскосые глаза, соврал последний раз:

— Иди с остальными, я скоро приду.

Она пыталась что-то возразить, трясла головой, но я не вынул кляп. Мне и так было тяжело, а она может сказать лишнего солдатам и наемникам, которые не подверглись внушению. Я подтолкнул ее к выходу, а майор подхватил под руку.

Не знаю, как я сдержался, чтобы не побежать следом и вместе с ней уйти отсюда.

Через несколько секунд дверь закрылась, и я остался один.

Четыре минуты у меня есть. Может, пять, чтобы все успели отойти на безопасное расстояние.

Что бы сказал Кирилл? Одобрил бы мое решение? Сумел он предсказать все в таких деталях? Вряд ли, да это и неважно, главное, что он будет делать дальше. Теперь вся надежда только на него. После смерти Ларгуса он единственный, кто связывает людей и протолан. Вернее, единственный человек, знающий достаточно много и при этом не ограничивающий себя только идеей о мести захватчикам. Сумеет ли он донести до сотен миллионов, что инопланетяне, живущие сейчас в Антарктиде, это не те, которые убили миллиарды человек, и что с ними можно сосуществовать. Да и, в конце концов, так ли это? Кроме слов Вершителя, доказательств нет. А, ну да, есть еще присланные для спасения Игровых миров пятнадцать кораблей.

Вот теперь точно осталось четыре минуты.

Как поведут себя Европейцы по отношению к жителям Игровых миров, зная, что все решения принимались захватчиками и подконтрольными им людьми? Сумеют ли они принять и осознать глубину своей вины перед поколениями, погибшими, развлекая их? И — самое главное — сумеют ли, осознав ее, простить себя, а не исказить и превратить в агрессию, чтобы выплеснуть ее на инопланетян или других людей? Сломают ли систему расслоения в собственном обществе, и, если да, сколько десятилетий им понадобится для этого?

Простят ли жители Игровых миров самих Европейцев? Не затаится ли в них обида настолько глубокая, что уничтожит человечество в каком-нибудь конфликте спустя века.

Три минуты.

Что будет с жителями Диких земель? Будут ли их активно интегрировать в общество или оставят в покое и дадут развиваться своим путем? А может, все вернется к тому, что их снова будут использовать как рабов, разве что не охотясь на них. Да, Дикие земли — еще один центр силы, еще одна, а точнее, сотни неизвестных в уравнении нового мира.

Если бы решать дали мне, я бы собрал всех жителей Зеленого, Синего и Красного миров и перевез их куда-нибудь в те места, о которых рассказывал Роберт, и дал бы им возможность объединиться с местными, чтобы строить новую жизнь.

Две минуты.

Всего две минуты, а еще о стольком нужно вспомнить перед… концом. С другой стороны, имеет ли это смысл? Что изменится от моих фантазий сейчас? Да и какое мне теперь дело до того, что будет дальше. В итоге я потратил три с лишним минуты, думая о ерунде, когда должен был думать о жене и дочери.

А они… они… Я просто надеюсь, что у них все будет хорошо. Что они сумеют устроиться в новом мире — прижиться там. Что смирятся с моей смертью и со смертью и воскрешением Иры. Что будут хоть иногда вспоминать обо мне. Что, когда Софья подрастет, Ира объяснит ей, что я всегда любил ее, и она со временем это поймет. Что Софья выйдет замуж. Жаль, я не увижу ее в свадебном платье. Уверен, она будет такой же прекрасной в нем, как ее мать была на нашей свадьбе. Что она нарожает моей жене внуков и, может быть, кого-то назовут в мою честь.

А это уже нарциссизм.

Имею право, я тут решил мир спасти. Ну или, по крайней мере, дать ему больше шансов.

И попутно угробить нас обоих. Вообще-то, я считаю, что при принятии таких решений нужно хотя бы советоваться.

Осталось меньше тридцати секунд.

Я думал: ты в отключке после внушителя.

Был, сейчас мне лучше.

Ты не станешь мешать?

С чего бы? Меня никто не ждет, в этом мире точно, а кто знает, может, Кристина ждет меня где-то там? К тому же, я тоже хочу приобщиться к спасению мира, пусть об этом никто и не узнает. Да, и давно хотел сказать: ты — хреновый хозяин. Слишком много на себя берешь.

Я засмеялся, хоть по моим щекам и текли слезы.

Время.

Время. Я последний раз обернулся. Пустой зал, тела двух охотников и Джо — стилет Ларгуса торчит в его глазу. Сам Вершитель, ставший почти белым после смерти, смотрит на меня из-под прикрытых век, будто оценивая, хватит ли мне силы воли.

Хватит.

Панель управления и кнопка под защитным прозрачным колпаком. Я откинул его. Страха не было. Я прожил насыщенную жизнь, пусть она и длилась всего месяц.

Прощай, Роберт, — я вдавил кнопку.

Прощай, Сергей, — его ответ тонет в огне взрыва, поглотившем нас.

Эпилог 1

Первый год Новой эры. Париж.

Я сижу в бывшем кабинете Роберта и думаю, как закончить мемуары. Сегодня первая годовщина Освобождения — так назвали тот день, когда я погиб в последний раз. Но мысли о прошлом не идут. Все вертится вокруг предстоящего праздника. Даже Кирилл обещал зайти, если получится вырваться.

В конце концов я выключаю компьютер и спускаюсь. С портрета, висящего над лестницей, на меня смотрят Кристина и обнимающий ее Роберт. Когда Кирилл после моего воскрешения предложил поселиться тут, я сразу согласился.

— Как успехи, пап? — Софья проскочила мимо, неся большое блюдо с фруктами, но умудрилась чмокнуть меня в щеку. Наши с Ирой воскрешения она восприняла гораздо легче, чем мы сами. Говорят, так со всеми, ведь со стороны ты тот же самый человек, только внутри ты понимаешь: прежний ты уже мертв, а нынешний — лишь продолжение, начавшееся после этого.

Я знаю, о чем говорю: я умирал дважды. Причем в этой реинкарнации (это слово я совсем недавно вычитал) уже прожил в десять раз больше предыдущего — десять месяцев. Мой чип нашли во время раскопок, и сдается, что случайно: целью военных были технологии протолан. Но спасибо и на этом.

— Да что-то не особо сегодня, — я пошел за дочерью в комнату, где она помогала матери накрывать стол. — Слов не хватает, надо больше читать.

— Ну с этим, по счастью, проблем нет, — Ира разгладила скатерть и поставила фрукты посреди стола.

Да, с этим теперь проблем нет. Ни с деньгами — эта та штука, что заменяет здесь баллы (всем жителям Игровых миров предоставлена немаленькая пожизненная компенсация). Ни со временем — по той же причине. Ни с книгами — полки в кабинете Роберта ломятся от их количества.

— Все придут? — Ира уже переоделась в шикарное синее платье до пола (в прошлой жизни ничего похожего мы позволить себе не могли), ее длинные черные волосы свободно спадают на грудь и спину. Она расставляет столовые приборы.

— Матвей не сможет — это программист из штаба.

— Я помню… Все ищет?

Я кивнул, так как боялся, что голос дрогнет. Да, воскрешенный Матвей все ищет. Ищет чип Кати. Он давно был в нее влюблен, и, когда я рассказал ему о ее последних словах, о

том, что она просила не воскрешать ее, так как одинока и несчастна (умолчав об их связи с Робертом), парень долго не мог прийти в себя и корил за то, что не признался в своих чувствах раньше. Теперь же он с маниакальным упорством исследует развалины Главного Центра Управления, который я взорвал, стараясь найти чип девушки. Он думает воскресить ее и показать, что жизнь имеет смысл. Никто не верит в его успех, но он вдохновлен тем, что мой чип нашелся. Мнение о том, что Катя будет недовольна, он отметает.

— Дочь, пойдем, поможешь мне нарезать колбасу и сыр, а ты, дорогой, будешь носить.

Я отвлекаюсь от грустных мыслей и иду за девочками на кухню.

Первыми, как всегда, приезжают Джейн и Каратель. Им повезло. Девушка выжила в финальной бойне: влияние внушителя оказалось недолгим, а Каратель был самым старым восстановленным по программе обязательного воскрешения. Обычно чипы погибших перезаписывались в течение трех месяцев, и прежнюю личность уже нельзя было восстановить, но его чип сохранился, так как, ввиду особенностей его смерти, охотники не передали его в центр перезаписи и хранили у себя в архиве. С тех пор Джейн таскает возлюбленного повсюду: она не может сидеть дома. Она хочет делиться своим счастьем со всеми и всегда. Они часто приходят к нам. Мы подружились.

Сияющая Джейн с раскрасневшимися щеками и широкой улыбкой влетает в прихожую, ее легкое пальто падает мне в руки, губы касаются щеки. И все. Успеваю только заметить, как она уводит мою жену вглубь дома. В воздухе остается лишь легкий аромат смородины.

Ко мне подходит Каратель, мы жмем друг другу руки.

— Куда повесить? — он показывает на свой плащ.

— Сюда, — я вешаю одежду на крючок.

— Джейн кажется счастливей, чем обычно.

— Так и есть, — подтверждает очевидное он и проходит в зал. — Мы первые?

— Как всегда. Можно подумать, что вам не платят компенсацию, и вы стараетесь побольше есть в гостях.

Он смеется, садится на свое любимое кресло в углу и спрашивает:

— Как продвигается твоя работа?

— В целом нормально, заканчиваю описание Конца Последнего Цикла.

— Я там по-прежнему только в эпизоде со смертью? — я

знаю, что ему нравится его небольшая роль в моем труде.

— И еще в эпизоде про любовь, — я разливаю сок по стаканам и протягиваю ему.

— Спасибо, — он делает глоток. — Все-таки тут он вкуснее, чем был у нас.

Это так, тут почти все вкуснее, чем было у нас.

— Я слышал, среди наших писательство в тренде, и платят хорошо.

— Идея Кирилла. Нужно учить наших детей читать, а для начала им будет интереснее читать истории о нашем мире, написанные нами.

— Не только детей. Я с тех пор, как меня восстановили, прочитал только две книги, — Каратель смущенно улыбается. — И сомневаюсь, что их можно читать детям.

Киваю, я тоже читал эти книги.

— Кирилл придет? — они еще не знакомы лично.

— Обещал, если дела позволят. У них там опять какие-то терки в совете.

— Как всегда, — он смотрит в окно на уже потемневшее небо.

Возвращаются дамы, и я наконец замечаю причину возбуждения Джейн, она всячески этому способствует, выставляя свою правую кисть на всеобщее обозрение. На безымянном пальце красуется шикарное обручальное кольцо. Думаю, по крайней мере, на сегодняшний вечер девушка забудет о своем всегдашнем амулете и чаще будет касаться нового украшения.

— Поздравляю с помолвкой! — я встаю и достаю бутылку вина. — За это нужно выпить.

Но я не успеваю разлить вино по бокалам, в дверь снова звонят.

Пришли Олег и Елисей. С тех пор как Олегу заменили потерянные в бою ноги и правую руку механизмами, у мужчин появилось много тем для обсуждений, и они сильно сблизились.

Софья открыла дверь, и спустя полминуты в комнате раздался грохот четырех железных ног.

— Полы не поцарапайте! — прикрикивает на них Ира с улыбкой.

— Если что, заменим на нормальные, — мужчины жмут всем руки. — Из бетона.

В последнее время на лице Олега его всегда невозмутимое выражение иногда меняется на не то чтобы радостное, но как минимум удовлетворенное.

— Пьете уже? — вступил в разговор Елисей, указывая на вино. — Я тоже хочу.

— Как скажешь, — я добавил два бокала.

— Ну, за встречу! — мы выпили. Время серьезных тостов еще не пришло.

— Кирилл придет? — теперь уже я спрашиваю. Олег чаще общается с бывшим главой Нового Завета, он — его правая рука и решает те вопросы, которые Кирилл не может решить дипломатическим путем. Справедливости ради стоит сказать: это случается редко.

— Придет, — Олег вскидывает руку (у всех нас осталась привычка смотреть на браслет), потом медленно опускает и достает мобильник: — Где-то через час обещал, но ненадолго.

Елисей указывает на руку Джейн, которую та уже давно держит у всех на виду.

— Можно поздравить?

— О! — вторит ему Олег. — Поздравляю нашу красотку! Ты это заслужила!

Мы чокаемся и снова пьем.

— Береги ее! — всегда, когда Джейн позволяла, Олег брал на себя роль ведущего. — Если что — ты знаешь, что мы с тобой сделаем.

Каратель смеется: он, как и все мы, уже не раз слышал это в подробностях.

Снова звонок.

Циклоп и Вадик, как всегда, последние. Бытует мнение, которое разделяет большинство, что они это делают специально. Один — чтобы эффектно войти и осветить всех сразу своим новым, на этот раз бордовым глазом. А второй — чтобы все обратили внимание на техническую новинку, которую он принес с собой.

Так и есть. Они заходят и замирают, давая всем насладиться своим видом.

Уже не первый раз я смеюсь над конструкцией нового глаза: он теперь узкий и бордовый. Если посмотреть вблизи, можно увидеть в самом центре черные буквы — НЗ. Циклоп широко ухмыляется, довольный произведенным эффектом.

Вадик-техник принимает смех на свой счет. Может, отчасти так и есть. Его новое устройство поистине необычно: это две установленные на груди дополнительные руки. Механические, раза в два меньше обычных, и они двигаются. Пока две собственные руки Вадик упирает в бока, одна из вспомогательных чешет ему щеку, а вторая ковыряет в ухе.

— Очень удобно, — комментирует он, — можно двумя руками есть и пить, а двумя другими трогать за колени девушек.

— Тут нет девушек, которых можно трогать за колени.

После слов Олега в комнате повисает пауза. Шутка

откровенно не удалась, мы все вспоминаем наших боевых товарищей, которые могли быть с нами. Все — разных, лично я — Катю, Виолетту и Марию Белую.

— Мальчики, — обрывает тяжелый момент Ира, — раз вы опоздали и у вас так много рук, помогите принести остальное с кухни и будем садиться.

Вскоре все за столом. Едим и болтаем. Комнату наполняют манящие ароматы. Со всех сторон раздается звон посуды.

Много внимания уделяется новоиспеченным жениху и невесте. Если мы и вспоминаем прошлое, то те его моменты, которые не связаны с болью и смертью. Возникает суматоха, когда одна из искусственных рук Вадика роняет полный бокал с вином на тарелку и разбивает ее. Костюм и скатерть испорчены, но это окончательно разряжает обстановку, и мы еще долго перечисляем приборы, которые ломались в самый неподходящий момент.

— Вы бы знали, сколько я вбухал в них баллов, — сокрушенно машет головой Вадик и в очередной раз промокает салфеткой облитые вином брюки.

Звенит звонок, и я сам иду открывать.

Кирилл стоит в проеме, облокотившись на трость. Три месяца назад он все-таки согласился на операцию и теперь учился ходить. Будто читая мои мысли, он поднимает палку и заходит в дом без ее помощи.

— Ух ты, круто! — удивляюсь я и крепко жму его руку.

— Пока не больше десяти шагов, — скромно говорит он, снимая куртку. — А если день насыщенный, все равно под вечер сажусь в кресло.

Да и не только под вечер, я знал, что в кресле ему удобнее думать.

Мы проходим в комнату. Все по очереди здороваются, а Каратель представляется. Затем Кирилл занимает специально подготовленное кресло за столом.

— Я ненадолго, друзья мои, — сразу предупреждает он и подмигивает нам. — Дела мировой важности, так что расскажу новости, может, выдам пару секретов, выпьем и поеду.

Всем хочется, чтобы он оставался подольше: он сейчас — кладезь информации, не сравнимый с выпуском новостей или книгами. Но все понимают, что он очень занят, да и не может рассказывать всё. Пусть привычные для нас камеры не летают кругом, но секретная служба работает.

Я снова наполняю бокалы, и мы в очередной раз пьем за встречу. Кирилл лишь пробует вино, а оба полумеха и Циклоп перешли на виски.

Софья с распахнутыми глазами тихонько сидит в уголке.

Возможно, она опасается, что ее могут прогнать. Не сегодня. Даже если она и услышит что-то не по своему пятнадцатилетнему возрасту, это все ерунда по сравнению с теми ужасами, которые она, как и все мы, пережили год назад.

— Какая повестка дня у совета, — задает вертящийся у всех на языках вопрос Циклоп. Только совсем недавно, когда его не было, Джейн открыла страшную тайну: его зовут Руслан.

— Огромная, как всегда, — Кирилл устало улыбается. За последний год он еще сильнее похудел и осунулся. — Недостаточная скорость выращивания новых тел для воскрешаемых. По идее, их должно хватать, но много растаскивают на органы. Поисковые бригады находят все меньше чипов: они остались только в труднодоступных местах, там уже нужна специальная подготовка — добровольцы не справляются.

Он вновь делает маленький глоток и принимается загибать пальцы на руке, остальные молча слушают, прекратился даже стук приборов о тарелки.

— Дальше: переселение. Никак не можем решить: развивать существующие три центра в Диких землях до крупных городов или создать много маленьких. Сложности и там, и там, — он загибает еще палец. — Недовольство бывшего рабочего класса Европы растет быстрее, чем мы успеваем выполнять их требования. Они хотят компенсацию вроде той, что дают жителям Игровых миров, и не хотят работать. Отсюда проблемы с производством, в том числе и продуктов питания; стараемся решить их через торговлю с жителями Диких земель, но пока трудно идет, они настроены не очень дружелюбно.

— И их можно понять, — говорю я. Все присутствующие знают с моих слов, что делали с «дикарями» отряды военных.

— Да, их можно понять, но нам от этого не легче. Никак не решим, что делать с преступностью: больше новых тюрем или новые игры в полудобровольном порядке, то есть добровольцы и преступники в одном мире с разными заданиями и наградами.

Он замолкает. И все ждут, затаив дыхание, зная, что он подошел к главному — протоланам.

— С пришельцами через неделю заканчивается временный договор, и мы близки к подписанию постоянного. По нему они делятся технологиями и помогают интегрировать их в нашу жизнь, многие из них они дают бесплатно в качестве компенсации. Взамен они просят незначительный кусок Антарктиды и кое-какое продовольствие.

В целом большинство поддерживает договор, но радикальная партия — вы, наверное, знаете этот прикол: она называется Новейший Завет, — так вот она категорически против и

призывает уничтожить захватчиков. К сожалению, в нее входят и достаточно влиятельные люди, включая и некоторых членов секретной службы. Кстати, полковник Кервуд обижен на тебя, Сережа, он думает: ты наплел ему про взрыв и устроил его сам.

Я опускаю глаза. Мы уже обсуждали это. У Кервуда ничего нет на меня, кроме показаний заложников, которые могли и не видеть, как Вершитель включает бомбу. Этого мало, чтобы предъявить мне обвинения, тем более, в глазах жителей Игровых миров — я герой почти уровня Кирилла. Но Кервуд — мужик серьезный, и с ним приходится считаться.

— Думаю, мы все-таки примем этот договор, а что будет дальше — загадка, не берусь ничего просчитывать.

И это страшно: обычно Кирилл предсказывает все очень точно. Все молчат и смотрят в тарелки. Думаю, наши мысли в целом сходятся.

Вдруг начинает говорить Софья. Ее голос немного дрожит, но я вижу знакомое упрямое выражение лица:

— Кирилл, а как вы думаете, мир… Вы когда-нибудь сделаете этот мир справедливым? — Она будто засомневалась в правильности подобранного слова. — Будет такое, что все люди станут счастливы?

Кирилл задумчиво смотрит на нее, и заметно, что отвечать пятнадцатилетней девочке ему гораздо труднее, чем спорить в совете. Она почувствует ложь.

— Со временем, Софья, со временем. И точно нет, пока живы все те, кто живут сейчас, — он говорит очень тихо, и каждое слово камнем оседает в наших душах. — Слишком велики взаимные обиды, слишком много надо сделать, и мало тех, кто готов это делать. И если без пафосных речей, о том, что всем нужно сплотиться и т. д…

Он не справляется и замолкает, затем поднимает бокал и залпом допивает вино. Потом снова с робкой улыбкой смотрит на Софью.

— Я сделаю все возможное, Софья, чтобы каждый год, каждое десятилетие, пока я жив, все становилось лучше и лучше. И когда-нибудь, может быть, даже твои дети увидят совсем другой мир вокруг себя.

Он кашляет, а затем смотрит на настенные часы. Это его подарок — точная копия часов, висевших в самом первом штабе Нового Завета, там, где мы познакомились.

— К сожалению, друзья, мне пора. Надо идти и выполнять заказы молодого поколения.

Краем глаза я вижу, как краснеет Софья, а Кирилл ждет, пока мы с Олегом наполним рюмки и бокалы. Все знают, что будет

дальше. Думаю, за этим мы и собираемся регулярно. Но сегодня особый день — годовщина.

Мы все молча встаем. И молчим ровно минуту. Потом Олег поднимает свою рюмку:

— За Марию Белую! — ее чип так и не нашли.

— За Николая! — подхватывает Вадик-техник. Я уже знаю, что Николай — тот рыжий парень, убитый ксеноморфами на лестнице; его чип расплавился.

— За Виолетту! — говорит Елисей. Пуля попала ей точно в блок памяти.

— За Немого! — Циклоп упирает взгляд бордового глаза в тарелку. Болото не отдает свои жертвы.

— За Роберта и Кристину! — говорю я.

— За Виктора! — говорит Каратель. Он был другом наемника, чип которого лежит под теми же развалинами, что и Катин.

Джейн поднимает бокал, ее голос дрожит, а по щекам текут слезы.

— За Катю! За всех жителей Игровых миров, кого нет с нами. За всех, кто погиб, помогая нам обрести свободу! — она прикладывает ладонь к груди. — Пусть их данных нет на чипах, но они записаны здесь. В наших сердцах.

— Чтобы этого больше не повторилось! — как всегда, заканчивает Кирилл, и мы, не чокаясь, пьем.

Эпилог 2/Пролог

Второй год Новой эры. Антарктида.

— Да не ковыряйтесь с ним! Хватайте замену и назад!

Двое мужчин в термокостюмах синхронно бросают зеленое тело. Достают из открытого саркофага другое зеленое тело и по широкому трапу выбегают из вертолета.

Переливающееся над горизонтом северное сияние, отражаясь от снега, освещает окрестности. От транспорта до ближайшего строения проложена широкая колея. Снующие туда-сюда темные фигуры не мешают друг другу.

— Это последний, полковник!

Мужчина тяжело дышит, его голос искажен маской, защищающей лицо.

Подбегают еще двое.

— Заряды установлены!

Полковник осматривает отсек, пересчитывает людей и зеленые тела. Достает рацию:

— Взлет через минуту, — он поворачивается к висящей в метре от него камере. — Код Альфа 491, стереть последние два часа записи.

Снег, поднятый лопастями, шлейфом сопровождает взлетающий вертолет. Он не успевает осесть, когда посреди ледяной пустыни вырастает огненный гриб.

Конец первой книги.